

ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСТОКА
ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ



ЛЕОНИД СВЕРЧКОВ

ТОХАРЫ

ДРЕВНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ



SMI-ASIA

Л. М. Сверчков

ТОХАРЫ

ДРЕВНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ташкент
SMI-ASIA
2011

УДК: 94 (575)(093)
ББК: 63.4
С 24

Рецензенты:

Р. Х. Сулейманов, доктор исторических наук
Н. Бороффка, доктор Ph. D. D.

С 24 Сверчков Л. М. Тохары. Древние индоевропейцы в Центральной Азии. — Т.: SMI-ASIA, 2012, 240 с.

Книга посвящена тохарам — одному из самых загадочных народов Евразии, язык которых сохранился в письменных памятниках, найденных на территории Синьцзяна (КНР). Трудно представить, что всего 1000 лет назад в Центральной Азии существовал настолько архаичный язык, сохранивший реликтовые формы индоевропейской основы. Закономерным образом та археологическая культура, которая на протяжении тысячелетий была присуща тохарам и их далеким предкам, отличалась не меньшей (если не большей) консервативностью. Анализ среднеазиатских археологических материалов и их, в некоторой степени, новое прочтение позволяют понять и объяснить сам факт появления носителей тохарских языков в глубинах Центральной Азии, а также их на удивление многосторонние и разнообразные связи с языками индоевропейской и иных семей.

УДК 94 (575)(093)
ББК 63.4

ISBN 978-9943-17-048-3

© Сверчков Л. М., 2012
© SMI-ASIA, 2012

Фотография на обложке: «Тохарские царевичи». Турфан, Кизыл, «Пещера шестнадцати меченосцев». 432–538 гг.

Оглавление

Введение	6
Глава I. Тохарские языки и «тохарская проблема»	11
I.1. История изучения и лингвистический анализ тохарских языков	11
I.2. Археологический аспект «тохарской проблемы»	24
I.3. Археология Синьцзяна (краткий обзор)	29
Глава II. Культурно-исторические области Средней Азии по данным археологии: происхождение и взаимодействие	47
II.1. Мезолит	48
II.2. Неолит	52
II.3. Энеолит и эпоха ранней бронзы	77
II.4. Эпоха поздней бронзы и раннего железа	109
II.5. Исторический период (VI в. до н.э. – XII в. н.э.)	141
Глава III. Тохары и индоевропейская проблема	158
Заключение	189
Библиография	193
Bibliography	217

В последние десятилетия XX в. появился целый ряд серьезных научных трудов, посвященных проблеме происхождения и распространения индоевропейских языков. К сожалению, в подавляющем большинстве работ Средняя Азия вообще не рассматривается или, в лучшем случае, ей отводится роль географической зоны вторичного, если не третичного, порядка, где языки индоевропейской семьи, в частности, иранские или, быть может, индоиранские распространяются на позднейших хронологических этапах, никак не раньше первой половины II тыс. до н. э.¹ Так, исключительно в рамках темы арианизации древнего населения Средней Азии развернулась острая дискуссия о приоритете степных культур андроновского круга или Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК), иными словами, кто из них являлся индоариями — носители культуры БМАК юга или андроновцы севера. Проблема происхождения самого БМАК при этом уже не рассматривается, поскольку без особых на то оснований подразумевается ее преемственность от анауской культуры, в частности, плавный переход от культуры и периода Намазга IV к Намазга V–VI.

В связи с возможностью более раннего проникновения какой-то части индоевропейских племен на территорию Средней Азии довольно часто упоминается лишь так называемая «заманбабинская культура» III тыс. до н. э. Споры о более точной дате поселения и могильника Заманбаба не утихают до сих пор, хотя почему-то не обсуждается вопрос, насколько правомерно выделение археологической культуры на основании единственного памятника. Археологические материалы предшествующих эпох в связи с индоевропейской проблемой обычно вообще не привлекаются.

В целом, все исследователи, как правило, либо вполне обоснованно ссылаются на слабую изученность региона, либо попросту игнорируют имеющиеся здесь данные, пусть немногие, но, на наш взгляд, вполне достойные самого пристального внимания. Надо сказать, что археологами

1 Определение Средняя Азия подразумевает территорию современных Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, Киргизстана и южной части Казахстана — то, что раньше называлось Западным Туркестан.

в Средней Азии и прежде было сделано не так уж мало, да и в последние годы появились новые материалы, в чем-то дополняющие, а в чем-то и отвергающие прежние выводы и вполне, казалось бы, устойчивые теории. Как представляется, отсутствие внимания к Средней Азии со стороны и историков-археологов, и лингвистов обусловлено тем, что нами недостаточно отработан непрерывающийся процесс систематизации и соответствующего новым требованиям переосмысления накопленной информации.

Для начала необходимо по-новому взглянуть на сложившиеся в среднеазиатской археологии стереотипы, первоначально возникшие как предположения, но со временем превратившиеся в аксиомы. Это, в первую очередь, соотнесение кельтеминарской культурной общности эпохи неолита с предками финно-угорских народов; второе — определение джейтунской и последующей анауской культуры (Намазга I–IV) как принадлежащей протоэламо-дравидам и протодравидам.

Истоки столь тенденциозного утверждения уходят корнями в 40-е гг. XX в. и впервые были провозглашены С. П. Толстовым, избравшего в качестве методологической основы своих исследований теорию академика Н. Я. Марра. При всем уважении к гениальной прозорливости Н. Я. Марра относительно единого для всего человечества праязыка, во многом она вобрала в себя отвергающие всё и вся идеи той переломной эпохи. Согласно вульгарно-материалистической концепции Н. Я. Марра, декларированной в 1923–1924 гг., индоевропейские языки являются не более чем стадией общественного развития «яфетических» (доиндоевропейских) языков. Внутри массива «яфетических» языков постепенно складываются юго-западная группа (с преобладанием префиксации) и северо-восточная группа (с преобладанием суффиксации). В результате многочисленных и интенсивных «скрещений» обеих групп зарождаются современные, «неояфетические» языки, в том числе индоевропейские. В полном соответствии с данной концепцией территория всей южной Евразии рассматривалась как зона формирования «яфетических» языков — зона первичного «скрещения» языков юго-западной и северо-восточной групп (Толстов, 1946, с. 3–13; Удальцов, 1946, с. 14–18). Для большей убедительности и в подтверждение теории «скрещения» активно использовался антропологический материал (Бунак, 1946, с. 51–54; Чебоксаров, 1946, с. 55–62).

Надо заметить, что в те же годы, еще в 1939 г., хорошо была известна иная научная позиция, категорически отвергавшая надуманные концепции Н. Я. Марра. Так, Н. С. Трубецкой, хотя тоже относился скептически к теории единого индоевропейского языка и младограмматическим методам реконструкции, отрицал роль археологии, этнологии и антропологии в обсуждении индоевропейской проблемы и твердо отстаивал эволюционный путь развития языковых систем. По его мнению, речь должна идти не о «пранароде» и не о «праязыке», но только о путях и месте образования языкового строя, характерного для той или иной языковой семьи. Так, например, индоевропейская семья сложилась на основе взаимодействия нескольких очагов, располагавшихся «где-то между областью

урало-алтайских языковых семейств, с одной стороны, и средиземноморских семейств, с другой», на обширном пространстве от Северного моря до Каспийского (Трубецкой, 1958, с. 68–69, 73–75). Однако С. П. Толстов перенес на археологическую почву исключительно положения теории Н. Я. Марра, вследствие чего кельтеминарская культура была обречена стать «палеояфетической», в частности, индо-угорской общностью, из которой впоследствии выделились языки дравидские и мунда, а также финно-угорские (Толстов, 1948, с. 65–66).

В последующие годы сравнительно-историческое языкознание добилось невероятного прогресса, чему свидетельством является удивительный труд В. М. Иллич-Свитыча «Опыт сравнения ностратических языков», рукопись которого была подготовлена автором ещё в 1966 г. (Иллич-Свитыч, 1971). Вскоре после этого в индоевропеистике получила признание революционная глоттальная теория, которая, хотя и содержала отдельные спорные моменты, обусловила переход сравнительного языкознания на качественно новый уровень. Таким образом, лингвистика — самая точная из гуманитарных наук — предоставила в распоряжение историков неопределимый по значению фактический материал, которым среднеазиатские археологи или не смогли или не захотели воспользоваться. Продолжая линию, намеченную С. П. Толстовым, и опираясь на те же угро-дравидские лингвистические параллели, В. М. Массон без каких-либо оснований финно-угорский массив связывает с Кельтеминаром. Культура расписной керамики Южного Туркменистана соотнесена с протодравидами, чему достаточным, по мнению автора, доказательством является находка двух печатей харапского типа из Алтын-депе (Массон, 1977, с. 151–155)².

В настоящее время сложилась парадоксальная ситуация: Средняя Азия исключена из дискуссии о формировании как уральской языковой семьи, так и индоевропейской³. Дело тут не только и не столько в «слабой изученности» региона, сколько в некоей силе инерции, растянувшейся более чем на полвека. Существующие догматы не отвечают, как представляется, современным представлениям и давно вступили в противоречие с имеющимися археологическими данными. До сих пор, к примеру, нет внятного ответа на вопрос о том, куда исчезли или во что преобразовались две огромные культурные общности эпохи неолита, энеолита и ранней бронзы — Кельтеминар и Анау? Чем объясняется, помимо природного фактора, их внезапный, по историческим меркам, синхронный массовый исход во 2-ой половине III тыс. до н. э.?

Хорошо известно, что в исторический период в Средней Азии можно проследить прямое воздействие или, по меньшей мере, отголоски всех без исключения цивилизаций Евразии — от средиземноморских и ближневосточных до китайской и индийской. Во все времена Средней Азии была присуща необыкновенная этническая пестрота и, зная это,

2 Ситуация не изменилась и в наши дни, невзирая на все попытки В. А. Сарияниди хоть как-то переломить ее.

3 Индологи также не проявляют энтузиазма при знакомстве с материалами юга Туркменистана.

остается только недоумевать, наблюдая смену «урало-дравидского» би-полярного единства монолитным иранским миром.

Предпосылки пересмотра сложившихся устоев обусловлены, кроме прочего, так называемой «тохарской проблемой», поскольку в контексте прежней схемы ни о каких тохарах или, тем более, прототохарах, конечно, речь не может идти вплоть до 2-ой половины II в. до н. э., когда на территорию Греко-Бактрии вторгаются племена юечжи. Известные по китайским хроникам да юечжи (большие юечжи) большинством исследователей отождествляются с тохарами классических античных источников, хотя и со многими, вполне обоснованными оговорками. Во всяком случае, название области на юге Узбекистана, Таджикистана и севере Афганистана — Тохаристан (кит. Ту-хо-ло), сохранившееся в названии современной афганской провинции Тахар, возникло много позже, не ранее конца IV в. н. э. и связано, вероятно, с приходом кидаритов — сяо юечжи (малые юечжи). Так что полной уверенности нет и в этом вопросе.

Существует ли вероятность обнаружить какие-либо признаки присутствия тохаров в Средней Азии в более ранние исторические эпохи? Как представляется, надежда есть. Существует целый ряд солидных научных трудов о возможности или невозможности сопоставления археологических культур или культурно-исторических общностей с конкретной языковой семьей, диалектной общностью или отдельно взятой языковой группой. Как представляется, в каких-то случаях это вполне возможно, в каких-то — нет. Довольно часто специалисты обнаруживают смешанный археологический комплекс, вобравший в себя черты не одной и не двух, а множества предшествующих культур, и тогда вопросы языковой атрибуции, естественно, повисают в воздухе. Иногда же, наоборот, можно видеть, как одна и та же археологическая культура или общность, лишь отчасти видоизменяясь, сохраняется на протяжении многих столетий (иногда тысячелетий) и существует вплоть до исторического периода, когда язык ее фиксируется в письменной форме. В таком случае возможно применение неоднократно испытанного ретроспективного метода, благодаря которому, собственно, произошло становление первобытной археологии как таковой. Думается, что в отношении крайне консервативных тохарских языков вероятность успеха ретроспективного метода на порядок выше обычной, хотя, конечно, и он не является единственным, который используют историки для корреляции данных лингвистики и археологии.

Как бы скептически не относились некоторые специалисты по историческому языкознанию к сопоставлению древних диалектных общностей с той или иной археологической культурой, попытки подобного рода будут предприниматься вновь и вновь. Процесс этот необратим, как глобализация, проблема состоит лишь в способах реализации и минимизации побочных эффектов, под которыми в данном случае понимаются явные или скрытые отголоски теории превосходства какой-либо языковой семьи и, соответственно, ее представителей. Как правило, все археологи стремятся понять, кто были люди, жившие на той или иной территории, и на языках какой группы или семьи

они говорили. Без этого история человечества превратится в схоластическую науку, сводящуюся исключительно к систематизации фактов, чередующихся в хронологическом порядке. Вопрос в том, насколько беспристрастно применяется принцип корреляции данных археологии и лингвистики (прежде всего, по ареальным признакам), отчего главным критерием должна быть не столько взаимная приспособляемость, сколько отсутствие или хотя бы минимальное количество противоречий (см. Третьяков, 1962).

ТОХАРСКИЕ ЯЗЫКИ И «ТОХАРСКАЯ ПРОБЛЕМА»

1.1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТОХАРСКИХ ЯЗЫКОВ

Тохарские языки стали известны благодаря находкам в Восточном (Китайском) Туркестане текстов, написанных на пальмовых листьях, бумаге и деревянных табличках особым типом центральноазиатского наклонного письма брахми. Уникальные природные особенности способствовали удивительной сохранности рукописей, собранных в развалинах городов и поселений на северной окраине пустыни Такламакан. Как выяснилось позже, в основном это были переводы санскритских буддийских текстов, письма, хозяйственные монастырские документы, магические, гадательные и медицинские наставления. В 1892–1893 гг. академик С. Ф. Ольденбург впервые опубликовал фотографию текста «на неизвестном языке», переданную ему русским консулом в Кашгаре Н. Ф. Петровским. Уже тогда Н. Ф. Петровский предложил обратить внимание на сведения античных источников о народе тохарах, обитавших в древности восточнее Хотана. В конце XIX – начале XX в. большое количество манускриптов было доставлено также в музеи Западной Европы, где к их изучению могли приступить специалисты — лингвисты и палеографы. А. А. фон Лекок и Ф.-В.-К. Мюллер предположили индоевропейскую основу неизвестного языка, а в 1908 г. выдающиеся исследователи Э. Зиг и В. Зиглинг подтвердили его индоевропейский характер, назвав этот язык «тохарским», составили первую грамматику и определили наличие двух диалектов — А (восточный) и В (западный) (Литвинский, 1984, с. 10; Литвинский, Терентьев-Катанский, 1988, с. 68; Иванов, 1992б, с. 222–226; Назирова, 1986). Большим событием стала публикация в 1958 г. В. С. Воробьевым-Десятовским фрагмента санскритско-тохарского В словаря из собрания Н. Ф. Петровского (Рерих, 1963, с. 122). И этот словарь, и пометки переводчиков на полях и оборотной стороне рукописей свидетельствуют о том, насколько серьезное внимание уделялось распространению буддизма, и насколько ответственно обитатели монастырей относились к самому процессу перевода священных книг. Помимо буддизма, тохарские языки служили также для проповеди манихейства, что подтверждается находкой двух уникальных текстов

середины X в. Один из них двуязычный (тохарский В и древнетюркский) с гимном Мани, второй (среднеперсидский) содержит гимн, обращенный к Иисусу (Иванов, 1992, с. 260–261).

Всего к настоящему времени насчитывается приблизительно 3200 документов и их фрагментов, из них около 500 на тохарском А. Рукописи с текстами на тохарском В (западнотохарском) найдены в районах Кучи, Карашара и Турфана, на тохарском А (восточнотохарском) — около Карашара и Турфана. Датируются они, в основном, VI–IX вв., однако старейший манускрипт из Кучи, написанный в архаичной манере, может быть отнесен к VI в., не исключено, что к V в. н. э. Последние по времени тохарские тексты датируются X и, вероятно, даже XI в. (Carling, 2005, с. 47–48). В VII в. тохарский А был уже мертвым языком, совершенно непонятным для носителей тохарского В и сохранялся только в монастырях востока Таримского бассейна, где использовался для литургий⁴.

Анализ слов, заимствованных из среднеиранских языков — согдийского, хотанского и, особенно, бактрийского, показал, что в период правления Канишки (начало II в. н. э.), возможно, еще существовал единый, не разделившийся на А и В тохарский язык (Pinault, 2002, с. 262). Различие между языками объясняется долгим периодом независимого развития, продолжавшимся приблизительно от 500 до 1000 лет, к тому же на позднем этапе тохарский А (восточный) в большей степени подвергся влиянию тюркских языков (Lane, 1966, с. 226–232). В результате фонологического анализа в тохарском В выделяется три диалектные группы: восточная, престижная центральная и наиболее архаичная западная (Winter, 1955, с. 224; Иванов, 1992б, с. 242, 269). Т. Барроу на основании изучения документов III в. из города Ния — столицы государства Крорайна (Лоулань) пришел к выводу о возможности существования в южных областях бассейна р. Тарим третьего тохарского языка — тохарского С (Burgow, 1935, с. 675). В северо-западном пракрыте светских документов из Нии, названном Т. Барроу «krōgīānīc» (крорайни), в отличие от соседнего Хотана, зафиксировано влияние субстратного индоевропейского, предположительно, тохарского языка. Кроме того, засвидетельствовано более тысячи имен собственных и около сотни слов, происходящих (или родственных) из тохарских языков А и В (Воробьева-Десятовская, 1984, с. 68–69).

Многие ученые отрицали само определение «тохарские» по отношению к языку документов из Кучи, Карашара и Турфана как не отражающее самоназвание народа, оставившего эти тексты. Все осознавали искусственность построения подобного рода, когда «неизвестному языку» присвоили имя тохарского, руководствуясь данными греко-римских письменных источников. В античной традиции известны только три народа, которые можно приурочить к территории Китайского Туркестана — серы, тохары и фруны (или фауны). Ход дальнейших рассуждений крайне прост: коль скоро язык рукописей индоевропейский (но не иранский или индийский),

4 К середине X в. та же участь постигла тохарский В, когда переписчики просто копировали священные тексты, не постигая их смысла.

а серы — это китайцы, фруны — гунны, как полагало почему-то большинство исследователей, значит, тексты оставили тохары⁵.

В 1938 г. В. Б. Хеннинг проанализировал документ 2-й половины VIII в., написанный на так называемом «хотано-сакском» языке и содержащий перечень народов, среди которых упоминаются «ttagaga», а также обратил внимание на периодически встречающееся в различных текстах название народа или области «четыре Tṭowr(y)». По мнению автора, эта область соответствует владению Argi или Arki (санскритское название Agni), располагавшемуся в восточной части Таримского бассейна, и именно с ее обитателями следует связывать восточнотохарский язык А (Henning, 1938; Gershevitch, 1981, с. 697–698). С тех пор определение «тохарский» по отношению к языку восточно-туркестанских манускриптов, хотя и с определенной долей скептицизма, прочно вошло в научный обиход и сохранилось даже тогда, когда было относительно точно установлено самоназвание носителей тохарского А языка — «ārsi» и тохарского В языка — «kuṣāññe» (кучанский)⁶.

В последующий период дискуссия по поводу тохарских языков, их названия, географии, этнического определения, участия в исторических процессах, происходивших в Центральной Азии, приобрела совершенно ожесточенный характер. Достаточно сказать, что в ней приняли участие наиболее выдающиеся ученые самых разных стран и специальностей: А. Стейн, Стен Конов, Р. Хёрнле, Э. Лейман, В. Шульце, С. Леви, Ж. Шарпантье, В. Куврер, Э. Бенвенист, А. ван Виндекенс, В. Винтер, Дж. Лэйн, Т. Барроу, Х. Педерсен, Ф. В. Томас, Е. Швентнер, О. Менгин, А. Франке, В. Краузе, Дж. Маркварт, В. В. Тарн, В. Б. Хеннинг, Х. Бэйли, П. Пельо, Б. Грозный, Й. Покорны, В. В. Бартольд, Н. А. Бронников, Н. Д. Миронов, А. А. Сталь-Гольштейн, Ф. И. Кнауэр, И. Умняков, С. П. Толстов, А. Н. Бернштам и многие-многие другие.

Для историков камнем преткновения стал вопрос о том, как совместить отрывочные сведения греко-римских античных источников о тохарах с не менее краткими данными китайских хроник о владениях и обитателях Западного края, и какое отношение они имеют к носителям тохарских языков. В итоге дискуссия не принесла ощутимых результатов, показав всю сложность проблемы, получившей название «тохарской». Суть ее замечательно сформулировал И. Умняков: «Вопрос о тохарах в целом основан на сравнительно небогатом фактическом материале, и большинство высказываний имеет значение провизорных гипотез, которые, однако, стимулируют дальнейшее изучение. При современном состоянии наших знаний все рассуждения о тохарах, их языке и происхождении не будут убедительными, пока 1) не будет произведен полный анализ лингвистического материала, добытого в Восточном Туркестане, 2) не будут приведены в известность еще неиспользованные китайские источники о тохарах (=

5 Можно предположить, что возникновение труднопреодолимого догмата об идентичности китайцев — серов и гуннов — фрунов уходит корнями во времена миссий Рубрука и Платона Карпини. Остается открытым вопрос, если китайцы — это серы, то кто же тогда хины (синь)?

6 Насколько шатки доводы в пользу подобных самоназваний, производных от названий городов, можно судить по записям середины XIX в., принадлежащих перу Ч. Валиханова. «Туземные жители Малой Бухарии общего народного имени не имеют, а называют себя по городам...» (Валиханов, 1986, с. 167).

юе-чжи) и еще раз проверены запутанные взаимоотношения раннекитайских и западных сведений о тохарах и, наконец, 3) не будет выяснен преобладающий среди них антропологический тип» (Умняков, 1940, с. 193). В качестве четвертого пункта хотелось бы добавить проведение археологических исследований.

Лингвисты, в отличие от историков, опирались на реальный фактический материал, благодаря чему достигли существенного прогресса в определении природы и места тохарского языка в общей индоевропейской семье. После того как было установлено наличие двух тохарских языков (а не диалектов), отличающихся необыкновенной архаичностью, выяснилось, что они относятся к западной группе *centum* индоевропейских языков⁷. Этот факт особенно сильно впечатлил исследователей, поскольку подрывал саму основу сравнительного языкознания — традицию деления индоевропейских языков на языки *centum* и языки *satem* (Иванов, 1959, с. 12).

Первоначально лингвисты обратили внимание на сходство тохарских языков с итало-кельтским (Х. Педерсен, Ж. Вандриес, Ф. Зоммер, А. Вальде, Ж. Шарпантье), против чего категорически возражал Й. Покорны, рассматривавший тохарский как фракийский или фрако-фригийский диалект, родственные армянскому. В ходе дальнейших исследований исследователи обратили внимание на особо тесные связи, объединяющие тохарский с фрако-фригийским, германским и балто-славянским (Р. Келлог, Е. Швентнер, В. Краузе, В. Порциг, Э. Бенвенист) (Георгиев, 1958, с. 3–4). Тохарская морфология и фонологическая система находят соответствие в финно-угорских языках, существуют также лексические связи с хеттским языком (Иванов, 1959, с. 11, 35–36).

Выдающийся французский лингвист Э. Бенвенист отнес тохарские языки к доисторической группе, граничившей, с одной стороны, с балтийским и славянским языковым единством, с другой, греческим, армянским и фрако-фригийским. По мнению автора: 1) у тохарского языка нет ничего общего с индоиранским; 2) наличие в итало-кельтском и тохарском окончаний медиопассива на *-r* является не свидетельством их связи, а пережитком общеиндоевропейского состояния; 3) сходство с германским имеется только в лексике; 4) возможно, тохарский и хеттский принадлежали в древности к одной диалектной группе. В результате анализа степени родства с перечисленными языками Э. Бенвенист предположил зону первоначального распространения тохарского — район степи юго-востока России до Урала, но до периода распада «индоевропейцы обитали еще восточнее — в киргизских или даже алтайских степях» (Benveniste, 1936; Бенвенист, 1959, с. 94, 100, 104–108).

В. Краузе, в свою очередь, также рассматривает наличие медиопассивных окончаний на *-r* как характерный признак не только латинского или древнеирландского, но и хеттского, фригийского и, очевидно, армянского языков. Наряду с этим отмечаются связи с балто-славянским,

7 Согласно господствующей в сравнительном языкознании с конца XIX в. теории деления индоевропейских языков на две группы — *centum* (западная) и *satem* (восточная).

которые, как можно понять, относятся к другому, более позднему времени. Еще позже, уже в бассейне р. Тарим в тохарском появляются черты, приобретенные в результате контакта с иранскими племенами. В тохарском есть также неиндоевропейское влияние, оказанное каким-то агглютинирующим языком, возможно, дравидским, но, вероятнее всего, финно-угорским, кавказским или тем и другим вместе (Краузе, 1959, с. 76–81). В. Краузе помещал прародину тохаров приблизительно между Днпром и Уралом, с чем полностью соглашался В. Георгиев, который выделял германцев, балто-славян и тохаров в отдельную диалектную группу, распавшуюся, вероятно, в IV или IV–III тыс. до н. э. (Георгиев, 1958, с. 20).

Дж. Лэйн в статье «Tocharian: Indo-European and Non-Indo-European Relationships» приводит полноценный критический анализ всех сложившихся представлений о языке и прародине тохаров, в которой, в целом, разделяет мнение Э. Бенвениста относительно места тохарского в системе индоевропейских и неиндоевропейских связей. Автор так же недоверчиво относится к доводам о предпочтительных связях тохарского с кельтским и италийским, предпочитая настаивать на существовании долгого периода особо тесных контактов между носителями тохарского и фрако-фригийского (и, возможно, армянского), имеются доводы в пользу явных соответствий в хеттском и греческом (Lane, 1970, с. 77–78, 83–84). Относительно общих черт в тохарском и славянских языках Дж. Лэйн утверждает: «It was no doubt with the Slavic speakers that the Tocharians had their last Indo-European contacts before the very late influence of the Iranians and Indians» (Lane, 1970, с. 79). Вслед за этим тохарские приобретают некоторые черты, отражающие влияние прафинно-угорских языков, не исключены также контакты с древнетюркскими или какими-то иными диалектами алтайской семьи (Lane, 1970, с. 80). Дж. Лэйн отрицает сколько-нибудь серьезное влияние на тохарский северокавказских языков, в связи с чем не может согласиться с предположением о миграции тохаров из причерноморских степей, тем более, в IX–VIII вв. до н. э., как думали многие ученые, отождествлявшие тохаров с киммерийцами. Автор вновь акцентирует внимание на тохаро-финно-угорских языковых соответствиях и соглашается с версией Дж. Девото, что тохарами могла быть какая-то часть фатьяновской культуры Центральной России. Ареал распространения культуры как нельзя лучше позволяет объяснить ранние контакты пратохаров и с предками славян, и с угро-финнами (Lane, 1970, с. 81). Дополнительным аргументом послужила весьма распространенная в те годы так называемая «лососевая теория», согласно которой прародина индоевропейцев была там, где водились лососевые породы рыбы⁸. Однако, как подчеркивает Дж. Лэйн, название лосося в германском, балтском и славянском не вполне соответствует тох. В слове *laks*, которое означает просто «рыба» (Lane, 1970, с. 77, 82–83)⁹.

Д. Адамс в определении места тохарского по отношению к языкам индоевропейской семьи применил уже испытанный однажды статистический

8 О видах лососевых, ареале их обитания и слове «лосось» в индоевропейских языках см. Jamieson, 1988.

9 Похоже, тохары вообще слабо разбирались в рыболовной терминологии, не различая даже сорта рыбы.

метод, несколько его модернизировав. В дополнение к фонетическим и морфологическим признакам был использован подсчет лексических соответствий. В результате предполагается близость пратохарского и прагерманского диалектов еще на стадии протоиндоевропейского единства; следующим по времени контактом и количеству соответствий является греческий; меньше связей имеется с балтским, латинским, индийским и другими диалектами. Греко-тохарские контакты осуществлялись на том же этапе, когда оба они имели общение, по крайней мере, с одним неиндоевропейским языком. Время обособления протохарского Д. Адамс относит ко второй половине IV тыс. до н. э., когда носители тохарского покидают так называемую «северо-западную группу», занимавшую территорию между Эльбой и Днестром, к северу от Карпат. Данная диалектная общность, по мнению автора, соответствует археологической культуре шаровидных амфор (*Globular Amphora culture*), распространенной в Восточной Германии, Польше, Галиции и Волыни, а также Румынии и Молдавии. После ухода с этого пространства протохары в первой половине III тыс. до н. э. контактировали с носителями греческого, возможно, где-то в Молдавии. В движении на восток через причерноморские и азиатские степи они встретились с носителями праиндийского и вовлекли в поход новые народы, «тохаризируя» их по пути в Китайский Туркестан (Adams, 1984, с. 400–401).

Как всегда, совершенно оригинальную идею о происхождении тохаров предложил в 1962 г. удивительный ученый В. Б. Хеннинг (1908–1967). Изначально протохары представляли собой большой и многочисленный народ, состоявший из многих племен, говоривших на различавшихся между собой диалектах. Поскольку архаичные тохарские языки отделились от общеиндоевропейской общности относительно рано, они непременно должны были попасть в сферу ближневосточного влияния и, соответственно, оставить следы в письменной традиции Месопотамии. Если индоарии после распада индоиранского единства обнаруживаются в источниках около 1500 г. до н. э., значит, мы вправе ожидать упоминания о тохарах в 2000 г. до н. э. или даже раньше. В этой связи автор обращает внимание на имя страны и народа *Guti* (*Kuti*) или *Gutium* (*Kutium*), впервые встречающееся в клинописных документах, относящихся концу раннединастического периода (XXIII в. до н. э.), аккадской династии времени правления Нарам-Сина — одного из величайших завоевателей в истории Вавилона. В. Б. Хеннинг приводит отрывок из «Хроники Вейднера», где описывается ярость бога Мардука, обращенная против Нарам-Сина, орудием которой выступают орды *Gutium*. Под ударами гутиев Аккадское царство пришло в упадок и пало, в Месопотамии наступил период правления т. н. «кутийской династии» (около 2100 г. до н. э.), длившийся, по разным подсчетам, 91 или 124–125 лет. Для управления подчиненными территориями гутии избрали местом своего пребывания горы Западного Ирана, где-то в долине Нижнего Заба, и пришли они туда относительно недавно, еще при жизни Нарам-Сина. В. Б. Хеннинг отдает должное мнению германского ученого А. Унгнада о приходе гутиев с Востока, точнее, из «Русского Туркестана», но сам рассматривает в качестве вероятной точки исхода степи Южной

России, откуда гутии проникли в Месопотамию через Дербентский перевал¹⁰ (Henning, 1978, с. 217–219).

После ухода гутиев из Месопотамии какая-то часть этого народа осталась на северных границах, и время от времени упоминания о них, нередко в качестве объекта работорговли, можно найти и в последующие эпохи. Часто в древних текстах, к примеру, в надписи Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.), указывается на физическое и этническое отличие пограничных народов, «чьи холмы далеки и чьи языки странны», от жителей «нижних земель». Надпись Хаммурапи наряду с Gutium содержит название страны Tukriš, чьи земли располагались где-то к востоку или северо-востоку от Gutium. Также Tukriš (вместе с Gutium) и ее царь Kiklipatalli упомянут в повести из Богазкёя о доисторическом царе Элама. Постоянно проявляющаяся территориальная и хронологическая взаимосвязь Гутуим и Тукриш позволила В. Б. Хеннингу предположить, что «Tukri and Guti were two closely allied brother nations that came together to Western Persia and who left it together shortly before the end of the third millennium» (Henning, 1978, с. 220–221). В самом конце III тыс. до н. э. эти народы мигрировали из Западного Ирана в Китай, где рассеялись на обширном пространстве от Китайского Туркестана до провинции Ганьсу западнее р. Хуанхэ¹¹. Часть населения стала вести оседлый образ жизни, другая часть — кочевой, что со временем, наряду с географическим фактором, обусловило языковое обособление. Из Западного Ганьсу более подвижные кочевники продвинулись дальше на восток, где около II в. до н. э. попали в поле зрения китайских хронистов, которые зафиксировали их самоназвание Guti двумя иероглифами, звучащими в современном китайском как Yüe-chih. Таким образом, Guti (отсюда Kuči) и Yüe-chih абсолютно эквивалентны, тогда как название Tukri идентично позднейшим Туүгі и Тух̄ар. В позднейшее время как Туүгі, так и Куči могли служить для политического и географического обозначения всей страны, протянувшейся от Кучи до Турфана и известной как «Земля четырех Туүгі»: Kuči (тюрк. Kūsän) на западе, Argi/Qarašahr на востоке, Turfan на северо-востоке и район к северу от Турфана — Bišbalik (Henning, 1978, с. 221–226).

Гипотезу В. Б. Хеннинга, за исключением тезиса о приходе предков тохаров из южнорусских степей, всецело поддерживают Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов. Авторы еще раз внимательно рассмотрели хронологию событий ближневосточной истории, связанных с Guti (Kuti). Первые письменные свидетельства о вторжениях гутиев в северные области Месопотамии относятся ко времени Шаркалишарри (начало правления около 2230 г.), сына и наследника Нарам-Сина. После периода «кутийского господства», в старовавилонский период (начало II тыс. до н. э.) сообщения о Kuti относятся к более отдаленным северо-восточным областям, где они периодически вступают в союзы с такими же чужими (т. е. не жителями Вавилонского

10 По аналогии с ближневосточной ситуацией в конце III тыс. до н. э. приводятся данные Геродота о вторжении киммерийцев и скифов в конце VIII в. до н. э.

11 Подтверждение своей идеи В. Б. Хеннинг находит также при сопоставлении археологических материалов из доисторического Ирана и Древнего Китая, опубликованных Э. Херцфельдом: сходство их настолько несомненно, что исключает всякую возможность независимого происхождения.

царства) народами. Упоминаются гутии и в клинописных текстах нововавилонского и новоассирийского периодов, но, по мнению авторов, это всего лишь дань традиции и обозначение географического пространства, а не конкретного этноса¹² (Гамкрелидзе, Иванов, 1989, с. 14–18).

Tukri в старовавилонский период (начало II тыс. до н. э.), в отличие от Kutī, прославились не набегами и войнами, а ремеслами и торговлей. Тукри производили металлические сосуды и художественные крашенные ткани, из-за чего в аккадский язык вошло понятие «tukrašhu» — «à la toukri». Из шумерского гимна о Тильмуне можно понять, что страна Тукриш составляет ляпис-лазурь и переправляет золото из страны Харали, поэтому Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов допускают возможность расположения Tukri между современными городами Керманшах и Хамадан. В надписи Хаммурапи из Ура Элам, страна гутиев, Субарту и Тукриш упомянуты вместе, точно так же в богазкёйских текстах правители Элама, Лулли и Тукри перечислены совместно. В надписи Шамши-Адада I сообщается о дани Тукри и Верхней Страны, и, наконец, согласно ассирийскому географическому трактату о размерах царства Шаррукина Аккадского, Тукриш располагался к северу от Элама, где-то в 640 км от центра Месопотамии (Гамкрелидзе, Иванов, 1989, с. 23).

Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, как раньше и В. Б. Хеннинг, приходят к выводу, что прототохарский язык уже к III–II тыс. до н. э. состоял из двух отдельных диалектов, обусловивших сложение известных по средневековым текстам из Восточного Туркестана языков Киѝ и Тууѝ. Реконструкция древнейшей истории тохарских языков в изложении авторов в общих чертах выглядит следующим образом (Гамкрелидзе, Иванов, 1981, с. 23–26; 1984, с. 371–428; 1989, с. 23–35; Иванов, 1992а, с. 7–29):

1. К V тыс. до н. э. позднеиндоевропейская общность распадается на два диалектных ареала. Тохарский входит в одну группу с хеттским, италийским, кельтским и фригийским; другая группа включает греческий, армянский, индоиранский и, вероятно, германский и балтославянский диалекты.

2. В V – начале IV тыс. до н. э. вслед за выделением общиндоевропейского ареала анатолийского тохаро-кельто-италийская общность распадается: тохарский уходит из первоначального ареала, кельто-италийская диалектная общность объединяется с «древнеевропейской».

3. В IV–III тыс. до н. э. осуществляются долговременные контакты тохарского с анатолийским, а также диалектами армяно-греческо-индоиранской группы, которые имеют объединяющие их черты.

4. Не позднее III тыс. до н. э. носители армяно-греческо-индоиранского диалекта остались в Передней Азии, в то время как прототохары примкнули к носителям древнеевропейских диалектов — кельтским, италийским, иллирийским, германским, балтославянским.

5. В конце III–II тыс. до н. э. тохары вместе с носителями западноиндоевропейских диалектов мигрировали через Среднюю Азию, на территории

¹² Этому мнению противоречат упоминания рабов–гутиев, изредка встречающиеся в тех же клинописных текстах начала I тыс. до н. э.

которой не позднее II тыс. до н. э. контактировали с носителями восточноиранского диалекта (разумеется, после распада индоиранского единства)¹³. Контакт с восточноиранским, продолжавшийся на протяжении всей истории тохарских языков, начинается уже либо в процессе миграции тохаров на восток, или предшествовал ей. Наиболее ранние контакты тохарского с иранским восходят к I тыс. до н. э. и связаны не столько с авестийским и древнеперсидским языками, сколько с каким-то неизвестным древнеиранским диалектом, вероятнее всего, далеким предком современного осетинского (Pinault, 2002, с. 245).

6. До рубежа II–I тыс. до н. э., вероятно, в пределах Средней Азии образуются многочисленные финно-угорские и тохарские лексические и фонологические схождения, на основании чего предполагается даже двуязычие контактировавших групп прототохарского и прафинно-угорского населения.

7. По-видимому, к I тыс. до н. э. относятся заимствования из тохарских диалектов, выявленные уже в раннем (до отделения прабулгарского) пратюркском языке. Особо отмечается, что «некоторые же из предполагаемых заимствований в пратюркском языке восходят либо к неизвестному нам диалекту пратохарского, либо к близкородственному индоевропейскому языку» (Иванов, 1992а, с. 14). Тохарская система и форма письменных знаков послужила также моделью для тюркского рунического письма. Тохаро-тюркское взаимодействие продолжалось с перерывами на протяжении всего периода письменной истории тохарских языков, часто служивших для передачи восточноиранских и санскритских слов в древнетюркский, а также монгольский языки. Допускается возможность ранних контактов тохаров с носителями восточноалтайских языков, таких как корейский.

8. К III в. до н. э. относятся факты первых контактов тохарского и древнекитайского языков, причем заимствование слов происходило как из тохарского в китайский, так и наоборот. Вяч. Вс. Иванов особо обращает внимание, что не нужно преувеличивать, как иногда бывает, масштабы тохаро-китайского взаимодействия, поскольку задолго до этого уже существовали связи индоевропейских и сино-тибетских диалектов, датируемые намного более ранним временем. «Часть бесспорных и очень ранних индоевропейско-китайских языковых и культурных связей можно отнести на счет не исторических тохаров, а некоторых других, позднее исчезнувших индоевропейских племен, распространявшихся на восток Евразии» (Иванов, 1992а, с. 15–16, сноска 17)¹⁴.

В ходе новейших исследований в области сравнительного языкознания выявляется некий неизвестный центральноазиатский язык. Г. Карлинг, отмечая известный факт отсутствия связей тохарского и общеиндоиранского, рассматривает вопросы контактов тохарского с индоарийским, происходивших, вероятно, не позднее II тыс. до н. э. В результате обнаруживается

13 Армяно-греко-индоиранская диалектная общность сначала распадается на греческий и армяноиндоиранский; не позднее начала III тыс. до н. э. происходит обособление индоиранского и армянского; распад индоиранского относится к концу III тыс. до н. э. Признаки контактов тохарского с общеиндоиранским отсутствуют.

14 Отдельные ранние заимствования, зафиксированные в древнекитайском языке уже в эпоху Чжоу (XI–IX вв. до н. э.), вероятнее всего, не являются тохарскими по происхождению (Carling, 2005, с. 56–57).

ряд ранних заимствований и в прототохарский, и в индоиранский/ранний индоарийский (вероятно, и в китайский) из одного и того же неизвестного языка–донора, существовавшего некогда в Центральной Азии (Carling, 2005, с. 52–54, 66).

Для обозначения населения Восточного Туркестана древние китайцы использовали термин «да (большие) юечжи» — племенной союз, в который, вероятно, входили и тохары. После поражения от хунну в 174 г. до н. э. они ушли в Среднюю Азию, в конце II в. до н. э. сокрушили Греко-Бактрию и основали могущественную Кушанскую империю, существовавшую до середины III в. н. э. Проблема согласования этнонимов юечжи — тохары — кушаны, титулов и имен царей Кушанской династии составила суть пресловутой «тохарской проблемы», так блестяще освещенной и сформулированной И. Умняковым и весьма далекой от разрешения даже в наши дни.

Последовательность событий истории юечжи детально изложена в специальной статье Ю. Н. Рериха. Первоначально орда да юечжи, в которую могли входить и другие этнические элементы, занимала пространство между оазисом Дуньхуан на западе и городом Ганьчжоу в провинции Ганьсу на востоке, в том числе южномонгольский степной пояс на севере. Между 174 и 165 гг. до н. э. да юечжи вынуждены были уйти на запад, к Тянь-Шаня, чему хунну всячески стремились воспрепятствовать. В районе Восточного Тянь-Шаня юечжи встретились с племенем усунь, «сарматским по происхождению (<*o-swen<asiani<as~os)», кочевья которого охватывали земли между Лобнором на юге и Алтаем на севере. Будучи с 176 г. до н. э. данниками хунну, усунь в 160 г. до н. э. способствовали очередному разгрому юечжи, добившись, таким образом, политического господства над ними и оттеснив еще дальше на запад. К западу от озера Иссык-Куль юечжи столкнулись с племенами саков (сэ), заставив последних передвинуться на юго-запад, в Согдиану. Двигаясь вслед за ними, юечжи между 133 и 129 гг. до н. э. расположили свою ставку около Цзяньшичэна, вероятно, где-то в Согдиане. Около 130 г. до н. э. они, переправившись через Амударью, вторглись в Греко-Бактрию, но в 128 г. до н. э. главная их ставка еще находилась к северу от Амударьи (Рерих, 1963, с. 118–121). На захваченных землях, коренное население которых было ираноязычным, юечжи образовали пять владений: Сюми, Шуанми, Гуйшуан, Сидунь и Думи. Где-то в середине I в. до н. э. правитель Гуйшуана по имени Куджула Кадфиз подчинил все прочие владения и стал основателем Кушанской империи, известной под названием Кушаншахр¹⁵ (Крюков, 1988, с. 235–240). Имена кушанских правителей, таких как Канишка, Хувишка, Васишка, включающие суффикс -šk-, Вяч. Вс. Иванов предлагал объяснить происхождением из тохарского, но встретил резкое противодействие со стороны специалистов по иранскому языкознанию. Иранские этимологии лучше подходят для перечисленных имен, хотя и не подтверждаются на материалах бактрийского языка (Иванов, 1992а, с. 19).

15 Наиболее раннее упоминание названия Тухоло — Тохаристан датируется 383 г. н. э. (Литвинский, Соловьев, 1985, с. 119).

Одни исследователи ставят знак равенства между асиями, исседонами, кушанами и усунями, с одной стороны, и юечжи, тохарами и массагетами, с другой, настаивая на ираноязычности обеих групп (Бернштам, 1947)¹⁶. Некоторые ученые утверждают тезис об идентичности тохаров, усуней и больших юечжи, говоривших, по их мнению, на иранском (сакском) языке (Enoki, Koshelenko, Naidari, 1996, с. 174), и видят в создателях рукописей на тохарских А и В только малых юечжи (Tarn, 1997, с. 285–289). Многие придерживаются сформулированной еще в 20-е гг. XIX в. версии А. Rémusat – J. Klapproth о тождестве больших юечжи и массагетов (Franke, 1904; Толстов, 1940, с. 207; 1948, с. 242–245). И. В. Пьянков отрицает взаимосвязь этнонима юечжи с именами массагетов или скифов, этнонима тукри аккадских источников и тохаров, но предлагает вполне здоровое решение дилеммы тохары–юечжи. По мнению автора, тохары являлись оседлым населением оазисов Таримского бассейна, находившимся под управлением номадов асиев–юечжи, а в языковом отношении юечжи были юго-восточными иранцами (Piankov, 2010, с. 103–104).

В среднеазиатской археологии давно утвердилось мнение о связи подбойных и катакомбных захоронений с юечжи (А. М. Мандельштам, Б. А. Литвинский, Ю. А. Заднепровский, Б. И. Вайнберг). Эти курганные могилы имеют определенное сходство с памятниками сарматского круга, отчего О. В. Обельченко предполагал видеть в юечжи одно из сарматских племен. Однако А. М. Мандельштам указал на существенное отличие погребений Согда и Северной Бактрии: в первых ориентация костяков южная, в Бактрии преобладает северная. Другие исследователи видят юечжи в пазырыкской культуре Горного Алтая, что подразумевает включение их в евразийский круг степных ираноязычных племен, но имеющиеся на территории Бактрии погребения явно отличаются от пазырыкских, да и захоронений лошадей не обнаружено (см. Захаров, 2002, с. 447–452). Ради объяснения взаимосвязи юечжи и тохаров приверженцы «пазырыкской» версии предложили совершенно искусственное построение, согласно которому юечжи разделялись на северную и южную группы. Северные юечжи отнесены к скифо-сакской, т. е. восточноиранской общности, южные юечжи предположительно являлись тохарами (Кляшторный, Султанов, 2004, с. 62–68). Надо сказать, что ни в исторических источниках, ни в археологических материалах Средней Азии не содержится ни малейшего намёка на столь странную интерпретацию.

И раньше, и сейчас большинство исследователей сходятся в том, что данные китайских хроник о юечжи соответствуют сведениям греко-римских источников II в. до н. э. – II в. н. э. о тохарах. Среди народов, завоевавших Греко-Бактрию, помимо асиев, пасианов и сакараулов, названы тохары. Около 128 г. до н. э. владение юечжи уже располагалось по Амударье, в 124 или 123 г. до н. э. парфянский царь Артабан был убит во время войны с тохарами (Pulleyblank, 1966, с. 25). В то же время приводятся названия племени Θαγουροι, гор Θάγουρων и города Θουαρα λόλις, расположенного на восточной оконечности торгового пути в Ганьсу. О тохарах писал около 125 г. н. э.

16 К сожалению, мы мало что знаем о языках перечисленных народов, как, впрочем, и большинства остальных.

Дионисий Периегет: «И тохары, фруны и варварские народы серов, — они, отвергая быков и тучных овец (или коз), собирая пестрые цветы в пустынной стране, изготавливают одежды искусные, знаменитые, окраской подобные цветам луговой травы; не напрасно бы с этим и труд пауков состязался» (Пьянков, 1986, с. 9; 1988, с. 193). Городом Тогара считается г. Ганьчжоу, однако Ю. Н. Рерих обращает внимание, что в одном документе на восточноиранском языке упоминаются вместе и город Тогара и город Ганьчжоу (kaṃāśū). Возможно, городу Тогара больше соответствует г. Узэй (Лянчжоу), в котором жил и работал Кумараджива (344–413 гг.), прославившийся своими переводами на китайский язык¹⁷. Тохароязычный уроженец Кучи, тохар по материнской линии Кумараджива переводил санскритское слово «tukhāga» как «сяо юечжи» (Рерих, 1963, с. 121–122; Иванов, 1992а, с. 26).

Малыми (сяо) юечжи стала называться та часть племени больших юечжи, которая осталась в кочевьях усуней, и именно в них Ю. Н. Рерих видит создателей тохарских текстов V–VIII вв. н. э. Одни поколения сяо юечжи по-прежнему жили в Ганьсу, в горах Наньшань: в 121 г. до н. э. они занимали район между Сучжоу и Ганьчжоу и постепенно смешалась с тибетскими племенами цянов. Другие обитали в горах к юго-западу от Дуньхуана, в 100 ли к югу Ганьчжоу, где упоминаются еще в 932–942 гг. н. э. Племя чжунъюань, обитавшее к западу от Дуньхуана и южнее Лобнора, также считалось потомками малых юечжи. В тибетской литературной традиции имеются сведения о двух тохарских провинциях: на северо-востоке и северо-западе Тибетского нагорья, к юго-западу от Памира (Рерих, 1963, с. 121).

С малыми юечжи, вероятно, связано происхождение известных по греческим письменным источникам кидаритов, племенное название которых происходит от имени их предводителя Кидары. В китайских хрониках он выступает как правитель юечжи Цидоло (kjiē-tā-lā), возглавивший поход в Северную Индию и Среднюю Азию где-то во второй половине IV в. н. э. Похоже, этимология отдельных имен юечжи, в том числе малых юечжи, находит соответствие в тохарских языках, как предполагал Э. Пуллиблэнк, на обзоре работ которого хотелось бы остановиться отдельно.

Э. Пуллиблэнк исходит из установленного факта, что носители тохарского после отделения от общеиндоевропейской семьи долгое время находились в изоляции, контактируя лишь с неиндоевропейскими языками. Вне зависимости от того, где располагалась прародина индоевропейцев, на востоке или на западе, тохары всегда располагались восточнее индоиранцев, и следы их присутствия надо искать в доисторических культурах Китая. В качестве претендента рассматривается археологическая культура Цицзя (2300–1800 гг. до н. э.), охватывавшая территорию от восточной части Ганьсу до провинции Цинхай. В исторический период для Китая ближайшими представителями индоевропейской семьи были тохары, поселившиеся на северной окраине Таримского бассейна не позднее арийского вторжения в Индию во II тыс. до н. э. и даже еще раньше (Pulleyblank, 1966, с. 14, 29, 35; Pulleyblank, 1983, с. 457–458).

¹⁷ По досадному недоразумению деятельность Кумарадживы иногда связывают с территорией Тохаристана — Тухоло китайских письменных источников.

Э. Пуллиблэнк видит в китайском названии Даюань — Ta-yüan этноним *Тахвар, откуда происходит греческое τόχαιο, и соглашается с Дж. Марквартом по поводу идентичности юечжи (Yüeh-chih=*Ywati) и народа ятии (Ἰάτιοι) Птолемея, жившего в верховьях Яксарта (Сырдарьи). Название древней столицы государства Даюань — города Гуйшань (Kuei-shan) отражает имя кушан (Kushan), что является еще одним аргументом в пользу изложенной версии¹⁸. Особо указывается на тесные связи, объединяющие, по китайским источникам, юечжи, усуней, жителей владений Давань и Канцзюй (K'ang-chü), но совершенно отрицается общепринятая локализация государства Давань в Ферганской долине. По мнению Э. Пуллиблэнка, кроме обитателей оазисов Таримского бассейна, во II в. до н. э. существовал еще целый ряд народов, говоривших на тохарских языках. К ним относятся малые юечжи (*Ywati) в Ганьсу, усунь (Wu-sun) к северу от гор Тянь-Шань, Канцзюй, Даюань и собственно большие юечжи (Pulleyblank, 1966, с. 22–29, 36). Позже последовало уточнение: в оазисах северного и восточного Синьцзяна располагались тохароязычные города-государства, а кочевники, родственные им по языку, жили в Ганьсу и Тянь-Шане (Pulleyblank, 1983, с. 460). В последующих работах отстаивается та же точка зрения: Канцзюй и усунь, как и юечжи, вероятнее всего, говорили на тохарском языке (Pulleyblank, 1999, с. 154).

А. К. Нарайн основное внимание уделяет вопросу происхождения тохаров–юечжи, пытаясь разрешить дилемму: были они автохтонным населением Китая или пришли с запада, как полагает большинство исследователей. В. Б. Хеннинг предполагал движение прототохар через Кавказ из южнорусских степей, сначала в Месопотамию, оттуда в Восточный Туркестан. А. Унгнад считал, что предки тохар жили сначала в Русском Туркестане, Э. Пуллиблэнк видел их на границе Китая уже с конца III тыс. до н. э. (Qijia culture). В целом, все они, так или иначе, исходят из «курганной теории» М. Гимбутас, и, соответственно, прототохар рассматривали в связи с такими археологическими культурами как афанасьевская, андроновская и, по мнению Н. Л. Членовой, карасукская. Из существующих в то время мнений А. К. Нарайн присоединился к версии Э. Пуллиблэнка относительно тохарской принадлежности культуры Цицзя, но идет еще дальше. Автор новой, совершенно оригинальной теории ссылается на предположение авторитетного китайского археолога о якобы существующей преемственности культур Яншао и Цицзя, с одной стороны, и надуманной стратиграфической последовательности между Цицзя и культурами расписной керамики Синьцзяна, с другой. В итоге А. К. Нарайн заключает, что неолитическая культура Яншао создана автохтонным населением, говорившим на тохарском или каком-то другом, не дошедшим до наших дней индоевропейском языке группы centum. Следовательно, движение юечжи на запад во II в. до н. э. было не возвратным моментом, а последней миграцией «первых» индоевропейцев из прародины (Narain, 1987, с. 12–16)¹⁹.

18 По мнению Э. Пуллиблэнка, до китайских походов за «небесными конями» в 101 г. до н. э. столицей Давани был город Эрши — Erh-shih (Pulleyblank, 1966, с. 26).

19 Первым движением предков тохаров–юечжи на запад, по А. К. Нарайну, надо полагать, было вторжение Gutí в Месопотамию в конце III тыс. до н. э.

1.2. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ «ТОХАРСКОЙ ПРОБЛЕМЫ»

Долгие годы археологи, историки и, порой, лингвисты не оставляют попыток найти приемлемую для отождествления с предками тохар археологическую культуру. После того, как было оставлено первое впечатление о тохарах как азиатских кельтах, пришедших из Европы, возникла обратная тенденция, близкая той, что высказал А. К. Нарайн. В 1913 г. С. Фейст предположил, что тохары в составе индоевропейской семьи изначально обитали в области Окса и Яксарта, откуда несколько позже ушли в Китайский Туркестан. По Э. Мейеру, предки исторических тохар отстали на востоке после того, как одна часть индоевропейцев из центрально-азиатского плоскогорья ушла на запад, а другая часть — на юго-восток, в Иран и Индию. В то же время по-прежнему отстаивалось мнение о западноевропейском происхождении тохар, главным аргументом которой являлась пресловутая «лососевая теория», создателем которой является Й. Покорны. Ядро тохарской общности должно было находиться на реках, где водился лосось, в соседстве с предками славян, указывалось даже на междуречье Вислы и Одера (Умняков, 1940, с. 191–193). Б. Грозный, судя по карте древнейших переселений народов, видел в тохарах ветвь индоевропейцев, отклонившуюся на юг от общего западного направления движения из глубин Центральной Азии (Грозный, 1940, с. 42, рис. 5). Точка зрения Э. Бенвениста известна: после ухода индоевропейцев из киргизских или даже алтайских степей на запад тохарское единство заняло территорию между Днестром и Уралом, «север и центр Европы исключается по лингвистическим соображениям» (Benveniste, 1936, с. 239–240; Бенвенист, 1959, с. 107–108). В. Краузе и В. Георгиев, исходя из наличия в тохарском финно-угорского субстрата, соглашались с мнением о локализации прародины тохаров приблизительно между Днестром и Уралом (Георгиев, 1958, с. 20).

Дж. Девото видит тохаров в создателях фатьяновской культуры (Devoto, 1962, с. 359). П. Бош-Гимпера на карте расселения индоевропейских народов в эпоху бронзы (около 1500 г. до н. э.) поместил тохаров к северу от Карпат, в Вольни, с чем, разумеется, не согласилась М. Гимбутас, которая не находит никаких доказательств подобной локализации, ни археологических, ни лингвистических (Gimbutas, 1963, с. 14, 26). Тем не менее, это не помешало Д. Адамсу, как сказано выше, попытаться найти лингвистическое обоснование для отождествления прототохар с носителями культуры шаровидных амфор второй половины IV тыс до н. э. (Adams, 1984, с. 401). М. Гимбутас никогда не обращалась специально к проблеме происхождения тохаров, однако, учитывая лингвистическую связь тохарского с германским, славянским и балтским языками, полагает, что прототохары в эпоху бронзы тоже должны были находиться в Европе (Gimbutas, 1986, с. 330). Х. Томас сначала отождествлял прототохаров с какой-то частью андроновской общности, но позже обходит этот вопрос молчанием, соглашаясь только с мнением об андроновской культуре как индоиранской или арийской (Thomas, 1982, с. 81; 1992, с. 19–20).

Многие исследователи хотели бы связать происхождение тохаров с системой европейских культур воронковидных кубков (Funnel Beaker culture), шнуровой керамики (Corded Ware culture) и шаровидных амфор (Globular Amphora culture), хотя по поводу их взаимосвязи до сих пор еще остается очень много вопросов. Так в 1958 г. у лингвиста Б. В. Горнунга возникла идея о соответствии прототохаров и создателей среднеднепровской и абашевской культур эпохи бронзы, с чем не согласились ни археологи, изучавшие среднеднепровскую культуру (А. И. Тереножкин), ни археологи, раскапывавшие памятники абашевской культуры (О. Н. Евтюхова, А. Д. Пряхин). А. Д. Пряхин вообще усматривает истоки абашевской культуры не в фатьяновской или среднеднепровской, а в древнеямной культурно-исторической общности, отчего присоединяется к мнению о принадлежности абашевских племен к индоиранской языковой группе (Пряхин, 1971, с. 200–201; 1977, с. 135–137). Часто ссылаются на мнение Л. А. Лелекова о том, что абашевцы являлись прототохарами, однако дословно автор писал о них следующее: «... абашевцы же — либо какая-то ветвь индоиранского массива, либо тохары» (Лелеков, 1982, с. 36).

В поисках археологического соответствия прототохарам наиболее, казалось бы, удачный выбор был сделан в отношении афанасьевской культуры — крайне восточного, по мнению многих исследователей, анклава ямной культурно-исторической общности (Даниленко, 1969, с. 234; Mallory, 1989, 62–63; Renfrew, 2002a, с. 12–13)²⁰. Е. Е. Кузьмина более осторожна в своих выводах, подчеркивая, что если участие афанасьевской культуры в сложении таримских могильников будет доказано, это позволит решить важнейшие проблемы этногенеза Старого Света (Kuzmina, 1998, с. 70). Развернутое обоснование этой гипотезы предложено в работах Вл. А. Семенова и В. А. Посредникова. Вл. А. Семенов называет крайним юго-восточным памятником афанасьевской культуры могильник Шатар-Чулуу, что «свидетельствует о продвижении какой-то группы афанасьевцев в глубинные районы Монголии». На южном направлении к афанасьевским древностям автор безоговорочно относит материалы из могильников, расположенных на севере и юго-востоке Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР: Кээрмуци в уезде Алтай и Гумугоу близ озера Лобнор. Это означает, что афанасьевцы из Минусинских степей или Алтая распространились в Туву, затем в Монголию, где «могли вступить в контакт с культурами восточно-азиатской расписной керамики, памятники которой в небольшом числе открыты в Южной Гоби». Предполагается также возможное участие европеоидной афанасьевской культуры в сложении культур Цицзя в Китае и Окунево в Саяно-Алтайском нагорье. Окуневская культура Тувы и культура расписной керамики Синьцзяна рассматриваются как сохранившиеся остатки древнего афанасьевского населения, связанного происхождением с восточноевропейским энеолитом, и, соответственно, афанасьевцы являлись носителями прототохарских языков. Отмечаются многочисленные аналогии (в том числе сходство антропологического типа),

²⁰ Если прототохары соотносятся с афанасьевской культурой, генетически связанной с ямной общностью, тогда придется признать, что ямная культура не может принадлежать индоиранцам, поскольку признаки языковых контактов тохарского с общиндоиранским отсутствуют.

объединяющие афанасьевскую культуру с ямной культурно-исторической общностью, особенно с северокавказским ее вариантом, новотиторской культурой Прикубанья (Семенов, 1993, с. 26–29).

Несколько позже А. В. Варенов подверг тщательному анализу материалы из 32 коллективных захоронений в каменных ящиках близ Кээрмуци и датировал их XIII–VIII или даже X–VIII вв. до н. э.²¹ (Варенов, 1999, с. 53–56). Во второй, более развернутой статье А. В. Варенов обращается к вопросу, на основании чего могильник Гумугоу считается «афанасьево-андроновским», а Кээрмуци, по мнению Ю. А. Заднепровского и Вл. А. Семенова, входит в круг афанасьевской культуры. В. И. Молодин и С. В. Алкин уже тогда не признали афанасьевскую или андроновскую природу материалов из Гумугоу, однако могильник Кээрмуци, а также Сыдуйтуцю возле Урумчи, сочли афанасьевским. При ближайшем рассмотрении археологических материалов и правильном переводе китайских терминов выяснилось, что конструкция могильных сооружений и погребального обряда, аналогии керамике, бронзовым и каменным изделиям (в том числе каменным наконечникам стрел) не дают оснований для сопоставления с памятниками афанасьевской культуры. В заключение А. В. Варенов призвал «с осторожностью подходить к безоговорочному включению всего Северного Синьцзяна в ареал распространения классической афанасьевской культуры» (Варенов, 1998, с. 60–65).

Часто ссылаются на находки в Синьцзяне фрагментов керамики степного облика, собранной экспедицией А. Стейна, которую периодически приписывают то афанасьевской культуре, то андроновской. Она была обнаружена вместе с микролитами на развеянных стоянках в бассейне Яркенд-дарьи и в дельте Курук-дарьи, на западе и юго-западе Синьцзяна (Stein, 1981, табл. XXII–XXIII). По мнению С. П. Толстова, фрагменты керамики и сопутствующий кремневый инвентарь являются типичными для кельтеминарской культуры (Толстов, 1948, с. 64). В. А. Ранов подчеркивает сходство наконечников стрел из сборов А. Стейна с подобными изделиями из кельтеминарских поселений и могильника Заманбаба, указывая, что их можно отнести как к неолиту, так и к эпохе ранней бронзы (Ранов, 1988, с. 102). Новейшие исследования в этом районе, на поселении Сулэтанбаэ возле Кашгара (Suletangba'e), подтверждают указанный, кельтеминарский круг аналогий (Mei, 2000, с. 9, 59).

Л. С. Клейн в поисках прототохаров рассматривает три археологические культуры эпохи бронзы Южной Сибири — афанасьевскую, андроновскую и карасукскую. Выбор пришелся на карасукскую культуру, поскольку, по мнению Э. А. Новгородовой, комплексы и отдельные находки этого типа широко распространены в Северном Китае. Происхождение карасукской культуры выводится из фатьяновской, которая, в свою очередь, «видимо, представляет собой материальную основу выделения тохарских языков из индоевропейской общности» (Клейн, 2000, с. 180–185).

А. В. Варенов, специально занимавшийся вопросами распространения изделий карасукского облика, в двух словах дал характеристику одной

21 Китайские археологи, раскапывавшие могильник Кээрмуци, датировали его III в. до н. э. – III в. н. э.

примечательной тенденции. «С давних пор среди археологов, занимавшихся эпохой поздней бронзы Сибири, Средней и Центральной Азии, принято было уповать на малоисследованные просторы Восточного Туркестана в плане решения проблемы происхождения и/или распространения карасукской культуры» (Варенов, 1998, с. 65).

Отчасти в связи с карасукскими изделиями А. А. Ковалев на примере более чем 300 бронзовых предметов, обладающих едиными типологическими признаками, выделяет древнейшую общность под условным названием «культура Чаодоугоу» (XIII–XI вв. до н. э.). Общность «Чаодоугоу» являлась «мощным центром металлообработки с устойчивыми традициями, производившим определенный набор предметов вооружения и украшений на протяжении нескольких веков» (Ковалев, 2004, с. 250–255). Местные истоки такой традиции отсутствуют, к тому же, комплекс «Чаодоугоу» отличается от собственно китайского (Шан-Инь), восходящего, по мнению автора, к сейминско-турбинской общности. А. А. Ковалев обращается к гораздо более ранним, широко известным материалам Западного Ирана конца III – начала II тыс. до н. э., где имеются прямые и многочисленные аналогии изделиям «Чаодоугоу». Появление и распространение изделий переднеазиатского типа в Китае автор связывает не с диффузией культурной традиции, а с миграцией ее носителей, поскольку никаких промежуточных памятников этого типа в Средней Азии не обнаружено. Следовательно, имеются все основания предположить, что «культура Чаодоугоу» принадлежит потомкам протохаров, вышедших, по теории В. Б. Хеннинга и Вяч. Вс. Иванова, из Иранского Загроса. В качестве дополнительного аргумента А. А. Ковалев приводит известные лингвистические соображения, трактующие некоторые особенности тохарского языка влиянием дравидского, неотличимого от угро-финского из-за их тесной генетической связи (Ковалев, 2004, с. 261–270).

В какой-то степени выделение металлообрабатывающей провинции «Чаодоугоу» и отрицание тохаро-уральских ареальных связей подрывает основу тохарской атрибуции сейминско-турбинского феномена, предложенную В. В. Напольских по данным сравнительного языкознания. Обосновывается идея следующим образом: «Прототохарско-уральские контакты имели место в относительно позднюю эпоху (после распада уральского и финно-угорского праязыков), но охватили при этом все (эндо-) уральские группы. Датировать их следует интерстадиалом между распадом финно-пермской общности (едва ли раньше середины II тыс. до н. э.) и распадом угорского праязыка (не позднее середины — второй половины I тыс. до н. э.). Практически единственным историческим явлением, могущим охватить все (эндо-)уральские группы в означенный период, был сейминско-турбинский транскультурный феномен» (Напольских, 1997, с. 155). Истоки сложения сейминско-турбинского феномена уверенно выводятся из все той же афанасьевской культуры Алтая, носители которой были вынуждены переместиться в Монголию и северо-западный Китай под давлением окуневской культуры около XVIII в. до н. э.²² Со ссылкой на вышеупомянутую статью Вл. А. Семенова прототохары соотносят-

22 По новейшим данным, около 2400 г. до н. э. (Görsdorf, Parzinger, Nagler, Leont'ev, 1998).

ся с носителями афанасьевской культуры, сам автор предполагает участие прототохарского компонента (точнее, паратохарского — не оставившего прямых языковых потомков) в создании сейминско-турбинских памятников (Напольских, 1997, с. 156–157).

Лингвистическое обоснование тохарской атрибуции сейминско-турбинского феномена завораживает своей логичностью, чего никак нельзя сказать относительно базовых археологических положений. Во-первых, происхождение агрессивных сейминско-турбинских популяций неизвестно, как до сих пор не обозначена и собственная их территория или, иначе, точка исхода (Черных, Кузьминых, 1989). Во-вторых, в археологическом отношении наблюдается взаимосвязь сейминско-турбинских и окуневских материалов, но никак не афанасьевских. На излишнюю прямолинейность подобного построения свое слово уже сказали археологи-специалисты, которые, конечно, лучше знают свои материалы (Косарев, Кузьминых, 2001, с. 108).

Оригинальный выход из создавшейся ситуации предложил С. А. Григорьев, попытавшийся объединить взаимоисключающие версии происхождения тохаров, хотя сам, кажется, больше склоняется к мнению о тохарской атрибуции афанасьевской или окуневской культур. В то же время, «появление тохарских заимствований в финно-угорских языках могло быть связано как с включением в сейминско-турбинскую миграцию носителей окуневской или позднеафанасьевской культур, так и с первичной миграцией тохар из Передней Азии в Центральную» (Григорьев, 1999, с. 230–231).

Среднеазиатское направление среди археологов даже не обсуждалось, за исключением попытки Б. А. Литвинского на примере поселения и могильника Заман-баба увидеть проникновение в Среднюю Азию племен катакомбной культуры, которые могли быть предками тохаров (ИТН, 1963, с. 128). Однако во второй редакции «Истории таджикского народа» на эту тему нет ни слова, хотя мнения своего, судя по следующей цитате, Б. А. Литвинский не изменил: «Передвинувшаяся на восток прототохарская этническая общность едва ли была очень многочисленной, но все же она была достаточно велика чтобы, расселившись, занять почти весь Восточный Туркестан, а также обширные территории Средней Азии, в частности в Фергане» (Литвинский, 1984, с. 11).

Главный принцип научного познания, движение от известного к неизвестному, предопределил «сибирскую доминанту» в отношении памятников Синьцзяна. Отсюда происходит все объясняющая «афанасьевская гипотеза» и настойчивые попытки найти хотя бы минимальные признаки присутствия афанасьевцев в Синьцзяне. Если даже таковые обнаруживаются, то значение их, на мой взгляд, явно преувеличивается, и часто отдельно взятые эпизоды используются в сомнительных, с точки зрения археологии, теоретических конструкциях. В китайской археологии в отношении Синьцзяна, естественно, во главу угла поставлены неолитические и энеолитические культуры расписной керамики в бассейне Хуанхэ, хотя проблема их собственного происхождения еще долго будет оставаться предметом самых острых дискуссий. Географический диапазон культур, претендующих на отождествление с предками тохаров, огромен — от центральноевропейской культуры шаровидных амфор на западе до культур

Яншао и Цицзя на востоке, от фатьяновской на севере до культуры «Х», принадлежащей Кути и Тукриш на юге. Для того чтобы выбрать направление поисков, наверное, надо в первую очередь рассмотреть археологические материалы с территории Синьцзяна.

1.3. АРХЕОЛОГИЯ СИНЬЦЗЯНА (КРАТКИЙ ОБЗОР)

География Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая отличается невероятным своеобразием, сыгравшим, надо полагать, немалую роль в жизни в жизни его обитателей. Большую часть округа занимает Таримская равнина с пустыней Такламакан, к северу, за горной цепью восточных отрогов Тянь-Шаня расположена Джунгарская равнина. На юге возвышаются горы Куньлунь и Алтынтаг, на западе Памир, на севере, за Джунгарской впадиной — Алтай (Кучера, 1984, с. 29–30).

Исследования, проведенные за последние 20 лет, существенно дополнили наши знания по археологии Синьцзяна, и особенно всех впечатлили сенсационные находки «таримских мумий», вновь обострившие интерес к «тохарской проблеме». Тем не менее, имеющейся в печати археологической информацией явно не хватает для полноценного анализа, но вполне достаточно, чтобы составить общее представление.

Самые ранние находки с территории Синьцзяна обнаружены преимущественно на востоке района, в южных и северных предгорьях Тянь-Шаня, и происходят из более чем 30 развешенных стоянок, относящихся к эпохе неолита. Каменные изделия представлены негеометрическими микролитами, обнаруживающими типологическое сходство с материалами гиссарской культуры Южного Таджикистана и стоянок Ак-Купрук, Кара Камар и Дара Калон в Северном Афганистане (Debaine-Francfort, 1988, с. 7–14). Отмечается также идентичность традиции техники изготовления микролитов Восточного Синьцзяна и Внутренней Монголии (An Zhimin, 1996, с. 163–168). Из-за отсутствия радиоуглеродных дат хронология памятников варьирует от 9000–8000 гг. до н. э. для стоянок без керамики (Цицзяоцин, Ярху) и 3000–2000 гг. до н. э. для поселений с керамикой (Астана, Мулэй)²³.

В. А. Ранов, изучив коллекции из Синьцзяна, пришёл к заключению, что в палеолите на его территории, как и в Средней Азии существовало два типа каменных индустрий — европейского и азиатского, причем первая из них является пришлой. Та же тенденция сохраняется и в неолитический (эпипалеолитический) период: бесспорным остается факт сходения в Восточном Туркестане традиций Средней Азии, с одной стороны, и гобийской культуры, с другой (Ранов, 1988, с. 129–135).

Признаки постоянного обживания Синьцзяна появляются около 2000 г. до н. э. и без перерыва продолжают вплоть до середины I тыс. н. э. Для эпохи бронзы (2000–1000 гг. до н. э.) К. Дебэйн-Франкфор выделяет

²³ Керамический материал из Астаны включает в себя как группу расписной посуды, так и фрагменты сосудов, украшенных в манере кельтеминарской культуры позднего этапа (см. Кучера, 1984, с. 212, рис. 4Г).

9 «культурных групп»: Гумугоу, Синтала, Вупу (объединяет два памятника), Нанвань (четыре памятника), Ордос, Калахэжю, Халадун, Акэтала и Сидаогоу (Debaine-Francfort, 1988, с. 14–26). В эпоху железа (990 г. до н. э. – начало н. э.) здесь насчитывается 7 «культурных групп»: Чавухугоу, культура «Gushi» или «Jushi» (состоит из 3 подгрупп), Кээрмуци, культура «Saka» (два памятника), Сянбаобао, культура «Wusun» (шесть памятников), памятники периода правления династии Хань (могильник Шанпула и бронзовая пластинка т. н. «ордосского» типа) (Debaine-Francfort, 1989, с. 183–206).

К. Чен и Ф. Т. Хиберт называют пять главных районов сосредоточения археологических памятников Синьцзяна: 1) южные оазисы пустыни Такламакан в бассейне р. Талиму; 2) оазисы Восточного Синьцзяна; 3) речные долины северной окраины пустыни Такламакан; 4) памятники южных склонов Алтайских гор в Джунгарской долине; 5) долина верхнего течения р. Или в горах Тянь-Шань. На их территории имеются 10 «культур», 6 из которых относятся к раннему периоду (приблизительно 2000–1000 гг. до н. э.): Гумугоу, Янбулакэ, Адинху, Синтала, Халадун и Кээрмуци. Еще 4 «культуры» датируются началом I тыс. до н. э.: Сидаогоу, Чавухугоукоу, Канбакэ и горная «Saka» культура (Chen & Hiebert, 1995, с. 250).

Наиболее полноценная сводка всей имеющейся по археологии Синьцзяна в настоящее время информации, в том числе китайских исследователей, приводится в книге Цзянцзун Мэя. Автор сразу оговаривает, что организация древних памятников по принципу «культура» или «культурная группа» носит чисто условный характер и вовсе не адекватно понятию «археологическая культура». Похоже, сам Цзянцзун Мэй больше придерживается географического принципа и рассматривает памятники Синьцзяна в соответствии с их территориальным расположением: 1) восточные предгорья Памира, 2) восток Таримского бассейна, 3) южные предгорья Тянь-Шаня, 4) Турфанский бассейн, 5) юг Таримского бассейна, 5) бассейн Хами, 6) северные предгорья и горные долины среднего Тянь-Шаня, 7) северо-запад Синьцзяна, 8) южные предгорья Алтая (Mei, 2000, с. 9).

1. В Восточном Припамирье находится упомянутая выше развешанная стоянка с микролитами **Сулэтанбаэ (Suletangba'e)**, которая по аналогии с керамикой и кремневым инвентарем кельтеминарской культуры Средней Азии датируется приблизительно 2000 г. до н. э. (или раньше). Именно отсюда происходят те фрагменты керамики, которые опубликовал А. Стейн (Stein, 1981, табл. XXII–XXIII), и в которых последователи «афанасьевской теории» происхождения тохаров хотят видеть следы проникновения афанасьевцев в Таримский бассейн²⁴.

Вторая группа объединяет поселение **Акэтала (Aketala)** и еще три расположенные рядом стоянки. Они выделены С. Кучерой в отдельную разновидность памятников, характеризующуюся наличием крупных шлифованных каменных орудий. В отличие от других памятников, здесь вместо обычной для Синьцзяна расписной керамики есть только серая, корич-

²⁴ Часто ссылаются на авторитетное мнение С. В. Киселева, высказанное в первом издании «Древней истории Южной Сибири» 1949 г., забывая о том, что во втором издании, 1951 г., С. В. Киселев, видимо, не без участия С. П. Толстова, убрал эту досадную ошибку. См. также: Толстов, 1948, с. 64.

невая и красная, чаще всего круглодонная. Металлические предметы изготовлены из меди с низким (до 1,2%) содержанием олова. (Кучера, 1984, с. 40–42). Имеется сходство керамики Акэтала и Восточного Казахстана, где она датируется XIII–VIII вв. до н. э., каменные изделия обнаруживают несомненное сходство с материалами чувской культуры соседней Ферганы (Debaine-Francfort, 2001, с. 66)²⁵. А.-П. Франкфор выделяет Акэтала в отдельную археологическую культуру — «культуру серой керамики Синьцзяна». Поскольку она является самой западной в Восточном Туркестане (т. е. разделяет два историко-культурных пространства с лепной расписной керамикой) и по ряду других соображений, А.-П. Франкфор отрицает какую-либо связь культур Синьцзяна как с чувской и бургулюкской культурами Ферганы, так и с более отдаленной общностью лепной расписной керамики — Яз I (культура Окса эпохи железа, по А.-П. Франкфору) (Francfort, 2001, с. 223, 226–229).

В предгорьях Восточного Памира исследовался только один памятник эпохи железа — могильник **Сянбаобао (Xiangbaobao)** в Ташкургане, где было раскопано 40 захоронений. На поверхности погребения выделяются небольшой насыпью или каменной выкладкой. В могильнике сочетаются обряды кремации и многократной последовательной ингумации, в последнем случае покойника укладывали на боку с согнутыми ногами или на спине в вытянутом положении, головой на северо-запад. Антропологический тип европеоидный средиземноморский (индо-афганский). Находки из раскопок представлены лепной красно-коричневой и серо-коричневой керамикой, бронзовыми и железными предметами. Из железа были сделаны маленький нож, браслет и перстень. По четырем радиоуглеродным анализам могильник датируется около 700–400 гг. до н. э. Китайские археологи указывают на сходство находок из Сянбаобао с материалами раскопок А. Н. Бернштама на Западном Памире в Таджикистане, отчего некоторые предлагают соотнесение этих памятников с известным по историческим хроникам народом сака (Saka) (Debaine-Francfort, 1989, с. 200–201; Ma Yong & Wang Binghua, 1996, с. 210–211; Mei, 2000, с. 20).

2. В восточной части Таримского бассейна находится древнейший погребальный комплекс Синьцзяна — могильник **Гумугоу (Gumugou)**, датированный по радиоуглеродному методу 2000–1550 гг. до н. э. (Chen & Niebert, 1995, с. 250). Здесь открыто 42 погребения, из них 36, более ранние, представляют собой одиночные ямы, выкопанные в песчаном грунте. У некоторых могил с восточной и западной сторон были установлены деревянные шесты. Тела помещались в гробы без дна, сделанные из деревянных дощечек, накрыты козьими или овечьими шкурами, иногда травой. Тела завернуты в шерстяные одеяла, лежат в вытянутом положении, головами на восток, на них надеты войлочные шляпы. В нескольких случаях на груди лежал пакет с веточками эфедры.

25 Даты по C-14 отсутствуют.

Другие шесть захоронений (все мужские) относятся к иному типу и отличаются своеобразными наземными сооружениями, каждое из которых представляет собой круг из семи концентрических колец диаметром от 5 до 6 м, составленных из вертикально стоящих деревянных шестов. Погребальный обряд тот же, что и прежде: в вытянутом положении, головой на восток. Сопроводительный инвентарь также одинаков для обеих хронологических фаз Гумугоу. Керамика полностью отсутствует, медные изделия представлены мелкими фрагментами, но прекрасно сохранились корзины, циновки, кожаная обувь, деревянные сосуды и 6 антропоморфных фигурок (одна из кости). Найдены зерна пшеницы, рога коров, баранов и коз, костяные и нефритовые бусы, браслеты и ожерелья из костей птиц.

По 18 черепам был определен единый для двух этапов могильника Гумугоу протоевропейский антропологический тип погребенных, что предопределило поиск аналогий погребальному обряду Гумугоу среди северных культур эпохи бронзы — афанасьевской и андроновской (Chen & Niebert, 1995, с. 253–257; Mei, 2000, с. 10, 58–59, сноска 4).

В эпоху раннего железа в восточной части бассейна Тарима погребальная традиция Гумугоу продолжалась. Захоронения в могильнике **Тибанхэ (Tiebanhe)** наследуют тот же обряд, что был здесь в эпоху бронзы. Совпадения имеются даже в деталях: устройство могил, отсутствие керамики, мешочек с эфедрой на груди покойного. Одежда изготовлялась из шерсти, на головах покойников надеты высокие коричневые остроконечные войлочные шляпы, украшенные птичьими перьями, у женщин — с вышивкой по краям. Изменился антропологический тип древнего населения, теперь это представители памиро-ферганского (альпийского) типа европеоидной расы. Могильник датируется VII–I вв. до н. э., с I в. до н. э. здесь, на северо-западном берегу озера Лобнор, располагалась столица государства Шаншань. Погребальный обряд, аналогичный Гумугоу и Тибанхэ, сохранялся на востоке Таримского бассейна вплоть до V в. н. э. (Chen & Niebert, 1995, с. 257; Ma Yong & Wang Binghua, 1996, с. 211–212).

На южной оконечности Таримской впадины для эпохи раннего железа известны могильники **Захонлукэ (Zahonluke)** и **Шанпула (Shanpula)**. Захонлукэ по C-14 датируется около 1000 г. до н. э., хотя отдельные захоронения относятся к более позднему периоду. Могильник состоит из нескольких сотен погребений отличной сохранности, представляющих собой ямы с бревенчатым накатом, поверх которого укладывались шкуры и циновки. Обычно в одну могилу укладывали несколько покойников: на боку или на спине с подогнутыми ногами. На телах и лицах видны татуировки, нанесенные черной краской. Могильник Шанпула состоит из 52 погребальных комплексов трех типов, датированных в интервале от 400 г. до н. э. – 100 г. н. э. Сопроводительный инвентарь включает простую керамику, бронзовые и железные изделия; сохранилась одежда и обувь, изготовленные из шерсти, войлока и кожи. Антропологический тип, определенный для двух могильников, европеоидный восточносредиземноморский (индо-афганский). В последнее время выявляются связи Захонлукэ с памятниками долины Керия, показывающие сложение отдельного очага

производства бронзы и железа (Mei, 2000, с. 23; Debaine-Francfort, 1989, с. 205; 2001, с. 66–67).

3. Для района южных предгорий Тянь-Шаня известны две группы памятников, названные по имени крупнейших и лучше изученных поселений, Синтала (Xintala) и Халадун (Haladun).

Поселение **Синтала (Xintala)** датируется 1700–1470 гг. до н. э. (по С-14), с ним рядом имеется могильник, раскопки которого не проводились. Известно об использовании в строительстве жилой архитектуры сырцового кирпича размером 42×21×11 см, что стало одним из самых ранних свидетельств его применения в Синьцзяне. В гончарной продукции из поселения наблюдается сочетание двух традиций. Первая представлена керамикой с росписью красно-коричневой краской по светлому фону, орнамент геометрический — треугольники, сетки, зигзаги и волнистые линии. Сосуды другого типа, черно-коричневого цвета с примесью дресвы в тесте, менее распространены, чем первые. Они украшались штампом и насечками: орнамент в виде треугольников, елочек и линий оформлял венчик и горловину сосуда, что напоминает стиль андроновской культуры. Найдены два каменных серпа того же типа, что известен в материалах из стоянки Акэтала. В большом количестве обнаружены каменные изделия: зернотерки, терочки, ступки, пестики, мотыги²⁶, а также полированный топор из привозного нефрита. О знакомстве с металлообработкой меди свидетельствует находка каменной литейной формы. Среди подъемного материала имеется бронзовый кельт сеймино-гурбинского типа (Chen & Niebert, 1995, с. 265, 267; Mei, 2000, с. 10).

Поселение **Халадун (Haladun)** состоит из двух строительных горизонтов, и с нижним из них связано возведение деревянных домов каркасно-столбового типа, что необычно для Синьцзяна, где доминирует глинобитная техника строительства. С этим периодом связан комплекс находок, представленный керамикой, изделиями из кости и каменными орудиями труда (ножи, серпы, мотыги, ступки и пестики), среди которых обращают на себя внимание изогнутые серпы/ножи, характерные для чувской культуры Ферганы и стоянки Акэтала. На основании типологического сходства материалов из поселений Халадун и Акэтала предполагалось даже существование единой археологической культуры. Однако, в отличие от Акэтала, в Халадуне не найдено медных предметов, а также имеется расписная керамика, чего нет в припамирском районе. К тому же в Халадуне в большом количестве (более 100) представлены изделия из кости: наконечники стрел, заколки, иглы и т. п. Керамика, в основном, украшена геометрическим орнаментом, краской красного и красно-коричневого цвета по светлому фону. Нерасписная посуда украшена прочерченными по сырой глине линиями, подковообразными насечками, оттисками шнура и гребенки. Как и на поселении Синтала, здесь обнаружены остатки проса. Радиоуглеродных дат нет, но по аналогии с чувской культурой Халадун отнесен к середине – второй половине II тыс. до н. э. Сходство расписной

26 В связи с раскопками поселения Синтала упоминаются находки зерен проса.

керамики и каменных изделий обнаруживается не только с материалами Ферганской долины, но и с погребальным инвентарем из захоронений в Кашмире, к юго-западу от Синьцзяна (Chen & Hiebert, 1995, с. 267–269; Mei, 2000, с. 10–11).

В южных предгорьях Тянь-Шаня имеются три крупных могильника эпохи раннего железа: Чавухугоу (Chawuhugou), Канбакэ (Qunbake) и Баошидон (Baozidong).

Чавухугоу (Chawuhugou) состоит из пяти групп могильников (около 2000 погребений), в которых раскопано более 600 захоронений, датированных по С-14 1000–300 гг. до н. э. Они представляют собой неглубокие ямы с каменными оградками, внутри и поверху выложенные камнями, иногда поставленными вертикально²⁷. Тела лежат на спине (редко на боку) с согнутыми ногами, на раннем этапе преобладали индивидуальные погребения, позже становятся больше групповых и многогразовых захоронений. Антропологический анализ показал преобладание памиро-ферганский типа при наличии небольшой доли монголоидного элемента.

В погребениях обнаружено большое количество лепных красноглиняных сосудов, особенно популярны были кувшины со сливом и одной ручкой. Орнамент расписной посуды наносился черной или темно-красной краской по красному фону. Как и в бассейне Хами, расписная керамика исчезает около 300 г. до н. э. На территории могильника выявлено большое количество ям, заполненных костями лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. В могилы часто помещали головы лошадей, вне могильных оград найдены черепа коров (Chen & Hiebert, 1995, с. 275–278; Mei, 2000, с. 16).

Могильник **Канбакэ (Qunbake)** трехчастный: Канбакэ I (раскопано 46 погребений) и Канбакэ II (13 вскрыто) датируются 800–400 гг. до н. э. В отличие от каменных оград Чавухугоу захоронения Канбакэ представлены круглыми или овальными в плане насыпями курганного типа, при создании которых применялся деревянный каркас. Как и в Чавухугоу, в могилах Канбакэ обнаружены черепа лошадей и верблюдов. Керамический материал преимущественно представлен лепной красноглиняной, редко сероглиняной посудой, только небольшое число сосудов расписано красной краской по желтовато-белому фону.

Хотя Канбакэ включен в «культурную группу» Чавухугоу, в погребальном обряде имеется несомненное сходство с захоронениями могильника Гумугоу позднего этапа (Chen & Hiebert, 1995, с. 278–281; Mei, 2000, с. 16–17).

В могильнике **Баошидон (Baozidong)** раскопаны только два погребения, одно из которых датируется VI в. н. э., но второе можно отнести к концу I тыс. до н. э. Представляют собой ямы под каменной насыпью с многократными захоронениями, содержащими иногда до 20 костяков.

²⁷ В могильнике Чавухугоу IV имеются захоронения в ямах с подбоем (Debaine-Francfort, 2001, с. 64, рис. 16).

Посуда лепная, сероглиняная и желтоглиняная, расписная вовсе отсутствует. Отдельные формы, особенно кувшины со сливом, аналогичны керамическому материалу из могильника Чавухугоу. Подобные захоронения, под курганами из камней и с такой же керамикой, были открыты в последние годы в могильнике Кулансарак (Kulansarak) (Mei, 2000, с. 17).

4. В Турфанском бассейне известно только одно поселение эпохи бронзы — **Калахэчжо (Halahezhuo)**, датированное по радиоуглеродному методу 1100–840 гг. до н. э. Раскопками здесь выявлены остатки домовладения с очагом, сложенного из сырцового кирпича. Каменные изделия относятся к тому же типу, что известен по материалам из поселений Акэтала и Халадун. Керамика лепная, с небольшим количеством расписной; орнамент, как обычно, геометрический (треугольники, заштрихованные треугольники, волнистые линии), но выполненный, в отличие от цветовой гаммы Акэтала и Халадуна, черной краской по красному фону (Mei, 2000, с. 11).

Эпоха железа Турфанского оазиса представлена памятниками «культурной группы» под общим названием Айдинху (Aidinghu) и включает собственно Айдинху, а также могильники Субаши, Янхай, Кагэчякэ и Иняйлакэ, относящиеся ко второй половине I тыс. до н. э. Часто по отношению к памятникам группы Айдинху применяют определение «культура гуши или цзюши» (Gushi/Jushi) (Debaine-Francfort, 1989, с. 189; Mallory & Mair, 2000, с. 143–144).

В могильнике **Айдинху (Aidinghu)** раскопано 50 погребений, представляющих собой прямоугольные в плане ямы, в которых костяк лежал на спине в вытянутом положении, голова обращена на запад. Керамика красного и серого цветов, обычная и расписная. Роспись наносилась черной краской по красному фону, типы орнамента те же, что и в Алагоу I.

В **Субаши (Subashi)** открыто более 100 погребений, которые были двух видов, в обычной яме и в яме с подбоем. Подбойное устройство могилы предполагается датировать несколько более поздним временем. В Субаши тело укладывалось на деревянное ложе, что считается отличительным признаком данного могильника. Во всем остальном захоронения и сопроводительный инвентарь аналогичны Айдинху, лишь процент расписной керамики в Субаши меньше. Отмечаются аналогии и с материалами могильника Чавухугоу.

Захоронения в могильнике **Янхай (Yanghai)** представляют собой прямоугольные ямы с внутренней платформой, сложенной из сырцовых кирпичей, что напоминает традицию Янбулакэ. Тело укладывали на подстилку из деревянных лаг в скорченном положении на спине, голова обращена на восток. Керамика в погребениях имеется как расписная, так и нерасписная.

Два сильно разрушенных могильника, **Кагэчякэ (Kageqiake)** и **Иняйлакэ (Yingayilake)**, по керамическому материалу, в том числе по типам орнамента расписной посуды, также соотносятся с «культурной группой» Айдинху (Mei, 2000, с. 19–20).

5. Памятники бассейна Хами на крайнем востоке Синьцзяна, ненамного отличаясь друг от друга, часто объединяются археологами в одну «культуру» или «культурную группу». Самый восточный из них, могильник **Тяншаньбэйлу (Tianshanbeilu)** или **Линья (Lin-ya)**, по аналогиям датируется приблизительно первой половиной II тыс. до н. э. Раскопано более 200 захоронений, которые осуществлялись в простых ямах и ямах с обкладкой сырцовыми кирпичами. Размер ям колеблется от 2 до 1 м в длину и от 0,6 до 1 м в ширину. Покойника укладывали на боку в скорченном положении, мужские погребения головой ориентированы на юго-запад, женские — на северо-восток. Та же поза погребенных характерна и для могильника **Вупу (Wupu)**, где вскрыто более 100 захоронений, датированных по C-14 1400–1000 гг. до н. э.

В Янбулакэ (Yanbulake) китайские археологи раскапывали и могильник, и поселение. Поселение представляет собой квадратный в плане периметр стен размером 60×50 м с башней на углу и несколькими помещениями, пристроенными снаружи. Стена периметра толщиной 3 м и высотой до 5 м была сложена из пахсы и сырцовых кирпичей и неоднократно перестраивалась. Раскопками внутренней части поселения выявлено три периода обживания, в нижних слоях зафиксированы остатки жилых конструкций, построенных из сырца, камыша и дерева непосредственно на материке.

В могильнике Янбулакэ (Yanbulake) раскопано около 90 погребений трех типов: обычные ямы, ямы с внутренней платформой и склепы, возведенные из сырца на древней дневной поверхности. Костяки лежат на правом или левом боку с подогнутыми ногами или на спине в вытянутом положении, в остальном все так же, как и в двух других могильниках данной группы. С последним этапом функционирования могильника Янбулакэ связаны находки семи железных предметов — перстней, ножей и фрагмента кинжала или меча, которые происходят из погребений-ям с внутренней платформой. Имеется 12 радиоуглеродных дат, предполагающих одновременность захоронений: восемь образцов определяют диапазон 1750–1300 гг. до н. э., три пробы дали возраст в пределах 750–550 гг. до н. э.

Богатство находок во всех трех могильниках потрясает воображение. Это бронзовые предметы, в том числе зеркала, украшения — серебряная заколка, бусы из агата, раковины каури, многочисленные изделия из дерева. В могильнике Вупу найдены одежда и обувь из шерсти, войлока и кожи; обнаружен колесный диск от повозки; собраны зерна проса и ячменя, кости крупного и мелкого рогатого скота, осла, лошади и верблюда.

Керамический материал всех трех могильников представлен лепной красноглиняной и иногда сероглиняной посудой. Расписная керамика обычно составляет одну треть от общего количества и украшена геометрическим орнаментом, нанесенным черной краской по красному фону. В могильнике Янбулакэ расписная посуда составляет 36% от общего количества, в том числе есть сосуды с росписью желто-белому фону. Некоторые расписные чаши и миски имеют отверстия на дне. Формы и орнаментальные композиции посуды из Тяньшаньбэйлу и Янбулакэ отражают влияние культуры Сибя (Siba), распространенной в провинции Ганьсу в 1950–1550 гг.

до н. э., но, в то же время, имеется сходство с мотивами росписи керамики чувской культуры Ферганы позднего этапа. О контактах с афанасьевской или раннеандроновской культурами, как думают некоторые исследователи, может свидетельствовать характерный для степного круга серый или черный цвет керамики, найденной в незначительном количестве в могильниках бассейна Хами.

Один из погребенных в могильнике Вупу (светловолосый европеоид) имеет татуировки на ладонях, руках и плечах, что напоминает обычай племен горного Алтая, оставивших курганы в Пазырыке. В Янбулакэ отмечается сосуществование европеоидного и монголоидного населения, с явным преобладанием последнего. Из 29 исследованных черепов 21 относится к монголоидной расе (11 мужчин и 10 женщин), остальные 8 (все мужские) — европеоиды. Надо заметить, что со временем, на поздних этапах функционирования могильника, процент европеоидов слегка увеличивается (Chen & Hiebert, 1995, с. 259–264; Mei, 2000, с. 11–12; Mallory & Mair, 2000, с. 140–143; Li, 2001, с. 174–175).

В бассейне Хами могильник Янбулакэ в I тыс. до н. э. еще продолжал функционировать, но тогда же, в эпоху раннего железа, появляются еще два новых памятника — могильники Ханьхигоу и Мяоэргоу.

В Ханьхигоу (Hanqigou) насчитывается 25 погребений в виде прямоугольных ям, выложенных камнями. Покойника укладывали в скорченном положении на боку, головой на север, в чем прослеживается наследие традиции «культуры» Янбулакэ, отчего Ханьхигоу рассматривается как ее поздний вариант. В сопроводительном инвентаре изделия из железа не обнаружены, керамический материал представлен 32 сосудами, только три из которых расписные. Радиоуглеродная дата 359–40 гг. до н. э.

В Мяоэргоу (Miao'ergou) раскопано 9 погребений, представляющих собой ямные захоронения под каменной насыпью. Покойник лежал на спине в вытянутом положении, что необычно для «группы» Янбулакэ. Керамика лепная, черного цвета, на поверхности подобрано несколько расписных фрагментов. В числе прочих находок имеются железные ножи и кинжалы, бронзовые топоры, фрагменты лаковых изделий, то есть сопроводительный инвентарь из захоронений в Мяоэргоу совершенно отличается от материалов Ханьхигоу, что свидетельствует о существовании здесь в конце I тыс. до н. э. некоей обособленной группы (Mei, 2000, с. 22–23).

6. В северных предгорьях среднего Тянь-Шаня известно несколько поселений и могильников эпохи бронзы, составляющих «культурные группы» Нанвань, Сидаогуоу и Шуйничан.

В могильнике **Нанвань (Nanwan)** открыто более 100 ямных захоронений в деревянных гробах, датированных по 18 радиоуглеродным пробам 1500–900 гг. до н. э. Керамика, в основном, лепная, красноглиняная, расписных сосудов меньше. Роспись черной краской по красному фону, очень редко встречается красная роспись на белом фоне.

На поселении **Ланчжоуванзи (Lanzhouwanzi)** раскопано большое здание, сложенное из камня и состоящее из двух помещений. Сооружение

похоже на жилые дома андроновской культуры, но бронзовые изделия и керамика аналогичны материалам из могильника Нанвань. По одной радиоуглеродной пробе датируется концом II тыс. до н. э.

В ходе разведочных работ в районе юго-восточных предгорий Тянь-Шаня был собран обильный подъемный материал: каменные и бронзовые изделия, медные шлаки, лепная керамика (нерасписная и с росписью, иногда с резным орнаментом). Имеются две радиоуглеродные даты: 1031–845 гг. до н. э. и 802–454 гг. до н. э.

Группа **Сидаогоу (Sidaogou)** характеризуется единым набором каменных орудий (ступки, песты, терочки, молоты) и керамики. Выделяется два периода, датированных по C-14, соответственно, 1036–896 и 700–300 гг. до н. э. Посуда раннего этапа преимущественно красноглиняная, нерасписная. В Сидаогоу преобладают грубые сосуды на округлом дне. Расписная составляет около одной трети общего количества, роспись наносилась черной краской по красному фону. На поселении найдено более 30 глиняных литейных форм для изготовления ножей.

В могильнике **Шуйничан (Shuinichang)** раскопано 8 погребений в ямах. Захоронения скорченные на боку, ориентированы головой на восток или юго-восток. Материал из могильника представляет две традиции, одна из которых, судя по форме и оформлению сосудов, находит соответствие в карасукской культуре Южной Сибири (Mei, 2000, с. 12–14).

К востоку и северу от Турфанского оазиса расположены памятники эпохи раннего железа — могильники Алагоу, Дунфэнчан, Вулапо и несколько обособленная группа захоронений в Далункоу и Дакаолян.

В долине **Алагоу (Alagou)** раскопано 85 погребений двух типов, которые датируются приблизительно 800–100 гг. до н. э. Сооружения **Алагоу I** (81 гробница) представляют собой ямы диаметром от 2 до 3 м и глубиной 2 м, стены погребальной камеры выложены камнями. Обычно захоронения групповые, иногда несколько десятков, тела лежат в вытянутом положении на спине, головой на запад. По антропологическим данным, состав населения был смешанный, европеоидно-монголоидный. Сопроводительный инвентарь включает изделия из бронзы, железа, кости, дерева, камня, есть шерстяные ткани и раковины каури, сохранились остатки шелковых сеток для волос и лакированных чаш. Керамика лепная, большая часть украшена росписью черной краской по красному фону, обнаруживая сходство с материалами Турфанского оазиса. Орнамент на деревянных нашивках имеет аналогии в Пазырыкском кургане, что может свидетельствовать о существовании устойчивых связей с населением горного Алтая.

К типу **Алагоу II** относится всего 4 погребения, которые отличаются от Алагоу I тем, что вместо камней в устройстве более глубокой могильной камеры применялось дерево и тем, что в каждой гробнице было максимум два костяка. Отличие усматривается и в керамике: хотя в Алагоу II было найдено мало сосудов, они явно относятся к иной традиции гончарного производства. Железных предметов немного: это наконечники стрел и миниатюрные ножи. Обнаружены шелковые и лаковые изделия. Орнамент на золотых и серебряных пластинах из погребения М30 аналогичен тому,

что запечатлен на деревянных нашивках из Пазырыкского кургана IV в. до н. э. Бронзовый столик-подставка определенного типа из того же захоронения известен и в Иссыкском кургане в низовьях р. Или в Казахстане, и среди памятников верховьев р. Или на северо-западе Синьцзяна. Датируются все четыре погребения Алагоу II 400 г. до н. э. – 60 г. н. э. и считаются принадлежащими сакской культуре (Saka culture) или племенам усунь (Wu-sun) китайских исторических хроник (Ma Yong & Wang Binghua, 1996, с. 213–221; Mei, 2000, с. 17–18).

Могильник **Дунфэнчан (Dongfengchang)**, расположенный в 70 км к западу от Алагоу, по типу захоронений и сопроводительному инвентарю идентичен галечным захоронениям Алагоу I. Здесь раскопано 41 погребение, которые датируются по шести C-14 пробам 1300–600 гг. до н. э. Изделий из железа мало, найдено только три миниатюрных ножа (Mei, 2000, с. 18).

В могильнике **Вулапо (Wulapo)** близ г. Урумчи раскопано 46 ямных одиночных и групповых захоронений, в деталях несколько отличающихся от Алагоу I. Так, наряду с вытянутым положением костяка, отмечаются случаи скорченных труположений. Вся посуда круглодонная, красноглиняная, только изредка расписная. Интересно, что расписная керамика имеется только в тех могилах, где еще нет железных предметов, только медные и бронзовые, что позволяет отнести эти погребения к более раннему периоду функционирования могильника. В целом, Вулапо датируется второй половиной I тыс. до н. э. (Mei, 2000, с. 19).

Район к востоку от г. Урумчи, где в эпоху бронзы существовала группа Сидаугоу, в археологическом отношении исследован слабо. Тем не менее, здесь известны два могильника эпохи раннего железа, **Далункоу (Dalongkou)** и **Дакаотянь (Dacaotan)**, которые датируются серединой I тыс. до н. э. Захоронения Далункоу (10 раскопанных) осуществлялись в овальных ямах под невысокой насыпью из камней или земли. В большинстве случаев это одиночные погребения, в которых покойника укладывали в вытянутом положении, головой на запад. По погребальному обряду наблюдается сходство с могильниками долины р. Или. В то же время, сопроводительный инвентарь имеет аналогии с памятниками южных предгорий Тянь-Шаня, а по отдельным типам керамики из курганов можно видеть продолжение традиций Сидаугоу, имеется также два расписных сосуда. Погребения могильника Дакаотянь (раскопано 4) по типу еще ближе памятникам долины р. Или: это прямоугольные ямы, заполненные щебнем, сверху насыпь из камней (Mei, 2000, с. 22).

7. В северо-западной части Синьцзяна имеется три памятника, объединяемые в одну «культурную группу» под общим названием **Агаэрсен (Aga'ersen)** по имени известного клада бронзовых изделий позднеандроновского типа. Датируется он XIII–IX вв. до н. э. Аналогичные предметы были найдены во многих местах долины р. Или, в том числе на территории Казахстана и Киргизстана.

В целом для района Агаэрсен характерны поселения и могильники, по всему набору признаков совершенно аналогичные памятникам андроновской культуры. Более того, влияние андроновской

культуры, как показали последние исследования, достигало южной окраины Джунгарской равнины (Mei, 2000, с. 14).

В эпоху раннего железа количество памятников в долине р. Или резко увеличивается, только могильников I тыс. до н. э. в этом районе сейчас насчитывается девять. С учетом их географического положения они объединяются в две группы — Темуликэ и Сяотай; считается, что обе группы памятников оставлены племенами саков или усуней, отчего часто по отношению к ним используется определение «Saka Culture».

К группе **Темуликэ (Tiemulike)** относятся 6 могильников, клады и отдельные находки бронзовых изделий, а также одно поселение, связанное с добычей и переработкой медной руды. Могильники имеют общие черты и в погребальном обряде, и в погребальной конструкции, по внешним признакам это каменные или грунтовые курганы, иногда они выглядят как скопление мелких камней на поверхности. Покойника клали в вытянутом положении на спине, головой на запад. Имеются некоторые отличия в устройстве погребальной камеры: есть ямы с внутренней платформой; ямы, заполненные камнями; имеется один случай срубной конструкции; иногда стены могильной ямы укрепляли камнями; бывают ямы с подбоем в одной из стен.

В Темуликэ вся посуда лепная красноглиняная, без росписи; в могильнике Хэшаньтоу найдены два расписных сосуда; в небольшом количестве таковая имеется и в Суодунбулакэ, хотя, в целом, расписная керамика не характерна для могильников долины р. Или. Для памятников группы Темуликэ есть несколько радиоуглеродных дат: 900–400 гг. до н. э., 770–100 гг. до н. э. и 500–200 гг. до н. э. (Debaine-Francfort, 1989, с. 198–200; Chen & Hiebert, 1995, с. 281–283; Mei, 2000, с. 20–22).

В группу **Сяотай (Xiatai)** входят три могильника, в которых раскопано 19 грунтовых курганов. Поза погребенных и сопроводительный инвентарь аналогичны Темуликэ, расписная керамика также представлена в небольшом количестве, в то же время, уже появляются лаковые изделия. Пять радиоуглеродных дат относятся к концу I тыс. до н. э., четыре — начало н. э., с учетом чего группа Сяотай отождествляются с усунями письменных источников (Debaine-Francfort, 1989, с. 202; Mei, 2000, с. 22).

8. На крайнем севере Синьцзяна Цзянцзун Мэй помещает восьмую «культурную группу», представленную вышеупомянутым могильником **Кээрмуци (Ke'ermuqi)**, где еще в 1963 г. было раскопано 32 погребения. Учитывая находки железных предметов, его первоначально датировали в диапазоне от 600 г. до н. э. по 800 г. н. э., позже, допуская одновременность захоронений, II тыс. до н. э. (Debaine-Francfort, 1989, с. 197–198; Chen & Hiebert, 1995, с. 269–272; Mei, 2000, с. 14–15). В результате повторного анализа материалов могильника Кээрмуци было убедительно подтверждено наличие двух хронологических периодов. Первый из них (фаза I) относится к эпохе бронзы и датируется концом III – началом II тыс. до н. э., второй (фаза II) включает погребения эпохи раннего железа (Wei Ming Jia & Betts, 2010, с. 301–311). Авторы исследования пришли к заключению,

что культура Кээрмуци представляет собой отдельное явление, отличаясь от афанасьевской и окуневской культур, хотя, несомненно, имеет общие с ними черты, особенно с последней. В то же время материалы Кээрмуци не обладают ни малейшими признаками сходства с памятниками Таримского бассейна (Wei Ming Jia & Betts, 2010, с. 311–312).

Таким образом, к области находок памятников тохарской письменности «культурная группа» Кээрмуци вряд ли имеет какое-то отношение, поскольку интересующие нас районы Синьцзяна, начиная с эпохи бронзы, были заняты носителями так называемой «культуры расписной керамики». Как бы ни хотелось многим исследователям видеть в Кээрмуци долгожданный «мостик» между восточноевропейскими и синьцзянскими культурами и подтвердить проникновение в Тарим афанасьевской и гипотетической постафанасьевской культуры, археологических свидетельств тому нет и, по сути, быть не должно. В отношении материалов из могильника Кээрмуци намного перспективнее будет сопоставление с комплексом кельтеминарской культуры, с которым они имеют несомненное сходство.

При всем наличии незначительных местных особенностей той или иной «культурной группы», в действительности на территории Синьцзяна выделяется три историко-культурные общности, что и было наглядно продемонстрировано К. Дебэйн-Франкфор (Debaine-Francfort, 2001, с. 58, рис. 1).

I. На территории Северо-Западного Синьцзяна в эпоху бронзы – раннего железа последовательно сменяют друг друга племена андроновского круга, затем приходит время сакской культуры, еще позже наступает черед культуры усуней.

II. Южную, западную и северо-западную окраинах пустыни Такламакан занимают памятники «серой керамики», выделяемые А. П. Франкфором в отдельную археологическую культуру Акэтала (Francfort, 2001).

III. В центральной части Синьцзяна, широтной полосой между пустыней Такламакан на юге и горами Тянь-Шань на севере, от Кучи на западе до бассейна Хами на востоке, включая восточные отроги Тянь-Шаня, разместились памятники культуры расписной керамики.

Дж. Мэллори и В. Мэйр удачно совместили распространение известных археологических комплексов с находками памятников тохарской письменности (Mallory & Mair, 2000, с. 301, рис. 160). Даже с учетом хронологического разрыва и, соответственно, изменения этнического состава населения Синьцзяна к моменту написания первых тохарских текстов, можно ясно видеть, что ареалы распространения тохарских А и В языков абсолютно совпадают с областью «культуры расписной керамики». В то же время, «культура серой керамики» точно так же соответствует области государства Крорайна с его субстратным тохарским С языком, если, конечно, он действительно был тохарским, а не каким-либо иным древнеиндоевропейским диалектом²⁸.

²⁸ Исключение составляет район к востоку от г. Ния, который до распространения хотано-сакского языка также входил в ареал «серой керамики», а также Яркенд и Кашгар.

Не менее интересный результат получается при обзоре распространения антропологических типов древнего населения Синьцзяна, хотя здесь принцип единого хронологического среза еще больше нарушен (Mallory & Mair, 2000, с. 240, рис. 138). При всех имеющихся погрешностях можно заметить, что в ареале культуры «серой керамики» преимущественно был распространен восточно-средиземноморский (индо-афганский) расовый тип. В могильниках «культуры расписной керамики» зафиксированы все физические типы европейской расы, а также немалый процент представителей монголоидной расы, особенно на восточных окраинах, но населения средиземноморского облика, насколько можно судить по имеющимся данным, там меньше всего. Протоевропеоидный набор признаков людей, похороненных в могильнике Гумугоу, является главным аргументом сторонников присутствия афанасьевской культуры в Восточном Туркестане. Действительно, крупная, длинная и высокая голова, умеренно низкое и широкое, остро профилированное лицо и сильно выступающий нос присущи населению евразийских степей эпохи бронзы (Алексеев, 1992, с. 393), но не следует забывать о кельтеминарской культуре, для которой характерен точно такой же расовый тип.

Палеоантропологическое исследование населения Синьцзяна явно отстает от достижений новой научной дисциплины, биоархеологии. По образцам, взятым из волос и ребер нескольких женских мумий, удалось установить группу крови: во всех случаях это тип O. Биологи также выявили группу из шести антигенов, два из которых являются типичными для современного населения Северной Евразии, и чем ближе к югу, тем реже их встречаемость (Mallory & Mair, 2000, с. 245).

По результатам генетического исследования образцов мумий эпохи поздней бронзы из Кизилчока (Qizilchoqa) в Хами П. Франкалаччи установил, что они входили в хаплогруппу H при полном отсутствии признаков групп T и M. Группа H присуща европеоидному населению, заполняя почти половину митохондриального генного поля ДНК западноевропейского населения, но крайне редка у не европеоидного, около 0,25%. Для сравнения, у французов и славян-боснийцев 48%, у немцев 46,3%, у испанцев 45,1%, у русских 42%, у шведов и финнов 40–41%, в то время как, например, у саамов 4%, у якутов и индусов 3%. Генетические исследования китайских биологов показали начало проникновения генных признаков, присущих восточноазиатскому (монголоидному) населению, в оазисы Таримского бассейна только со II в. до н. э., что полностью подтверждает сообщения китайских письменных источников (Mair, 2005, с. 24–25).

Складывается парадоксальная ситуация: как и в случае лингвистического анализа тохарских языков, данные генетической экспертизы уводят далеко на запад. Тот же вывод напрашивается при изучении стиля и материала одежды древних обитателей Тарима. В Синьцзяне около 1800 г. до н. э. изготавливали войлочные изделия (фетр), и в Западной Анатолии в 2600 г. до н. э. тоже. Высокие остроконечные шляпы с полями (т. н. «ведьмовской колпак») со вставленными по бокам перьями, найденные в Крорайне (Лоулань), живо напоминают своеобразные альпийские головные уборы. Археологи нашли в болотах Дании тело девушки, жившей

в XIV в. до н. э., и она была одета в такую же точно юбку, что и жительница Синьцзяна того же времени (Mair, 2005, с. 35).

V. Мэйр склонен считать, что мумии Тарима можно идентифицировать с носителями тохарских языков, доводов в пользу этого предположения гораздо больше, чем, скажем, доказательств их иранского или какого-то иного происхождения, с чем, конечно, полностью согласился Э. Пуллиблэнк, как, впрочем, и большинство исследователей (Mair, 2005, с. 32–33; Pulleyblank, 1995, с. 415; Renfrew, 1998). Тем не менее, толика сомнений все равно остается, и сам автор вполне это осознает: «We still do not know exactly who the mummies were, precisely where they came from, and what language(s) they spoke, but we are getting closer to the answers every day» (Mair, 2005, с. 36).

В поисках ответа на все эти вопросы каждая из сторон предлагает свои решения, отталкиваясь, как уже говорилось, от известных фактов, но в пределах собственного информационного поля.

Западные исследователи, а также ученые из России, разумеется, уделяют особое внимание поиску в Таримском бассейне археологических признаков андроновской и афанасьевской культур. Существование в северо-западном районе Синьцзяна андроновских памятников, насколько известно, никто и не оспаривает (Chen & Hiebert, 1995; Mei & Shell, 1999). Никто не сомневается и в присутствии андроновского компонента в памятниках культуры расписной керамики, но со следами афанасьевской культуры в Тариме дело обстоит сложнее (Mei, 2000, с. 58–61). Надежды, которые возлагались на могильник Кээрмуци (крайний север Синьцзяна, южные предгорья Алтая), не оправдались ни по хронологическим, ни по географическим, ни по культурным признакам. В пользу афанасьевцев может свидетельствовать только антропологический тип отдельных групп древнего населения Таримской долины. Оставляя в стороне вопросы расогенеза Центральной Азии, хотелось бы знать, как это согласуется с индоиранской атрибуцией ямной культурно-исторической общности, восточной ветвью которой, несомненно, была афанасьевская культура. Если признать в ямной общности, даже с учетом ее возможных среднестоговских корней, праиндоевропейцев, то IV–III тыс. до н. э. — слишком позднее время для существования индоевропейского единства. По лингвистическим данным, ареальные контакты общеиндоиранского и тохарского исключаются, и, напротив, имеются четкие свидетельства языкового взаимодействия тохарского с арийским, носителями которого, конечно, были андроновцы.

Китайские археологи, как правило, заняты выявлением связей памятников Тарима с древними культурами Великой Китайской равнины, общим между которыми является только наличие росписи на сосудах. Как и в предыдущем случае, никто не отрицает существования контактов и взаимовлияния двух ареалов, особенно в восточной части Синьцзяна. Но сводить происхождение культуры расписной керамики к прямому воздействию позднего Яншао (4000–3000 гг. до н. э.) или Мацзяяо (3300–2000 гг. до н. э.) не вполне корректно. Есть несомненное сходство с материалами культур эпохи поздней бронзы на территории провинций Ганьсу

(Gansu) и Цинхай (Qinghai). Это касается форм сосудов, особенно с ручками, типов орнамента, мотивов росписи (спираль), но фактор взаимовлияния характерен больше для контактной зоны на крайнем востоке Синьцзяна: памятники Хами, с одной стороны, и культура Сиба, с другой, что подтверждается и антропологическими данными. Дальше к западу круг аналогий сокращается, да и в восточном направлении сходство уменьшается (Li, 2002; Wagner, 2001). Не правильнее ли будет говорить, что в районе восточного Синьцзяна – Западного Ганьсу сошлись два встречных этнокультурных импульса, две традиции расписной керамики, и, безусловно, китайская культура Сиба (1950–1550 гг. до н. э.), возникшая в контактной зоне, обязана своим происхождением синтезу, вернее, наложению двух сфер влияния.

По поводу определения места культуры Таримского бассейна в системе евразийских связей имеется точка зрения, которая, казалось бы, совмещает и северную, и восточную тенденции. По мнению К. Дебэйн-Франкфор, источник происхождения расписной керамики в Синьцзяне восточный, из Китая, в то время как металлургическая традиция отражает северное, степное влияние (Debaine-Francfort, 2001, с. 67).

Но не все так просто: во-первых, китайская Яншао, истоки которой, кстати, до сих пор еще не вполне ясны, не единственная в Азии культура расписной керамики. Во-вторых, наряду с типично «степными» оловянистыми бронзами, широко распространенными в Тариме, в могильнике Вупу (1400–1000 гг. до н. э.) в 55 км к западу от г. Хами найдены два предмета с содержанием мышьяка 3–4% (Mei, 2000, с. 73).

Древнейшая традиция производства мышьяковистых бронз берет начало на Ближнем и Среднем Востоке в III–II тыс. до н. э. Сторонники так называемого «западного импульса» в истории Китая наряду с внезапным появлением пшеницы в Западном Ганьсу около 3000–2500 гг. до н. э. всегда указывают и на не менее загадочное появление мышьяковистых бронз в упомянутой выше культуре Сиба. Китайские археологи, как и следовало ожидать, это мнение оспаривают (Li, 2002, с. 180).

Ближайшая археологическая культура, где производили бронзы на основе мышьяка, это Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (БМАК) или, иначе, культура Окса эпохи бронзы, распространенная около 2000–1500 гг. до н. э. на западе Туркменистана, юге Узбекистана и севере Афганистана. Но разработка вопроса по выявлению хотя бы каких-нибудь признаков влияния БМАК на культуры Синьцзяна, разумеется, не принесла никаких результатов, кроме отрицательного (Mallory & Mair, 2000, с. 304–306). В то же время, на территории Средней Азии имеются так называемые «культуры лепной расписной керамики эпохи поздней бронзы – раннего железа», совершенно идентичные синьцзянским по целому ряду признаков.

Те археологи, которые работают в западной Центральной Азии и знают среднеазиатский материал, прежде всего, конечно, отслеживают западные и юго-западные направления связей культуры расписной керамики Синьцзяна. Пальма первенства в этом вопросе принадлежит чустской культуре Ферганской долины, аналогии которой с памятниками Тарима

многочисленны и разнообразны, причем во всех отношениях. Непредвзято сопоставляя комплексы чувтской культуры Ферганы (вкуне с бургулюкской культурой Ташкента) и Тарима, нельзя не признать в них принадлежности к единой культурно-исторической общности, иначе говоря, культуры лепной расписной керамики эпохи поздней бронзы – раннего железа. Разделение общего пространства с единообразным археологическим комплексом носит скорее историографический характер, обусловленный хронологией исследований, различными методологическими установками и современными административными границами. С другой стороны, все сказанное в полной мере относится и к вопросу о взаимосвязи культур Синьцзяна, Ферганы и Ташкента с памятниками круга Яз I. При этом, как ни парадоксально, иногда круг аналогий Яз I с бургулюкской культурой и отдельными комплексами Синьцзяна шире, чем с Чустом. По мере выявления на территории Среднеазиатского междуречья все большего числа памятников или, как правило, слоев, относящихся к сообществу культур расписной керамики эпохи раннего железа²⁹, яснее понимается, что северо-восточный и южный его ареалы никак нельзя считать обособленными. Как правило, среднеазиатские археологи давно пришли к такому выводу.

Существует еще один другой аспект исследования общности расписной керамики эпохи раннего железа, связанный с ее лингвистической атрибуцией. Пикантность ситуации заключается в том, что создание и чувтской культуры, и Яз I приписывается восточноиранским племенам. Вне связи с памятниками Ферганской долины утверждается, что носители культуры Яз I говорили на восточноиранских языках, отделяясь на западе пустыней Деште-Кевир от носителей западноиранских диалектов — создателей культуры серой керамики. Правда, сам автор идеи несколько недоумевает по поводу того, что на территории восточноиранской культуры Яз I позже распространился западноиранский парфянский язык (Массон, 1984, с. 9). Не приводится никаких объяснений по поводу того, каким образом на юге Средней Азии в «транзитный» период Намазга VI – Яз I произошла кардинальная трансформация абсолютно всех составляющих материальной культуры. Использование благозвучных, но не вполне корректных терминов «седентаризация» или «культурная мутация» является, похоже, попыткой ухода от археологических реалий.

Если принять допущение, что носители крайне самобытной и невероятно консервативной культуры расписной керамики эпохи поздней бронзы и раннего железа были в языковом отношении древнеиранскими племенами, это вступает в неразрешимое противоречие со всеми имеющимися фактами, лингвистического, археологического и, если угодно, антропологического порядка.

По вопросу истоков культуры расписной керамики Ферганы и Синьцзяна археологи, которые работают в западной Центральной Азии и знают среднеазиатский материал, придерживаются мнения о «западном», точнее, «юго-западном» ее происхождении. Изначально первые исследователи неолитических и энеолитических культур северных предгорий Копетдага

29 Местонахождений керамики типа Яз I, похоже, нет только там, где ее не искали.

(и не только они) видели и ощущали некую преемственность традиций изучаемой ими культуры и Чуста, а также Синьцзяна (Массон, 1959, с. 114–118; Киселев, 1960, с. 251–253, 264; Массон, 1964, с. 186; Masson & Sarianidi, 1972, с. 164; Антонова, 1988, с. 155). Но и тогда, и в последующие годы даже думать об этом было не вполне лояльно по отношению к господствующей методологии эволюционного пути развития цивилизаций. На возможность миграций, тем более, такого сложного порядка, как из Туркменистана в Китай, смотрели, мягко говоря, искоса. Даже после открытия энеолитического поселения Саразм, когда, казалось бы, был получен долгожданный конкретный материал для обсуждения старой темы, дальше признания очевидного факта, что произошел отток какой-то части населения Копетдага в долину Зарафшана, дело не пошло. Сейчас же писать о древних связях населения предгорий Копетдага и Восточного Туркестана равнозначно признанию тохаров отраслью эламо-дравидских племен. Для того чтобы разобраться в этой парадоксальной ситуации, придется обратиться к началу начал, ко времени появления на юго-западе Средней Азии первых памятников эпохи мезолита.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ СРЕДНЕЙ АЗИИ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Уже на самых ранних этапах каменного века, еще до появления человека современного вида, в Средней Азии наблюдается одна очень интересная закономерность. В нижнем и среднем палеолите на территории западной Центральной Азии определились два пути развития культуры: средиземноморско-африканский на крайнем юго-западе (в Туркменистане) и восточноазиатский на востоке и севере (Казахстан и Сибирь) (Окладников, 1966, с. 22, 48–49). В верхнем палеолите, памятников которого в Средней Азии на удивление мало по сравнению с мустьерскими, эта тенденция полностью сохранилась. Западная часть, в частности, Иран, Афганистан и Туркменистан, входили в вышеупомянутую средиземноморско-африканскую культурную область, как и Крым и Кавказ. Восточные районы Средней Азии составляли часть сибирско-монгольской, восточноазиатской провинции (Окладников, 1966, с. 58–59; ИТН, 1998, с. 83). Ареалы двух культур граничили друг с другом, наслаивались, оказывали друг на друга взаимное влияние и, вероятно, образовывали смешанные варианты. Например, в Киргизстане, на юге Ферганской долине известна верхнепалеолитическая стоянка Ходжигор, которая является наиболее восточным пунктом культуры южных районов Средней Азии, Кавказа, Крыма, Ближнего Востока и Африки. В то же время, территориально расположенная много западнее стоянка в г. Самарканд относится к памятникам сибирско-китайской верхнепалеолитической провинции (ИТН, 1998, с. 88–89). На севере стоянка Чурук 12 (юго-восточный Устюрт), датированная самым концом верхнего палеолита, демонстрирует распространение культурной традиции переднеазиатского типа (Виноградов, 1981, с. 57).

После того как наступил период относительного потепления, и климат стал более мягким, человек начинает осваивать прежде незаселенные пространства, о чем свидетельствует резко возросшее по сравнению с верхним палеолитом количество памятников.

II.1. МЕЗОЛИТ

В эпоху мезолита территория Средней Азии оставалась пограничной зоной как минимум двух основных ареалов, очертания которых, разумеется, не всегда поддаются определению. На равнинах юга и в предгорьях Копетдага развивалась микролитическая техника, на севере и в горных областях по-прежнему продолжалась сибирско-монгольская традиция. В Прикаспии это микролитическая культура с орудиями геометрических форм, генетически связанная с южным «каспийским» палеолитом. В горных областях господствовала архаичная традиция изготовления крупных оббитых изделий из галек, что является наследием палеолитической культуры чопперов Северной и Восточной Азии (Окладников, 1966, с. 73–74). Во избежание терминологической путаницы В. А. Ранов предложил памятники XI–VII тыс. до н. э. с микролитами геометрической формы именовать мезолитическими, а индустрии, где такого рода орудий нет — эпипалеолитическими (см.: ВДИ, 1998, с. 90–91; Ранов, 2003; BrUNET, 2002, 2003).

Г. Ф. Коробкова различает три основных варианта мезолита Средней Азии: прикаспийский, ферганский и горный. В соответствии с техникой обработки каменных орудий в Прикаспии выделяется две группы памятников, прибалханская и прикаспийская группа зарзийского типа (X–IX тыс. до н. э.). Прибалханская группа объединяет материалы слоев IV(низ)–VII Дамдамчешме II, VIII–VII слои пещеры Джебел и Каскырбулак; генетически связана с нижними горизонтами пещер Гарикамарбанд (Белт), Хоту в Северном Иране, а также, как полагает Г. Е. Марков, может быть сопоставлена с материалами из поселения Джармо в Северном Ираке. Индустрия этой группы характеризуется грубой пластинчатой техникой при незначительной микролитоидности, отличается самобытностью в деталях техники и приемах обработки (Коробкова, 1970, с. 21–22; Марков, 1966, с. 119). По определению В. И. Цалкина, в слое IV грота Дамдамчешме II обнаружены кости одомашненных овец и коз, относящиеся к VII–VI тыс. до н. э. (Марков, 1966, с. 123).

Второй комплекс обладает иным обликом индустрии и включает материалы нижних слоев Дамдамчешме I и Кайлю, слой IV (верх) Дамдамчешме II и Ходжасу I. Техника также пластинчатая, но с большими микролитическими чертами и иным характером заготовок — из крупных удлиненных пластин. По мнению специалистов, представляет собой локальный вариант зарзийской культуры, известной по верхнепалеолитическим памятникам Зарзи (слой В), Хазар Мерда, Шанидар (слой В2), Пасангар и Палегавр в Северном Ираке (Окладников, 1966, с. 60; Марков, 1966, с. 118–119; Коробкова, 1970, с. 22–23; 1975, с. 20–23).

Ферганский мезолит также представлен двумя группами памятников: равнинной части (центральноферганский мезолит) и горной (обиширская группа). Для равнинной индустрии характерна микролитическая техника с преобладанием микропластин при почти полном отсутствии геометрических микролитов. Датируется VIII–VI тыс. до н. э. и обнаруживает сходство с материалами стоянок Сазаган в Самаркандской области (Коробкова, 1970, с. 24–25; 1975, с. 23–24; Исламов, Тимофеев, 1986,

с. 17–21). По типологическим признакам А. В. Виноградов склонен отнести коллекции из Центральной Ферганы к ранненеолитическому времени (Виноградов, 1981, с. 63, сноска 35).

В горной зоне Ферганы материалы из пещерных комплексов демонстрируют сочетание галечной и пластинчатой техники расщепления, что напоминает традиции верхнепалеолитической стоянки в г. Самарканд. Имеется круг аналогий с комплексами пещеры Даракалон в Афганистане (Коробкова, 1970, с. 24–25; 1975, с. 23–24).

Горный мезолит также представлен двумя культурными комплексами с разными техническими традициями обработки камня — переднеазиатского и сибирского типа. Смешение двух индустрий отчетливо прослеживается по материалам горных памятников Таджикистана, где сосуществуют галечная и пластинчатая техники расщепления (наряду с микролитовидной техникой расщепления камня присутствуют отдельные элементы пластинчатой), т. е., по терминологии В. А. Ранова, сочетание эпилеолитических и собственно мезолитических признаков. Этот факт является главным доводом в пользу комплексного характера развития культур Средней Азии, наличия на ее территории нескольких племенных групп различного происхождения. (Коробкова, 1970, с. 25; 1975, с. 24–26; ИТН, 1998, с. 91–102).

По заключению В. А. Ранова и А. В. Виноградова, ход развития автохтонной культуры неоднократно нарушался миграционными влияниями, обусловившими невероятную пестроту мезолитических и эпилеолитических памятников Средней Азии. На востоке одной из зон стыка культур азиатского и ближневосточного происхождения могла быть Афгано-Таджикская депрессия по обе стороны р. Амударья (Виноградов, 1979, с. 8–9). Материалы из стоянок Аккупрук в Балхе и скального навеса Каракамар в северных отрогах Гиндукуша (Афганистан) являются эпилеолитическими, тогда как коллекция, собранная А. В. Виноградовым в песках левобережья Амударьи в Северном Афганистане, обнаруживает сходство с прикаспийским мезолитом зарзийского типа. «Можно предполагать, что здесь, как и на западе Средней Азии, мы имеем дело с двумя разнородными, очевидно, одновременными культурно-техническими традициями: одной ранней, связанной с позднепалеолитической–раннемезолитической культурой Леванта и другой, находящейся под заметным воздействием технической традиции зарзийского типа» (Виноградов, 1979, с. 57).

К позднемезолитическим–раннеолитическим комплексам относятся материалы из стоянок староречий р. Зарафшан, демонстрирующие отщепово-пластинчатую индустрию с явным преобладанием отщепов, что указывает на северо-восточные пределы распространения прикаспийско-ближневосточной традиции каменной индустрии (Холматов, 2000, с. 25–27). На плато Устюрт выделяется айдаболская культура эпохи мезолита и неолита, для которой характерна пластинчатая индустрия, обнаруживающая генетические связи с мезолитическими памятниками Южного Прикаспия (Джебел, Дамдамчешме). В то же время отмечается сходство отдельных орудий с материалами южноуральских стоянок Янгелька и Мысовая и мезолитических комплексов т. н.

сероглазовской культуры Северного Прикаспия (Авизова, 1990, с. 24–25). А. В. Виноградов на основании находок в позднемезолитической стоянке Айдабол ассиметричных трапеций янгельского типа предвидел, что «в будущем районы распространения мезолитических индустрий ближневосточных типов в Прикаспии сомкнутся с областью распространения южноуральской янгельской культуры» (Виноградов, 1979, с. 57). На территории Кызылкумов и Северного Казахстана мезолитические комплексы ближневосточного типа отсутствуют, в этих областях развивалась иная культурно-техническая традиция, восточная (Виноградов, 1979, с. 58).

А. А. Формозов утверждает, что появление стоянок с геометрическими орудиями в Башкирии связано с продвижением прикаспийских племен, носителей ближневосточных традиций каменной индустрии. Эти же причины обусловили появление там домашних животных, кости которых обнаружены на стоянках Давлеканово и Чебаркуль II (Формозов, 1972, с. 33–34). Г. Н. Матюшин отводит территории Средней Азии и Казахстана роль не более чем транзитной зоны, через которую вдоль восточного побережья Каспийского моря часть населения Загроса эпохи мезолита (Белт, Хоту и др.) переселилась на Южный Урал. Там мигранты создали равнозначный североиранскому центр производства геометрических микролитов, что рассматривается в контексте сложения индоевропейской общности (Matyushin, 2003, с. 368–374)³⁰. Каков был внешний вид этих ранних «индоевропейцев» можно судить по реконструкции облика погребенного из стоянки Давлеканово, осуществленной М. М. Герасимовым. Тем не менее, в сложении уральского населения, в том числе современных хантов и манси, отмечается несомненное участие средиземноморского элемента (Matyushin, 1986, с. 143; 2003, с. 371, рис. 24.4). Трудно судить, каким образом с распространением ближневосточной традиции геометрических микролитов можно связывать исключительно протоиндоевропейцев, но влияние прикаспийских культур на культуру Южного Урала несомненно, причем явно угасающее в северном направлении. Взаимодействие культур Прикаспия и Южного Урала, начинаясь в мезолите, не менее интенсивно продолжалось и в последующие эпохи, приводя к образованию смешанных историко-культурных сообществ, таких как энеолитическая волосовская. Подобным образом к числу гибридных культур, вероятно, следовало бы отнести и южноуральскую мезолитическую группу памятников.

В Северном Прикаспии, в районе Нижнего Поволжья памятники эпохи мезолита являются по природным причинам наиболее ранними и поэтому, в отличие от южноуральских, не несут в себе признаков культуры населения предшествующего времени. Круг аналогий, предложенный А. Н. Мелентьевым, ограничен стоянками Зарзи и Шанидар и, точно как Г. Н. Матюшин для мезолита Южного Урала, ретроспективно предполагает «единый исходный субстрат в основе зарзийской и сероглазовской культур, которые в дальнейшем, к периоду мезолита, оформились в самостоятельные и устойчивые ветви» (Мелентьев, 1977, с. 105–106). Тогда

³⁰ Помимо прочего, А. А. Формозов предупреждал об опасности датирования по наличию геометрических орудий, которые использовались достаточно длительное время, вплоть до III тыс. до н. э. (Формозов, 1972, с. 33–34).

же А. В. Виноградов указал, что, вопреки подобным утверждениям, сероглазовский, как, впрочем, и южноуральский, материал имеет много общего с позднемезолитическими—раннеолитическими индустриями Средней Азии, да и миновать территорию Средней Азии в ходе столь масштабного расселения не так-то просто (Виноградов, с. 135, сноска 66, с. 164).

В целом в Средней Азии эпохи мезолита условно выделяются четыре историко-культурные области: прибалханский комплекс Прикаспия, возникший, возможно, на местной верхнепалеолитической основе; прикаспийский с зарзийской традицией; горный ферганский (обиширский); туткаульский с элементами кебаринской техники. В неолите на их основе складываются джейтунская, кельтеминарская, ферганская равнинная и гиссарская культуры (Коробкова, 1977, с. 113–114).

Если рассмотреть круг аналогий для материалов из раскопок грота Дамдамчеше II, единственного памятника, включающего и балханский, и зарзийский комплексы, можно увидеть, что разделение прикаспийских памятников на две группы вряд ли имеет столь принципиальное значение. По Г. Е. Маркову, каменные орудия из самого нижнего, 9 слоя, аналогичны материалам из нижних горизонтов грота Зарзи в Северном Ираке, чуть меньше сходства со слоем С в Шанидаре, а также с нижними слоями Хоту в Южном Прикаспии. Для 8 слоя отмечается отсутствие постоянного населения. В слое 7 появляется индустрия геометрических форм, отчасти похожих на изделия из нижних горизонтов Гари Камарбанда и слоя В Шанидара. Кремневый комплекс слоев 5–6 имеет несомненные аналогии в находках слоя В Шанидара, Палегавра и нижних горизонтов Гари Камарбанда. Находки из слоя 4 (низ) аналогичны кремневым изделиям из Джармо, из того же слоя 4 (верх), где найдены мельчайшие фрагменты керамики, — с раннеджейтунской кремневой индустрией. В слое 3 обнаружены фрагменты лепных круглодонных сосудов с серым, черным и коричневатым лощением и с примесью песка и толченых раковин в тесте (Марков, 1966, с. 109–110, 118–119). Аналогичная чернолощенная керамика имеется в слоях Сиалка периода I (Массон, 1971, с. 63; Voigt & Dyson Jr., 1992, с. 170).

Как можно видеть, складывается система перекрестных аналогий, в которой практически невозможно определить приоритет североиракских или североиранских прикаспийских памятников. Скорее, вся сумма фактов свидетельствует о том, что территория Северного Ирака (Иракский Курдистан), Северного Ирана (Южный Прикаспий) и Западного Туркменистана (Юго-Восточный Прикаспий) составляла единое историко-культурное пространство. В пределах общего ареала существовал ряд локальных вариантов, отличающихся некоторыми особенностями кремневой индустрии, и не более того.

Следует обратить внимание на две тенденции, обозначившиеся в мезолите и особенно ярко проявившиеся в последующие эпохи:

1. Экспансия носителей каспийской традиции в восточном и северном направлениях, что приводило к образованию смешанных, гибридных культур. Как видно по распространению пластинчатой техники расщепления камня и изделий геометрической формы, прикаспийское влияние обнаруживается в областях, расположенных далеко на востоке и севере:

в Таджикистане и, возможно, Ферганской долине, в Северном Прикаспии и Южном Урале³¹.

2. Южная часть прикаспийского ареала (Иракский Курдистан и Северный Иран), находившаяся в сфере распространения передовых достижений Ближнего Востока, по уровню технических знаний существенно опережала северную периферию. Периодически с юга на север и с запада на восток происходил отток населения, сопровождавшийся появлением в Восточном Прикаспии более совершенных технических приемов, что для нашего времени сопоставимо с привнесением новейших технологий. В качестве примера можно назвать прогрессивную зарзийскую индустрию и достижения обитателей поселений Шанидар, Зави-Чеми-Шанидар, Карим-Шахир и, позднее, Джармо, в совокупности определившие облик неолитических Джейтуна и Кельтеминара.

II.2. НЕОЛИТ

Джейтунская культура В эпоху неолита на севере Ирана и юго-западе Туркменистана появляется первая в истории Средней Азии культура расписной керамики — джейтунская (6200–5000 гг. до н. э.). Всего к настоящему времени выявлено 17 памятников джейтунской культуры, которые располагаются тремя компактными группами в подгорной полосе Копетдага на юге Туркменистана. Центральная группа (Джейтун, Чопандепе, Тоголокдепе и Песседжикдепе) существуют на раннем и позднем этапах; западная (Бамии I и II, Кизыл-Арват) и восточная (Чагыллы, Монджуклы, Чакмаклы, Гадымидепе) группы относятся к среднему и позднему этапу³².

Поселения всех трех районов представляют собой многослойные холмы размером от 0,5 до 2 га, высотой от 2 до 5,5 м. Однокомнатные дома джейтунов имеют квадратную или прямоугольную форму (обычно 6×6 м, 9×9 м), овальный в плане очаг расположен возле стены, на противоположной от очага стороне на стене имеется выступ с нишей. Стены возводились из прямоугольных «булкообразных» сырцовых блоков размером 60–70×20–25×10–12 см с примесью рубленой соломы, на следующем этапе в строительстве стали применять также сырцовые прямоугольные кирпичи размером 60×20×10 см. Дверей сначала не было, проемы завешивали, вероятно, циновками или шкурами, на позднем этапе появляются двери. Полы покрывали слоем глины или извести. В одном доме поселения Джейтун на выступе стены обнаружены остатки росписи черной, белой и красной красками. В Песседжикдепе роспись наносилась черной и красной красками по белому фону, отчетливо проглядываются изображения

31 Объяснить это механическим заимствованием передовых навыков обработки камня не представляется возможным.

32 Ф. Т. Хиберт использует систему районирования, предложенную в свое время А. А. Марушенко на основе туркменских названий районов в предгорьях Копетдага: Аркаш (северо-запад), Ахал (центр) и Этек (юго-восток) (Hiebert, 2003, с. 26).

животных и деревьев в сочетании с треугольниками и ромбами (Бердыев, 1976, с. 17–28; Коробкова, 1996, с. 87–89; Hiebert, 2002, с. 26–32; Hiebert & Kurbansakhatov, 2003, с. 15–17).

Джейтунцы хоронили умерших на поселениях, под полом домов и во дворах. В самом Джейтуне известно одно детское захоронение — на правом боку с подогнутыми ногами, головой на запад. В Чопандепе открыто три взрослых погребения: одно — на правом боку с подогнутыми ногами, головой на север, два — на спине с чуть согнутыми ногами, головой на запад. Там же найдены четыре детских захоронения (в скорченном положении, на левом боку) и одно подростка (на спине, в вытянутом положении), ориентация на восток, северо-восток, северо-запад, юго-запад. В Чагыллыдепе обнаружено три «погребения»: два взрослых (в очаге и на полу) и ребенка (у стены); все лежат на правом боку со слегка согнутыми ногами, головой на север, один — на северо-запад (Коробкова, 1996, с. 89). Все найденные черепа, которые поддаются определению, долихокранные с узким и высоким лицом, антропологический тип европеоидный восточно-средиземноморский (Алексеев, Аскарлов, Ходжайов, 1990, с. 100).

Керамика Джейтуна сделана от руки из глины с примесью рубленой соломы (самана), поверхность заглаживалась, иногда ложила. Цвет ее варьирует от красновато-коричневого до темно-коричневого оттенка. Поверхность вследствие обжига неравномерно высветлена, по ней изредка (в среднем на 12% сосудов) наносилась роспись краской красно-коричневых оттенков. Наибольший процент расписной керамики в восточной группе — 19%, наименьший — в центральной (8,8%), в западной — 10,7%. На раннем этапе сосуды украшались вертикально-волнистой и скобчатой, реже, сетчатой росписью и треугольниками. Среднему этапу присуща, как и прежде, вертикально-волнистая роспись и треугольники, но появляется точечный узор и роспись лесенкой. Для третьего, позднего этапа применяли вертикально-волнистую, ячеистую, вертикально-полосчатую, точечную роспись, треугольники, уже есть горизонтально-волнистые линии, вертикальный зигзаг, рисунки деревьев. Среди изделий из керамики обращают на себя внимание овальные в плане «сита» с отверстиями диаметром 1–1,5 см на дне (Массон, 1971, с. 35–39; Коробкова, 1996, с. 91–93).

В обработке камня джейтунской культуре присуща пластинчатая техника. Орудия труда, в основном, представлены вкладышами жатвенных ножей, которые составляют 25–36% изделий, хотя при этом сохраняются мезолитические традиции и типы орудий, характерные для пещер Джебел и Гари Камарбанд. В большом количестве найдены каменные шлифованные топорки, тесла, зернотерки, куранты, т. н. «культовые» гири, ступки, в том числе миниатюрные и пестики; костяные скребки из лопаток овец и коз, шилья, ложила, шпатели, инструменты для плетения циновок; миниатюрные глиняные и каменные поделки-фишки конической и цилиндрической формы. Обнаружены украшения из раковин каури, каменные и костяные бусы, подвески в виде фигурок животных и людей, глиняные браслеты (Коробкова, 1996, с. 91).

На раннем этапе джейтунской культуры (6200–5800 гг. до н. э.) климат был более влажный, и реки, берущие начало на северных склонах

Копетдага, несли свои воды намного дальше на север. Джейтунцы разводили овец и коз, но охота на диких животных своего значения не утратила, как о том свидетельствуют кости джейранов, диких коз, овец и кабанов, а также зайцев, лис и степных котов. Во дворе одного из домов найдены кости диких и домашних животных, обглоданные собаками (Harris, Masson, Berezkin, Charles, Gosden, Hillman, Kasparov, Korobkova, Kurbanakhatov, Legge & Limbrey, 1993, с. 326–335; Hiebert, 2003, с. 27, 30). Остатки четырех одомашненных собак также были обнаружены на поселении Джейтун. По своему типу они имеют значительное сходство с породой салуки (персидский грейхаунд), хотя нижняя челюсть джейтунского образца превосходит челюсть салуки по размеру и массивности. На основании этого А. К. Каспаров предполагает, «что грейхаундообразный тип собаки сложился в Египте и Передней Азии гораздо раньше, чем считалось до сих пор, так как он представлен на юге Средней Азии уже в VI тыс. до н. э.» (Каспаров, 2000, с. 46).

Помимо занятий скотоводством и охоты, обитатели поселения Джейтун выращивали шестирядный ячмень (*Hordeum sativum*), пшеницу двузернянку или эммер (*Triticum dicoccum*) и пшеницу однозернянку (*Triticum monoccum*), употребляли в пищу фисташки (*Pistacia vera*). Настоящей сенсацией для палеоботаников стал факт значительного преобладания среди зерновых культур (около 90%) domesticiрованной пшеницы однозернянки, дикие предки которой в Центральной Азии отсутствуют³³. Как пишут авторы исследований, если бы зерновая культура Джейтуна происходила из Юго-Западной Азии, тогда должен доминировать эммер (пшеница двузернянка); если с юга (Афганистан, Белуджистан или долина Инда) — тогда следовало бы ожидать преобладания гексаплоидных пшениц. В этом отношении аналогов Джейтуну нет ни на Кавказе, ни на Украине, ни на востоке Центральной Азии (Harris, Masson, Berezkin, Charles, Gosden, Hillman, Kasparov, Korobkova, Kurbanakhatov, Legge & Limbrey, 1993, с. 332).

Истоки джейтунской культуры связаны с территорией Северного Ирана, где найдены протоджейтунские памятники 6500–6200 гг. до н. э. Материалы этого времени выявлены на поселении Санги Чакмак близ г. Шахруд. Слои V–I поселения Санги Чакмак (западный холм) относятся еще к докерамическому неолиту (первая половина VII тыс. до н. э.), слои VI–III восточного холма Санги Чакмак — раннеджейтунские (Kohl, 1992, с. 180–181; Voigt & Dyson Jr., 1992, с. 169–172).

Не так давно материалы, синхронные и аналогичные раннеджейтунским, стали известны благодаря раскопкам Тепе-Заге возле г. Казвин. В нижних, 9–12 слоях памятника иранский археолог С. Малек Шахмизади обнаружил керамику, сходную с той, что была выявлена в самых ранних слоях северного холма Сиалк в Кашане (предшествующих джейтунскому горизонту Сиалк I)³⁴. Комплекс представлен тремя группами лепных

33 Ближайший к Джейтуну район произрастания пшеницы однозернянки — загросский микроочаг (Шнирельман, 1989, с. 102).

34 См. статью С. Малек Шахмизади «Хронология Иранского плато: неолит до появления городской цивилизации // *Majalle-ye Bâstânshenâsi va Târîḫ*. 1995. № 9/2. С. 2–18.

сосудов, одну из которых составляют расписные чаши со слегка вогнутым донцем и изгибом у основания и небольшими горшками на вогнутом донце, с неширокой горловиной и выступающим широким венчиком. Орнамент геометрический, найдены только два фрагмента керамики с зооморфным изображением (козел, баран или антилопа), нанесен красно-коричневой охристой краской. С. Малек Шахмизади связывает появление памятников ранней стадии неолита в Северном Иране с населением прикаспийских пещер Хоту и Гари Камарбанд (Белт) в Мазандаране³⁵ (Лурье, 2002, с. 246–247). Важно отметить, что западная археологическая группа, вошедшая в обиход под названием «тип Заге», на раннем этапе (слои 9–12) синхронизируется с восточной группой в лице поселения Санги Чакмак (слои VI–III восточного холма).

Керамика из поздних, 1–8 слоев Тепе-Заге демонстрирует дальнейшее развитие гончарных традиций предшествующего периода. С. Малек Шахмизади лично ознакомился с материалами раскопок Чешме-Али в Тегеране, которые проводил в 30-е годы Э. Шмидт, и уверенно синхронизировал указанные слои (1–8) Тепе-Заге в Казвине и периоды I–II Сиалка в Кашане (Лурье, 2002, с. 247; см. также Fazeli Nashli, Beshkani, Markosian, Ilkani, Abbasnegad Seresty and Young, 2009, с. 10, tab. 7).

Таким образом, джейтунская культура раннего и среднего этапов находит параллели среди материалов Сиалка периодов I (2–5) и II (1–3), периода А Чешме-Али южнее г. Тегеран, 1–8 слоями Тепе-Заге в Казвине, а также Тюренгтепе в Горгане. В долине Горгана типично джейтунская керамика найдена не только в сырцовых кирпичях стен периода IA Тюренгтепе. Несколько восточнее джейтунские материалы, очаги, керамика и «булкообразные» кирпичи, обнаружены в нижних слоях Ярымтепе около Гумбеди Кабуса (Сарианиди, 1970, с. 21–22; Voigt & Dyson Jr., 1992, с. 164–165; 172–173). Это означает, что около 6500–6200 гг. до н.э. началось расселение джейтунских племен из области Северного Ирана от гор Эльбурс до Туркмено-Хорасанских гор. В долине Атрека памятники джейтунской культуры не выявлены. В северных предгорьях Копетдага к этому времени относится само поселение Джейтун, которое, как показал радиоуглеродный анализ, на раннем этапе, с 6500 по 5800 г. до н.э., обживалось с перерывами (слои запустения). (Kohl, 1992, с. 180–181; Юсупов, 1997, с. 16; Niebert, 2002, с. 30; Niebert & Kurbansakhatov, 2003, с. 16).

На среднем этапе джейтунской культуры (5800–5400 гг. до н.э.) круг аналогий с памятниками Северного Ирана расширяется. Как сказано выше, имеется сходство с материалами из нижних слоев (период I–II) тепе Сиалк возле г. Кашан, что, несомненно, объясняется их общими генетическими истоками (Массон, 1971, с. 67; Voigt & Dyson Jr., 1992, с. 170). Район Кашана составлял южную окраину ареала распространения джейтунской культуры, который испытывал все более усиливающееся влияние культур Юго-Западного Ирана и Месопотамии, что в итоге привело к сложению культуры Чешме Али около середины VI тыс. до н.э.

35 В слоях 7–4 Гари Камарбанда и под слоями с раннеджейтунской расписной посудой типа Санги Чакмак в пещере Хоту найдена так называемая «рыхлая» керамика (Software), в отдельных случаях поверхность сосудов окрашена охрой (Voigt & Dyson Jr., 1992, с. 172).

Уже в период Сиалк II количество аналогий с Джейтуном сокращается, в период Сиалк III их еще меньше.

На позднем этапе джейтунской культуры (5400–5000 гг. до н.э.) дома становятся многокомнатными, при строительстве применяется кирпич. Появляются первые медные изделия и украшения из бирюзы, что знаменует начало перехода к эпохе энеолита. Возможно, по этой причине Ф. Хиберт относит последний этап джейтунской культуры к первой половине V тыс. до н.э., но доказательства в пользу этого утверждения не приводятся (Hiebert, 2002, с. 32; Hiebert & Kurbansakhatov, 2003, с. 17; Kohl, 1992, с. 181).

Памятники джейтунской культуры в северных предгорьях Копетдага составляли северо-восточную окраину распространения культуры расписной керамики и, в отличие от западных областей, ближневосточное влияние ощущали в значительно меньшей степени. Юго-западнее, в районе Шахруда, материалы верхних слоев I–II восточного холма Санги Чакмак демонстрируют смешение стилей западного Чешме-Али и Джейтуна (Voigt & Dyson Jr., 1992, с. 170). Та же тенденция обнаруживается и в Мазандаране, на поселениях Комишан, Токтепе и Аббаситепе, где, похоже, была контактная зона двух культур — Чешме-Али и Джейтуна (Mahfroozi, Piller, 2009, с. 203). Керамика типа Чешме-Али распространена на огромном пространстве — от Казвина на западе (Тепе-Заге) до Шахруда на востоке (Санги-Чакмак) и от Тегерана на севере (Чешме-Али) до Кашана на юге (Сиалк). Происхождение ее, как стало ясно по раскопкам Тепе-Заге в Казвине, относится к западным районам и восходит к типу Тепе-Заге (слои 9–12). Вполне вероятно, что своеобразная халафская культура возникла на основе общности, характеризующейся стилем раннего Заге. Не исключено также, что присутствие расписной керамики в памятниках шулаверিশомутепинской культуры Закавказья (VI тыс. до н.э.), Кюльтепе I, поселения в Мильской степи, Камильтепе, Аликемектепеси и Гинчи (см. Мунчаев, 1982, с. 156–158, табл. XLIV–XLVI; Aliyev, Helwing, 2009) объясняется не халафским импортом или контактами с халафской культурой, а связано с традициями раннего Заге.

Прежде среднеазиатские археологи не придавали особого значения Халафу в связи с Джейтуном, поскольку считали его более поздним и акцентировали основное внимание на признаках, объединяющих памятники Копетдага с хассунской/самаррской культурами. Сейчас время существования халафской культуры по серии радиоуглеродных анализов определяется в интервале около 6000–5300 гг. до н.э. (Becker, 2004, с. 102, 126). Это в корне меняет дело и не пора ли присмотреться к столь типичному для джейтунской керамики горизонтально-волнистому и вертикально-волнистому орнаменту, очень распространенному, среди прочих, на сосудах халафской культуры. Если верить хронологической шкале керамики халафских памятников, такие орнаментальные мотивы применялись только на раннем этапе (Mellaart, 1975, с. 157; Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 210, рис. 67). Совершенно идентичный орнамент с тем же композиционным построением можно видеть не только на джейтунской и халафской керамике,

но и на сосудах из Сиалка II (Ghirshman, 1938, табл. XL–XLIII; Мелларт, 1965, с. 76, рис. 23; Массон, 1971, с. 69, рис. 16).

Показательно, что В. М. Массон обращал внимание на сходство Джейтуна и Джармо (Северный Ирак): для керамики Джармо отмечается все тот же вертикально-струйчатый и скобчатый орнамент, их кремневая индустрия практически идентична и значительно отличается от Хассуны (Массон, 1964, с. 50–51; Сарияниди, 1970, с. 156; 1971, с. 68, 70). В то же время, отличие хассунской и оттеснившей ее халафской культур настолько велико, что многие исследователи утверждают не просто о чередовании культур, а о кардинальном изменении этнической ситуации в Северной Месопотамии (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 9–10).

Материалы Северного Ирана, с одной стороны, Южного, Юго-Западного Ирана и Месопотамии (Хассуна/Самарра), с другой, не просто заметно разнятся, будь-то каменные орудия или керамика (Массон, 1971, с. 66). Уже в раннем неолите в регионе обозначились два совершенно отдельных ареала: «культура красной керамики» на Севере и Западе, «культура желтой керамики» на Юге и Востоке (McCown, 1970; Чайлд, 1952, с. 288; Меллаарт, 1982, с. 75). Это не просто расхождение керамических стилей и каменной индустрии, а существенное, принципиальное отличие на технологическом уровне, от начальных этапов обработки гончарного сырья до знания и применения методов термообработки в процессе обжига.

Северный ареал вытянут узкой полосой в широтном направлении от Казвина до Джейтуна и отделен от Месопотамии на юго-востоке широкой цепью Загросских гор. На юге пустыни Деште-Кевир и Деште-Лут отделяют памятники севера от области распространения протоэламских неолитических поселений. Бесспорно, влияние культур северного круга в неолите достигало районов Юго-Западного Загроса, в качестве аналогий с памятниками Фарса можно вспомнить сходство каменного инвентаря и некоторых категорий находок из поселений Джейтун, Санги Чакмак, Сиалк I и Тали Мушки (1-я половина VI тыс. до н. э.) (Voigt & Dyson Jr., 1992, с. 136). Несомненным представляется северное происхождение чисто пластинчатой техники расщепления камня поселения Тали Бакун среднего этапа (около середины V тыс. до н. э.), где даже имеются изделия, похожие на наконечники стрел кельтеминарского типа (Виноградов, 1957, с. 36). Остается только догадываться, каким образом получилось так, что североиранская–южнотуркменистанская общность, «особая группа племен, возможно, находившаяся в родственных связях с племенами, оставившими памятники типа Джармо», была определена как нерасчлененное протоэламо-дравидское единство (Массон, 1977, с. 154–155; Коробкова, 1992, с. 97).

В основу теории, обретшей со временем статус аксиомы, положен установленный лингвистами факт связи или даже генетического родства дравидских и угро-финских языков. С. П. Толстов предположил, что контакты двух групп могли осуществляться на территории Средней Азии, с чем трудно не согласиться. Но в основу логических построений положена ложная посылка, а именно: поскольку кельтеминарская культура Приаралья демонстрирует наличие взаимосвязей с культурами Урала и Западной

Сибири, значит, ее создатели были представителями угро-финской группы (Толстов, 1948, с. 350; Массон, 1977, с. 151). Соответственно, где-то поблизости в глубокой древности должен был находиться ареал распространения протодравидов. Ближайшими соседями Кельтеминара на юге являлись племена джейтунцев, и кому, как не им, предназначено было стать предками эламитов и дравидов.

К. Ренфрю более последователен в своих выводах и видит протоэламо-дравидов в культуре желтой расписной керамики юга Ирана (Али Кош), а джейтунскую культуру приписывает носителям протоалтайских языков (Renfrew, 1997, с. 86–87). Это означает, что джейтунская культура оставлена далекими предками людей, говорящих на тюркских, монгольских, тунгусо-манчжурских и, возможно, как полагают некоторые исследователи, корейском и японском языках? В таком случае возникает вопрос, представителям каких языковых семей принадлежали бесчисленные памятники неолита Сибири, а также удивительный по изяществу обработки каменных изделий неолит пустыни Гоби?

Кельтеминарская культура

Наверное, ни одна культура Центральной Азии не обросла таким количеством мифов, как кельтеминарская: от чрезмерного преувеличения до полного уничтожения ее роли в исторических процессах Евразии.

В VII–III тыс. до н. э., в период так называемого «лявляканского плювиала» климат пустынь Средней Азии был намного более благоприятен для обитания, что обусловило широкое освоение человеком территории Арало-Каспийского региона, включая Северные Каракумы и Внутренние Кызылкумы уже в конце VII тыс. до н. э. (Мамедов, 1968; Кесь, Итина, Виноградов 1970; Виноградов, 1981, с. 19–40; Байпаков, Бороффка, Савельева, Ахатов, Лобас, Ержанова, 2004, с. 252; Boroffka et al., 2003–2004; Boroffka et al., 2006, с. 725, 730–731). Памятники кельтеминарской культуры или, правильнее сказать, общности насчитывают более 1500 стоянок, расположенных в левобережье Амударьи к северу от Каракумов, на правобережье Амударьи, во внутренних Кызылкумах, в районе староречий Зарафшана и в низовьях Сырдарьи севернее Аральского моря.

А. В. Виноградов выделяет три основных локальных варианта: акчадарьинская (Хорезм); лявляканская (Внутренние Кызылкумы); нижнезарафшанская (Махандарья, Дарьясай, Аякагитма). По кремневному инвентарю определяются три больших хронологических этапа: ранний — дарьясайский (конец VII – середина V тыс. до н. э., характеризуется наличием трапеций; во втором, джанбасском (1-я половина IV тыс. до н. э., появляются пластинчатые наконечники кельтеминарского типа; на третьем этапе (конец IV–III тыс. до н. э.) распространяются двустороннеобработанные формы (Виноградов, 1970, с. 32; 1981, с. 132–133; Виноградов, Мамедов, 1975, с. 263–265).

Раннекельтеминарская керамика изготовлена из лессовой глины, чаще с примесью шамота, реже — дресвы, толченых раковин и песка. Выделяются четыре основные формы. Крупные сосуды вертикально-удлиненных

пропорций со слегка отогнутым венчиком и немного раздутым туловом, дно круглое или чуть заостренное. Большие горшки шаровидной формы с выделенной горловиной, дно круглое. Широкогорлые полусферические чаши с прямым венчиком, дно круглое или заостренное. Открытые ладьевидные чаши. Орнамент покрывает от 30 до 90% поверхности сосуда, наиболее распространен прочерченный волнистый и прямолинейный орнамент, а также косые насечки и вдавления. Редко сосуды украшались оттиском зубчатого штампа, качалки, еще реже встречается ногтевидный, желобчатый и ямочный орнамент, нанесенный отступающей палочкой. На стоянках Джанбас 4 и Толстова встречается раскраска и роспись сосудов коричневато-красной охрой, роспись наносилась поверх прочерченного орнамента в виде полос или по направлению узора, найдены единичные экземпляры с белой росписью. На поздних этапах Кельтеминара по-прежнему представлены крупные сосуды вертикально-вытянутых пропорций и полусферические чаши, но появляются также горшки сферической формы и на плоском дне. Сосуды становятся более приземистыми и уменьшаются в размерах. Сложные орнаментальные композиции отсутствуют, резко сокращаются случаи применения волнистого орнамента. Для украшения посуды в основном используется зубчатая и гладкая качалка, зубчатый штамп, насечки и вдавления, образующие зигзаги, лесенки, елки, геометрические фигуры, в том числе заштрихованные треугольники. Количество орнамента на сосудах сокращается, часть их вообще не орнаментирована (Виноградов, 1957, с. 26–30).

В керамике хорезмской группы памятников имеются формы, которые в других районах распространения кельтеминарской культуры пока не встречены. Их появление объясняется влиянием земледельческих культур Юга, это ладьевидные сосуды, сферические горшки с выделенной горловиной, сосуды со сливами и трубчатыми носиками. На раннем этапе преобладал прочерченный, волнистый и прямолинейный, орнамент, на среднем этапе прочерченный орнамент образует простые мелкогеометрические композиции, в том числе несколько разновидностей простого меандра. На позднем этапе керамике поселений в дельте Амударьи присуще распространение гладкой и зубчатой качалки, которая, наряду с меандром, является главным отличием хорезмской орнаментики (Виноградов, 1970, с. 32–33).

Кремневая индустрия группы памятников низовьев Заравшана мало отличается от хорезмской, исключение составляют два новых варианта наконечников стрел, с расширяющимся к низу черешком и серповидные, хотя последний тип наконечников чаще встречается на стоянках Лявлякана. Также для заравшанских поселений в большей степени, чем для Хорезма, характерны крупные шлифованные топоры и тесла. Набор форм керамики в низовьях Заравшана беднее, чем в Хорезме, чаши встречаются реже, наиболее типичной формой являются сосуды с округлым туловом, нет сосудов сферической и ладьевидной форм, со сливами и носиками. Особенностью Махандарьи являются венчики с наружным наплывом наподобие «воротничковых». Орнамент ограничен тремя видами: прочерченный волнисто-струйчатый, узоры в виде решетки (на раннем этапе), оттиск палочкой

и насечки, зубчатый орнамент и оттиск качалки отсутствуют. Некоторая часть ранних композиций близка хорезмским, но главное отличие керамики Махандарьи заключается в том, что прочерченный орнамент нанесен орудием с 2–5 острыми зубцами. Этот прием совершенно неизвестен по материалам Хорезма и Лявлякана, как и орнамент с использованием лопаточки, вдавление которой образуют некое подобие валика на тулове сосуда. Большинство сосудов на раннем этапе вообще не имеет орнамента, другие украшены только в верхней части (Виноградов, 1970, с. 33–34).

Материалы памятников в районе Лявляканских озер отличаются и от хорезмских, и от заравшанских. В кремневом инвентаре отличие сказывается в широком распространении остроконечного варианта пластинчатых наконечников стрел кельтеминарского типа, крупных плитчатых скребков и изделий типа микрорезцов. В керамике, при общем сходстве, есть формы сосудов, которых нет ни в нижнем Заравшане, ни в Хорезме: сферические горшки со срезанным верхом, небольшие реберчатые сосуды, сосуды с маленьким уплощенным дном, некоторые варианты вертикально-вытянутых крупных сосудов. По сравнению с материалами двух других групп, в ранних комплексах Лявлякана прочерченный орнамент используется значительно реже (только в 25% случаев), зато очень широко применяется зубчатый, обычно в сочетании с насечками. В целом, орнаментика лявляканской керамики очень бедна, лишь для небольшой части ранней посуды известны такие сложные композиции как гирлянда, обычный тип орнамента представлен простой комбинацией двух элементов — елки и зигзага (Виноградов, 1970, с. 34).

В дополнение А. В. Виноградов сравнивает украшения всех трех групп и выявляет примечательную специфику. Украшения хорезмской группы стоянок сделаны из створок раковин (*Chlamis*, *Dentalium*, *Pectunculus*, *Didacna*, *Anodonta*), известны только 2–3 случая находок бус из бирюзы. На стоянках староречий Заравшана бусы и подвески изготавливались из камня и мелких уплощенных галек. На памятниках Лявлякана среди украшений существенно преобладают бусы, изготовленные из бирюзы, к тому же, в районе существовали мастерские по обработке бирюзы (Виноградов, 1970, с. 34–35).

Благодаря тому, что некоторые памятники правобережья Амударьи перекрыты защитным слоем аллювия, археологам представилась редкая возможность ознакомиться с типом кельтеминарского жилища. В нижнем горизонте стоянки Джанбас 4 сохранились остатки овальной в плане наземной каркасно-столбовой конструкции размером 24×17 м. Жилище стоянки Кават 7 имеет размеры 30–31×18–19 м. В Акчадарьинской дельте есть также жилища прямоугольной в плане формы, например, на стоянке Толстова, размером 9×12–13 м. Согласно реконструкциям А. В. Виноградова, для кельтеминарской культуры наиболее типичным является наземный дом прямоугольных очертаний площадью от 80 до 120–150 м². Расположение входа и ориентировка построек зависела от местных условий. Конструкция состояла из двух или трех вписанных друг в друга прямоугольных (иногда с закругленными углами) фигур из вертикально врытых столбов, на которых крепились стропила. Кровля и стены собирались из двух слоев камыша, крыша,

к тому же, сверху обшивалась полосами древесной коры, уложенными параллельными рядами внахлест. Внутри жилище было устлано циновками. Каждое кельтеминарское поселение состояло, как минимум, из трех таких домов, в каждом из которых, судя по количеству очагов вдоль стен, обычно жило 8–10 парных семей (Виноградов, 1981, с. 148–155).

Погребальный обряд кельтеминарской культуры известен по раскопкам двух погребений между стоянками Джанбас 4 и 5 и, особенно, по материалам могильника Тумек-Кичиджик³⁶. Джанбасские погребения сильно разрушены, устанавливаются только очертания могильных ям размером приблизительно 140×80 см и 160×110 см, в которых предполагается скорченное положение по оси северо-восток – юго-запад и, вероятно, север–юг (Виноградов, Итина, Яблонский, 1986, с. 70).

В могильнике Тумек-Кичиджик (V–IV тыс. до н. э.) вскрыто 27 индивидуальных погребений в узких грунтовых ямах овальной или прямоугольной формы размером 2–2,2×0,4–0,5 м (глубина от 40 до 110 см), изредка с небольшим подбоем. Захоронения осуществлялись в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток (в диапазоне от 30° до 80°), с вытянутыми вдоль тела руками, в большинстве случаев с охристой подсыпкой под костяком. В засышке могил зафиксированы скопления камней и, иногда, дерева. Обнаружены два несколько более поздних захоронения (№ 7 и 8): одно в слабоскорченном положении на левом боку, головой на запад; другое на спине с подогнутыми ногами, головой на юг. Умерших помещали в могилу в одежде, богато обшитой раковинными и костяными украшениями. Захоронения сопровождалась ритуальными положениями мясной пищи на обломках сосудов. Погребальный инвентарь беден и не отличается многообразием: керамика, каменные изделия, кости млекопитающих, птиц и рыб, украшения, бусы, нашивки из раковин и кости, в том числе подвески из клыков кабана. В «позднем» погребении № 7 найдено керамическое пряслице усеченно-конической формы, типичное для Южного Туркменистана (Виноградов, 1981, с. 107–115).

В отношении антропологического состава погребенных в могильнике Тумек-Кичиджик Т. А. Трофимова пришла к заключению, что имеются резкие морфологические различия между мужской и женской сериями черепов, представленных двумя типами. Первый из них протоевропейский, близкий древнеямной культуре, но более грацилизированный. Второй является вариантом кроманьонского типа южной ветви европеоидов (протосредиземноморский, по М. Каппиери). В итоге автор предполагает прямые связи населения Присарыкамьшской дельты и Северного Копетдага уже в эпоху неолита (Трофимова, 1979, с. 14). Дополнительные исследования материалов из Тумек-Кичиджика позволили Л. Т. Яблонскому предложить логичное, казалось бы, объяснение указанному выше сочетанию северных и южных протоевропеоидных черт. Предки кельтеминарцев в составе одной из групп ранненеолитического населения Средиземноморья (протосредиземноморцы) продвинулись на север, где вступали в контакты

36 Почему-то иногда кельтеминарский могильник Тумек-Кичиджик абсолютно необоснованно приписывается ямной культурно-исторической общности (см. например: Parpola, 1993, с. 55).

с носителями северного протоевропеоидного антропологического типа, что в итоге привело к сложению облика носителей кельтеминарской культуры (Виноградов, Итина, Яблонский, 1986, с. 118–119).

По общему заключению антропологов, люди, похороненные в поздненеолитическом могильнике Тумек-Кичиджик, характеризуются значительной массивностью и резко выраженным европеоидным обликом. В целом «кельтеминарское население отличалось значительной матуризацией и принадлежало к широколицему европеоидному комплексу, который можно считать одним из локальных вариантов древней формации европеоидной расы» (Алексеев, Аскарлов, Ходжайов, 1990, с. 101–104). По трем категориям признаков наблюдается близость между неолитическими черепами кельтеминарцев и североевропейцев (Норвегия, Северо-Восточная Европа). Имеется значительное сходство мужской серии из Тумек-Кичиджика с сериями ямной и срубной культур, «кельтеминарцы приняли, по-видимому, непосредственное участие в процессе формирования антропологического облика населения степной полосы в эпоху бронзы» (Виноградов, Итина, Яблонский, 1986, с. 110–115).

Г. Ф. Коробкова, учитывая огромную территорию, занимаемую памятниками кельтеминарского круга с его локальными вариантами, предлагает ввести понятие кельтеминарская культурная общность, отличающаяся следующими устойчивыми признаками. «Наличие поселков с одним или несколькими наземными жилищами овальной или подпрямоугольной формы, каркасно-столбовой конструкции, крупных и малых размеров; погребального обряда с захоронением в грунтовых ямах с подсыпкой охры, в вытянутом положении на спине; особого керамического комплекса, содержащего сосуды вертикально вытянутых пропорций и полусферические чаши разных вариаций; характерного орнамента в виде прочерченных прямых и волнистых линий, косых насечек, вдавлений, отисков зубчатого штампа, качалки, образующих пояса; пластинчатой микролитоидной индустрии с наконечниками стрел с боковой выемкой, микропластин с притупленным краем» (Коробкова, 1996, с. 108). Еще раньше и другими словами тот же тезис утверждал А. В. Виноградов: «Территориальные различия, отчетливо прослеживающиеся в степном неолите Средней Азии, несомненно, являются отражением локальных археологических культур. Однако последние существовали, на наш взгляд, в пределах одной культурной (скорее, культурно-этнической общности), охватывавшей в неолите степные и пустынные районы Средней Азии, часть Западного Казахстана и Южное Зауралье» (Виноградов, 1968, с. 71, сноска 17).

Территория кельтеминарской культурной общности, помимо Хорезма и Внутренних Кызылкумов, включала в себя группы памятников в Западном и Южном Казахстане: к северу и востоку от Арала (древняя дельта Сырдарьи); северные и южные склоны хребта Каратау. В Западном Казахстане материал происходит, по большей части, из развеечных стоянок: каменный инвентарь типично кельтеминарский, керамика представлена круглодонными сосудами, обычно с примесью раковин в тесте. Орнамент наносился гребенчатым штампом, иногда отгисками шагающей гребенки по всей поверхности сосуда (Коробкова, 1996, с. 126). Указывается на сходство отдельных

элементов орнамента с полтавкинской керамикой Поволжья (Формозов, 1949, с. 57). На стоянках Саксаульская и Агиспе впервые для Кельтеминара были найдены кости одомашненных животных (бык и овца) (Формозов, 1951, с. 7). В Южном Казахстане кельтеминарские памятники известны в Чимкентской области, в районе правобережья средней Сырдарьи. При раскопках пяти слоев пещеры Караунгур найдены каменные изделия и окрашенная красной краской керамика — прием, типичный для джанбасских стоянок Акчадарьинской дельты. Обитатели пещеры делали фигурки, подвески и бусы из костей диких животных, на подвесках из клыков имеется нарезной орнамент. Существует указание на признаки одомашнивания быка и собаки (Коробкова, 1996, с. 128; Derevyanko, Dorj, 1996, с. 181–183).

Сопредельные территории Центрального и Восточного Казахстана демонстрируют смешанное происхождение каменного инвентаря: наряду с влиянием южной микролитой пластинчатой техникой есть орудия, изготовленные из отщепов. Преобладание отщеповой индустрии, как и макролитой форм, похоже, к северу увеличивается. Усть-Нарымская культура Восточного Казахстана и сходные группы Центрального Казахстана сложились при непосредственном участии кельтеминарской культуры в контакте с сибирским и алтайским неолитом. Отмечается также некоторое сходство Усть-Нарыма с южноуральскими неолитическими комплексами, в свое время даже предполагалось сложение андроновской культуры на основе усть-нарымской, в которой уже известны находки костей домашней овцы и козы. В Центральном Казахстане, в верхних слоях стоянки Караганда 15 также обнаружены кости домашних животных — коровы, овцы и лошади. В Северном Казахстане в материалах одной группы памятников, маханджарской, отразилось влияние прикаспийской традиции (сосуды с заостренным шиповидным дном). В других (стоянки у пос. Тельмана) заметно кельтеминарское присутствие. Есть находки домашних быка и овцы, найдено также большое количество костей лошади. В памятниках, расположенных восточнее, в Прииртышье, число пластин и вкладышей резко сокращается, сосуды плоскодонные, наряду с гребенчатым, появляется ямочный орнамент, изредка есть накольчатый. Из находок обращает на себя внимание каменная шлифованная скульптура головы лося с раскрытой пастью (Коробкова, 1996, с. 126–132; Derevyanko, Dorj, 1996, с. 181–189).

По соседству с восточно-казахстанской, усть-нарымской группой памятников исследовались родственные им неолитические стоянки Юго-Западного Алтая, в материале которых видны отголоски кельтеминарского влияния. Стоянки расположены на озерах — древних притоках Оби, их объединяет традиция микролитической пластинчато-отщеповой индустрии. В IV – 2-й половине III тыс. до н. э. процентное отношение пластин увеличивается, появляются ассиметричные наконечники стрел, напоминающие кельтеминарские (Шмидт, 1999, с. 28, 30, рис. 2, 19).

В целом, как пишет Г. Ф. Коробкова, неолит Казахстана отличается большим разнообразием: «Памятники Приаралья тяготеют к кельтеминарской культуре (типы наконечников стрел, прочерченный волнистый орнамент

на керамике). Влияние ее чувствуется и в более северных и восточных районах, но там уже сказывается и воздействие зауральских и западносибирских культур (показательны использование уральских яшм, ямочные узоры на керамике)» (Коробкова, 1996, с. 132).

Неолит Устюрта и Прикаспия

Первоначально памятники к востоку от Аральского моря, на плато Устюрт и вдоль побережья Каспия рассматривались как принадлежащие исключительно кельтеминарской культуре (Формозов, 1949, с. 58; Виноградов, 1957, с. 25). Последующие исследования показали своеобразие кремневого инвентаря и керамики отдельных групп памятников: Джебела, Оюклы, Кара-Богаз-Гола и стоянок Устюрта (Виноградов, 1968).

В неолите Устюрта выделяется две основные группы памятников, одна из которых (Айдабол, Чурукская, Барлыбай) характеризуются, как и кельтеминарская, пластинчато-отщеповой техникой расщепления с преобладанием первой. В наборе типов орудий главное значение имеют пластины с ретушью, характерны двустороннеобработанные наконечники стрел листовидной и миндалевидной форм с вогнутым и округлым основанием, изредка встречаются также наконечники кельтеминарского типа. Вторая, инокультурная, возможно, более поздняя группа названа по имени стоянки Алан, каменный инвентарь которой совершенно отличаются от других и по сырью, и по отщепово-пластинчатой технике расщепления. А. К. Авизова вслед за А. В. Виноградовым предлагает выделить памятники первой группы в отдельную археологическую культуру эпохи мезолита и неолита под названием айдаболская. Автор перечисляет ряд признаков, позволяющих видеть генетическое единство айдаболской культуры Устюрта и памятников Прикаспия — Джебел и Дамдамчешме (Авизова, 1990, с. 22–25). Исследователи отмечают черты сходства айдаболской культуры с памятниками Южного Урала (Суртанды VI, Мурат), стоянками Оюклы, Прибалханья, Мангышлака и Кара-Богаз-Гола (Виноградов, 1968, с. 72; Авизова, 1990, с. 24; Коробкова, 1996, с. 122–124).

Несколько особняком располагаются западноказахстанские памятники **Северо-Восточного Прикаспия**, в междуречье рек Урал и Эмба, возле поселков Бекбеке и Досор. Все орудия, за исключением единичных экземпляров, из стоянки Бекбеке I сделаны из пластин и делятся на три группы: из удлинённых призматических пластин, вкладыши из пластинок и сечений, вкладыши геометрических форм. Керамика представлена фрагментами широкогорлых толстостенных сосудов с незначительной примесью раковин и песка в тесте. Венчики прямые или слегка отогнутые, донца плоские вогнутые (4 экз.), круглые (1 экз.) и заостренные (1 экз.). Внешняя поверхность тщательно заглажена, иногда залощена, сплошь или частично украшена прочерченным орнаментом, нанесенным «отступающей лопаточкой». В композиции преобладают геометрические фигуры, треугольники, прямоугольники и их комбинации, вертикальный зигзаг, вертикальные или слегка наклонные волнистые линии. Имеется

орнамент в виде «скорописи», шагающая гребенка и гребенчатый штамп. По заключению Л. Я. Крижевской, каменный инвентарь и керамика относятся к урало-среднеазиатскому кругу, в то время как сочетание в одном комплексе трех типов днищ характерно для днепро-донецкой культуры Украины. Плоские днища есть и в джанбасских стоянках Приаралья, вогнутые поддоны известны в материалах Джейтуна среднего этапа. В каменной индустрии есть сходство с комплексом Южного Урала, но ближе всего она кельтеминарской. По мнению Л. Я. Крижевской, с расположенными рядом неолитическими стоянками Устюрта отличие сказывается в отсутствии на Устюрте наконечников стрел кельтеминарского типа, которые в Бекбеке имеются³⁷. Наиболее яркое своеобразие индустрии памятников Северо-Восточного Прикаспия автор видит в наличии, хоть и в единичных экземплярах, геометрических вкладышей, в частности, двусторонне обработанных сегментов. Область их распространения лежит к западу от Волги вплоть до Северного Кавказа. Соответственно, Северо-Восточный Прикаспий рассматривается как «особая культурная область, входящая в более широкий круг родственных среднеазиатских культур» и являющаяся связующим звеном между Востоком и Западом, Севером и Югом (Крижевская, 1972, с. 271–279).

Раннеолитические стоянки у залива **Кара-Богаз-Гол**, родственные по типу индустрии Кельтеминару и Джейтуну, отличаются архаичными, пережиточными верхнепалеолитическими и мезолитическими традициями. Возможно, памятники района предшествовали по времени сложению кельтеминарской культуры и являлись, таким образом, переходным звеном между мезолитом Прикаспия (Джебел) и неолитом Приаралья (Коробкова, Крижевская, Мандельштам, 1968, с. 62–63; Коробкова, 1996, с. 122).

В Западном Туркменистане была открыта крайне своеобразная **оюклинская культура**, происхождение и судьба которой неизвестны. Имеются отдельные черты сходства с ранними материалами кельтеминарской культуры и стоянок Кара-Богаз-Гола (Коробкова, 1996, с. 120–122). По мнению А. В. Виноградова, своеобразие оюклинского комплекса объясняется, скорее, хронологическими причинами, поскольку отдельные проявления культуры Оюклы в дальнейшем можно наблюдать в каменном инвентаре и керамике Кельтеминара. По мнению автора, оюклинская культура не имеет хорошо выраженной связи с предшествующими комплексами Восточного Прикаспия эпохи мезолита и раннего неолита, что в несколько меньшей степени относится и к памятникам Кара-Богаз-Гола, и к пещере Джебел (Виноградов, 1981, с. 126–128, 161).

Неолит Юго-Восточного Прикаспия хорошо известен по раскопкам многослойных пещер Джебел, Дамдамчешме I и II, Кайлю и мастерской по изготовлению бус из раковин *Didacna* у мыса Куба-Сенгир (Окладников,

³⁷ Позже стало известно о многих находках наконечников стрел кельтеминарского типа на стоянках Устюрта (Виноградов, 1979, с. 6; Авизова, 1990, с. 21).

1956; Марков, 1966; Массон, 1966, с. 130–132; Марков, Дурдыев, 1977). На всех памятниках в неолитических слоях обнаружены наконецники стрел кельтеминарского типа. Возле пещеры Кайлю, на древнем берегу моря тоже были найдены два сильно разрушенных погребения людей, по мнению А. П. Окладникова, эпохи мезолита, но, вероятнее всего, относящиеся к неолиту (Коробкова, 1996, с. 120). Как и в Кельтеминаре, они представляют собой могильные ямы, в которых умершие лежали на спине с согнутыми в области таза руками, головой обращены на северо-запад. Тела посыпались охрой и украшались жгутами бус из морских раковин, подобно обряду в Мариупольском могильнике на Украине (Окладников, 1966, с. 65). В неолитическом слое пещеры Кайлю найдены фрагменты черноглиняных плоскодонных сосудов, а также красноглиняных со следами лощения; аналогичные черноглиняные фрагменты есть и в мастерской Куба-Сенгир, что, несомненно, указывает на инфильтрацию населения из Северного Ирана, точнее, Южного Прикаспия. С другой стороны, для прикаспийского неолита отмечается преемственность в развитии на основе местного мезолита. Специфический набор признаков археологического комплекса Восточного Прикаспия обладает явными чертами сходства, роднящего его с материалами джейтунской и кельтеминарской культур (Коробкова, 1996, с. 116–120). Как ярко и лаконично писал В. М. Массон: «В целом кремневый инвентарь Джейтуна и Джебела производит впечатление двух ветвей одного корня» (Массон, 1971, с. 63).

К востоку от ареала джейтунской культуры и к югу от кельтеминарской, в верховьях р. Мургаб обнаружена группа раннеолитических стоянок возле поселка **Тахтабазар**. Для индустрии характерна пластинчато-отщеповая техника расщепления с преобладанием пластин, в то же время встречаются галечные орудия. В кремневом инвентаре имеется сходство с Джейтуном и Кельтеминаром, наличие галечного элемента указывает на контакт с гиссарской, но при этом культура Тахтабазара отличается самобытностью (Коробкова, 1996, с. 125; Юсупов, 1997, с. 21). Несколько восточнее, в песчаных дюнах левобережья Амударьи А. В. Виноградовым были обнаружены аналогичные кельтеминарским материалы, приуроченные к неолитическим стоянкам между городами Андой и Ташкуртан в Северном Афганистане (Виноградов, 1979, с. 57; 1981, с. 168). Таким образом, историческая ситуация здесь в эпоху неолита наследует мезолитическую и характеризуется сложным переплетением культурных влияний, точное определение чему дал В. А. Ранов и дополнительными исследованиями подтвердил А. В. Виноградов (Виноградов, 1979, с. 8).

Памятники **гиссарской культуры** расположены в горных районах Таджикистана, в Северном Афганистане (предгорья Гиндукуша), горах Байсунтау Южного Узбекистана, в отрогах Тянь-Шаня (Южная Фергана, Чуйская долина, район озера Иссыккуль) и Алайской долине Киргизстана. Индустрия характеризуется сочетанием галечной техники и, в намного меньшей степени, пластинчатой, микролитовидный элемент составляет незначительный процент. Ни в одном стратифицированном комплексе

гиссарской культуры керамика не обнаружена. Погребальный обряд представляет собой сильно скорченное труположение на левом боку, головой на юго-запад, юг, северо-запад. Антропологический тип европеоидный средиземноморский. На стоянке Туткаул найдены кости домашней козы или овцы (Коробкова, 1996, с. 110–115; ИТН, 1998, с. 106–114).

Гиссарская культура генетически восходит к местному мезолиту и по своим традициям противостоит джейтунской и кельтеминарской, но в ней отчетливо различается влияние Джейтуна, особенно сильное на втором этапе развития. С другой стороны, в крайне восточном поселении джейтунской культуры среднего этапа найдены типично гиссарские галечные орудия (Коробкова, 1996, с. 115–116). Стоянки контактной зоны в долине р. Мургаб территориально расположены ближе к предгорьям Копетдага, и, соответственно, каменная индустрия Тахтабазара обнаруживает больше сходства с джейтунской, чем с гиссарской.

Другая контактная зона, на этот раз между Гиссаром и Кельтеминаром, находилась в северных предгорьях Заравшанского хребта неподалеку от Самарканда. Здесь известны стоянки Сазаган I и II, Джангал, Тепакуль с каменной индустрией, в которой сочетаются гиссарский и кельтеминарские элементы с преобладанием первого (ИТН, 1998, с. 116).

Несколько обособленно в ряду трех основных историко-культурных общностей выглядит неолит равнинной, Центральной Ферганы, представленный временными охотничьими стоянками. Индустрия ярко выраженная микролитовидная, керамика не обнаружена. Кремневый инвентарь обнаруживает сходство, с одной стороны, с автохтонным мезолитическим (равнинным и горным), с другой — сближается с материалами из пещеры Мачай в горах Байсунтау. В то же время, галечные орудия Мачая предполагают отнесение комплекса к гиссарской культуре (Исламов, Тимофеев, 1986; с. 110–111; Коробкова, 1996, с. 124–126).

Как видно из приведенного краткого обзора, в эпоху неолита на территории Средней Азии сложились две родственные историко-культурные общности, джейтунская и кельтеминарская, граничившие на востоке с носителями иных традиций, близких той, что отражены в материалах гиссарской культуры. Влияние Джейтуна коснулось ближайших районов и распространялось, прежде всего, в восточном направлении. Различить собственно джейтунские элементы в общей волне ближневосточного импульса, характерного для каменного века Средней Азии, вряд ли возможно. Более подвижная кельтеминарская общность расширила сферу своего влияния на весь евразийский центр, что очень хорошо документировано распространением наконечников кельтеминарского типа от Волжско-Уральского междуречья до Северо-Восточного Казахстана (Виноградов, 1979, с. 5, рис. 1).

Еще 60 лет назад С. П. Толстов в общих чертах определил круг аналогий кельтеминарской культуры, как выяснилось позже, излишне широкий. В кремневом инвентаре отмечалось сходство с позднеолитическим поселением близ Персеполя в Иране, открытым Э. Херцфельдом. Керамический комплекс Приаралья, по мнению С. П. Толстова, является наиболее ранним, архаичным звеном в комплексе Северо-Восточной

Европы и Северо-Западной Азии, сближающим Кельтеминар с ямной и особенно афанасьевской культурами, тесные аналогии имеются с несколько более поздними памятниками Прикамья (Левшинская стоянка) и нижней Оби. Кельтеминарский зигзагообразный елочный орнамент распространен в афанасьевской культуре Алтая, в зауральских культурах шигирского типа и, как сказано выше, на стоянках Синьцзяна (коллекция А. Стейна). По раковинам рода *Dentalium* из раскопок стоянки Джанбас 4, которые не обитают в Арале, но есть в бассейне Индийского океана, определены были неолитические связи Приаралья с Индией вплоть до Бирмы. С учетом лингвистических параллелей между угро-финскими группой и языками дравидским и мунда раковины *Dentalium* послужили единственным обоснованием угро-финской атрибуции кельтеминарской культуры (Толстов, 1948, с. 63–65).

В те годы родство кельтеминарской и афанасьевской культур представлялось практически твердо установленным из-за находок в афанасьевских погребениях раковин *Corbicula fluminalis*, которые распространены только в устье Амударьи³⁸ (Толстов, 1948, с. 65; Збруева, 1946, с. 184; Формозов, 1949, с. 58; Киселев, 1951, с. 28). Все исследователи также обратили внимание на сходство кельтеминарской и афанасьевской культур, особенно раннего этапа: по отдельным признакам в обряде захоронения, по керамике, в том числе мотивам орнамента, окраске сосудов охрой и даже росписи в виде лесенки, нанесенной белой краской (Киселев, 1951, с. 32–33, 56, 60; Формозов, 1951, с. 15; Виноградов, 1957, с. 29, 38).

А. П. Окладников, отмечая сходство остродонных сосудов Джебела с древнейшей керамикой неолита Крыма и Украины, связывал происхождение афанасьевской (как и ямной) керамики с мезолитом Прикаспия, причем керамика афанасьевской культуры Минусинской котловины, по мнению автора, восходит скорее к прикаспийским образцам, чем к сосудам ямной культуры (Окладников, 1956, с. 214–215). С кельтеминарским кругом соотносится генезис неолитических стоянок Прибайкалья, поскольку волнисто-струйчатый орнамент на сосудах, найденных возле г. Красноярск, чрезвычайно близок способу украшения керамики Кельтеминара, шигирской культуры Западной Сибири и Урала (Окладников, 1957, с. 43). В качестве связующего звена между памятниками Приаралья и Прибайкалья в эпоху неолита рассматривалось поселение Усть-Нарым в долине р. Иртыш (Окладников, 1956, с. 206–207). Вслед за С. П. Толстовым все древние племена Урала, Западной Сибири и Приаралья отнесены к финно-угорской языковой семье, точнее, восточной, угорской ее ветви (Окладников, 1957, с. 54).

А. А. Формозов по материалам кельтеминарских стоянок в Западном Казахстане, к северу от Арала, находит аналогии орнамента одного из сосудов в полтавкинской культуре Поволжья, на связи со степной зоной указывают также находки на кельтеминарских стоянках Приаралья выпрямителей стрел фатьяновско-катакомбного типа (Формозов, 1949,

38 В раскопках памятников кельтеминарской культуры, как замечает сам С. П. Толстов, раковины *Corbicula fluminalis* не обнаружены (Толстов, 1948, с. 65).

с. 57; 1951, с. 17). В процессе формирования археологических культур лесостепной полосы Евразии эпохи бронзы, в частности, андроновской, предполагается значительный вклад кельтеминарской культуры (Формозов, 1951, с. 15).

В. Н. Чернецов обратил внимание на близкое сходство кремневого инвентаря, изделий из кости, керамики из кельтеминарских памятников и ранних материалов из стоянок у Андреевского озера в Нижнем Приобье³⁹. В этой связи Приаралье рассматривается как очаг формирования угро-финской семьи, распространившейся отсюда на Урал, в Зауралье и Сибирь. Как и Г. Н. Матюшин, автор в качестве дополнительного аргумента приводит антропологические данные о присутствии древнеевропеоидного компонента у современных манси и хантов и реконструированный М. М. Герасимовым череп человека из Шигирского торфяника, европеоида с монголоидной примесью (Чернецов, 1953, с. 30–31, 55–57; 59–60). После ряда обоснованных возражений со стороны последователей автохтонного развития уральского неолита на основе местного мезолита В. Н. Чернецов вновь привлек внимание к почти полной идентичности всего археологического комплекса Кельтеминара и неолита Восточного Зауралья, особенно ранней его стадии, Козловской. Автор утверждает, что подобная близость не является отдельным эпизодом истории Урала, свойственным только неолиту, она проявляется еще в мезолите, и единственно возможное тому объяснение видится в продвижении на север прикаспийских и приаральских племен. Не давая никаких этнических определений, В. Н. Чернецов убеждает, что настолько устойчивая система взаимосвязей могла существовать исключительно в рамках единой этнокультурной общности (Чернецов, 1968, с. 52).

Даже противники теории В. Н. Чернецова соглашались в том, что «население уральско-камской области заимствовало у своих южных соседей не известное ему ранее искусство выделки глиняной посуды, в том числе и мотивы орнаментации» (Третьяков, 1966, с. 37). А. Х. Халиков, признавая выдающееся значение кельтеминарской культуры, видел в их движении на север «клин», который разрезал единый от Волги до Байкала протофинно-угорский массив на финно-угорский запад и самодийский восток (Халиков, 1969, с. 384).

М. Е. Фосс избегает конкретных этнических определений в отношении культур лесной полосы эпохи неолита, тем более, Кельтеминара, но предупреждает о невозможности отнесения культур с гребенчатой керамикой (кельтеминарская, афанасьевская) к ямочно-гребенчатому неолиту Европы. Таким образом, «население Урала и Приуралья составляло единый этнический массив с Западной Сибирью, который можно

³⁹ Аналогии между памятниками Зауралья и Средней Азии касаются не только обычных для раскопок находок. Крайне интересны остатки изделий из бересты с росписью красно-коричневой охрой, обнаруженные в Горбуновском торфянике. Орнаментальная композиция состоит из разделенных прямыми линиями полей, заполненных волнистыми линиями. Тот же орнамент типичен для раннего Кельтеминара и для круга культур расписной керамики джейтунского типа (Чернецов, 1968, с. 53). В том же Горбуновском торфянике сохранился деревянный бумеранг, в связи с чем А. В. Збруева упоминает находку орудия подобного рода в раскопках северного холма Анау в Южном Туркменистане (Збруева, 1946, с. 188).

противопоставлять восточноевропейскому, состоявшему из двух крупных этнических общностей» (Фосс, 1952, с. 64, 172–173).

В. Н. Даниленко присоединяется к позиции А. П. Окладникова в том, что кельтеминарская культура отражает не столько южную линию развития, сколько проникший далеко на юг блок северного, протофинно-угорского этнокультурного массива. На фоне неолита ямочно-гребенчатой керамики и других европейских образований «Кельтеминар представляет собой явление крупнейших, поистине азиатских масштабов» (Даниленко, 1969, с. 44). Автор резко отделяет Кельтеминар от южного прикаспийского неолита, представленного пещерными комплексами Хоту, Белт и Джебел. С кельтеминарской культурой связывается сперрингский этап развития неолита ямочно-гребенчатой керамики, тогда как прикаспийские участвовали в сложении днепро-донецкой и ямной культуры (происхождение скотоводства). Тот факт, что кельтеминарский археологический комплекс, несомненно, аналогичен материалам днепро-донецкой культуры, объясняется усилением протоиндоевропейских и протофинно-угорских контактов (Даниленко, 1969, с. 177–186; 224–229; 233).

На фоне работ сторонников северной линии развития кельтеминарской культуры практически незамеченной осталась статья А. В. Виноградова, в которой излагается и, главное, обосновывается южное происхождение Кельтеминара. Во-первых, автор сразу обозначил несостоятельность аналогий с микролитовидными культурами Индии, предложенных С. П. Толстовым, сходства нет ни в каменном инвентаре, ни в керамике. Во-вторых, орудия кельтеминарской культуры близки материалу пещеры Палагавр в Северном Иране, а в еще большей степени — инвентарю поселений Карим-Шахир и Джармо в Северном Ираке (Виноградов, 1957, с. 34–35).

А. В. Виноградов согласен с С. П. Толстовым, что близкие кельтеминарским черты имеются в Юго-Западном Загросе (Фарс), в каменном инвентаре поселения Тали Бакун периода А⁴⁰. Индустрия памятника имеет чисто пластинчатый характер, отмечено сходство изделий и их обработки, а орудия под названием «буравчики» удивительно напоминают кельтеминарские наконечники стрел (Виноградов, 1957, с. 36). В качестве дополнительных аналогий с памятниками Фарса можно напомнить сходство каменного инвентаря и некоторых категорий находок из поселений Джейтун, Санги Чакмак, Сиалк I и Тали Мушки (1-я половины VI тыс. до н. э.) (Voigt & Dyson Jr., 1992, с. 136). Кроме того, четыре кремневых острия из Тепе Сиалк периода III, которые Р. Гиршман сравнивает с гарпунами, очень похожи на кельтеминарские наконечники стрел, хоть и обработаны более грубо (Ghirshman, 1938, табл. ХСVI В, 45–48).

Наибольшее сходство кремневый инвентарь Кельтеминара обнаруживает с материалами Джейтуна. Это касается подавляющего большинства изделий и особенно ярко проявляется в распространении наконечников стрел кельтеминарского типа в ареале джейтунской культуры: в подьемном материале, в раскопках самого поселения Джейтун и верхних

40 Период А или средний этап поселения Тали Бакун относится приблизительно к середине V тыс. до н. э.

слоев Чопандепе (Виноградов, 1957, с. 36; 1979, с. 6). Анализ керамического материала приводит к выводу, что формы сосудов кельтеминарской культуры и их орнаментация более типичны для земледельческого Юга, чем для уральских и сибирских культур, даже шигирской и горбуновской, керамические традиции которых восходят к Кельтеминару. А. В. Виноградов выделяет два типа сосудов: сферические узкогорлые горшки с отогнутым венчиком и ладьевидные чаши, которых вообще нет в северном неолите, и появляются они в Восточной Европе только в эпоху бронзы — в среднеднепровской и фатьяновской культурах. Как и в случае с каменными изделиями, все аналогии указывают на юг: Шахтепе, Гиссар, Сялук, Джейтун, Анау, Намазга⁴¹. Это касается и происхождения традиции окрашивания сосудов самого Кельтеминара красной и желтой охрой, случаи сохранения которой, к сожалению, крайне редки. Как правило, роспись осыпалась или была «съедена» солями, в тех же случаях, когда представлялась возможность различить узор, он оказывался идентичным орнаменту керамики южных земледельческих культур (Виноградов, 1957, с. 37–38). В дополнение А. В. Виноградов приводит сводную таблицу, где сравнивает орнаменты кельтеминарских сосудов раннего этапа и керамики раннеземледельческих культур Востока. Благодаря этому становится ясно, что многие виды типично кельтеминарского орнамента (прежде всего, волнистый, нанесенный палочкой) абсолютно идентичны расписному, только выполнены они в другой технике. Однако в южных памятниках имеются сосуды, украшенные не только росписью, но и прочерчиванием (Виноградов, 1957, с. 39–41, рис. 6).

В заключение А. В. Виноградов, в те годы еще только в виде гипотезы, высказал мысль, которую сегодня немногие решаются оспаривать: «Кельтеминарская культура сформировалась на той же древней микролитной охотничье-рыболовецкой основе, что и земледельческие культуры расписной керамики Южной Туркмении и Ирана. Можно предположить, что предки кельтеминарцев, продвигаясь на север, заселили отдельные районы территории, на которой позднее расселились кельтеминарцы. Это произошло, по-видимому, в эпоху мезолита или раннего неолита» (Виноградов, 1957, с. 44).

Долгие годы кельтеминарская культура оставалась вне поля зрения ученых, занимавшихся вопросами археологии и общей истории Евразии. Как и В. Н. Даниленко, большинство археологов в связи со становлением древних культур юга России обращали внимание исключительно на памятники Южного и Восточного Прикаспия. Так, Н. Я. Мерперт предполагал огромный вклад прикаспийского неолита (Джебел, Дамдамчешме) в процесс формирования древнейшей культуры, обозначенный не только сходством кремневого инвентаря и керамики, но и значительной ролью скотоводства с преобладанием в стаде мелкого рогатого скота (Мерперт, 1961, с. 172; 1974, с. 144–145). В отношении Приаралья отмечается лишь некоторое сходство орнаментации раннекельтеминарской и древнейшей

⁴¹ Интересно указание на сходные кельтеминарским по форме и характеру орнамента сосуды из протодинастических погребений в Северном Судане, к северу от Хартума (Виноградов, 1957, с. 38–39).

керамики первого этапа (Мерперт, 1974, с. 79–80). В то же время автор отмечает, что древнейшие племена появляются в охотничье-рыболовческой зоне, маркированной распространением остродонных и круглодонных сосудов и характерными орнаментальными традициями. В качестве примера приводятся аналогии: бережновский сосуд на Волге и керамика из поселения у Андреевского озера; нижнедонские сосуды — керамика Ракушечного Яра и днепро-донецких поселений (Мерперт, 1974, с. 139). Кельтеминарский археологический материал для сравнения не привлекается, хотя, как было показано выше, он практически идентичен горбуновскому, из стоянок у Андреевского озера. Судя по замечанию М. Гимбутас в отношении прикаспийского и приаральского неолита, это, вероятно, связано с неверно определенной в то время хронологией Кельтеминара и Джебела (Gimbutas, 1961, с. 195).

А. А. Формозов в поздних своих работах полагает, что «гипотезу об огромной роли кельтеминарской культуры в истории Европы и Азии надо признать преувеличением» (Формозов, 1972, с. 31). Влияние кельтеминарской культуры не распространялось на Южный Урал и Зауралье, его не было ни на Подонье, ни на Украине, и, главное, «кельтеминарская культура не древнее ряда неолитических культур Восточной Европы и Урала» (Формозов, 1977, с. 125). Датировка Кельтеминара обосновывалась на синхронизации с четвертым слоем пещеры Джебел, единственная радиоуглеродная дата которого 6030 ± 240 лет назад, и распространении в позднекельтеминарских комплексах плоских донец, сосудов с трубчатыми носиками и вытянутыми сливами (Формозов, 1972, с. 24–26)⁴². Важным моментом было переопределение раковин *Corbicula* из афанасьевских захоронений Среднего Енисея, которые оказались не среднеазиатскими, а местными ископаемыми моллюсками. Еще большее значение имело определение раковин *Dentalium* из раскопок стоянки Джанбас 4 как ископаемых, залегающих в третичных отложениях Приаралья, а не привезенных из бассейна Индийского океана⁴³ (Формозов, 1972, с. 25, 31).

Кельтеминарская культура представлена в работах А. А. Формозова как крайне архаичное охотничье-рыболовческое сообщество, вплоть до самых поздних этапов своего существования не обладавшее навыками скотоводства и потому резко отличавшееся от неолита Прикаспия (Джебел, Дамдамчешме). Исключительно с продвижением на север населения прикаспийского круга А. А. Формозов связывает появление мезолитических стоянок с геометрическими орудиями в Башкирии, но в целом, по его мнению, воздействие закаспийского очага было достаточно ограниченным. Кельтеминар автор безусловно относит к южному кругу культур, но распространение сферы его влияния на север сказывается только на памятниках Урала, Зауралья и, возможно, Сибири (Формозов, 1972, с. 33–35; 1977, с. 113–129).

42 С учетом обозначенных признаков халафскую культуру придется тогда датировать не ранее IV тыс. до н.э. (см. Мерперт, Мунчаев, 1982, с. 34, рис. 2, 1; Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 234, рис. 83, 4, с. 237). «Древнейшая керамика Гари Камарбанда также реконструируется как плоскодонная» (Виноградов, 1981, с. 127).

43 Как мы помним, раковины *Dentalium* из Джанбас 4 служили главным, если не единственным поводом для рассуждений о контактах протодравидов и угро-финнов в связи с кельтеминарской культурой.

Так непроизвольно кельтеминарская общность, как и родственные ей памятники Прикаспия, были исключены из круга культур, оказавших существенное влияние на исторические процессы Евразии в эпоху неолита. Причин тому было немало и, прежде всего, слабая изученность пустынных районов Средней Азии, обусловленная, к тому же, тем, что большинство древних стоянок полностью разрушено. Пустыня Каракумы в этом отношении до сих пор представляет собой «terra incognita», хотя имеются отдельные указания на существование там разветвленных стоянок с микролитическим инвентарем (Виноградов, 1957, с. 44–45). В 1937 г., еще до открытия кельтеминарской культуры, на одной из таких стоянок в северо-западной части Каракумов, южнее Саракамышской впадины (в 0,5 км от левого берега Узоя) было найдено скульптурное навершие в виде фигурки медведя, изготовленное из серпентина зеленовато-бурого цвета (Йессен, 1941; Юсупов, 1984, с. 78–79, рис. 1). М. Гимбутас сравнивает находку из Туркменистана с изделиями из янтаря в Северной Польше и Восточной Пруссии, одно из которых, янтарная фигурка медведя из Гданьска, особенно похоже на кельтеминарскую. Как и каракумская, все они найдены случайно, но предположительно соотносятся с культурой шаровидных амфор (Gimbutas, 1956, с. 146, табл. 32, 33). Имеется сходство с навершием в виде медвежьей головы на каменном топоре фатьяновской культуры (Крайнов, 1987, с. 184, рис. 28а, 20)⁴⁴. Недавно В. А. Дергачев детально исследовал проблему происхождения и распространения зооморфных скипетров эпохи энеолита от Поволжья и Северного Кавказа до Центральных Балкан. В итоге автор пришел к заключению о возникновении их в ареале хвалынской культуры Среднего Поволжья (Дергачев, 2007, с. 70–92, 453), но и в данном случае очевидное совпадение материалов хвалынских могильников и Кельтеминара обойдено вниманием. Его оппонент С. Н. Корневский полагает, что распространение зооморфных скипетров связано с территорией Восточной Европы, прежде всего, Северного Кавказа. Автор, надо отдать должное, в конце статьи вскользь упоминает о находках подобных изделий на востоке Евразии — от Оренбурга до Монголии, на Алтае, но о кельтеминарской культуре — ни слова (Корневский, 2008, с. 108).

То же самое относится и к исследованиям памятников к востоку от Уральского хребта. Так, Т. М. Потемкина пишет о святилище Савин 1 на Тоболе 2-й четверти III тыс. до н. э., относящемся к Уральско-Казахстанской культурно-исторической общности. Как и на поселениях верховьев Оби кремневая индустрия носит смешанный характер: 70% изделий изготовлена на отщепах, 30% — на пластинах, среди последних имеется типично кельтеминарский наконечник стрелы (Potemkina, 2002, с. 275, рис. 4, 4). О южном влиянии свидетельствует восточно-средиземноморский расовый тип мужчины и женщины в ритуальном погребении святилища. Тем не менее, аналогии выстроены в пользу хвалынских и среднестоговских древностей, вплоть до Триполья, в то время

44 В этой связи можно вспомнить о сходстве таких типично кельтеминарских и фатьяновских форм, как уплощенные чаши и горшки с полусферическим туловом и отогнутым венчиком (Виноградов, 1957, с. 37).

как географически ближайšie памятники Кельтеминара вовсе оставлены без внимания (Potemkina, 2002, с. 273–274).

Эти и многие другие данные указывают на не вполне достоверное восприятие кельтеминарской культуры, отрицающее либо попросту игнорирующее ее участие в исторических процессах. А. В. Виноградов находит многочисленные соответствия Кельтеминару не только в памятниках к востоку от Уральских гор, с чем соглашался А. А. Формозов, но и в Северном и Северо-Восточном Прикаспии (Виноградов, 1981, с. 163). Наряду с несомненными кавказскими воздействиями, в материалах сероглазовского типа отчетливо прослеживается среднеазиатское воздействие, не столько, может быть, Кельтеминара, сколько Устюрта, по А. К. Авизовой, айдаболской культуры (Виноградов, 1981, с. 164; Мелентьев, 1977; Авизова, 1990). Аналогичный кельтеминарскому погребальный обряд, ориентация погребенных и сопроводительный инвентарь засвидетельствованы в могильнике доямного времени у с. Съезжее на р. Самаре, но авторы раскопок отдали большее предпочтение иному кругу аналогий (Виноградов, 1981, с. 116; Васильев, Матвеева, 1979, с. 164–165). Воротничковые венчики сосудов могильника Съезжее характерны не только для приуральского неолита типа Давлеканово и Муллино, но и для керамики пещеры Джебел, а в материалах кельтеминарской культуры «воротнички» (венчики с наружным напылом) являются специфической чертой нижнезаравшанского локального варианта (Виноградов, 1979, с. 33; 1981, с. 169–170, сноска 23–24).

А. В. Виноградов, основываясь на распространении наконечников стрел, обозначил ареал распространения кельтеминарского влияния не только на восток от Урала, но и на запад — на ту территорию, где позже возникла фатьяновская культура (Виноградов, 1979). В упомянутых выше неолитических стоянках агидельской культуры Давлеканово и Муллино с воротничковой керамикой находят классические наконечники стрел кельтеминарского типа (Матюшин, 1982, с. 239, рис. 94, 2, с. 255, рис. 113, 2). Происхождение традиции изготовления воротничковой керамики на этапе Муллино III Г. Н. Матюшин объясняет притоком нового населения из Северного Прикаспия, а территория кельтеминарской культуры, которой отказано даже в роли транзитной зоны, ограничена районом Южного Приаралья в низовьях Амударьи (Matyushin, 2003, с. 378, 386, рис. 24.11). Тем не менее, факт находок кельтеминарских наконечников на северо-востоке Башкирии, в бассейне р. Самара и в Саратовском Поволжье, вопреки мнению А. А. Формозова, свидетельствуют об участии Кельтеминара в формировании культур не только Зауралья, но и более западных областей (Виноградов, 1981, с. 164; Крижевская, 1962, с. 106, рис. 7, 1). Кроме этого, напоминает А. В. Виноградов, погребальный обряд, зафиксированный в могильнике Тумек-Кичиджик в общих чертах подобен обряду населения степи и лесостепи Восточной Европы. В те годы ему еще не было известно о находках наконечников стрел кельтеминарского типа на памятниках майкопской культуры Северного Кавказа. Их исследователь С. Н. Кореневский считает ассиметричные наконечники стрел самой известной формой наконечников из майкопских захоронений и выделяет

их в т. н. «псекупско-долинский» тип, хотя, как и в случае с зооморфными скипетрами, вообще не упоминает ни Кельтеминар, ни работы А. В. Виноградова (Кореневский, 2004, с. 44; 134, рис. 7, 10, 11; 185, рис. 55, 9; 210, рис. 84, 22–30; 225, рис. 104).

На первый взгляд может показаться, что роль Кельтеминара вновь несколько преувеличена, но не нужно забывать, что А. В. Виноградов был, прежде всего, классический археолог, избегавший каких-либо исторических или этнокультурных определений. В его работах совершенно отсутствует какая-либо концепция, кроме строго фактической, и в единственном случае, когда понадобилось сказать об этнической атрибуции кельтеминарской общности, А. В. Виноградов просто сослался на известное мнение С. П. Толстова о роли Кельтеминара в дравидо-финноугорских контактах (Виноградов, 1981, с. 168).

В исследовании кельтеминарской культуры, в определении уровня ее развития и роли в евразийских исторических процессах накопился целый ряд противоречий, объяснение которых, как представляется, лежит на поверхности. Еще в 60-е годы Г. Ф. Коробкова обратила внимание на находки вкладышей жатвенных ножей, обломков зернотерок и утяжелителей для мотыг на стоянках в низовьях реки Зарафшан, что косвенно указывало на признаки земледелия. Уже на раннем этапе кельтеминарской культуры появляются аналогичные джейтунским керамические диски с отверстием в центре, вероятнее всего, пряслица, что возможно только при наличии овцеводства⁴⁵ (Коробкова, 1996, с. 109).

Не говоря о домашних, даже в отношении диких животных данные по кельтеминарской культуре не всегда принимаются в расчет. К примеру, в остеологическом материале из могильника Тумек-Кичиджик есть остатки верблюда-бактриана, кости верблюда из стоянки Толстова тоже, скорее всего, относятся к бактриану (Виноградов, 1981, с. 141–142). Однако известный специалист по археологии Ирана и Месопотамии Д. Поттс в специальной статье о происхождении верблюда вида *Camelus bactrianus* вообще не упоминает находки из кельтеминарских памятников. Соответственно, ареал распространения дикого предка бактриана — *Camelus ferus* — поневоле ограничен территорией степного пояса от Монголии до Центрального Казахстана (Potts, 2005).

Ситуация радикально изменилась в самое последнее время, когда стали известны результаты палеозоологического анализа из кельтеминарской стоянки Аякагитма в низовьях Заравшана, в 150 км к северу от Бухары. Среди костных остатков животных были определены домашние коровы, овцы, козы и свиньи. В составе стада велик удельный вес верблюда и лошади, предположительно также одомашненных, или, по словам авторов раскопок, прирученных (Szymczak, Khudzhanazarov, 2006, с. 235). Признаки домостикации лошади и, тем более, верблюда, установить крайне сложно, поэтому Ф. Бруне более осторожна в своих высказываниях и обращает внимание только на наличие в материалах Аякагитмы костей домашнего быка (Бруне, 2006, с. 205).

45 А. В. Виноградов скептически отнесся к свидетельствам подобного рода (Виноградов, 1981, с. 139).

Серия калиброванных радиоуглеродных дат полностью подтвердила хронологию кельтеминарской культуры, предложенную ранее А. В. Виноградовым (Виноградов, 1981, с. 132–133). Дарьясайский этап датируется около 6000–5500 гг. до н. э.; джанбасский — около 4000–3000 гг. до н. э. (Szymczak, Khudzhanazarov, Fontugne, Michniak, 2004, с. 28–30; Szymczak, Khudzhanazarov, 2006, с. 234). Показательно, что все исследователи отмечают хронологический разрыв от 500 до 1500 лет, существующий между двумя этапами и объясняемый наступлением засушливого периода. Вероятно, это послужило главной причиной, из-за которой кельтеминарские племена (и родственные им прикаспийские племена айдаболской группы) около середины VI тыс. до н. э. вынуждены были перемещаться на столь дальние расстояния. Надо полагать, какая-то часть населения могла переселиться в более благоприятные районы в пределах привычного ареала.

Таким образом, если для эпохи мезолита западных областей Средней Азии можно говорить о существовании двух локальных вариантов — прибалханского, обязанного происхождением населению гротов Южного Прикаспия (Хоту, Гари Камарбанд) и прикаспийского (возможно, на местной верхнепалеолитической основе, но с зарзийской традицией), то в неолите их уже насчитывается, как минимум, три. На базе прикаспийского зарзийского возникают джейтунская и кельтеминарская культуры, прибалханская группа (Джебел, Дамдамчешме II) положила начало неолиту Восточного Прикаспия и Устюрта (айдаболская культура). Материалы устюртских стоянок в системе аналогий занимают промежуточное положение между Кельтеминаром и прикаспийскими пещерными комплексами.

В Северном Иране отмечается та же тенденция, связанная, вероятно, с тем же начавшимся в мезолите делением на два варианта. В пределах общности, маркированной традицией производства краснофонной посуды, отчетливо прослеживается различие западной (Тепе Заге, Чешме Али, Сиалк) и восточной (Санги Чакмак, Джейтун) областей. Джейтун составляет северную периферию древнеземледельческих культур так называемой «красной расписной керамики», граничивших на юге и юго-востоке с ареалом распространения «желтой керамики». В то же время на западе указанной общности, в районе Казвин–Зенджан появляется еще один локальный вариант эпохи неолита — типа Заге, на базе которого, как представляется, на рубеже VII–VI тыс. до н. э. сложилась отдельная культура, известная на севере Месопотамии под названием халафской.

На первый взгляд, различие культур северного, каспийско-кельтеминарского круга и традиций южных областей с расписной керамикой должны означать резкое разграничение населения на две генетически не связанные ветви, как предполагалось на заре археологической науки, но это не так. Отличие вызвано, главным образом, более высоким уровнем воздействия ближневосточных импульсов на южные области, население которых только по образу жизни можно противопоставить родственным племенам севера.

II.3. ЭНЕОЛИТ И ЭПОХА РАННЕЙ БРОНЗЫ

Различия, обозначившиеся внутри общей «культуры красной расписной керамики» Западной Центральной Азии еще в эпоху неолита, стали особенно заметны в период Анау IA и окончательно определились в период Намазга I.

Энеолитическая культура Намазга объединяет памятники севера и юга Туркмено-Хорасанских гор, генетически восходит к джейтунской культуре и представляет восточную линию развития, соприкасаясь на западе с ареалом близкородственной, но уже несколько иной традиции.

Поселения Южного и Юго-Восточного Прикаспия возле Казвина, Тегерана, Кашана, Дамгана и Горгана, составлявшие культуру Чешме Али, отражают западную линию, обусловленную развитием предыдущей общности типа Заге. Условная граница восточной и западной общностей для эпохи энеолита определяется достаточно просто. По абсолютному сходству форм керамики и ее орнаментов западная группа включает такие памятники как Сиалк III, Гиссар I и II, Тепе Габристан I (11–19), Тепе Габристан II–IV возле г. Казвин Северном Иране (Чайлд, 1956, с. 292–295; Yule, 1982, с. 10–13, рис. 3–5; Hiebert & Dyson Jr., 2002, 149, рис. 17; Fazeli Nashli, Beshkani, Markosian, Ilkani, Abbasnegad Seresty and Young, 2009, с. 10, tab. 7).

Энеолит и эпоха ранней бронзы Средней Азии нагляднее всего представлены памятниками подгорной полосы Копетдага в Южном Туркменистане, раскопки которых проводились в течение многих лет учеными разных стран. В результате исследований сложилась устойчивая периодизация в хронологическом интервале с конца VI до середины III тыс. до н. э.: Анау IA, Намазга I, Намазга II, Намазга III и Намазга IV.

Ф. Т. Хиберт объединяет поздний этап Намазга II и Намазга III в один, позднеэнеолитический период, соответствующий Анау II, при этом начало энеолита, период Анау IA, датируется 4500–4000 гг. до н. э. (Hiebert & Kurbansakhatov, 2003, с. 15). Столь поздняя хронология Анау IA противоречит общепринятой системе, в соответствии с которой период Анау IA относится к 5200–4800 гг. до н. э. (Kohl, 1984, с. 143). К тому же, слои периода Анау IA перекрывают джейтунские без видимых признаков заустения между ними, предполагается даже возможность сосуществования поселений позднего этапа Джейтуна с памятниками типа Анау IA (Бердыев, 1976, с. 18; Юсупов, 1997, с. 25–26; Kohl, 1992, с. 181). Отсутствие более ранних слоев периода Анау IA на самом холме Анау вовсе не является свидетельством того, что все памятники с керамикой подобного типа следует омолаживать до 2-й половины V в. до н. э. Интересно, что сам Ф. Т. Хиберт связывает происхождение стиля Анау IA с поселениями восточной группы, которая, в таком случае, является древнейшей, а холм Анау, как известно, в эту группу не входит (Hiebert, 2002, с. 33). В любом случае, вопрос этот пока открыт, но, думается, обновленная хронология, установленная Ф. Т. Хибертом для памятников предгорий Копетдага эпохи энеолита, больше соответствует действительности, чем прежняя. С маленькой

поправкой: по-видимому, придется допустить существование хронологического разрыва между поздним этапом джейтунской культуры и периодом Анау IА. Как помнится, между дарьсайским и джанбасским этапами кельтеминарской культуры разрыв, обусловленный природными причинами, составляет, по разным данным, от 500 до 1000 лет в интервале между 5500 и 4000 гг. до н. э. Подобное совпадение вряд ли можно назвать случайным, так называемый «ксеротермический период» был един и для внутренних районов современной пустыни, и для ее южных окраин.

Для **периода Анау IА** в настоящее время известно одиннадцать поселений в северных предгорьях Копетдага и несколько памятников на южных склонах, в долине реки Атрек в Иранском Хорасане. Застройка поселений, по сравнению с Джейтуном, приобретает более планомерный характер, многокомнатные квадратные или прямоугольные дома группируются по обе стороны узкой длинной улочки. Стены домов сложены из прямоугольных сырцовых кирпичей размером 50–40×20×10–8 см, обычно 40×20×10 см. Стены и полы оштукатурены, иногда окрашены в черный и красный цвет.

В период Анау IА начинается обособление двух керамических стилей — восточного и западного, что в дальнейшем приобретает особенно выраженный характер. Гончарной продукции западных памятников свойственна роспись темно-коричневым или черным по красному фону, восточной — по светлому фону. Несмотря на очевидную преемственность джейтунских традиций, в происхождении керамического комплекса Анау IА большинство исследователей видят несомненное влияние североиранской культуры Чешме Али, в том числе Сиалка I 2–5 и II 1–3 (5500–4700 гг. до н. э.). Это сказывается не только в появлении и распространении принципиально новых орнаментальных композиций, но и в освоении новых технических приемов. В частности, если в неолите сосуды формовались из глины с растительными примесями, то в период Анау IА в тесто добавлялся мелкий песок, хотя для выделки крупных сосудов в глину по-прежнему подмешивали рубленую солому (McCown, 1942, с. 12; Бердыев, 1968, с. 32; 1976, с. 17–18; Массон, 1964, с. 126; 1982, с. 19–20; Сарияниди, 1970, с. 23).

Кремневый инвентарь, как и раньше, микролитовидный, из камня изготовлены ступки, зернотерки, каменные гири, мотыги — первые находки подобного рода на памятниках Южного Туркменистана (Бердыев, 1968, с. 33–34, рис. 4).

Еще на позднем этапе джейтунской культуры на поселении Чагылыдепе был найден единственный кусочек меди (а также бирюзы). В период Анау IА медные изделия уже достаточно распространены, особенно среди памятников восточной группы. Крайне важной является находка на поселении восточной группы Монджуклыдепе пластинки, изготовленной из ляпис-лазури и являющейся, похоже, первым в мире свидетельством добычи и осознанного применения этого камня (Массон, 1982, с. 19).

В период Анау IА появляются явные признаки орошаемого земледелия, на что указывает находка на северном холме Анау зерен мягкой хлебной пшеницы (*Triticum aestivum*) (Hiebert, 2002, с. 32–33). В сравнении с предшествующим периодом состав стада не изменился, только

в остеологическом материале из раскопок слоев Анау IA, кроме мелко- и крупного рогатого скота, обнаружены также кости верблюда. В большом количестве появляются терракотовые пряслица усеченно-конической и биконической формы, применявшиеся для изготовления пряжи из шерсти (Массон, 1982, с. 52).

Погребальный обряд времени Анау IA известен по раскопкам семи погребений на поселении Монджуклы. Все они представляют собой скорченные захоронения, ориентированные головой на север с отклонением на запад и восток (Бердыев, 1976, с. 58; Массон, 1982, с. 18). Антропологам удалось измерить три черепа, из них один средиземноморский, еще один — протосредиземноморский кроманьонского облика, морфологически сближающийся с черепами из пещеры Хоту. Женский череп, по мнению Т. А. Трофимовой, относится к одной из древних форм экваториального типа с дравидоидными чертами (Гинзбург, Трофимова, 1972, с. 44–46; Массон, 1982, с. 20). Данное определение встретило резкую критику со стороны В. П. Алексева и Т. К. Ходжайова, не увидевших ни малейших оснований для подобного заключения и рассмотревших в находках исключительно восточно-средиземноморскую комбинацию признаков (Алексеев, Аскарлов, Ходжайов, 1990, с. 100–101).

Ареал Анау IA на западе достигал области распространения культуры, восходящей к неолиту Прикаспия, как о том свидетельствуют находки на 73-м км автодороги Ашхабад–Бахарден. Здесь в одном слое залегают керамика типа Анау IA и фрагменты орнаментированной насечками посуды, типичной для Прикаспия и Кельтеминара (Бердыев, 1976, с. 15–16; Массон, 1982, с. 18; Hiebert, 2002, с. 33). Южнее холма Анау, в верхнем течении р. Кельтечинар по дороге на г. Кучан в долине Атрека (Северный Иран) обнаружены фрагменты керамики типа Анау IA (Hiebert, 2002, с. 33). Идентичная керамика найдена при работах в восточной части долины р. Атрек между городами Фарудж и Кучан, причем, возможно, к периоду Анау IA относятся пять поселений (Venco Ricciardi, 1980, с. 55–57; с. 19). Не исключается обнаружение слоев периода Анау IA еще южнее, на поселении Нишапур-Р к северо-западу от современного города Нишапур. Во всяком случае, Ф. Т. Хиберт и Р. Дайсон полагают, что коль скоро в слоях V тыс. до н. э. в Тепе Гавра (Северной Месопотамии) найдена бирюза, то, соответственно, в Нишапуре должны быть памятники Анау IA (Hiebert & Dyson Jr., 2002, с. 115, 125).

Период Намазга I (Анау IB) датируется по одиннадцати радиоуглеродным пробам, взятым из раскопок северного холма Анау, 4000–3500 гг. до н. э. (Hiebert, 2002, с. 34). Известно около 30 памятников со слоями это времени. Поселения состоят из однокомнатных и многокомнатных домов, построенных из сырцовых кирпичей размером 45–48×20–24×10 см. Стены и полы некоторых помещений поверх штукатурки покрывались росписью черной и красной красками. По раскопкам Ясыдепе известны целые настенные композиции, состоящие ромбов и треугольников двух цветов на светлом фоне. Посуда изготавливалась из глины с примесью рубленой соломы, расписная керамика характеризуется монохромной

темно-коричневой росписью по красному или светлому (с зеленоватым или желтым оттенком) фону. В шурфе на поселении Карадепе замечена следующая последовательность: в нижних слоях количественно преобладает красный фон, выше — светлый, в верхних слоях — вновь красный. На северном холме Анау вскрыто семь детских скорченных захоронений на левом боку, головой на юго-восток или юго-запад. Погребения сопровождались украшениями из бирюзы, сердолика, белого камня и раковин, обнаружены также медные и свинцовые пронизки (Массон, 1982, с. 20–25; Юсупов, 1997, с. 27–29; Mellaart, 1975, с. 219–221; Hiebert, 2002, с. 34; Hiebert & Kurbansakhatov, 2003, с. 19–21).

В период Намазга I население предгорной полосы Копетдага на востоке достигает Геоксюрского оазиса в правобережье дельты Теджена. На юге аналогичные материалы этого времени известны в восточной части долины р. Атрек, между городами Фарудж и Кучан (Venco Ricciardi, 1980, с. 56–57) и в Нишапуре-Р (Hiebert & Dyson Jr., 2002, с. 118–119, 137, рис. 4). В период Намазга I (этап ЮЗТ-VII) на востоке, в правобережье нижнего Атрека начинают складываться поселение с могильником Пархай II, в погребальном инвентаре которого представлены материалы, аналогичные тем, что были найдены при раскопках Сиалка III (6–7), Гиссара IC/IIA и Тюрентгепе IIA (Хлопин, 1989; Hiebert, 2002, с. 34; Hiebert & Kurbansakhatov, 2003, с. 21). Ф. Т. Хиберт предполагает, что заселение Мешед-Мисрианской равнины происходило с востока, из района северных предгорий Копетдага, однако круг аналогий материалов из могильника Пархай II с памятниками Горгана, Кашана и Тегерана указывают иное направление. Во все времена памятники относительно узкой полосы Южного и Юго-Восточного Прикаспия составляли единую историко-культурную провинцию, контактировавшую с восточной, анауской культурой, но отличавшуюся при этом яркой самобытностью.

Поселения **периода Намазга II (Анау II)** датируются приблизительно 3500–3100 гг. до н. э. В это время происходит дальнейшее развитие унаследованных от предыдущих периодов традиций, в том числе продолжающееся обособление западного и восточного вариантов анауской культуры. Керамический комплекс западной группы памятников делится на пять групп: с полихромной росписью; с монохромной по красному фону; с монохромной по светлому фону; красноощенные и черноощенные сосуды (обычно сферические горшки с отогнутым венчиком; грубая хозяйственная посуда). Для керамики восточной группы характерна монохромная темно-коричневая роспись преимущественно по красному фону, имеющаяся здесь расписная полихромная посуда считается импортом из поселений западной группы. В целом, во время Намазга II преобладала керамика со светлым фоном, а с середины периода почти вся расписная посуда стала таковой.

Внешний периметр двух поселений Геоксюрского оазиса (Ялангачдепе и Муллалидепе) представляет собой обводную стену, снабженную круглыми в плане помещениями-башнями и сложенную из сырца размером 36–33×27–25×10 см (Хлопин, 1963, с. 74–75). В западной группе круглые

в плане архитектурные сооружения не выявлены. Стены домов, как и прежде, возводились из прямоугольных сырцовых кирпичей размером 47–48×23–25×10–12 см и 40–42×23–25×10 см. На Карадепе в домах, под полами помещений обнаруживаются одиночные захоронения, в скорченном положении на правом боку, головой на юг и юго-запад. Могильные ямы обкладывали кирпичами, на дно укладывали циновку, в одном случае выявлены следы красной краски. Из 21 погребения сопроводительный инвентарь имеется только в 10: обычно это бусы из гипса, иногда покрытые серебряной фольгой, на руки надевали браслеты, также составленные из лазуритовых, сердоликовой и одной золотой бус (Массон, 1982, с. 26–34; Юсупов, 1997, с. 29–34).

В период Намазга II жители предгорий Копетдага выращивали мягкие сорта пшеницы, двухрядный и шестирядный ячмень. По-прежнему из кремня изготавливали вкладыши для серпов, наконечники стрел, на поселениях обеих групп найдено много других каменных изделий — зернотерки, ступки, пестики, подпятники, плоские дисковидные гири с ручкой весом около 14 кг (Mellaart, 1975, с. 225; Массон, 1982, с. 30, 53–54).

Состав стада со времени Намазга I не изменился: кости коров составляют 41–54% от общего количества, овец и коз — 25–49%, имеются находки костей домашних свиней (от 3 до 20%, в зависимости от условий залегания). Крайне интересная информация получена в результате исследования костей собак, найденных на поселениях предгорной полосы Копетдага, в частности, Илгылы-депе. Во-первых, в конце IV тыс. до н. э. южнотуркменистанская форма собаки уже отличалась от классического типа древних собак, сложившегося в Передней Азии и Египте к концу V тыс. до н. э. Во-вторых, морфологический тип собак, распространенный в Передней Азии и в Южном Туркменистане в IV–III тыс. до н. э., был абсолютно иным по сравнению с тем, что существовал тогда в Европе и, похоже, имел самостоятельное происхождение. Судя по находкам на поселении Каунчи в Ташкентской области Узбекистана, он практически не изменяясь, сохранился вплоть до конца I тыс. до н. э. Предполагается, что уже в III тыс. до н. э. произошло формирование породы среднеазиатских овчарок (Каспаров, 2000, с. 43–46).

По результатам исследований памятников периода Намазга II В. М. Массон предполагает сложение в рамках анауской культуры двух локальных вариантов, генетически восходящих, конечно, к одной традиции. Отмечается также, с одной стороны, усиление убейдского влияния, с другой — импорт продукции поселений Копетдага в отдаленные области Афганистана (Мундигак) и Ирана (Тали Иблис) (Массон, 1982, с. 33–34). При этом на соседних памятниках долины Атрека на южных склонах Копетдага материалы периода Намазга II вообще отсутствуют (Venco Ricciardi, 1980, с. 57). В северных предгорьях на ранней стадии Намазга II были покинуты семь поселений западной группы (Юсупов, 1997, с. 32). Тем не менее, на северном отрезке дороги через Копетдаг, соединяющей Анау и Кучан, на поселении Маныш (Эркдепе) материалы слоя Намазга II есть (Hiebert & Kurbansakhatov, 2003, с. 23). Керамика из Нишапура, при всем сходстве с анауской, находит больше аналогий в комплексах Чешме Али у Тегерана,

Гиссара II возле Дамгана и могильника Пархай II в среднем течении Сумбара (ЮЗТ-VI, по периодизации И. Н. Хлопина) (Hiebert & Dyson Jr., 2002, с. 119–120).

На ранней стадии **периода Намазга III** археологический комплекс изменился не настолько существенно, чтобы можно было провести четкое разграничение Намазга II и начало Намазга III. По этой причине исследователи часто рассматривают их вместе, определяя общим понятием — поздний энеолит, в абсолютных датах около 3300–2700 гг. до н. э. (Hiebert, 2002, с. 35). Для жилой застройки поселений этого времени характерны большие многокомнатные дома, возводившиеся из сырцовых кирпичей размером 45×24×10 и 42×22×11 см. В Геоксюре получают распространение круглые в плане очаги-«алтари» с отверстием в центре, появившиеся еще в период Намазга II.

По-прежнему сохраняются различия в керамическом комплексе восточной и западной групп. Особенностью строго геометрического орнаментального стиля керамики периода Намазга III является многоступенчатый крест или его элементы, при этом западной группе поселений присущ карадепинский стиль, восточной — знаменитый геоксюрский, проходящий на смену ялангачскому. Посуда Карадепе украшена монохромной темно-коричневой росписью по зеленовато-белому и реже — красному фону. Еще реже отмечаются случаи использования в орнаменте полихромной росписи темно-коричневой и красной красками. В комплексе имеются сосуды черно-серого цвета, внешняя поверхность их залощена, иногда украшена процарапанным орнаментом. На крайнем западе региона, в Аркаче, расписная керамика отсутствует, там распространена исключительно черноглиняная посуда с гравированным орнаментом (этап ЮЗТ-V, по И. Н. Хлопину). Геоксюрский стиль появляется в конце периода Намазга II и выделяется яркой полихромной росписью так называемого «коврового типа» по светлому или красному фону (Массон, 1982, с. 35–47; Юсупов, 1997, с. 34–35).

Погребальный обряд периода Намазга III характеризуется двумя основными типами захоронений: индивидуальные погребения в пределах самих поселений и коллективные сырцовые склепы на специально отведенных участках. В Карадепе раскопаны одиночные могилы, обложенные и перекрытые сырцовым кирпичом; захоронения совершались в скорченном положении на правом боку, головой на юг или юго-запад. Сопроводительный инвентарь представлен сосудами, бусами, в том числе браслетом из бус и, иногда, медными булавками с лопаточковидным навершием и пряслицами. На раскопе 4 Карадепе была раскопана прямоугольная в плане гробница размером 2,6×2,2 м, сложенная из сырцового кирпича. В ней были найдены костные остатки 23 взрослых человек, 14 расписных, 3 сероглиняных, 3 каменных сосуда, каменные бусы и медная булавка с лопаточковидным навершием. На поселении восточной группы Геоксюр 1 раскопан целый погребальный комплекс, состоящий из 30 овальных или прямоугольных в плане коллективных гробниц размером 2,5–2,3×2,2–1,9 м. Они возведены из сырцового кирпича на уровне древней дневной поверхности, снабжены

входом и перекрыты ложным сводом. Захоронения совершались последовательно, предыдущие отодвигались в сторону, количество погребенных в каждом из склепов составляет от 2 до 12. Территория могильника Геоксюр 1 стенами поделена на три отдельных участка, на одном из которых было два склепа, на двух других — по одному. В слое Алтындепе 10 раскопана овальная в плане погребальная камера, в которой на нижнем уровне была похоронена взрослая женщина с младенцем, на верхнем — четверо взрослых (Массон, 1963, с. 18–19; 1964, с. 148–150; 1982, с. 36, 39, 41, 44, 47–48). Всего в Алтындепе зафиксировано три типа захоронений: просто на полу помещений, в погребальных склепах для многократных последовательных захоронений и третий тип, указывающий на частичную кремацию — обугленные костяки лежат в земле в слое золы. Все погребенные лежали на боку, головой преимущественно на север. В склепах-толосах на Алтындепе были обнаружены только женщины и дети, мужских захоронений в них нет. Та же ситуация отмечается и для склепов Геоксюра, где в толосах последовательно хоронили, в основном, только женщин и детей и крайне редко — мужчин (Кияткина, 1980, с. 148–150).

По заключению В. В. Гинзбурга и Т. А. Трофимовой, черепа из позднеэнеолитических захоронений Южного Туркменистана относятся к двум типам, точнее, подтипам: в Карадепе представлен протосредиземноморский (евро-африканский тип Серджи), в Геоксюре — собственно восточносредиземноморский. Черепа из слоев Кара 3 и Кара 2 выделяются в грацильный евро-африканский тип, близкий населению Гиссара II и Гиссара III⁴⁶. Черепа из верхнего слоя Кара 1 выделяются в тот же евро-африканский тип, но с массивным строением лицевого скелета, напоминающим погребенных в Сиалке эпохи неолита (Гинзбург, Трофимова, 1972, с. 62–66). Т. П. Кияткина также приходит к выводу о существовании двух локальных вариантов антропологического типа в Южном Туркменистане. С одной стороны, грацильный восточносредиземноморский тип Алтындепе и Геоксюра, с другой, более грубый протосредиземноморский из Карадепе 1, отличающийся очень большой высотой черепа. Последний тип, по мнению автора, можно сопоставить с черепами из двух памятников восточной группы джейтунской культуры — Овадандепе и Чагылыдепе (Кияткина, 1980, с. 151–152). И. Н. Хлопин в качестве дополнительного подтверждения разделения анауской культуры на два, как минимум, локальных варианта указывает на разницу в росте населения западного Карадепе, где мужчины имели средний рост 170,8 см, женщины — 154,7 см, и Геоксюра — соответственно 163,6 и 150,5 см (Хлопин, 1966, с. 118).

По мнению В. И. Сарияниди, на раннем этапе периода Намазга III произошло перемещение части населения из Геоксюра на Карадепе, в связи с чем в верхних слоях памятников центральной группы появляется керамика с типично геоксюрским орнаментом (Сарияниди, 1960, с. 148).

46 Очевидно, руководствуясь установками Н. Я. Марра и С. П. Толстова о «скрещении» угро-финских и протодравидских языков, Т. А. Трофимова постоянно пыталась доказать наличие примеси южных по происхождению, в частности, экваториальных типов в составе населения Средней Азии, однако попытки эти не принесли никаких результатов, кроме отрицательных (Алексеев, Аскаров, Ходжайов, 1990, с. 85, 104).

Уже в конце периода Намазга II – раннем Намазга III на поселениях анауской культуры появляются бронзовые предметы, изготовленные из мышьяковистых сплавов. Происходят изменения и в керамическом производстве: в Геоксуре впервые применяется гончарный круг медленного вращения, вместо однокамерных горнов для обжига керамики стали использоваться двухкамерные одноярусные (Сарианиди, 1963, с. 80–83). С периодом Намазга III связано первое археологическое свидетельство о существовании у населения Копетдага своего календаря, сложившегося в соответствии с земледельческим укладом жизни, определявшим деление года на 15 месяцев по 24 дня в каждом (Массон, 1982, с. 61).

В целом археологический комплекс памятников Южного Туркменистана эпохи энеолита характеризуется устойчивостью традиций, берущих начало в джейтунской культуре. Население отличается земледельческо-скотоводческим укладом с развитыми ремесленными навыками в керамическом и, особенно, ткацком производстве. В погребениях отсутствует какое-либо оружие, на поселениях можно найти только глиняные ядра для пращи, медные и кремневые наконечники стрел, но почти в каждом захоронении обязательно имеется терракотовое пряслице⁴⁷. Это факт, конечно, не является случайным и свидетельствует о, по меньшей мере, особо уважительном отношении к прядению и ткачеству. В искусстве создания и оформления тканей и ковров видятся истоки происхождения знаменитого и высокохудожественного геоксюрского стиля, который внезапно появляется в конце периода Намазга II. Мотив геоксюрского креста в различных вариациях, вероятнее всего, отражает генетическую связь населения Копетдага и создателей халафской культуры Северной Месопотамии, далеким эхом которой могло быть практически одновременное появление геоксюрской керамики (и, надо полагать, текстильных изделий) во многих областях Среднего Востока.

Период **Намазга IV (Анау IIIA)** условно относится к эпохе ранней бронзы и датируется серединой III тыс. до н. э. (Массон, Березкин, 2005) или, точнее, 2700–2500 гг. до н. э. (Hiebert & Dyson Jr., 2002, с. 120), более широко — 3000–2500 гг. до н. э. (Kohl, 1984, табл. 1). Слои этого времени обнаружены на многих поселениях предгорной полосы Копетдага, Акдепе, Намазгадепе, Шордепе, Карантки Токай, Кошли Багы, Кошадепе, Гарадепе, Анау, Алтындепе, Чонгдепе, Улугдепе, Хапуздепе, Серахском поселении, достигают толщины от 4 до 9 м и обычно перекрыты более поздними напластованиями (Сарианиди, 1976, с. 83; Юсупов, 1997, с. 39; Станкевич, 1978, с. 22). К Намазга IV относится также могильник Пархай II на крайнем юго-западе Туркменистана (период ЮЗТ-IV) (Хлопин, 1983, с. 132).

Как и в предыдущие периоды, архитектурные сооружения времени Намазга IV возводились из прямоугольного сырцового кирпича размером 46×23×11 см и пахсы. Поселения представляли собой группы разделенных улочками многокомнатных домов, стены и полы которых

⁴⁷ Этот обычай, как указывалось выше, зафиксирован даже в кельтеминарском могильнике Тумек-Кичиджик, где в позднем захоронении № 7 найдено пряслице, типичное для периода Намазга II или III (Виноградов, 1981, с. 115).

внутри были побелены. Очаги круглой в плане формы были углублены в пол (Сарианиди, 1976, с. 85–86; Юсупов, 1997, с. 39; общую сводку см. Götzelt, 1996, табл. 95–115).

Жители поселений по-прежнему вели мирный образ жизни: предметы вооружения, если не считать кремневые наконечники стрел, абсолютно отсутствуют. Из металла изготавливались иглы с ушками, шилья, рыболовные крючки. Население, прежде всего, занималось выращиванием традиционных пшеницы и ячменя, а также проса и кунжута, винограда винных и столовых сортов, была известна мелкоплодная вишня (Сарианиди, 1976, с. 86; Юсупов, 1997, с. 38).

В керамическом производстве на смену простейшим одноярусным обжигательным печам приходят горны более сложной, двухъярусной конструкции, широко употребляется гончарный круг, но, в то же время, анаусцы оставались верны традиционному способу изготовления сосудов (Сарианиди, 1976, с. 88, 92). К сожалению, нам неизвестно процентное соотношение лепной и станковой посуды, но можно не сомневаться, что не тех памятниках, где преобладает расписная, а не серая посуда, процент лепной намного выше.

Керамика периода Намазга IV, в основном, монохромная, роспись становится измельченной, орнамент геометрический, зооморфные мотивы практически исчезают. Складывается так называемый «ковровый стиль», являющийся наследием геоксюрских традиций. В юго-восточных поселениях черно-коричневая роспись наносилась на красную поверхность, в центральных — на зеленоватый светлый, на западе господствует сероолощенная керамика (Массон, 1956, с. 240–241; Сарианиди, 1970, с. 28). На памятниках центральной группы, в Ахале, серая посуда со временем все больше вытесняет расписную, на Акдепе вообще немного керамики с росписью. По аналогиям поселения Нишапура близки памятникам этой группы (Hiebert & Dyson Jr., 2002, с. 120–121, рис. 7–8). На поселениях восточной группы — Алтындепе, Хапуздепе и Чонгдепе — расписная посуда по-прежнему преобладает, а в Мургабском оазисе находки серой керамики вообще единичны (Юсупов, 1997, с. 37).

Помимо гончарного ремесла, население прикопетдагской полосы занималось выплавкой меди, что известно по находкам на поселении Хапуздепе остатков двух плавильных горнов и фрагментов «лячек» со следами меди (Сарианиди, 1976, с. 82). Микроскопическое исследование футеровки горнов и пригоревших к ней шлаков определило температурный интервал, в котором происходила плавка (1130–1230°C). Интересно, что на стенках горна выявлены частицы восстановленного до металла железа, предположительно попавшего из железной руды, которая добавлялась в шихту в качестве флюса (Терехова, 1980, с. 144). Факт обнаружения восстановленного железа на стенках горнов Хапуздепе служит замечательным примером того, как древние могли познакомиться со свойствами нового металла и, как результат, перейти от металлургии медных сплавов к железу.

Погребальный обряд периода Намазга IV лучше всего известен по раскопкам Алтындепе, где зафиксированы коллективные гробницы геоксюрского типа и захоронения на полах помещений, некоторые костяки лежат

в земле или в золе. Как и в Геоксюре, в камерах-толосах хоронили только женщин и детей. Костяки лежат на боку, преобладает северная ориентация (Кияткина, 1980, с. 145–149). На позднем этапе появляется практика перезахоронения костей (черепов), захоронения младенцев в сосудах и единственный случай последовательного захоронения в подземной камере. Погребальный инвентарь представлен сосудами для пищи, из них 45% расписные, в богатых захоронениях имеются каменные косметические сосуды и бусы, металлические серьги и печати-штампы из металла и стеатита, идентичные найденным при раскопках поселения и могильника Шахри Сохте периода III. Снаружи, перед стеной погребальной камеры ставился каменный светильник, выточенный из стеатита или мраморовидного известняка (Массон, Березкин, 2005, с. 513). Форма таких светильников напоминает сужающийся книзу цилиндр с небольшим углублением-резервуаром для масла, сверху он накрывался специальной крышкой с отверстием для фитиля (Сарианиди, 1976, с. 96).

Антропологический тип погребенных в Алтындепе восточномедитеранеоморский, аналогичен геоксюрскому и отличается «необычайной грациальностью черепов, тонкостью и изяществом строения». Этим он несколько отличается от протомедитеранеоморского физического типа, распространенного в энеолите на поселении Карадепе центральной группы прикопетдагских памятников (Кияткина, 1980, с. 150–151).

Показательно, что антропологические данные о населении Южного Туркменистана энеолита и эпохи ранней бронзы обнаруживают полное соответствие с тем незначительным, но явственным расхождением западного и восточного комплексов керамики, сказавшегося, прежде всего, в орнаментальном стиле.

Керамика, изготовлявшаяся в Карадепе (западный стиль), тесно связана с комплексами Ирана Гиссар IV–IIA и Сиалк III (4–7) (Массон, 1982, с. 49). Посуда геоксюрского типа встречается на востоке: она обнаружена в верховьях Атрека, в западной части долины (Venco Ricciardi, 1980, с. 57); в Северо-Восточном Иране фрагменты геоксюрской керамики найдены в Нишапуре, в то время как на севере Ирана (Гиссар II) население уже перешло к изготовлению исключительно сероглиняной посуды (Niebert & Dyson Jr., 2002, с. 120, 139, с. 6).

Судя по распространению геоксюрского археологического комплекса, на позднем этапе периода Намазга II происходило активное передвижение населения как в южном, так и, что особенно важно, в северо-восточном направлении. На связи древнеземледельческих культур Южного Туркменистана, Ирана и Южного Афганистана археологи обратили внимание давно (см. Массон, 1957), но с каждым новыми исследованиями в данном регионе крепло убеждение, что речь идет не о простом заимствовании идей и товаров, а прямом расселении древних племен — носителей культуры своеобразной расписной керамики. Вероятнее всего, именно этому процессу обязан своим происхождением так называемый «кветский стиль», а также появление на древних поселениях Белуджистана первых гончарных изделий, изготовленных на гончарном круге. На юго-востоке керамика периода Намазга II обнаружена на территории Юго-Западного

Афганистана (Casal, 1961, с. 118; Сарияниди, 1977, с. 14–19) и Западного Пакистана (Dani, 1975, с. 289; Массон, 1960; Сарияниди, 1969, с. 303–304; Щетенко, 1970; Самзун, 2000). Пути распространения археологического комплекса Намазга можно видеть по материалам раскопок протоэламских памятников Южного и Юго-Восточного Ирана, таких как Шахдад и Тепе Яхья, где преемственность развития на одном из этапов (Тепе Яхья IVB) в самом конце IV тыс. до н. э. нарушается появлением расписной, серой и краснолощенной керамики, типичной для Северо-Восточного Ирана и Южного Туркменистана (Lamberg-Karlovsky, 1974; Tosi, 1979; Сарияниди, 1972, с. 282; Voigt & Dyson Jr., 1992, с. 146–151). Показательно, что по мере удаления от коренной области распространения «красной расписной керамики» облик ее все больше утрачивает свои индивидуальные черты, накладываясь и в дальнейшем сливаясь с традициями местной гончарной продукции. В конечном счете, подобное слияние, вероятно, и привело к появлению «цветского стиля», обязанного своим происхождением западному импульсу.

На том же юго-восточном направлении, но в незаселенных и, соответственно, не отягощенных технологическим наследием областях ситуация выглядит несколько иначе, что наглядно продемонстрировало исследование одного из крупнейших на то время поселений — Шахри Сохте. Памятник расположен на крайнем востоке Ирана, в Сеистане, и возникновение его относится к периоду Намазга III. В результате раскопок на поселении выделено четыре периода, от энеолита до эпохи бронзы, и во всех слоях поселения, начиная от самого раннего (периода I), был выявлен тот же археологический комплекс, что и в Южном Туркменистане, прежде всего, в Геоксюре (Тоси, 1971; Biscione, 1973). Кроме керамики с росписью, в Шахри Сохте обнаружена тонкостенная серая посуда открытых форм, существовавшая на протяжении первых трех периодов и исчезнувшая одновременно с расписной (Тоси, 1971, с. 21). Подобное сочетание в одном комплексе двух видов гончарной продукции, расписной керамики и черно-серой (иногда также краснолощенной), является одной из наиболее характерных черт древнеземледельческих поселений позднего энеолита и ранней бронзы. В 2700–2500 гг. до н. э. на поселении перерабатывали медные руды, получая мышьяковистую бронзу. Плавка производилась в тиглях, домашним способом, и, судя по результатам специальных исследований, более прогрессивным методом, чем где бы то ни было на Среднем Востоке (Hauptmann, Rehren & Schmitt-Strecker, 2003).

Совершенно аналогичную ситуацию можно наблюдать на северо-восточном направлении, где в долине р. Заравшан буквально на «пустом месте» возникает поселение Саразм. Расположено оно в 45 км к востоку от г. Самарканд и по размерам не уступает Шахри Сохте, занимая площадь более 100 га. Автор раскопок поселения, А. И. Исаков, выделяет четыре периода, два из которых относятся к энеолиту (Намазга II–III), другие два — к эпохе бронзы (Намазга IV – ранний этап Намазга V) (Исаков, 1991, с. 117). Радиоуглеродный анализ образцов из Саразма (периоды I–III) показывает, что поселение существовало в хронологическом диапазоне примерно с начала IV до конца III тыс. до н. э. (Исаков, 1991, с. 112–113; Kohl, 1992, с. 195).

Б. Лионне предлагает усредненные значения — приблизительно 3500–2500 гг. до н. э. (Lyonet, 1996, табл. 9), хотя такому заключению противоречат даты образцов периода III (2415–2115 гг. до н. э.) и, насколько можно судить, заключительного периода IV (2620–2105 гг. до н. э.) (Исаков, 1991, с. 113). Б. Лионне подверглась совершенно справедливой критике со стороны А. Я. Щетенко, придерживающегося мнения А. И. Исакова о датировке последнего периода жизни Саразма 2300–2000 гг. до н. э. (Щетенко, 2001а, с. 265–266). Действительно, логичнее предположить, что между периодами I–II и периодами III–IV, в середине III тыс. до н. э. существовал хронологический перерыв, составлявший никак не меньше 500 лет. Это утверждение согласуется как с данными радиоуглеродного анализа, так и с тем незначительным, но вполне отчетливым различием комплексов Саразм I–II и Саразм III–IV, конечно, принимая во внимание крайне консервативную сущность культуры расписной керамики.

Ни у кого из специалистов не вызывает сомнения, что Саразм был основан выходцами из поселений Южного Туркменистана: те же жилые структуры, тот же набор каменных, металлических, керамических и иных изделий, только в несколько «обедненном» виде. Как и на юго-западе Средней Азии, керамический комплекс Саразма состоит из трех основных групп: 1 — большую часть составляют обычные сосуды без росписи; 2 — расписная монохромная, реже полихромная посуда; 3 — черно-серая (редко красная) полированная керамика строгих геометрических очертаний. В период I посуда с росписью составляла 2,1% от общего количества, черно-серая — 21%; в период II около 20% сосудов изготавливалось на гончарном круге, процент черно-серой керамики увеличивается до 30%, более чем в два раза превышая количество расписной (Исаков, 1991, с. 76–81, 105). Насколько можно понять, в периоды III–IV сохраняются все три основные группы, только полихромная роспись почти исчезает, орнаментальные мотивы монохромной становятся беднее и упрощеннее, а роспись наносится более небрежно, тогда как процент черно-серой керамики по-прежнему высок (Исаков, 1991, с. 84–91).

Древние жители Саразма выращивали пшеницу и рожь, причем исследователи особо отмечают тот факт, что на поселении найдены зерна ржиголозернянки (*Hordeum nudum*) (Франкфор, 1989, с. 122).

В нижних слоях поселения Саразм обнаружен некрополь в виде обнесенной каменной стенкой площадки размером около 125 м², где было 5 овальных в плане могильных ям глубиной 1,1–1,2 м. Две из них содержали одиночные захоронения, еще две — парные, в одной было выявлено групповое захоронение. Умершие были положены в скорченной позе на левом боку, головой на юг. В двух случаях покойники помещались на плетеные подстилки, в одном случае тело посыпалось красной охрой. Антропологический тип погребенных европеоидный долихокранный (восточносредиземноморский), т. е. тот же, что и в погребениях Южного Туркменистана (Исаков, 1992, с. 64–66).

Таким образом, культура Саразма включает два компонента: с одной стороны, явно доминирующие признаки анауской культуры расписной керамики периода Намазга II–III; с другой, существенный вклад т. н.

«культуры серой (или чернолощеной) керамики», характерной, в первую очередь, для областей Юго-Восточного Прикаспия. В Саразме имеется и третий, не столь весомый, но очень интересный компонент, указывающий если не на прямое присутствие, то на высокую степень контактов с кельтеминарской культурой. В слоях поселения Саразм периода II найден фрагмент типичного кельтеминарского сосуда с орнаментом по венчику, в том числе напоминающим оттиск шнура (Исаков, 1991, с. 24, 81, рис. 26, 20; Lyonnet, 1996, pl. V, 4)⁴⁸. Фрагменты кельтеминарской керамики имеются в слоях поселения периодов III и IV (Исаков, 1991, с. 90–91, рис. 4, 9, 10; Lyonnet, 1996, pl. V, 5, 6), а в некрополе Саразма, в могиле 4 был обнаружен сосуд конической формы, аналогичный кельтеминарским (Исаков, 1992, с. 67). Их форма и орнаментация в виде полос коротких косых насечек или оттисков зубчатого штампа более всего напоминает керамику третьего этапа кельтеминарского неолита Лявляканских стоянок во Внутренних Кызылкумах, датируемого IV – первой половиной III тыс. до н. э. (Виноградов, Мамедов, 1975, с. 223–224; см. также Parzinger, 1997, 127–128).

Аналогичные материалы были обнаружены также при раскопках поселения металлургов Тугайное в 18 км к востоку от Самарканда, почему-то отнесенного к памятникам степной бронзы (Avanessova, 1996; Hiebert, 2002, с. 242–243). По радиоуглеродному методу Тугайное датировано 2250–1950 гг. до н. э. и синхронизируется с периодом IV Саразма (Аванесова, 2004, с. 408). Уже не в первый раз кельтеминарскую и, особенно, посткельтеминарскую керамику принимают то за афанасьевскую, то за андроновскую. Кремневый пластинчатый нож, каменный топор-гесло из Тугайного, наряду с еще одним таким же, найденным где-то в долине Заравшана, был причислен к ранним фатьяновским древностям (Аванесова, 2004, с. 409–411), хотя логичнее было бы искать им аналогии в позднекельтеминарском комплексе. Как указывалось выше, многие материалы позднего Кельтеминара и раннего этапа фатьяновско-балановской культуры практически идентичны. Можно дополнить, что такие же топоры и другие типично позднекельтеминарские каменные изделия и керамика были найдены экспедицией А. Стейна в районе озера Лобнор (Ранов, 1988, с. 102, 93, рис. 2).

В Самарканде, на берегу р. Сиаб строителями случайно было найдено захоронение с подсыпкой охры в ямной могиле, в которой лежал женский костяк в скорченном положении на правом боку, головой на северо-запад. Антропологический тип аналогичен заманбабинскому, т. е. восточносредиземноморский. В могиле возле головы стояли два сосуда, разбитые строителями, собраны также типично андроновские бронзовые пластинчатые браслеты и височные подвески, кроме того — перстни, украшения из бирюзы, ляпис-лазури, агата и сердолика. Круг аналогий перечисленным вещам определен Н. А. Аванесовой абсолютно точно: по керамике — с кельтеминарской культурой, по украшениям — с комплексом Намазга V Южного Туркменистана. Тем не менее, предполагается синташтинско-петровское

48 Немного смущает прямолинейная реконструкция формы сосуда в виде чрезмерно вытянутого цилиндра.

происхождение всего комплекса, а в некоторых других подобных случаях — афанасьевское (Аванесова, 2001, с. 62–65).

В материалах поселения Тугайное и группе разрозненных находок эпохи ранней бронзы с территории Самарканда наблюдается тот же набор признаков, что отмечен для поселения и погребений Саразма. В целом, характерной чертой памятников долины Заравшана является сочетание в той или иной комбинации кельтеминарской и прикопетдагских культур, причем чем ниже по течению р. Заравшан, тем больше кельтеминарская составляющая.

По всем признакам археологический комплекс поселения Саразм идентичен тому, что выявлен на раскопках энеолитических поселений Северо-Восточного Ирана и Южного Туркменистана. В период позднего Намазга II одной из его главных особенностей становится сочетание двух традиций, культуры расписной керамики и культуры черно-серой лощеной керамики. Начало этого процесса можно наблюдать на памятниках крайнего юго-запада Туркменистана и северо-востока Ирана, где археологи предполагают область возникновения и распространения культуры серой керамики. В последующие эпохи тенденция взаимодействия двух родственных культур продолжится, но на территории Юго-Восточного Прикаспия черно-серая керамика постепенно вытеснит расписную и станет для данной территории основным признаком археологического комплекса.

Впервые область Юго-Восточного Прикаспия привлекла внимание в связи с находкой в 1841 г. знаменитого клада высокохудожественных золотых, бронзовых и каменных изделий шумерского и эламского происхождения. Он был обнаружен на Тюренгтепе в 12 милях к северо-востоку от города Астрабад (современный г. Горган), отчего клад получил название астрабадского (Rostofftzeff, 1920, с. 4)⁴⁹. В середине XX в. при раскопках Тюренгтепе, а также расположенных неподалеку Шахтепе, Ярымтепе и Рустам Кале впервые была найдена тонкостенная сероглиняная посуда (Arne, 1945; Deshayes, 1976; Станкевич, 1978, с. 24). В ходе дальнейших исследований территория северной подгорной равнины Эльбурса, долин Горгана, Атрека и районов западного Копетдага была признана коренной областью, где зародилась и откуда впоследствии распространилась эта своеобразная культура (Eastern Grey Ware culture), иногда называемая по имени клада астрабадской.

Начиная со второй половины IV тыс. до н. э.⁵⁰ происходит расширение ареала культуры серой керамики. В Тепе Гиссар (период Гиссар IС/IIА) она сначала сосуществует с расписной, затем, с периода Гиссар II, становится доминирующей (Yule, 1982). В тот же период (Намазга II) она уже есть на поселениях предгорной полосы Копетдага (Массон, 1956а, с. 239) и Нишапура

49 Относительно недавно, в 2001 г. на востоке Горганской долины, в селении Базгир местными жителями случайно был найден не менее ценный клад. Он состоит из более чем 250 сосудов, аналогичных найденным в Тепе Гиссар (период IIIС), наконечников стрел, копий и топоров. Все они изготовлены из мышьяковистой бронзы (Nokandeh, 2004, с. 109). К этому же времени относятся еще два клада из Тепе Гиссара, что, конечно, является отражением сложной исторической ситуации в самом конце III тыс. до н. э. (Гиршман, 1981, с. 141).

50 И. Н. Хлопин полагает, что серая керамика появляется в Юго-Восточном Прикаспии уже в начале IV тыс. до н. э. (Хлопин, 1989, с. 126).

(Hiebert & Dyson Jr., 2002, с. 120–121). На западе серая керамика сменяет расписную в конце IV тыс. до н. э., как показали раскопки Гохартепе в восточном Мазандаране (Mahfroozi, Piller, 2009, с. 177–180). На юго-западе серая керамика появляется (в незначительном количестве) в Сиалке и расположенном рядом Арисмане в самом конце периода Сиалк III, где вскоре она (вместе с культурой красной расписной керамики) вытесняется протоэламитской культурой Юго-Западного Ирана (Ghirshman, 1938; Гордон Чайлд, 1956, с. 296; Helwing, 2006, с. 38), как и на юге, в Шахдаде и Тепе Яхья. На юго-востоке (долина Кветты) культура расписной и серой керамики (Анау и Горгана), придав новый импульс развитию местных традиций, полностью растворяется в их среде. На крайнем востоке Ирана, на поселении Шахри Сохте в Сеистане, защищенном с запада пустыней Дашти Лут, серая и расписная посуда продолжает сохраняться вплоть до конца периода III и исчезает одновременно (Този, 1971, с. 21).

Для поселений северных предгорий Копетдага периода Намазга IV классическим примером сосуществования двух культур, астрабадской и анауской, является Акдепе⁵¹. В количественном отношении здесь уже явно преобладает сероглиняная керамика, что объясняется нарастающим влиянием культуры Северо-Восточного Ирана и Юго-Западного Туркменистана (Сарианиди, 1976, с. 91–92). Ближайшая к Горгану территория Юго-Западного Туркменистана являлась одной из первых, где распространилась культура серой керамики⁵². Здесь уже на ранних этапах количество серой посуды составляло 57,3%, светлоглиняной посуды было 42,7%, но уже в период ЮЗТ-V, синхронный Намазга III, серая керамика явно преобладала — до 95% (Хлопин, 1989, с. 115, 118).

Черно-серая керамика изготовлялась вручную, без гончарного круга, но при этом отличалась высоким качеством, толщина стенок иногда составляла всего 1–1,5 мм. Были распространены биконические и цилиндроконические кубки; чаши конические и полусферические; графины со сферическим туловом и высокой горловиной, иногда с длинным трубчатым носиком; грушевидные сосуды с отверстиями для подвешивания; сосуды со сливом; вазы на высокой, монолитной или полый внизу ножке (так называемые «фруктовые подставки»); полусферические, сильно вогнутые внутрь крышки с ручкой в виде кнопки или петельки. Поверхность, чаще всего, лощеная, иногда с орнаментом, прочерченным острым предметом, или нанесенным лощением. Очень популярно горизонтальное рифление стенок и ножек сосудов (Arne, 1945, с. 38, рис. 664, табл. XXI–LIX; Сарианиди, 1976, с. 103–109, рис. 7–13; Хлопин, Хлопина, 1980, с. 255–257, рис. 4, 5).

В археологическом комплексе культуры серой керамики периода ЮЗТ-VI (Намазга III) впервые появляются широко известные впоследствии бронзовые булавки с биспиральным навершием, с шестью–восемью витками на них, есть и булавки с треугольным щитком (Хлопин, 1989, с. 115–116, рис. 2).

С культурой серой керамики связано появление своеобразного способа погребения, известного в археологии Евразии под названием катакомбного.

51 Когда-то Акдепе располагался в окрестностях Ашхабада, сейчас он входит в черту города.

52 Область Горган расположена на левобережье р. Атрек, Мешед-Мисрианская равнина (Дехистан) занимает правобережье, и во все времена судьбы их были тесно переплетены.

Еще в 60-е гг. прошлого века японские археологи, исследовав катакомбные захоронения первых вв. н. э. в провинции Гилян на севере Ирана (Юго-Западный Прикаспий), совершенно интуитивно предположили автохтонное происхождение катакомб (Egami, Fukai, Masuda, 1960, с. 21). Несколько позже Ю. А. Заднепровский ясно показал необоснованность этой гипотезы, но утверждал, что найденные японской экспедицией катакомбные захоронения вообще являются самыми ранними на территории Ирана (Заднепровский, 1969, с. 305–306). Все изменилось после раскопок итальянской экспедиции на могильнике Шахри Сохте в Восточном Иране, где, помимо захоронений в кирпичных склепах типа Намазга и обычных могильных ямах, были найдены погребения в катакомбах и так называемых «псевдокатакомбах». Покойников укладывали в скорченном положении на боку с поднятыми к голове руками — в позе спящего человека (Tosi, Riperno, 1975, с. 125–127, 130, 136–137, с. 6, 7).

Ближе к эпицентру возникновения культуры серой керамики, в Юго-Западном Туркменистане, И. Н. Хлопин многие годы исследовал аналогичные иранским, но еще более древние захоронения. На примере могильников Пархай II и долины р. Сумбар автор раскопок показал в динамике весь процесс трансформации погребальных сооружений — от полуподземных склепов в псевдокатакомбы, а потом и в катакомбы (Хлопин, 1983, с. 59–64, рис. 14). Сложение катакомбного способа захоронения в ареале культуры серой керамики восходит, по меньшей мере, к позднему энеолиту. По И. Н. Хлопину, в Юго-Западном Туркменистане, начиная с конца V тыс. до н. э., существовал единственный тип погребального сооружения — полуподземный склеп с боковым входом и деревянно-земляным перекрытием, который и явился прообразом будущих, классических катакомб эпохи бронзы (Хлопин, 1989, с. 126–127). Если бы не проблемы хронологии памятников юга Средней Азии, столь характерные для 60–80-х гг., результаты исследований И. Н. Хлопина вызвали бы серьезный резонанс в археологической среде. Однако тогда этого не произошло, и главная дискуссия развернулась вокруг так называемой «культуры» Заманбаба, ее хронологии и вопросов происхождения выявленного здесь катакомбного типа погребальных сооружений (см., например, Алёкшин, 1989, с. 153–154).

«Культура» Заманбаба представлена одним-единственным памятником — поселением с могильником, расположенным на южной окраине пустыни Кызылкум, в 15 км к северо-западу от г. Каракуль. В древние эпохи в нижнем течении Заравшана существовала целая группа мелководных озер, образованных его затухающими протоками. Крайнее, северо-западное озеро Большой Тузкан было буквально окаймлено поселениями кельтеминарской культуры, на берегах Малого Тузкана таковых насчитывается всего три, возле озера Заманбаба, на юго-восточном берегу которого находится поселение Заманбаба, нет ни одного (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 118, рис. 38). Уже в 1958 г. Е. Е. Кузьмина подвергла детальному анализу археологический комплекс могильника Заманбаба (Кузьмина, 1958). В 1962 г. А. А. Аскарлов опубликовал результаты раскопок поселения, на котором была обнаружена нижняя, углубленная часть большого овального дома деревянно-столбовой конструкции, точной копии того, что экспедиция С. П. Толстова открыла

на стоянке Джанбас 4 древнего Хорезма. Площадь жилища составляла около 170 м², ориентировано оно по линии юго-запад – северо-восток. Рядом с домом были найдены остатки двух двухъярусных керамических печей. На поселении удалось зафиксировать зерна пшеницы и пленчатого ячменя, а также кости мелкого и крупного рогатого скота (Аскарлов, 1962, с. 64–65; 1963, с. 86–88, рис. 33; Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 129–141, 175–176, рис. 50; Бахтеев, 1962, с. 65).

Могильник Заманбаба, представлен захоронениями в ямах и катакомбах: ямные расположены на восточной половине погребального поля, в западной части имеются и те, и другие. Из-за плохой сохранности не во всех из 46 раскопанных погребений удалось установить положение усопшего. В тех из них, где это было возможно, костяки лежали на левом боку, в скорченном положении, головой на восток или северо-восток, иногда на север. Имеются парные и коллективные захоронения, в одной катакомбной могиле предположительно установлен случай повторного захоронения. Почти во всех погребениях могильника найдены комочки охры, сурьмы, извести и мела (Кузьмина, 1958, с. 24; Аскарлов, 1962, с. 59–60; Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 119–129). Антропологический тип населения восточномедиземноморский (вариант 2), аналогичный тому, что зафиксирован в сериях из Алтындепе и Намазгадепе в Южном Туркменистане (Ходжайов, 1983, с. 100).

Археологический комплекс поселения и могильника Заманбаба включает те же три компонента, что и в Саразме, только на этот раз с явным усилением кельтеминарской составляющей, что легко объясняется расположением памятника в ареале кельтеминарской культуры, хотя и на его окраине. Это проявляется, прежде всего, в типе жилища, изделиях из керамики и камня. Меньше всего вклад анауской культуры — это фрагменты расписных сосудов периода позднего Намазга IV и, отчасти, украшения. Основной составляющей археологического комплекса Заманбабы являются элементы культуры серой керамики Северо-Восточного Ирана и Юго-Западного Туркменистана. Хотя собственно серолощеной посуды в могильнике Заманбаба был найден всего один фрагмент (Кузьмина, 1958, с. 27), здесь были обнаружены те же металлические изделия и, главное, тот же способ захоронения — в катакомбах и ямах.

В комплексе керамики из поселения и могильника Заманбаба впервые появляются так называемые «кормушки» — квадратные или прямоугольные плоские с боковым отделением в углу ((Кузьмина, 1958, с. 25, рис. 1, 6; Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, табл. VII, 1, табл. XIV, 3–6). Более 500 лет спустя, в эпоху поздней бронзы точно такие же будут характерны для ямных и катакомбных погребений Северного Афганистана, точнее, Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (Сарианиди, 1979, с. 26–27, рис. 3–4). Некоторые исследователи считают эти изделия курительницами, А. А. Аскарлов, отмечая аналогии подобным сосудам в афанасьевской и катакомбной культурах, видит в них ритуальные «кормушки» для души покойника, отлетающей в образе птицы, и приводит очень интересное этнографическое соответствие в индийской погребальной традиции (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 181–182).

Металлические предметы, хотя их немного, четко демонстрируют связь с памятниками Северо-Восточного Ирана и Юго-Западного Туркменистана. Прежде всего, это два небольших зеркала и типичные для культуры серой керамики «лопаточки» или, точнее, булавки, найденные в женских захоронениях (Кузьмина, 1958, с. 29, рис. 2; Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 159–160, табл. XVI, 1–5, 10–18). Изготовлены они из мышьяковистой бронзы на базе местных, кызылкумских руд, как предполагали все исследователи, что, в принципе, впоследствии подтвердилось.

На нескольких стоянках по берегам озера Лявлякан во Внутренних Кызылкумах были обнаружены следы меднолитейного производства, на одной из них найден фрагмент сосуда с капельками меди внутри, на двух стоянках — куски руды, шлаков и литейные формы (Виноградов, Мамедов, 1975, с. 228). Литейные формы были изготовлены из песчаника и предназначались для отливки топоров. В одной из них отливали топоры-тесла, в другой — топоры-молоты. Топоры-тесла известны на памятниках Ирана, Северо-Восточного (Астрабадский клад, Тепе Гиссар и Шахтепе) и Северного, на юго-западном побережье Каспия (Амлаш), они есть в Трое (слои II и VII B) и на Крите, широко распространены в материковой Греции и на территории между Дунаем и Днепром (Boroffka, 2009). Топоры-молоты находили в том же ареале, а также на Северном Кавказе и в Трансильвании (Виноградов, Кузьмина, 1970). Можно добавить, что аналогичные, только глиняные литейные формы для отливки топоров-тесел были найдены в 60 км юго-восточнее Тепе Сиалк, на поселении металлургов Арисман, функционировавшем на протяжении всего IV тыс. до н. э. (Azarnoush, Helwing, 2005, с. 208–209, рис. 30). Литейные формы для топоров того же типа давно известны также по раскопкам поселения Тепе Габристан периода II (слой 9) в 60 км южнее Казвина (Majidzadeh, 1979, с. 83, рис. 2–3). Похоже, происхождение топоров подобного типа следует связывать с территорией Северо-Восточного Ирана или, в широком значении, Северной Месопотамии.

Обделенными вниманием оказались крайне интересные, но скудные данные о работах на территории древней акчадарьинской дельты Амударьи, где были исследованы два поселения — Байрам-Казган 2 и Базар 2. В них найдены такие же, как в Саразме, типично позднекельтеминарские сосуды с примесью песка в тесте, заостренным дном и украшенные оттисками гусеничного штампа и насечками. Вместе с ними обнаружены два фрагмента расписной керамики периода Намазга IV, а также, как в Лявлякане и Заманбабе, фрагменты сосудов андроновско-тазабагьябского круга поздней бронзы, что, похоже, несколько смутило исследователей, но является совершенно обычным делом на развешанных стоянках кельтеминарской культуры (Итина, 1970, с. 49–50).

Материалы из поселений акчадарьинской дельты и лявляканских стоянок приблизительно синхронны комплексу Заманбабы и совпадают по направлению аналогий, неоднократно отмеченных всеми, кто, так или иначе, обращался к вопросу о хронологии и происхождении этого уникального памятника. Сходство погребальных конструкций, многих форм сосудов и их орнаментов с материалами афанасьевской, ямной и, особенно,

катакомбной культур несомненно (Латынин, 1958, с. 49–50; Кузьмина, 1958, с. 26–28). Отсюда происходит укоренившееся у большинства исследователей стойкое убеждение, что «культура» Заманбаба — гибрид северных степных и южных земледельческих культур, а поскольку главным ее признаком является катакомбный обряд погребения, значит, преобладал северный компонент, что свидетельствует о проникновении племен катакомбной культуры в Среднюю Азию.

Недавно этот миф развеял Ю. Г. Кутимов, правда, в рамках прежней, гибридной теории. Достаточно уверенно обосновав датировку могильника Заманбаба примерно серединой III тыс. до н. э., автор связывает происхождение погребального обряда Заманбабы не с катакомбной, а с ямной культурой (Кутимов, 2005, с. 203–205). Относительно хронологии вопросов нет, она подтверждается не только сопоставлением с датировкой периода позднего Намазга IV, но и других памятников Среднего Востока. Что касается второго тезиса, основанного на ямных захоронениях в могильнике Заманбаба и посылки охрой, то, в таком случае, аналогичные погребения с охрой в Сиалке периодов I–III (Массон, 1964, с. 204) и Саразме (Исаков, 1992, с. 66) тоже придется объяснять воздействием ямной культуры, хотя в то время ее просто не существовало. В могильниках Пархай II и Шахри Сохте прекрасным образом уживались и ямные погребения, и катакомбные, но почему-то никто не берет на себя смелость объяснять их происхождение присутствием или хотя бы контактами с племенами ямной культуры. Бросающееся в глаза сходство гончарной продукции ямной культуры и могильника Заманбаба объясняется кельтеминарской традицией, восходящей к неолиту, еще к доямной эпохе. Тип жилья и керамика на поселении Заманбаба, свои, кельтеминарские, и было бы странно, если бы явно пришлые племена привезли с собой свою посуду и строили временное жилье по своим канонам.

Для начала нам, археологам, придется признать тот очевидный факт, что выделение археологической культуры по одному памятнику абсолютно некорректно, соответственно, дискуссия будет иметь смысл только в том случае, если речь пойдет не о культуре, а поселении Заманбаба. Тогда Заманбаба предстает обычным транзитным пунктом, совмещающим функции перевалочной базы и, может быть, торгово-промышленной фактории. Выбор места крайне удачен: всего в 40 км от переправы через Амударью (г. Чарджоу)⁵³, практически посередине пути между памятниками северо-восточных предгорий Копетдага и, например, Саразмом, строго на линии современной железной дороги Ашхабад–Бухара–Самарканд. Причем, надо заметить, пришельцы очень уверенно ориентировались в пространстве, судя по идеальной позиции поселения Заманбаба не только в отношении переправы и путей сообщения, но и территории кельтеминарских племен. Контакты Кельтеминара с югом происходили с древнейших времен, а в эпоху ранней бронзы, как видно из материалов стоянок Лявлякана и Акчадарьи, жители предгорий Копетдага (и не они одни), должно быть,

53 Относительно района левобережья средней Амударьи имеется скудая информация о наличии там признаков Намазга V и даже поселений периода Намазга IV (Литвинский, 1981, с. 162, сноска 5).

особенно интересовались полезными ископаемыми Кызылкумов. Надо полагать, что в их перечень входили не только медь, свинец, бирюза и сердолик, но и знаменитое рассыпное золото низовьев Заравшана, слухи о неисчерпаемых запасах которого так будоражили воображение Запада в XIX в., и где сейчас находятся крупнейшие в Средней Азии его разработки.

Учитывая круг аналогий, приведенный выше, вряд ли стоит сомневаться, что оно было основано выходцами из Северо-Восточного Ирана и Южного Туркменистана, начавшими уже со второй половины IV тыс. до н. э. активные передвижения по всем направлениям, в том числе северо-восточном. Насколько далеко они уходили, можно видеть по находкам в Ферганской долине вещей южного происхождения, о чем вспоминают не часто и вскользь (Массон, 1966, с. 205–206, рис. 47). Ю. А. Заднепровский приводит целый перечень таких предметов из двух кладов в Наманганском уезде, вероятнее всего, являющихся частью погребального инвентаря. Хакский клад 1894 г. состоял из шести металлических предметов, в Афлатунском (1924 г.) было несколько металлических украшений, пастовые бусы и девять бронзовых человеческих фигурок (длиной 2,5–2,8 см) в остроконечных головных уборах. Все изделия являются типичными для культуры Северо-Восточного Ирана, где лучше всего известны по раскопкам Тепе Гиссара периода III. Из Ферганской долины происходят три бронзовых ножа-кинжала так называемого «катакомбного типа», названные так потому, что характерны для катакомбной культуры, но в Средней Азии их обнаружили в слоях Анау периода III, возможно, периода II. (Заднепровский, 1962, с. 52–57). К той же группе случайных находок можно причислить классическую эламскую каменную гирию или, как полагают некоторые исследователи, культовый предмет с изображением сплетающихся змей, обнаруженную в селении Сох на юге Ферганы в 1893 г. (Альбаум, 1992, с. 77, рис. 6; Brentjes, 1971, с. 155; Winkelmann, 2004).

Относительно недавно в Ферганской долине удалось, наконец, найти один из тех памятников, с которыми позволительно соотносить подобные находки. В Киргизии, на крайнем востоке Ферганской долины был открыт сильно пострадавший при земляных работах могильник Шагым. Археологам удалось собрать часть находок (зеркала, булавки с навершием в виде лопатки и пр.) из многих разрушенных погребений и определить контуры двух частично сохранившихся могил. В одной могиле, судя по описанию, катакомбного типа, раскопано последовательное коллективное захоронение. В центре находился костяк взрослого человека в скорченном положении на левом боку, головой на юго-юго-восток. Исследователи собрали все, что осталось из погребального инвентаря, в том числе фрагменты серолощенного сосуда, и, конечно, сразу определили юго-западное происхождение комплекса и его связь с памятниками раннеземледельческих культур энеолита и эпохи бронзы. Интересен морфологический анализ кельта-лопатки, который определяется как самая ранняя, исходная форма этого типа изделий (Аманбаева, Рогожинский, Мэрфи, 2006).

В целом же, как представляется, исследователи излишне преувеличили уровень аналогий с несколько более поздними материалами Бактрийско-Маргианского археологического комплекса, которому Шагым

не современник, не наследник, но, конечно, родственник, что подразумевается довольно стандартным набором инвентаря и типом погребально-го сооружения. Е. Е. Кузьмина совершенно справедливо назвала открытие могильника Шагым «давно ожидаемой сенсацией», уверенно указав на его южное, точнее сказать, юго-западное происхождение, но почему-то включила этот могильник в круг памятников чувской культуры (Кузьмина, 2009, с. 65). Обряд захоронения и инвентарь из захоронения характерен не только и не столько для культур расписной керамики, которой, кстати, в Шагyme вообще нет, сколько для культуры серой керамики крайнего юго-запада Средней Азии. Находки из Ферганской долины ясно свидетельствуют о прямых, неопосредствованных связях людей, оставивших после себя могильник Шагым, с населением Северо-Восточного Ирана и Юго-Западного Туркменистана, и промежуточными звеньями этой цепи являлось поселение и могильник Заманбаба, а также, в какой-то степени, Саразм⁵⁴.

Еще одним таким звеном является Ордос, где были найдены типичные для культур юга Средней Азии бронзовые печати, в орнаменте и форме которых отображен мотив креста. Они были собраны христианическими миссионерами еще в 20-е гг. прошлого века (Антонова, 1988, с. 153–154). Сами по себе эти и другие названные выше находки не могут прямо свидетельствовать о переселении людей, но вся совокупность разрозненных, на первый взгляд, фактов, позволяет усматривать в распространении вещей юго-западного происхождения явную закономерность, особенно в связи с появлением на востоке Евразии катакомбного обряда захоронения.

На крайнем востоке конечной точкой исхода южного населения стала Восточная Сибирь, где на территории Среднего Енисея и Тувы около 2400 г. до н. э. внезапно появляется принципиально иная для тех мест окуневская культура (Görsdorf, Parzinger, Nagler, Leont'ev, 1998). Для нее характерны захоронения в грунтовых ямах с заплечиками и катакомбах, в антропологическом типе отмечается значительная доля монголоидного элемента, отсутствовавшего в предыдущей, афанасьевской культуре. Взамен афанасьевских курильниц с массивной ручкой появляются классические «катакомбные» курильницы без ручки и с камерой внутри резервуара, как у «кормушек» Заманбабы (см. Грязнов, 1999; Лазаретов, 1997).

Что повлияло на трансформацию археологического комплекса южан по дороге в Сибирь и кто еще в глубинных просторах Центральной Азии был вовлечен в этот процесс, можно только догадываться, но в керамике окуневской культуры, как раньше афанасьевской, явно прослеживается кельтеминарский след⁵⁵. Однако главным критерием, как на юго-западе, так и на северо-востоке, остался катакомбный способ захоронения, исходную точку которого можно видеть в Южном и Юго-Восточном Прикаспии.

Недавно П. М. Кожин вновь обратил внимание на наличие глубоких связей между культурами Средней Азии и Сибири. Это видно на примере

54 Так исторически было обусловлено особое значение Бухары и Самарканда.

55 Еще более отчетливо признаки кельтеминарской культуры видны в материалах могильника Кээрмуци фазы I (конец III – начало II тыс. до н. э.) в юго-западных предгорьях Алтая (Wei Ming Jia & Betts, 2010, с. 296, fig. 7). Стоит напомнить, что влияние Кельтеминара распространялось до Алтая еще в энеолите (Шмидт, 1999).

находок палочек из кости со сложным геометрическим орнаментом, обнаруженных на юге Туркменистана (Алтындепе, Гонур) и в афанасьевских захоронениях на Енисее, находок серебра, миниатюрных стеатитовых головок и графических изображений на могильных плитах захоронений окуневской культуры (Кожин, 2010, с. 138–139).

На долгом пути культура юга несколько утратила свой переднеазиатский блеск, но успела оставить яркий след в древнекитайской истории. Около середины III тыс. до н. э. в бассейне среднего и нижнего течения Хуанхэ появляется удивительно своеобразная культура Луншань (Longshan), которая в историографии КНР — это «китайское все»: появление металлургии, зачатков письменности и традиционной гадательной практики. Бесспорно, она является прямым потомком предыдущей, неолитической культуры Яншао, но в Луншане или, вернее, луншаноидных культурах появляется целый ряд новшеств, никак не связанных с традициями Центральной Китайской равнины. Если в Яншао выращивали просо (чумизу) и из домашних животных знали только свинью и собаку, то в луншаноидных культурах появляются уже культивированная пшеница, ячмень и сорго (гаолян), в составе стада — быки, бараны и козы, но лошадей еще не было (см. Pulleyblank, 1996; Mair, 2003, с. 166–167). К этому времени относятся находки первых действительно бронзовых предметов и появление гончарного круга (Васильев, 1974, с. 94–97; 1976, с. 203–212; Кучера, 1977, с. 32–34; Li, 2002, с. 180). Древнейший на территории Китая медный предмет (нож) датируется 3280–2740 гг. до н. э., а появление изделий из бронзы связано, конечно, с луншаноидными культурами, относящимися к 2600–2100 гг. до н. э. (Yan, 2000, с. 101–103).

Справедливости ради надо сказать, что в провинции Шаньси в слое памятника середины V тыс. до н. э. (культура Яншао) был обнаружен обломок металла, содержащий 65% меди и 25% цинка, т. е. латуни. Китайские ученые объясняют этот феномен спецификой местных руд, включающих, наряду с медью, цинк или цинк и олово. При переработке руд такого типа цинк не успевает испариться и переходит в металл (Yan, 2000, с. 100). Нечто подобное известно по раскопкам Намазгадепе (период IV), где находили латунные предметы с повышенным содержанием цинка — 14,8 и 24,7% (Литвинский, 1954, с. 26; Thornton, 2007). На территории Средней Азии медные руды с цинком или цинком и оловом — станнин и мушистанит, известны в верховьях р. Заравшан (Cierny, 1995). Металл изделий Сапалли и памятников Ферганской долины содержит примесь цинка, а в конце I тыс. до н. э. на юге Средней Азии в могильниках завоевавших Греко-Бактрию народов появляются предметы, изготовленные из медного сплава с цинком и свинцом, получившего специальное название «бактрийская латунь» (Шемаханская, 2005, с. 749–750).

То, что многие нововведения в поздненеолитических культурах Китая обязаны своим происхождением западному влиянию, вполне понятно и практически не оспаривается. В принципе, конкретный источник этих воздействий — культура Северо-Восточного Ирана — давно установлен, и помогла в этом тонкостенная (до 2 мм) чернолощеная керамика, которая является основным отличительным признаком археологического

комплекса культуры Луншань (см. Fairservis, 1959, с. 100–101; Васильев, 1976, с. 212–215).

Техника производства, орнаментация и, главное, формы сосудов Луншаня и Ирана настолько похожи (до полной идентичности), что речь не может идти о простой случайности. Особенно это бросается в глаза при сравнении керамики Луншаня и памятников северо-восточной окраины ареала культуры черно-серой керамики периода Намазга IV (например, Акдепе в Ашхабаде) (Andersson, 1943, табл. 28–34; Сарияниди, 1976, с. 103–109, рис. 7–13; Götzelt, 1996, табл. 78–79). Как правило, археологи в произвольность подобных совпадений не верят, как и в независимое от внешних обстоятельств изменение конструкции горна для обжига керамики, начавшееся в Луншане и приведшее к созданию горна типа Ченчжу (Cheng-chou type). Последний идентичен керамической печи из Тепе Сиалк периода III (Barnard, 1961, с. 62–64, рис. 18–19; Гордон Чайлд, 1956, с. 294, рис. 103).

Интересно появление в культуре Луншань сосуда типа цзэн с дырчатым дном для варки на пару (Кучера, 1977, с. 32). Такие изделия, наподобие мисок с отверстиями в дне, были известны в Горгане и на юге Туркменистана в период Намазга IV, в эпоху поздней бронзы и раннего железа (Литвинский, 1954, с. 33, рис. 25, 5; Götzelt, 1996, табл. 83, 1119c–1119d; Массон, 1956б, с. 429, 431, рис. 45). В древнем Китае они могли использоваться в качестве пароварки, но среднеазиатские археологи называют их цецилками, предназначенными для сцеживания сыворотки и приготовления таким образом кисломолочных продуктов, например, брынзы, творога и мягкого сыра. Насколько известно, в северной, степной зоне цецилки впервые появляются в материалах Еленовского могильника эпохи поздней бронзы (Кузьмина, 1997, с. 90).

Сами исследователи археологии Северо-Восточного Ирана обратили внимание не на китайские древности, о которых тогда практически ничего не было известно, а на многочисленные аналогии с памятниками Малой Азии, Кипра и Фессалии. В частности, затрагивались вопросы происхождения и распространения так называемой «минийской» керамики (Minyan Ware), которая, одновременно с находками костей лошади, впервые появляется в слоях Трои (период V) и памятниках Греции к концу раннеэладского периода (Mellaart, 1958, с. 15–18). Кроме того, отмечен ряд аналогий керамике и предметам из памятников Горгане и Дамгана в материалах катакомбной культуры Причерноморья и унетичкой культуры Центральной Европы, что послужило основанием для признания создателей культуры серой керамики Северо-Восточного Ирана индоевропейцами (Arne, 1945, с. 319–330; Deshayes, 1969). На основе анализа катакомбных конструкций могильника Пархай II данную точку зрения поддержал и развил И. Н. Хлопин, предположив индоиранское (а не вообще индоевропейское) содержание культуры серой керамики (Хлопин, 1989, с. 125–129).

Конечно, сам по себе черно-серый цвет сосудов не является каким-то уникальным явлением, присущим исключительно астрабадской культуре. Помимо Юго-Восточного Прикаспия, серая керамика характерна для куро-аракской культуры Южного Кавказа, распространенной на территории Грузии, Армении и Азербайджана. В Анатолии куро-аракский

археологический комплекс известен под названием Караз, в Палестине — Хирбет-Керак. На востоке ее ареал практически вплотную соприкасался с областью распространения астрабадской культуры: крайне восточный памятник был недавно обнаружен на северо-западе Ирана, в провинции Гилян (Fahimi, 2005). В отличие от горганской, чернолощенная посуда куро-аракской культуры имеет красную внутреннюю поверхность (подкладку) и часто украшалась рельефным орнаментом (часто в виде спиралей), каннелюрами (см. Кушнарева, Чубинишвили, 1970). Есть общие формы (например, те же цедилки), что указывает на существование каких-то связей между куро-аракской и астрабадской культурами, однако, как заключает И.Л. Станкевич, они «явно не были генетическими». Отдаленные связи существовали и между куро-аракской и анауской культурами (Станкевич, 1978, с. 28).

Истоки происхождения форм серой керамики в Юго-Восточном Прикаспии усматриваются в предшествующей расписной, на основе которой она возникает и развивается (Deshayes, 1969, с. 13; Хлопин, 1983, с. 68; Станкевич, 1978, с. 25), с чем трудно не согласиться. Более того, анализ керамики из Тепе Гиссара показал, что для производства как расписной, так и серой посуды служили одни и те же источники сырья (Hiebert & Dyson Jr., 2002, с. 120). Можно сказать, что разница заключается только в изменении технологии, когда на смену обжигу в окислительной среде (с доступом кислорода в обжигательную камеру) приходит обжиг восстановительный (в задымленной среде, без доступа воздуха). Считается, что впервые такая технология появляется в неолите на юго-западе Малой Азии, откуда она могла распространиться на восток вместе с носителями куро-аракской культуры Закавказья (см. Массон, 1964, с. 237). Вероятно, так объясняется появление метода восстановительного обжига в ареале культуры расписной керамики Северо-Восточного Ирана и Южного Туркменистана, хотя нельзя исключать возможность генетической связи новой технологии с неолитическими традициями Мазандарана.

Выделение «культуры серой керамики» основывается, конечно, не на специфическом облике распространенной в Северо-Восточном Иране посуды, и не только на серии однотипных орудий и украшений. Наряду с черно-серой керамикой определенных форм, на ранних этапах соседствующей с расписной, ведущим признаком культуры все-таки является катакомбно-подбойное устройство могил.

Насколько известно, самое раннее в мире катакомбное захоронение было найдено при раскопках неолитического поселения Ярымтепе II в Северо-Западном Ираке (халафская культура). Здесь были открыты 15 захоронений трех различных типов: трупосожжение, погребения отдельных черепов и трупоположения в катакомбах, коллективные и индивидуальны, в скорченном положении на боку, головой на юго-запад, юго-восток и на северо-запад⁵⁶. На соседнем холме Ярымтепе I найден специальный халафский некрополь, вынесенный за пределы поселка, в котором были только скорченные трупоположения на боку, обычно головой на юго-восток. Во всех установленных случаях захоронения совершались

56 В одном погребении лежала миниатюрная сероглиняная чашечка (Мерперт, Мунчаев, 1982, с. 30).

в катакомбах. Н. Я. Мерперт и Р. М. Мунчаев предполагают происхождение катакомбного типа погребального устройства от традиционной для халафской культуры круглой формы жилища, с округлым перекрытием и входным дромосом (Мерперт, Мунчаев, 1982).

В энеолите и эпоху бронзы погребальные сооружения катакомбного типа распространяются по всей Евразии: в Причерноморье, странах Западного и Восточного Средиземноморья, проникают в Месопотамию и даже Сибирь. Подобный разброс находит единственно возможное объяснение — эпицентр этого уникального явления находился в центре Евразии, но не в северной степной зоне, а в южной прикаспийской, что подтверждается исследованиями халафского могильника и памятников Юго-Восточного Прикаспия. Вероятно, этим также объясняется отсутствие промежуточных звеньев между восточными памятниками катакомбной культурной общности и окуневской культурой, и тот факт, что западная группа памятников катакомбной культуры существенно моложе восточных (Черных, Орловская, 2004, с. 22).

Кратчайший путь на север вел через Кавказ, и по нему в IV–III тыс. до н. э. передвигались огромные массы населения, в числе которых были не только носители куро-аракской, но и представители катакомбной астрабадской культуры. Распространение катакомбного обряда погребения в эпоху бронзы на Северном Кавказе не является чем-то необыкновенным, о нем известно давно, но появление их традиционно связывалось с продвижением племен из Юго-Восточной Европы на юг, обратный вариант даже не обсуждался (Котович, 1978, с. 55–56). Возможно, результаты раскопок поселения и катакомбного могильника Великент недалеко от Дербента смогут несколько поколебать прежнюю уверенность (см. Kohl, 2001). В материалах из куро-аракского поселения проглядывается участие археологического комплекса культуры восточной черно-серой керамики, а последовательные коллективные захоронения в катакомбах без курганных насыпей прямо указывают на его южное происхождение. Сложение могильника относится к первой половине III тыс. до н. э., в нем было найдено 195 металлических предметов, изготовленных преимущественно из мышьяковистых бронз. В составе металла пятнадцати украшений было выявлено повышенное содержание олова, и, следовательно, они являются самыми ранними для Кавказа свидетельствами использования оловянистых бронз (Kohl, Gadzhiev, Magomedov, 2002, с. 124, 126).

Закономерным итогом массового исхода населения стало почти полное отсутствие признаков жизни в оазисах прикопетдагской полосы и запустение поселений Северо-Восточного Ирана в конце III тыс. до н. э., но ему предшествовало коренное преобразование всего археологического комплекса, демонстрирующего резкое усиление месопотамского и эламского влияния. Начало этого процесса восходит, по меньшей мере, к середине III тыс. до н. э., как можно видеть на примере астрабадскогоклада из Тюренгтепе (Rostofftzeff, 1920) и отдельных находок из могильника Пархай II, идентичных предметам из Царского некрополя в Уре (Хлопин, 1989, с. 121). Приблизительно к тому же времени, предположительно,

к первому или второму этапу раннединастического периода (в целом, XXVIII–XXVI вв. до н. э.), относятся первые письменные сведения о странах к востоку или северо-востоку от Шумера.

Во время раскопок религиозного центра шумеров, Ниппура, были найдены глиняные таблички с текстами эпических поэм, посвященных древним героям Шумера. Четыре поэмы посвящены отношениям между Уруком и страной под названием Аратта. В двух из них, «Лугальбанда и Анцу» и «Лугальбанда и Куррумкурра»⁵⁷, содержится описание военных действий Урука против Аратты. Еще в двух, «Энмеркар и верховный жрец Аратты» и «Энмеркар и Энсухкешданна», взаимоотношения Урука и Аратты приобретают более мирный характер (Канева, 1964, с. 245–247; Гамкрелидзе, Иванов, 1989, с. 36–37; Brown, 1991, с. 9).

Поэма «Энмеркар и верховный жрец Аратты» начинается с того, что Энмеркар обращается к покровительнице Урука богине Инанне с просьбой заставить людей Аратты принести в Урук для ремонта храмов строительные материалы — камни, древесину и металлы, которых в самом Уруке не было. Затем Энмеркар переходит к угрозам в адрес правителя Аратты, обещая ему разрушить его город и убить его самого, если он не доставит в Урук все необходимое для постройки храма. Когда переговоры с позиции силы успехом не увенчались, стороны пришли к согласию, и состоялся мирный обмен теми товарами, в которых была заинтересована каждая из стран. Энмеркар получил горные камни, золото, серебро, бронзу, свинец, ляпис-лазурь, сердолик и изделия из дерева, взамен отправив в Аратту зерно и скот, необходимые ее жителям из-за долгой засухи.

В другой поэме, «Энмеркар и Энсухкешданна», называется имя верховного жреца Аратты — Энсухкешданна (Ensuhekeshdanna), и на этот раз он является зачинщиком спора. Энсухкешданна «посылает гонца в Урук и требует, чтобы Энмеркар подчинился Аратте и принес туда богиню Инанну. Но Энмеркар отвечает, что Инанна должна остаться в Уруке, а Аратта должна покориться Уруку. Получив такой ответ, жрец Аратты обращается за помощью к собранию граждан, однако последнее под тем предлогом, что жрец Аратты затеял спор первым, отвечает ему отказом. Тогда на помощь Энсухкешданне приходит жрец Аратты *машмаш*, который уверяет, что он “перейдет реку Урука”, покорит все страны “верхние и нижние, от моря и до гор кедр” и вернется в Аратту с тяжело нагруженными лодками. Однако жреца *машмаш* убивают и тело его бросают в Евфрат. Узнав о гибели этого жреца, Энсухкешданна срочно шлет Энмеркару послание, в котором признает себя побежденным» (Канева, 1964, с. 245–251).

Страна Аратта часто упоминается в шумерских эпических песнях и, судя по всему, была неплохо известна в Шумере, хотя находятся скептики, которые отрицают сам факт ее существования и считают Аратту неким эквивалентом древнего Тимбукту, фантастической страной, связанной только с экзотическими товарами (Steinkeller, 2007, с. 1–2, сноски 4). Действительно, название Аратта ни разу не встречается в экономических или исторических документах, но те продукты, которые оттуда

57 «Lugalbanda — Enmerkar» и «Lugalbanda — Hurrum».

поступали, экзотическими никак не назовешь. В данном случае более подходит сравнение Аратты с Индией по отношению к средневековой Европе: для Европы Индия тоже была чем-то «не от мира сего», фантастической страной, где обитали мифические существа, но это не мешало получать от туда вполне реальные и пользовавшиеся огромным спросом специи.

Аратта находилась где-то за семью горами (Загрос), вероятнее всего, к востоку или северо-востоку от Иранского Загроса, и дорога туда вела через эламские города Сузы и Аншан. С учетом такой системы координат Аратта могла быть где угодно: от озера Урмия и Каспийского моря на севере до Оманского залива на юге (Юсифов, 1987, с. 20–23; Potts, 1994, с. 12–14).. Для исследователей ключом для разгадки местоположения страны является фраза из поэмы «Энмеркар и верховный жрец Аратты» о добыче ляпис-лазури в самой Аратте (Канева, 1964, с. 219). В этой связи все внимание было обращено на территорию, прилегающую к знаменитым бадахшанским копиям в Северо-Восточном Афганистане. Древнейшим памятником Северного Афганистана, расположенным относительно недалеко от месторождений ляпис-лазури, является поселение Шортугай — харапская колония, основанная выходцами из долины Инда (Francfort, 1996, с. 68). Каких-либо признаков добычи камня в предшествующее время, да и вообще в древности, здесь не выявлено (Herrmann, 1968, с. 22–27), есть только предположение о возможности заселения территории Северного Афганистана в IV–III тыс. до н. э. (Сарианиди, 1968, с. 6–7).

Первое сообщение письменных источников о добыче ляпис-лазури в Бадахшане относится к XV в. («Худуд ал-Алам»), в начале XIV в. Хамдаллах Казвини называет их лучшими, но упоминает также копи ляпис-лазури в Мазандаране, а также Азербайджане и Кермане (Herrmann, 1968, с. 22, 27). Г. Херрманн сопоставила распространенность находок из ляпис-лазури в Месопотамии с известными политическими событиями конца IV – начала III тыс. до н. э. и пришла к интересному и крайне важному заключению. По ее мнению, первоначально торговля ляпис-лазурью проходила по северной линии, через Тепе Гиссар, где археологически засвидетельствованы признаки обработки этого камня, и Тепе Сялук. После экспансии Элама на север и захвата Силка в конце периода III, на что указывают находки там протоэламских табличек, север был блокирован и контроль над поставками ляпис-лазури перешел к Сузам. Вскоре после этих событий, в начале III тыс. до н. э. Энмеркар, зная, где имеется столь необходимая Уруку ляпис-лазурь, был вынужден заново налаживать торговые связи с севером. Соответственно, страна Аратта располагалась на «Великом Хорасанском пути» где-то южнее или юго-восточнее Каспия (Herrmann, 1968, с. 53–54). В принципе, того же мнения придерживается В. И. Сарианиди, но Аратту предположительно помещает в Северном Афганистане, в районе современного Бадахшана (Сарианиди, 1968, с. 6).

Большое количество ляпис-лазури, бирюзы, сердолика, нефрита, а также мастерские по обработке ляпис-лазури были обнаружены на раскопках Шахри-Сохта периодов II и III, но в горах Сеистана перечисленных минералов нет. Тем не менее, поселение могло быть транзитным пунктом на пути из Бадахшана в Месопотамию, поэтому заключение о соотношении

Шахри-Сохта с Араттой кажется вполне убедительным (Тоси, 1971, с. 26–27; Lamberg-Karlovsky, Tosi, 1973).

После нашумевшего «обнаружения» в селении Джирофт недалеко от Тепе Яхья удивительного собрания шедевров прикладного искусства, представленного высокохудожественными изделиями из стеатита или хлорита, возник соблазн локализовать Аратту в провинции Керман на юго-востоке Ирана (Majidzadeh, 2003, с. 12). Спустя некоторое время О. Мускарелла подверг жесткой критике и интерпретацию, и хронологию предметов, явно относящихся ко второй половине III тыс. до н. э. (Muscarella, 2004). Действительно, источником происхождения этих замечательных изделий из камня, скорее всего, являлось поселение Тепе Яхья, близ которого давно известны древние разработки хлорита (Kohl, 1979, 69).

Казалось бы, проблема идентификации источника ляпис-лазури разрешилась в пользу бадахшанских копей, и восторжествовала точка зрения Г. Херрманн и В. И. Сарианиди. Однако появились новые исследования, дополненные новыми данными, правда, не столько археологическими, сколько общеисторическими и, что в данном случае важнее, геологическими. В одной из таких работ автор, С. Браун, прежде всего, уточняет вид полудрагоценного камня, скрывающегося под шумерским словом ZA.GÌN и аккадским *uḡnû*, которое обычно переводят как «ляпис-лазурь». После анализа письменных источников, как древнейших, так и античных, настойчиво указывающих на добычу ляпис-лазури в области мидян, С. Браун пришел к заключению, что Аратту все-таки следует искать в западных областях Ирана, и ляпис-лазурь добывалась именно на ее территории. По поводу месторождений ляпис-лазури С. Браун приводит сведения французского геолога и археолога Ж. Де Моргана, который еще в начале XX в. обследовал горы Загроса и обнаружил толстую жилу ляпис-лазури между городами Йезд и Исфаган, о которой знали и периодически пользовались только местные пастухи. Существовали также выработки ляпис-лазури в районе Кашана, что являлось для местных жителей существенным источником дохода. Наконец, приводятся отчеты Министерства технологии и горного дела Ирана за 1959–60 гг., в которых указаны три месторождения ляпис-лазури: юго-восточнее г. Шираз; возле г. Занджан в Иранском Азербайджане; в горах Рудбар южнее Каспийского моря (Brown, 1991, с. 5–13).

Следовательно, пока в Северном Афганистане не будут выявлены памятники первой половины III тыс. до н. э., говорить о локализации Аратты в Бадахшане не приходится, хотя, наверное, для археологов это не настолько принципиально. Если говорить о стране, а не отдельно взятом пункте Аратта, то для раннединастического периода те поселения, на которых обнаружены остатки мастерских по обработке ляпис-лазури, в частности, Тепе Гиссар и Шахри-Сохта, относятся к одной и той же двухкомпонентной культуре серой и расписной керамики типа Намазга III–IV. Судя по распространению геоксюрского комплекса, ее создатели еще в конце периода Намазга II контролировали все месторождения ляпис-лазури и, может быть, иногда совершали вылазки в Бадахшан, в этом случае следы их пребывания там практически невозможно будет обнаружить. Вероятно, перебой в поставках ляпис-лазури в Месопотамию был вызван

вытеснением с юга носителей культуры расписной и серой керамики протоэламитами, что зафиксировано на Тепе Сиалк в конце периода III, после чего Энмеркару пришлось заново восстанавливать торговые связи между Уруком и Араттой.

Чтобы представить направление, в котором следует искать Аратту, достаточно провести линию между городами Ур и Сузы, и она укажет строго на северо-восток, выводя к Сиалку — северному форпосту Элама, относившегося, возможно, к горной области Аншан (город Аншан — Телль Мальян). Несколько дальше на северо-восток начинается коренная область культуры серой керамики, где находится такой представительный центр обработки ляпис-лазури как Тепе Гиссар. Достигали этой территории только по суше, даже если принимать во внимание возможность перегрузки товаров в одном из портов на берегу Персидского залива.

Из Ура зерно доставлялось на ослах или мулах, жители Аратты грузили корзины на лошадей, и это, насколько известно, самое древнее упоминание лошади в клинописных текстах, причем относящееся, важно подчеркнуть, не к Месопотамии, а к Аратте (Канева, 1964, с. 208). В этой связи есть смысл напомнить, что кости домашней лошади (*Equus caballus* Linn.), напоминающей современных арабских скакунов, были найдены в слоях Шахтепе периодов II и III (Arne, 1945, с. 325). Можно не сомневаться, что это были предки прославленной ахалтекинской породы лошадей⁵⁸.

О стране Аратта имеются более поздние письменные свидетельства: в шумеро-аккадский период Аратта/Арату засвидетельствована в значении «гора», в надписи царя Саргона II (721–705 гг. до н. э.) упоминается «река Араттая», протекавшая за «семью горами». Всю эту информацию подробно излагает Ю. Б. Юсифов, обосновывая далеко идущее предположение, «что слово со значением “гора” легло в основу образования названия страны Аратта/Алатейе, что характерно для алтайской географической номенклатуры» (Юсифов, 1987, с. 21–22).

Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов предлагают этимологизировать название страны «на индоевропейской основе как *ag-t “вóды”, “река”, т. е. как “страна реки Аратта”» (Гамкрелидзе, Иванов, 1989, с. 36). В этом случае, возможно, к этому значению восходит наименование упомянутой Страбоном (64/63 до н. э. – 23/24 н. э.) страны Паретакена — *para-ta-ka или *para-ita-ka «горная страна» или «речная страна», «поречье» (см. Gnoli, 1980, с. 65). Не исключено, что Паретакена является иранской калькой древней Аратты, но, во избежание путаницы необходимо уточнить, что по источникам мы знаем две страны с таким названием, на востоке и на западе.

Восточная Паретакена — это будущий средневековый Чаганиан, область верхнего течения реки Сурхандарья в Узбекистане (см. Пьянков, 1982, с. 43–47; Grenet, Rapin, 2001, с. 89). Интересующая нас западная

58 Определение костей диких и домашних животных из раскопок Шахтепе выполнил в 1939 г. проф. Д. В. Амшлер (г. Вена). По мнению двух других специалистов того времени, эти кости принадлежат кулану, отчего Е. Е. Кузьмина отказывается признать факт наличия лошади в стаде населения Шахтепе, как, впрочем, и предгорной полосы Копетдага (Кузьмина, 1981, с. 108). Нужно ли напоминать, что вплоть до недавнего времени считалось, что абсолютно все кости животных из поселений кельтеминарской культуры тоже считались принадлежащими диким особям.

Паретакена находилась в районе Каспийских ворот по соседству с Мидией. «С севера Карманию охватывает обширная Персида. К последней примыкает Паретакена и Коссея до Каспийских ворот, где обитают горные и разбойничьи племена. ...Паретакены, правда, больше занимаются земледелием, чем коссеи, но все же и они не отказываются от разбойничества» (Страбон. XV. II. 8; XVI. I. 17–18). «После Загрия над Вавилонией следует горная страна элимеев и паретакенов, а над Мидией страна коссеев». «Итак, на востоке Великая Мидия граничит с этим племенем [коссеями], а также с паретакенами (горным и разбойничьим племенем), которые примыкают к персам» (Страбон. XI. XII. 4; XI. XIII. 6).

В современном иранском языке эквивалентом Паретакены является название местности «Rūdbār» (Gnoli, 1980, с. 65, сноска 45), что заставляет нас вновь обратить внимание на залежи ляпис-лазури в горах Рудбар в Юго-Восточном Прикаспии (Brown, 1991, с. 13). Таким образом, вся совокупность данных о горе Аратты, реке Аратты указывает на вытянутый в широтном отношении хребет Эльбурс с замечательными предгорными долинами и, прежде всего, на восточную его часть — область бытования носителей культур серой и расписной керамики Северо-Восточного Ирана и Юго-Западного Туркменистана⁵⁹.

К несколько более позднему времени относятся упоминания о поставках ляпис-лазури из страны Тукриш. К периоду Ур III относится перечень того, что должен принести Тукриш: ляпис-лазурь, некие «kù-NE-a» и «sù-ág», а также переправить золото из страны Харали (Potts, 1994, с. 212). Относительно стран Гутиум и Тукриш уже сказано выше, можно добавить только, что посредническая роль жителей Тукриш в торговле золотом привела, по мнению Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, к появлению слова «золото» в тохарских А и В из шумерского языка (Гамкрелидзе, Иванов, 1989, с. 23).

О золотодобывающей стране [H]aralī красочно написал Б. Грозный: «Шумерское название Agalī, на аккадском языке Arallū, употребляемое для ада и для так. наз. “пределов мира” — места, в котором родились боги, которое, по Исайе (гл. 14, 13), находилось на крайнем севере, — является, по нашему мнению, шумерским названием Урала; гласные “а” и “у” часто чередуются в шумерском языке» (Грозный, 1940, с. 43). Существует мнение о локализации Аралы, расположенной за страной Тукриш на дальнем северо-востоке, в Древнем Хорезме, причем название Аралы выводится из дравидского как «огонь», «солнце», «свет», что соответствует древнеиранскому названию Хорезма — «земля солнца» (Harmatta, 1981, с. 81). На первый взгляд, обе версии смотрятся слишком уж экстравагантно, но, с учетом древнейших (еще с эпохи мезолита) связей Южного Урала с Передним Востоком и археологических данных по Центральным

59 В «Перипле Эритрейского моря» упомянуты Αρατρίων, в индийском эпосе бахлики (жители Балха) зовутся арагатами, народом ārastra/āratta (Вигасин, 2001, с. 10). Трудно сказать, имеют ли они отношение к стране Аратта, но следует помнить, что бактрийская культура восходит к бактрийско-маргианскому археологическому комплексу, созданному выходцами из Северо-Восточного Ирана и Южного Туркменистана.

Кызылкумам, они не кажутся столь неправдоподобными. С каждым новым десятилетием мы все больше убеждаемся, насколько недооцениваем географические представления древних, а наглядный пример таких «островков цивилизации» как Лявлякан в Кызылкумах, Заманбаба и Саразм мало чему нас научил⁶⁰.

Ляпис-лазурь служит замечательным индикатором для идентификации стран Аратта и Тукриш и, можно повториться, не столь важно, в котором из перечисленных месторождений она добывалась, вероятно, в той или иной степени, во всех. Ляпис-лазурь изначально была в употреблении у населения предгорной полосы Копетдага, чему есть неоспоримое свидетельство — пластинка из этого камня, найденная на памятнике периода Анау IА Монджуклыдепе (Массон, 1982, с. 19). Анау IА датируется, даже по хронологии Ф. Хиберта, 4500–4000 гг. до н.э., хотя в действительности он относится, скорее, к 5200–4800 гг. до н.э.

В раннединастический период к северо-востоку от Месопотамии была распространена культура серой керамики, за которой находился ареал культуры Анау с ее традицией расписной керамики, и между ними, конечно, не было никаких четко обозначенных границ. Нет причин сомневаться, что название Гутиум относится к астрабадской культуре, а Тукриш — к анауской, в то время как их соседи на западе — носители куро-аракской культуры могли быть известны под именем луллубеев.

Приблизительно в XXIII в. до н.э. или немногим раньше гутии или часть их с востока перемещается на территорию современного Курдистана, откуда они совершают набеги, наводя ужас на жителей Междуречья. Те называли гутиев «обезьянами, спустившимися с гор», «горными змеями», «собаками» и, в лучшем случае, «тупыми людьми с обезьяньими чертами» (Potts, 1994, с. 24–25). В этих определениях, кроме ненависти к диким для них племенам, отображен облик новоявленных пришельцев, поразивший бритоголовых и безбородых шумеров. Для Месопотамии III – первой половины II тыс. до н.э. внешний вид человека являлся одним из важнейших показателей его этнического происхождения и даже сословного статуса. Знатные эламиты носили одну длинную косу сзади и одну или две косички на висках, простые эламиты и луллубеи — обычный «конский хвост». Если голову раба из чужеземцев официально обривали, это означало его освобождение, т.е. он становился одним из своих (Wu, 2004, с. 73). О том, как выглядели гутии или тукри, наверное, можно судить по двум статуэткам из Карадепе у станции Артык (Туркменистан), относящимся приблизительно к середине III тыс. до н.э. Они изображают одинаковый тип мужчины с длинной косой ниже плеч, спускающейся от затылка, и такой же длинной бородой, разделенной на две пряди или сплетенной в две косички (Хлопин, 1960, с. 92–93).

Не позднее 2200 г. до н.э. гутии завоевывают Месопотамию, но предпочитают жить в стороне от городов, управляя государством через своих местныхников, что во все времена было обычной практикой скотоводческих

60 В свою очередь, лингвистам тоже неплохо было бы обратить внимание на названия Арал, Урал, Хорезм, Бухара, Самарканд, Фергана, не сводя все к одной только ирано-тюркской линии развития.

народов. Должно быть, вместе с гуттиями на запад переселилась какая-то часть тукри: в районе озера Ван в Восточной Анатолии на ряде памятников обнаружена чрезвычайно похожая на анаускую расписная керамика. Турецкие коллеги недоумевают по поводу ее происхождения и лишь предполагают миграцию носителей этой культуры с востока. Она внезапно появляется где-то в конце III тыс. до н. э. и так же внезапно пропадает не позже середины II тыс. до н. э., сменяясь комплексом хуррито-урартского типа (Çilingiroğlu, 2001; Özfiyat, 2009, с. 218–219, fig. 8–10). Тогда же, приблизительно в середине-конце III тыс. до н. э. расписная керамика, наоборот, полностью исчезает в предгорьях Копетдага, но это не значит, что ее вообще не стало в Средней Азии, тому подтверждение — радиоуглеродные даты верхних слоев поселения Саразм (2300–2000 гг. до н. э.).

Надо заметить, что в хронологической шкале памятников Южного Туркменистана имеется временной разрыв, приходящийся примерно на промежуток между 2500 и 2200–2100 гг. до н. э., т. е. между периодами Намазга IV и Намазга V. Как ни пытаться углубить Намазга V, кластеры радиоуглеродных анализов указывают на конец III тыс. до н. э. (см. Массон, Березкин, 2005; Salvatori, 2004, с. 94), отчего иногда даже можно услышать утверждение об отсутствии эпохи средней бронзы в Средней Азии вообще. Не нужно думать, что это какое-то уникальное явление, присущее только Средней Азии, точно такой же и даже больший хронологический провал замечен и для памятников евразийского степного пояса. Ярким примером такого перерыва (около 2500–1900 гг. до н. э., т. е. 600 лет) служит отсутствие признаков деятельности в знаменитой горно-металлургической провинции Каргалы (Черных, 2007. с. 89).

Строго говоря, в Средней Азии действительно нет памятников, которые можно было бы безоговорочно отнести к эпохе средней бронзы. Объяснить отток населения наступлением очередного ксеротермического периода будет справедливо лишь в отношении кельтеминарских племен, в этот раз навсегда покинувших исконные места своего обитания, превратившиеся в пустыню (см. Хиберт, Шишлина, 2000). Однако климатические изменения не помешали выходцам из предгорий Копетдага в конце III тыс. до н. э. заселить и освоить соседний Мургабский оазис, никогда не отличавшийся особо благоприятными условиями. Даже в намного более благополучных с точки зрения природных условий областях наблюдается уменьшение населения: к примеру, повторные раскопки Тепе Гиссар в 1976 г. показали, что территория его, начиная с периода Гиссар III, неуклонно сокращалась (Kohl, 1992, с. 187). Вероятно, объяснение хронологического перерыва на памятниках предгорной полосы Копетдага кроется в совокупности причин, и климатическая составляющая, излишне популярная в наши дни, явно не была в числе первых.

На Среднем Востоке перемещение населения происходило с древнейших времен, но к середине III тыс. до н. э. это явление достигло невиданных прежде масштабов, и, в первую очередь, в движение пришли народы, обитавшие на северной периферии месопотамской цивилизации. К таковым относятся непоседливые пастушеские племена гутиев — культура черно-серой керамики Юго-Восточного Прикаспия и мирные оседлые

земледельцы тукри — культура расписной керамики типа Намазга–Анау. Гутии прославились воинственным нравом и во всех начинаниях всегда выступали первыми, тукри были известны мастерством своих ремесленников и, похоже, вообще взяли на себя всю заботу о тыловом обеспечении. Тукри с их устойчивым, оседлым образом жизни, к тому же, отличались особой приверженностью традициям, коль скоро в предгорьях Копетдага культура расписной керамики от Джейтуна до Намазга IV в основе своей осталась практически неизменной. Это был идеальный симбиоз двух родственных культур, начавшийся в глубокой древности и продолжавшийся на протяжении многих последующих столетий, вплоть до середины I тыс. н. э. Наконец, к этому союзу примкнула какая-то часть кельтеминарских племен, земли которых быстро превращались в пустыню, и где их многочисленному населению просто больше не было места. Начиная с конца III тыс. до н. э. громадное пространство к востоку от Каспийского моря довольно быстро превратилось в то, что сегодня мы называем пустынями Каракумы и Кызылкумы. Даже усыхание Аральского моря в конце XX в. не идет ни в какое сравнение с этой по-настоящему глобальной экологической катастрофой.

II.4. ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

В эпоху поздней бронзы на территории Средней Азии существовало две основных культурно-исторических общности: на юге культура Намазга V–VI, на северо-востоке культура лепной расписной керамики. Третьей силой в начале II тыс. до н. э. становится андроновская и срубная культура, и их движение на юг ознаменует начало смены направления миграций. С этого момента, за редким исключением, вплоть до XIX в. переселение народов будет происходить с севера на юг, а не наоборот, как раньше.

На юге Средней Азии резко меняется как историко-географический ландшафт, так и весь облик археологического комплекса, что четко прослеживается по материалам поселений предгорной полосы Копетдага и Мургабского оазиса. Именно здесь, на классических памятниках Южного Туркменистана был выделен период Намазга V–VI, который датируется временем с конца III (2200 или 2100 гг. до н. э.) до середины II тыс. до н. э. Можно, конечно, для полноты стратиграфической колонки огульно углубить начальный этап Намазга V до 2500 г. (Kohl, 1984, табл. 1; Hiebert, 1994, с. 166) или хотя бы до 2300 г. до н. э. (Кирчо, 2005, с. 514), но, как сказано в предыдущем разделе, все радиоуглеродные даты периода Намазга V группируются, скорее, в интервале 2200–1900 гг. до н. э. (Hiebert, 1994a, рис. 4; Salvatori, 2004, с. 94).

В середине 90-х гг. прошлого века появился целый ряд научных трудов, посвященный хронологии, периодизации и проблеме распространения памятников эпохи поздней бронзы на юге Средней Азии (Lamberg-Karlovsky, 1993; Sarianidi, 1993; Hiebert, 1994; Francfort, 1996). Толчком для пересмотра сложившихся представлений послужили новейшие

данные радиоуглеродного анализа, что нашло отражение в монографии Ф. Хиберта, посвященной происхождению комплекса Намазга V и бактрийско-маргианской культуры юга Средней Азии (Hiebert, 1994). Развернутое и более детальное обоснование периодизации и хронологии памятников юга Туркменистана наилучшим образом приводит А. Я. Щетенко в своей рецензии на книгу Ф. Хиберта (Щетенко, 2001б). В результате устанавливается хронологическая последовательность расселения носителей культуры Намазга V–VI: от предгорий Копетдага в Мургабский оазис, а затем в приамударьинские области на территории современного Северного Афганистана и Южного Узбекистана. В этом процессе, помимо населения копетдагской полосы, приняли участие еще какие-то народы, мигрировавшие с Запада, предположительно, откуда-то из Передней Азии. Освоение пришельцами предгорий Копетдага началось после перерыва в 150–200 лет, таким образом, предполагается некий хронологический разрыв между периодами Намазга V и VI (Щетенко, 2001б, с. 272–273; 2006, с. 324).

Получается, что процесс расселения носителей культуры Намазга VI на восток занял почти 200 лет, хотя расстояние от Алтындепе до Мургабского оазиса не превышает 200 км, а до крайне восточных областей распространения бактрийско-маргианского археологического комплекса — 500–600 км. Далеко идущие выводы об участии в переселении некоего нового этнического компонента чуть ли не из Анатолии строятся исключительно на сходстве мифологических сюжетов, отображенных на печатях и «амулетах», а также сходных типах металлических изделий (Sarianidi, 1979; 1993).

К сожалению, в последних работах не учтен подлинно научный анализ стратиграфии и археологического комплекса Намазга V и VI и, прежде всего, самого массового — керамики, не способной, в отличие от печатей и металлических изделий, к перемещению на дальние расстояния. Применив индуктивно-комбинаторный метод, Т. Гётцельт пришел к заключению, что период Намазга V хронологически неотличим от считающегося более поздним периода Намазга VI. По меньшей мере, оба периода синхронны хотя бы частично, как, вероятнее всего, синхронны они памятникам Северного Афганистана и Южного Узбекистана (Götzelt, 1997, с. 152–153). Это означает, что разделение единого комплекса с научной точки зрения неоправданно, и, следовательно, бактрийско-маргианский археологический комплекс типа Намазга V–VI (БМАК) мог распространяться с запада на восток приблизительно в одно и то же время, примерно в самом конце III тыс. до н. э.

Незадолго до этого в предгорьях Копетдага совершенно исчезает самобытная культура расписной керамики, существовавшая здесь и определявшая всю последовательность развития с эпохи неолита. То, что происходило (и происходило ли) в промежутке времени между ее уходом и появлением культуры типа Намазга V–VI будет лучше понятно только после установления дробной хронологии памятников предгорной полосы Копетдага. Тем не менее, уже сейчас ясно, что с уходом носителей анауской культуры их земли какое-то время пустовали и, как следствие, вне контроля

с их стороны остались копи ляпис-лазури в Бадахшане. Только в условиях возникшего вакуума было возможно возникновение хараппского поселения Шортугай в Северном Афганистане. Создатели его удачно воспользовались сложившейся ситуацией, но вскоре, однако, были вытеснены носителями БМАК, разумеется, пришедшими с запада, только не дальнего, а ближнего.

Никто не собирается оспаривать тезис В. И. Сарияниди относительно участия в этом процессе «людей с Запада», только зачем же искать истоки их культуры так далеко, в Сирии и Анатолии, где они сами были пришлыми, когда давно известна культура серой керамики Северо-Восточного Ирана и ее часть на крайнем юго-западе Туркменистана. В принципе, мы видим единую культурно-историческую общность, сложившуюся в Южном Прикаспии и последовательно распространявшуюся на восток задолго до рассматриваемых событий. Исчезновение культуры расписной керамики, взрывоподобная трансформация культуры серой керамики, сказавшаяся, прежде всего, в дроблении на локальные варианты, резкое усиление ее движения на восток, — все это явления одного порядка, обусловленные вовсе не климатическими причинами, на «новой родине» ландшафты те же. В результате в конце III тыс. до н. э. складывается новая культурно-историческая общность, чаще всего называемая БМАК и состоящая из трех локальных вариантов — прикопедагского, мургабского и крайне восточного дашлы-сапаллинского. На крайнем юго-западе Туркменистана по-прежнему бытовала оставшаяся на месте часть астрабадской культуры, которая в будущем станет основой формирования культуры архаического Дахистана — локальным вариантом марликской культуры Северо-Восточного Ирана.

В Юго-Западном Туркменистане известны могильники долины р. Сумбар (ЮЗТ-I – ЮЗТ-III), синхронные периодам Намазга V–VI, в археологическом комплексе которых отражена непрерывная линия развития, восходящая к эпохе энеолита. Все погребения совершены в подбоях и катакомбах, вход в которые — колодцем-шахтой или наклонной штольней — вел с севера на юг. Костяки лежали на правом или левом боку в слегка скорченном положении. В погребениях обнаружено более 650 сосудов, 30% из которых изготовлено на гончарном круге. Вся керамика сероглиняная, но есть 2% светлоглиняных сосудов, привезенных из поселений прикопетдагской полосы, где они являются типичными в период Намазга V–VI. По сравнению с предшествующим этапом ЮЗТ-IV полностью изменился набор изделий из металла: в мужских захоронениях найдены только наконечники копий или ножи; в женских отсутствуют традиционные булавки с биспиральным навершием, впервые появляются орудия для обработки шерсти и изготовления ковров (Хлопин, 1983, с. 7–22; 1989, с. 122–125).

Комплекс находок и погребальный обряд в могильнике Сумбар имеет самые прямые аналогии с материалами памятников Южного Туркменистана (Намазга V–VI), Северного Афганистана (Дашлы 1 и 3), Южного Узбекистана (Сапалли и Джаркутан), по керамике отличаясь только ее цветом, т. е. технологией обжига. В целом сходство настолько велико, что И. Н. Хлопин связывает происхождение всего комплекса Намазга V–VI

с культурой серой керамики Юго-Восточного Прикаспия, где она, в отличие от восточных соседей, имеет свои и, как указывалось, глубокие корни (Хлопин, 1983, с. 43–46). Долина р. Сумбар входила в ареал этой культуры, и ее памятники во все времена составляли ее локальный северный вариант, но, в отличие от поселений Горгана, не опустела в конце III тыс. до н. э. Материалы Сумбара, а до этого могильника Пархай II, Шахтепе, Тюрентепе и Тепе Гиссар идентичны, тому лишнее подтверждение — находки ковровых ножей в женском погребении Шахтепе (период Па), слое IIIВ Гиссара и тоже женском захоронении Сумбара (Хлопин, 1983, с. 49). Они представляют собой пластину в виде полумесяца с выгнутым режущим краем и отверстием для крепления рукояти или скрученным в кольцо черенком (Хлопин, 1983, с. 22–23, рис. 7, 7).

На поселениях предгорной полосы Копетдага появились первые признаки протогородской цивилизации, что послужило основанием для утверждения о периоде Намазга V как времени наивысшего расцвета цивилизации древних земледельцев Южного Туркменистана. Поселения состояли из многокомнатных домов, образующих разделенные улицами кварталы. На Алтындепе и Намазгадепе появляются монументальные здания, среди них башнеобразное сооружение на Алтындепе, явно подражавшее зиккуратам Месопотамии. Разрушение зиккурата произошло вследствие просчетов при его строительстве. Приблизительно в конце III – начале II тыс. до н. э. площадь поселений значительно сокращается, Алтындепе приходит в упадок и забрасывается окончательно (Кирчо, 2005, с. 515; Берёзкин, 2000, с. 40–43; Юсупов, 1997, с. 46–47; Станкевич, 1979, с. 40–41).

Керамика периода Намазга V–VI изготовлена на гончарном круге. По В. М. Массону, в период Намазга V посуды серого цвета нет, как нет и лощения, а появляется она вновь уже в период Намазга VI, и процент ее увеличивается в верхних слоях памятников. Тогда же распространяется красноангобированная посуда; для серой и красной керамики будет характерно полосчатое лощение (Массон, 1966, с. 169–170; Станкевич, 1978, с. 23–24). Однако, как показало упомянутое выше исследование Т. Гётцельта, эти различия были обусловлены не хронологическими, а локальными причинами. Аналогичная керамика существует в комплексах древнебактрийских памятников со времени их появления на территории Северного Афганистана и Южного Узбекистана, к тому же, в Сапаллитепа сероглиняные сосуды находили не в верхних, а в нижних слоях (Аскарлов, 1977, с. 94).

Погребальный обряд населения прикопетдагской полосы известен по раскопкам погребений Алтындепе периода Намазга V. Он соответствует традициям предшествующих эпох: это индивидуальные и коллективные (от 2 до 38 человек) захоронения в ямных могилах, специально возведенных склепах или заброшенных помещениях, вторичные перезахоронения костей, захоронения или выставление черепов, захоронения детей в крупных сосудах (Станкевич, 1979, с. 50–51; Кирчо, 2005, с. 513–515).

В Мургабском оазисе выявлено два основных типа захоронений: в подбойных (шахтных) могилах (75%) и ямных (20%); захоронения в наземных камерах-склепах или цистах составляют 5% общего числа. Большинство погребенных находилось в скорченном положении на правом боку, головой

на север, северо-запад. Преобладающий антропологический тип средиземноморский долихокраний с ярко выраженными европеоидными чертами, вместе с тем, впервые на юге Туркменистана зафиксированы находки брахикраний черепов и черепов с искусственной кольцевой деформацией (Сарианиди, 2001, с. 86; Бабаков, Рыкушина, Дубова, Васильев, Пестряков, Ходжайов, 2001, с. 107, 112; 2006, с. 172). В районе среднего течения р. Мургаб удалось выявить погребения в ямных могилах (Удеумурадов, 1994, с. 69–70).

На востоке ареала распространения БМАК захоронения также совершались в подбойных и катакомбных могилах, реже — в ямных (из последних работ см. Şirinov, 2003). Известны погребения под полами помещений или в заброшенных домах, практикуется обычай захоронения в сосудах. В могильнике Бустан в ямах хоронили, в основном, младенцев в сосудах, а также поминальные жертвоприношения (Аванесова, 2006, с. 24). Ориентация костяков северо-восточная и северо-западная, сопроводительный инвентарь обычно помещался в южной части могилы. Кроме керамики, каменных и металлических изделий, в них находили предметы из дерева, кости, остатки корзин, фрагменты одежды из шерсти и, как ни странно, шёлка (Аскарлов, 1981, с. 174–175)⁶¹.

Таким образом, для всех памятников, объединяемых понятием бактрийско-маргианского археологического комплекса, основными типами погребальных конструкций являлись подбой и катакомбы. В этом отношении они обнаруживают больше сходства с могильниками Юго-Западного Туркменистана, отличаясь от прикопетдагских, погребальные традиции которых остались практически неизменными. Задолго до появления БМАК на юге Туркменистана существовали два основных типа погребальных сооружений — подбойно-катакомбные на западе и сырцовые склепы-толосы на востоке. И в том, и в другом случае соблюдено главное правило — усопший похоронен в загробном домике, и в данном случае не имеет значения, в наземном или подземном. В присутствии на одной территории двух типов погребальных сооружений проявилось, скорее, ритуально-бытовое различие одного и того же видения мира и представления о загробной жизни. Тесное соседство двух обрядов, двух комплексов и, надо полагать, двух близких народов ярче всего представлено в материалах раскопок могильника Шахри Сохта эпохи энеолита и ранней бронзы.

В эпоху поздней бронзы присущий им набор признаков изменился до неузнаваемости, и, главным образом, только сохранение погребального обряда, как наиболее консервативного элемента любой культуры, помогает распознать наследие древних жителей прикопетдагских поселений. Комплекс Намазга VI (БМАК), конечно, не в одной лишь погребальной практике наследует подбойно-катакомбную культуру Юго-Восточного Прикаспия, он во всем ее наследник. Но тот археологический комплекс, который В. М. Массон настойчиво пытается обособить в хронологическом

61 Экспертиза ткани начала II тыс. до н. э. проводилась в специальной лаборатории Ташкентского текстильного комбината, и сомневаться в ее результатах нет оснований. В настоящее время остатки шёлка из могильника Сапалли можно видеть в экспозиции Музея истории Узбекистана (г. Ташкент), в реконструкции одного из погребений.

отношении и называет Намазга V, только в части погребальной практики продолжает, хоть и ненадолго, традиции культуры расписной керамики.

Поиск причин, вынудивших население во второй половине III тыс. до н.э. оставить обжитые территории, и по прошествии какого-то времени настолько измениться, возможен только в контексте событий, именуемых в истории Месопотамии «гутийским завоеванием». В конце XXIV в. до н.э. города Шумера были завоеваны новым государством — Аккадом, основатель которого Саргон (2316–2261 гг. до н.э.) в течение своего долгого правления проводил крайне агрессивную политику в отношении всех без исключения ближних и дальних стран. В это время особенно активизировались этнические перемещения как на границах самой Месопотамии, так и далеко за ее пределами. После краткого периода относительного затишья преемник Саргона Нарам-син (около 2236–2200 гг. до н.э.) осуществил целый ряд успешных военных походов, за что получил титул «царя четырех стран света». При его сыне Аккадское царство было завоевано племенным союзом гутиев, период господства которых в Месопотамии длился приблизительно с 2200 по 2100 г. до н.э. Родиной гутиев — страной Гутиум, вероятнее всего, надо считать предгорные равнины Эльбурса, в том числе, конечно, долину Горгана и небольшую окраинную область севернее р. Атрек (культура ЮЗТ). Соответственно, близкая Гутиуму страна Тукриш находилась северо-восточнее, в предгорьях Копетдага, где жили создатели культуры расписной керамики.

Незадолго до описываемых событий тукри покинули свои земли и ушли по давно известному маршруту, обозначенному поселением Заманбаба, другая, по-видимому, незначительная часть была вовлечена в завоевательные походы гутиев. Возможно, кто-то из них вернулся сразу после завоевания Месопотамии, кто-то позже, но, вероятно, именно с этими людьми надо связывать происхождение комплекса Намазга V–VI в прикопетдагском районе. Этим объясняется появление на Алтындепе монументального здания, причем построенного по образу месопотамских зиккуратов. Понятны становятся истоки появления «святилища» и «гробницы жрецов» (ранний Намазга V, период Алтын 3) и первые в истории памятников Копетдага находки золотых вещей (Кирчо, 2005, с. 513–514). В шумерском происхождении головок «волка» и быка, костяных предметов для игры и наборной плакетки с изображением полумесяца и крестообразной фигуры трудно сомневаться. Но, несмотря на то, что присущий им прежде облик материальной культуры с замечательной расписной керамикой был утрачен, все же свой погребальный обряд в толосах тукри сумели сохранить.

С окончанием господства гутиев в Месопотамии около 2100 г. до н.э. уходить отсюда, должно быть, пришлось многим, и оставить пришлось не только завоеванные, но и свои собственные территории. В конце III тыс. до н.э. прекращение жизни в долине Горгана произошло столь стремительно, что их жители даже не успели забрать выдающийся астрабадский и не менее ценный базгирский клад, а также два клада в Тепе Гиссар. Уважаемый профессор М. И. Ростовцев (1870–1952) давно установил преимущественно шумерское происхождение сокровищ Тюренгтепе (Rostovtzeff, 1920), и,

несомненно, они являются частью награбленной гутиями добычи. К числу военных трофеев надо также отнести шедевры ближневосточного искусства, по счастливой случайности уцелевшие в могильнике Гонур. В каком-то смысле справедливо утверждение В. И. Сарияниди, что страна Маргуш того времени представляла собой «Маленькую Месопотамию» (Сарияниди, 2002). Следовало бы только задуматься, откуда в пустыне Мургаба, как, впрочем, и в долине Горгана и Алтындепе, в самом конце III тыс. до н. э. внезапно появилось такое обилие ценных вещей шумерского происхождения. Как представляется, ответ лежит на поверхности — бактрийско-маргианская культура обязана своим созданием племенному союзу гутиев. Вынужденные отступить из Месопотамии, они не задержались даже в предгорьях Копетдага и освоили необжитые прежде просторы на востоке. На новых местах появляются невиданные прежде в Средней Азии большие поселения-крепости, в которых можно видеть племенные или родовые центры и которые являются прообразом будущих городов Бактрии. Наверное, именно в укрепленных поселениях такого типа, как Дашлы и Гирдай в Северном Афганистане, Сапалли и Джаркутан в Южном Узбекистане, Гонур, Келлели и Тоголок на востоке Туркменистана, гутии в период своего владычества жили в верховьях Тигра и его притоков, предпочитая управлять городами Месопотамии со стороны.

Границы новых владений гутиев легко устанавливается по распространению бактрийско-маргианского археологического комплекса. На севере это пустыня Каракумы и отроги Гиссарского хребта, на юге — хребты Копетдаг и Гиндукуш. Отдельные случаи выявления признаков БМАК имеются и вне пределов основного ареала, по большей части на севере, но периодически появляющиеся в печати ссылки на находки керамики Намазга VI в верховьях р. Атрек основаны на недоразумении (см., например, Kohl, 1984, *map* 15; Lecomte, 2004, с. 180). В одном случае представленный фрагмент (из Тепе Ям) является типичным бактрийским сосудом цилиндроконической формы середины I тыс. до н. э. (Venco Ricciardi, с. 57–58, *рис.* С). В другой публикации показана группа керамики якобы периода Намазга V–VI из Нишапура-Р (Hiebert & Dyson Jr. 2002, с. 121–122, 142, *рис.* 9). В действительности изображенные фрагменты характерны для комплекса Яз II раннего этапа или, что тоже возможно, Яз I, в котором, помимо лепной посуды, имеются станковые сосуды похожих форм.

На крайнем северо-востоке носители БМАК достигли верховьев рек Кызылсу, Вахш и освоили земли вдоль истоков р. Сурхандарья (Vinogradova, 2001; Виноградова, 2004; Страйд, Сверчков, 2004). Может быть, не случайно поэтому область верхней Сурхандарьи в классических античных источниках именуется Паретакена, точно так же, как страна паретакенов в Северо-Восточном Иране, о которой говорилось выше. Другое интересное совпадение усматривается в названиях двух рек, по странному стечению обстоятельств обозначающих восточные и западные границы ареала БМАК. Западный Ох протекал через Несайю и Гирканию и впадал в Каспий; восточный Ох был притоком Окса и находился в Бактрии. Гирканский Ох — это, наиболее вероятно, современная река Атрек, протекающая по территории Северо-Восточного Ирана и Юго-Западного

Туркменистана (см. Балахванцев, 2005, с. 184). Ох восточный — это название Пянджа, которое в древности звучало как Вах и сохранилось в имени левой, основной составляющей — Бахандарьи. Когда-то вся река Пяндж, вплоть до слияния с Вахшем, называлась Вахан (см. Grenet, Rapin, 2001, с. 80–81). Возможно, эти названия автоматически были перенесены с исходной территории, как и, к слову сказать, этноним аратты в отношении жителей Балха.

Никто из археологов не сомневается, что материальная культура древней Бактрии восходит к БМАК, но, как всегда бывает в подобных случаях, проследить всю последовательность развития от эпохи бронзы до середины I тыс. до н. э. оказалось не так просто. Еще большие трудности возникли в части такого нематериального явления, как язык носителей БМАК. В. М. Массон в очень осторожной форме предполагал этническое родство андроновских племен и оседлых земледельцев поры Намазга VI, намекая на возможность индоиранской атрибуции БМАК (Массон, 1959, с. 121). В своей небольшой, но ёмкой рецензии И. М. Дьяконов развивает эту мысль и приходит к заключению, что, в таком случае, и население периодов Намазга IV и V должно быть индоиранским по языку (Дьяконов, 1960, с. 199–200). По сути, большинство специалистов склоняется к тому же мнению, иногда внося некоторые уточнения, например, о преиндоарийской природе БМАК (Parpola, 1993, с. 49–52).

Неизвестно почему, но в дальнейшем В. М. Массон стал доказывать принадлежность населения юга Средней Азии эпохи поздней бронзы протодравидской группе, в обоснование чего приводились выхваченные из контекста находки каменных печатей хараппского типа (Массон, 1977)⁶². Обнаружены они были в упомянутой выше «гробнице жрецов» Алтындепе, где по более весомым аналогиям с Месопотамией с не меньшим успехом можно обосновывать шумерское или аккадское происхождение населения прикопетдагской полосы. Строительные приемы БМАК и появление на юге Средней Азии квадратных в плане крепостей-цитаделей тоже объясняются воздействием хараппской цивилизации (Массон, 1979, с. 32–33). Торговые и иные связи создателей БМАК (как и задолго до его возникновения) и жителей долины Инда никто не оспаривает. Как показали исследования А. Я. Щетенко, уровень отношений Хараппы и БМАК был высок (Щетенко, 1970), но это не является поводом для провозглашения их языковой идентичности. В основе основ этой концепции лежит давно сложившаяся и сумевшая дожить до наших дней теория С. П. Толстова, талантливо применившего вульгарно-материалистическую концепцию Н. Я. Марра в отношении археологических культур Среднего Востока.

В. И. Сарияниди изначально придерживался, на первый взгляд, более обоснованного с точки зрения археологии мнения И. М. Дьяконова о том, что БМАК относится к племенам индоиранского происхождения, предкам современных народов, говорящих на иранских и индийских языках (Дьяконов, 1960, с. 199; Сарияниди, 1977; 1981; Sarianidi, 1979). Эту позицию

62 По поводу хараппского письма в Бактрийско-Маргианском археологическом комплексе см.: Дюринг-Касперс, 1997.

автор последовательно отстаивал на протяжении многих лет (Сарианиди, 1990; 2001; 2002), и в чем-то она перекликается с мнением И. Н. Хлопина (Хлопин, 1989, с. 128–129), показавшего происхождение и эволюцию БМАК из катакомбно-подбойной культуры Юго-Западного Туркменистана и, соответственно, культуры серой керамики Северо-Восточного Ирана. В дальнейшем дискуссия начала увязать в деталях, посредством которых любой желающий мог подтвердить или опровергнуть индоиранскую или индоарийскую природу БМАК, заостряя внимание на каком-либо одном, отдельно взятом моменте, или, в лучшем случае, на группе таковых и таким образом добываясь искомого результата.

Хорошим примером остроты проблемы является публичный спор о сущности открытого В. И. Сарианиди «протозороастийского храма» Тоголок-21 (см. ВДИ, 1989, № 1, с. 170–181; ВДИ, 1989, № 2, с. 170–176). Находка в раскопках памятника веточек эфедры породила среди ученых надежду на выявление природы верований древнеиранских племен либо, наоборот, вызвала откровенный скепсис в отношении всех вообще результатов исследований в этом направлении. Замечательно, однако, уже то, что ни о каких протодравидах в связи с БМАК речь уже не шла, но дискуссия велась по-прежнему в рамках индоиранской концепции, как будто из всех индоевропейцев только предки индийцев и иранцев могли использовать эфедру для приготовления опьяняющего напитка. Тоголок-21 — сооружение крепостного типа с тремя обводами оборонительных стен, несомненно, принадлежал носителям одного из языков индоевропейской семьи. В планировке здания есть один показательный момент — 30 стандартных узких помещений вдоль западной стены второго периметра. Они открытые, только одно помещение в центре (31-ое) имеет обустроенный входной проем. Это, конечно, не «кельи аскетов», а типовые стойла, без чего, как известно, невозможно никакое племенное животноводство.

В дальнейшем вязкий и невероятно трудный характер обсуждаемой проблемы наглядно проявился в цикле статей и рецензий на них (Hiebert & Lamberg-Karlovsky, 1992; Lamberg-Karlovsky, 2002; 2003; Alinei, 2003; Frye, 2003) и, пожалуй, наиболее полно суммирован в одной из недавних работ французских исследователей (Fussman, Kellens, Francfort, Tremblay, 2005). Отдавая должное заслугам выдающегося ученого, надо сказать, что В. М. Массон в последние годы полностью согласился с мнением И. М. Дьяконова и В. И. Сарианиди и признал индоиранскую (или уже арийскую) природу Намазга V–VI, вернувшись, таким образом, к собственному же, более раннему предположению (Masson, 2002, с. 555; Массон, 2006, с. 32).

А. Лубоцкий идентифицирует индоиранцев с андроновцами и в результате анализа словарного фонда индоиранских языков выделяет слова, которые могли быть заимствованы от носителей БМАК. В результате автор приходит к выводу о родстве этой группы заимствований с индоарийскими словами (после отделения от иранских), вошедшими в состав санскрита уже на территории современного Пакистана. Отсюда следует несколько странное предположение, что основатели Гонура были родом из Пакистана (Лубоцкий, 2010, с. 22). Вообще-то, следуя хронологии

событий и в соответствии с археологическими данными, все было ровно наоборот: выходцы из Туркменистана (и не только они) пришли в Пакистан.

В целом, главным итогом дискуссии стало то, что из всех археологических культур, претендующих на идентификацию с ариями, остались только БМАК и Андроново, хотя еще больше укрепилось стереотипное мнение, что нет в Средней Азии места иным индоевропейским языкам, кроме иранских или индийских.

Андроновская культура или, вернее, культурно-историческая общность, куда входят петровская, алакульская и федоровская культуры (около 2000–1400 гг. до н. э.) сформировалась на территории Южного Урала, Западной Сибири и Северного Казахстана, последовательно распространяясь в южном и восточном направлении, вплоть до бассейна р. Иртыш (см. Зданович, 1988; Генинг, Зданович, Генинг, 1992). Проникновение андроновских племен в Среднюю Азию началось уже в алакульское время и особенно усиливается на федоровском этапе.

На территории Приаралья, занятой прежде кельтеминарским населением, возникает смешанная тазабагъябская культура, в сложении которой, помимо андроновцев, приняли участие носители срубной культуры (Итина, 1977, с. 140; Кутимов, 2002). В Правобережном Хорезме (Южная Акчадарьянская дельта) пришлый народ застал оставшуюся на месте, малую часть обширной некогда кельтеминарской общности, выделенную в самостоятельную так называемую «суярганскую культуру» (Толстов, Итина, 1960). В действительности «суярганская культура» принадлежит позднекельтеминарскому или, правильнее сказать, посткельтеминарскому населению, сохранившемуся в дельте Амударьи после окончательного опустынивания Кызылкумов и, возможно, испытавшего воздействие со стороны пришлых срубно-андроновских племен (Массон, 1964, с. 23, сноска 44; Массон, 1966, с. 214–215; Parzinger, 1997). От кельтеминарцев пришельцы переняли преимущественно земледельческий тип хозяйства, что является главным отличием тазабагъябской культуры среди культур степной бронзы Евразии (Итина, 1970, с. 50–51).

Носители срубной культуры из Поволжья продвинулись на юг до Ташкента и вдоль Каспия до подгорной полосы Копетдага. Андроновцы проникли, пожалуй, во все без исключения районы Средней Азии, следы их присутствия фиксируются повсеместно и с каждым годом обнаруживаются новые памятники их культуры или отдельные находки присущего им археологического комплекса. Уже в самом начале II тыс. до н. э. носители андроновской культуры активно осваивают практически все известные среднеазиатские месторождения меди и, особенно, уникальные медно-оловянные залежи Заравшанского хребта, от Мушистона в Таджикистане до Карнаба и далее на запад в Узбекистане (Boroffka, Cierny, Lutz, Parzinger, Pernicka, & Weisgerber, 2002; Parzinger, 2002; Парцингер, Бороффка, 2002; Parzinger, Boroffka, 2003).

На юге Средней Азии андроновские племена активно взаимодействовали с носителями БМАК, что нашло отражение в наборе металлических изделий и составе бронз, в частичном изменении погребального обряда, антропологического типа и многом другом, т. е. практически во всех

компонентах бактрийско-маргианского археологического комплекса (Кузьмина, 1972; 1981; 1997; 2000; 2004; 2005; 2008; Kuz'mina, 1994; 1995; 2003; Сарияниди, 1975; Аванесова, 1991; 2004; 2006; Виноградова, Кузьмина, 1986; Teufer, 2003). На территории Юго-Западного Таджикистана, традиционно благоприятной для скотоводства и во все времена привлекавшей кочевые народы, это привело к сложению гибридных культур, таких как вахшская и бишкентская (Мандельштам, 1968; Виноградова, 2000; 2004; Vinogradova, 2001; Kaniuth, Teufer, 2001; Kaniuth, Teufer, Vinogradova, 2006).

Прямое или опосредствованное влияние северных степных культур дальше на юг можно проследить на примере материалов поздней бронзы Северного Афганистана, Северо-Западной Индии и долины Свата в Северном Пакистане, обнаруживающих несомненное сходство с памятниками Южного Таджикистана (Литвинский, 1967, с. 123–124; 1981, с. 161–162; ИТН, 1998, с. 189–190; Виноградова, Кузьмина, 1986, с. 146–148). А. Х. Дани также обращает внимание на связи комплексов Северного Пакистана с памятниками транспамирского региона и уверенно соотносит их распространение с приходом предков современного дардского населения (Дани, 1999, с. 366–367). В чем-то близка этой позиции точка зрения Е. Е. Кузьминой, считающей культуру севера Индостана производной от тулхарской и вахшской, предполагающей индоарийскую или еще индоиранскую, кафирскую их природу, что, вероятно, ближе к истине (Кузьмина, 1981, с. 120). В то же время, для археологического комплекса могильников и поселений Северо-Западного Пакистана можно легко обнаружить аналогии (например, по топорам с цапфами) и с западными культурами, усиливающиеся со второй половины II тыс. до н. э., в частности, с марликской культурой Северо-Восточного Ирана (Литвинский, 1967, с. 127; Thapar, 1981; Дани, 1999, с. 365–366; см. Виноградова, 1991).

Б. А. Литвинский, блестяще ориентируясь в среднеазиатских археологических материалах и принимая во внимание лингвистические данные о неоднократном притоке нового населения, учитывает оба фактора влияния — и северный, и западный. По мнению автора, самая ранняя, первая волна связана с перемещением близкородственных срубных и андроновских племен, наиболее вероятных носителей арийских языков, и последующей языковой ассимиляцией, т. е. арианизацией земледельческого населения юга Средней Азии (Литвинский, 1967, с. 126–127). Действительно, в ином случае происхождение позднейшей, иранской культуры Бактрии типа Яз II и III, генетически восходящей к БМАК, с точки зрения археологии просто не находит никакого объяснения. В отличие от Индии и Пакистана, где явно видно присутствие марликской культуры Ирана, в Средней Азии второй волны с запада не было.

Когда-то Б. А. Литвинский (задолго до В. М. Массона) первым высказал предположение о дравидоязычности населения юга Средней Азии в IV–II тыс. до н. э. и, соответственно, создателей БМАК (ИТН, 1963, с. 503; Литвинский, 1981, с. 162, сноска 9). Не вполне понятно, что общего между археологическими комплексами Хараппы и юга Средней Азии, но даже если принимать такую возможность, непонятным остается мирный характер взаимоотношений пришлого срубно-андроновского и местного «дравидского»

населения, а также легкость и быстрота их слияния. Если продолжить предложенное Б. А. Литвинским сравнение с процессом тюркизации ираноязычного населения Средней Азии, то он растянулся более чем на тысячелетие и не закончился до сих пор. Когда, как в нашем случае, скорость языковой ассимиляции изумляет, то, вероятно, она не находит иного объяснения, кроме как признать степняков севера и население юга Средней Азии носителями близких, в каком-то смысле, родственных языков.

Сходным, мирным образом осуществлялось взаимодействие андроновских племен и с представителями культуры расписной керамики, жившими на территории Ферганской долины, хотя, к сожалению, археологических свидетельств подобных контактов пока не так много. Памятники чувской культуры располагаются на востоке долины, и концентрация их увеличивается по мере удаления на восток. Западная часть была занята кайраккумской культурой, обязанной своим происхождением синтезу пришедшей андроновской (федоровской) и местной культур, результатом чего стали существенные отличия кайраккумских от ближайших казахстанских и семиреченских памятников (см. Литвинский, Окладников, Ранов, 1962). На юго-востоке кайраккумского ареала прослеживаются признаки субстратной культуры, о которой можно судить по наличию на раннем этапе кайраккумской культуры катакомбных захоронений, сосуществующих с ямными могилами, обложенными камнями. Позже они трансформируются, сменяясь наземными каменными склепами, т. е., по сути, теми же катакомбами, только наружными. В керамике прослеживается сходство с металлическим сосудом из упомянутого выше хакского клада и могильника Заманбаба (Иванов, 1999, с. 6–7).

Чувская культура объединяет около 60 памятников Ферганской долины, в основном, это небольшие поселения площадью до 1 га, крайне редко — 4–5 га, известны только два крупных городища — Дальверзин (25 га) и Ашкалтепе (13 га). Как правило, поселения не имеют оборонительных стен и состоят из цитадели и примыкающими к ней слегка углубленными наземными жилищами каркасно-столбовой конструкции с обмазкой стен глиной, обкладкой сырцовыми кирпичами или комбинацией того и другого. Для поселений чувской культуры характерно обилие хозяйственных и мусорных ям (Заднепровский, 1962; 1966, с. 193–198; 1997, с. 34–46; ИТН, 1998, с. 207–208).

В чувской культуре не известны какие-либо обособленные могильники, захоронения производились непосредственно на поселениях, в скорченном положении на боку, по линии юго-запад – северо-восток. Погребения одиночные или коллективные, без сопроводительного инвентаря, встречаются также отдельные захоронения черепов или их скопления, на поселениях Чув выявлены случаи захоронения в сосудах. Кости людей, в том числе со следами воздействия огня, часто находили в хозяйственных ямах вместе с костями животных и обычным мусором (Заднепровский, 1962, с. 20–24; 1966, с. 198; ИТН, 1998, с. 214). В целом, создается впечатление, что смерть воспринималась как совершенно будничное явление, не требовавшее каких-то особых похоронных церемоний, за исключением, может быть, особого отношения к голове усопшего. Антропологический тип носителей чувской

культуры (европеоидный долихокранный) идентичен облику населения эпохи энеолита – ранней бронзы Намазгадепе и Алтындепе, Заманбаба, Сапаллитепа, Джаркутана и Молали. Он выделяется Т. К. Ходжайовым в отдельный восточносредиземноморский вариант II (Ходжайов, 1983, с. 100; Алексеев, Аскарлов, Ходжайов, 1990, с. 141–142).

Металлические изделия чувстской культуры изготовлены из медных сплавов с примесью олова (3–7%) или мышьяка (более 5%) и олова. Металлообработка осуществлялась на поселениях, где найдены тигли и литейные формы из песчаника для зеркал, серпов, украшений. Кроме них, на поселениях находили наконечники копий и стрел, ножи, долота, проколки и шилья (Заднепровский, 1962, с. 30–31; 1966, с. 199–200). Однолезвийные ножи с тонкой рукоятью и монетовидным навершием являются специфической особенностью чувстской культуры. По мнению Г. П. Иванова, подобная форма обусловлена стремлением воспроизвести в металле вкладышевые ножи древнейших эпох. При этом автор обращает внимание на одну важную деталь: «типичные ножи, характерные только для чувстской культуры, первых двух типов, преобладают на Дальверзинском поселении (возможно, в нижних слоях), а в Чусте найдены ножи, имеющие аналогии за пределами Ферганской долины» (Иванов, 1999, с. 9).

Еще одной особенностью чувстской культуры являются каменные серповидные изделия непонятного назначения, найденные на поселениях в огромном количестве и обычно называемые ножами или серпами. Изготовлены они из мягких пород – метаморфизованного песчаника, туфопесчаника, алевропесчаника и алевролита, т. е. тех пород, которые менее всего способны образовывать режущую кромку (Заднепровский, 1962, с. 33; 1966, с. 201, рис. 45, 8–9).

Керамика чувстской культуры изготовлена ручным способом, часто с использованием матерчатого шаблона, фрагменты станковой посуды встречаются крайне редко. Подавляющее большинство сосудов (73%) – красного цвета (по терминологии Ю. А. Заднепровского, с красной облицовкой) с образованными в процессе обжига пятнами светло-коричневого – черного цвета на поверхности. Вторая по численности группа (18%) представлена кухонной сероглиняной посудой. Количество расписной керамики для каждого памятника различно: в нижних слоях Дальверзина – 2,4%, в верхнем слое – 0,4%; в Чустском поселении – 0,7%; в Ошском – 7,6%; на Ашкалтепа – 20%; в усадьбе Чимбай керамика с росписью вовсе отсутствует. Посуда украшалась геометрическим орнаментом (т. е. в обычной среднеазиатской манере), чаще только в верхней части: это треугольники, ромбы, клинья, зигзаги, лесенки, сетки, реже т. н. «бабочки», «елочки», имеется также одна чаша с силуэтом человека и сосуды с изображениями козлов (Заднепровский, 1962, с. 24–29; 1966, с. 201–202; 1997, с. 47–61, 88–93). Как по росписи, так и по формам чувстская керамика находит прямые аналогии в ялангачском комплексе восточной группы памятников прикопептагской полосы Южного Туркменистана периода Намазга II, особенно в материалах из Алтын 15 (Иванов, 1999, с. 8–9).

Имеется еще одна, малочисленная, но примечательная группа керамики, представленная тонкостенной черно-серой посудой с полосчатым

лощением. Ее находили в нижних и средних слоях только четырех чувских памятников, расположенных на востоке Ферганской долины — Дальверзине, Чимбае, Ходжамбаге и Оше, на самом поселении Чуст такой керамики нет (Заднепровский, 1962, с. 28–29, рис. 6; 1997, с. 51).

В Дальверзине был обнаружен фрагмент сосуда, плечики которого украшены гусеничным (веревочным) орнаментом в виде зигзага (Заднепровский, 1962, с. 24–25, рис. 5). Этот сосуд не подпадает под категорию андроновской керамики, как, возможно, еще пять мелких фрагментов из Ошского поселения, отличающихся от типично андроновских, но отнесенных, тем не менее, к находкам керамики степной бронзы (Заднепровский, 1997, с. 51–52, рис. 15).

Во всех отношениях чувская культура относится к древнеземледельческому кругу культур Средней Азии и отличается невероятным для эпохи поздней бронзы и раннего железа традиционалистским укладом быта. На протяжении всего своего долгого существования она практически не претерпевает каких-либо заметных изменений, разве что на среднем этапе создаются крупные общественно-территориальные образования (Дальверзин) и появляются первые железные изделия. Попытки археологов создать периодизацию памятников чувской культуры по проценту расписной керамики, по цвету фона, на который наносилась роспись, успехом не увенчались.

Если судить по самому массовому материалу — керамике, то рассредоточенные по Ферганской долине небольшие большесемейные или родовые поселки характеризуются консервативным замкнутым типом хозяйства, жители которых изготавливали типологически одинаковую, но отличающуюся по присущей каждому селению манере оформления посуды. С позиций формальной логики следовало бы выделить в одной только Ферганской долине, как минимум, десяток археологических культур, как, впрочем, сделали наши китайские коллеги в Синьцзяне. Невольно доведя ситуацию до абсурда, они на основании формально-типологических признаков, главным образом орнаментальных мотивов расписной керамики, обозначили невероятное количество культур в пределах единого, по сути, культурного пространства.

В Ферганской долине Б. Х. Матбабаев совершенно ясно выделил два локальных варианта, отличающихся, прежде всего, фоном сосудов, на который наносилась роспись, и некоторыми особенностями орнаментальных мотивов (Матбабаев, 1985). На поселениях чувской культуры светлоангобирванная керамика сосуществует с краснофонной, на разных памятниках меняется только их соотношение, и чем дальше на запад Ферганской долины, тем больше доминанта светлой. В Чусте «сосуды со светлой облицовкой» составляют 40%, с красной — 30%, в Оше светлофонных сосудов нет вообще (Матбабаев, 1985, с. 11; Заднепровский, 1997, с. 89). В этом отношении показателен пример энеолитических памятников юга Туркменистана, где также сосуществуют две аналогичные традиции — светложгущейся керамики на востоке прикопетдагской полосы и красножгущейся на западе, с их периодическим взаимопроникновением. Еще более наглядно эта тенденция проявилась на многочисленных оазисных

поселениях Синьцзяна, хронология которых, в отличие от Ферганы, изначально установлена наилучшим образом.

Среднеазиатские археологи, особенно те, кто прямо занимался исследованием чувстской культуры, давно обратили внимание на многочисленные и разнообразные аналогии с культурой расписной керамики Синьцзяна, в частности, с памятниками Тарима (Киселев, 1960, с. 253; Заднепровский, 1962, с. 107; Masson & Sarianidi, 1972, с. 164–165; Литвинский, 1981, с. 159–160; Антонова, 1984, с. 57–58; Kohl, 1984, с. 189–191; Заднепровский, 1997, с. 96–98). Этот факт подтверждают также китайские исследователи, в последнее десятилетие существенно активизировавшие археологические изыскания в Синьцзян-Уйгурском автономном округе КНР. Предполагается даже, что такое важное технологическое достижение как производство черных металлов было заимствовано населением Восточного Туркестана из Ферганы (Mei, 2000, с. 67–69; Mei & Shell, 2002, с. 229–230). Впрочем, А.-П. Франкфор отвергает саму мысль о существовании каких-либо родственных связей между культурами Ферганы и бассейна Тарима на том основании, что между памятниками чувстской культуры и южных предгорий Тянь-Шаня расположена культура Акэталы, которой присуща исключительно серая, а не расписная керамика (Francfort, 2001, с. 228–229, 232). Однако надо вспомнить, что сравнению подлежит не только керамика, но весь археологический комплекс в совокупности. К тому же, помимо полной идентичности каменных изделий Ферганы и Акэталы, в четырех поселениях чувстской культуры (все на востоке Ферганской долины), кроме расписной посуды, имеется и черно-сероошеченая, и просто серая керамика (Заднепровский, 1962, с. 28; 1997, с. 51).

Те малозначительные отличия в облике археологических комплексов Ферганы и Тарима, которые, несомненно, имеются, легко объяснимы специфическими особенностями замкнутого домашнего хозяйства, изначально присущего культуре расписной керамики, о чем шла речь выше. Конечно, здесь сыграла свою роль также специфика природно-климатических условий в Синьцзяне, где археологи сосредоточились преимущественно на исследованиях могильников. В Ферганской долине, с учетом крайне высокой плотности населения и повсеместного освоения земель доступными оказались только поселения, а вопрос о существовании обособленных могильников чувстской культуры до сих пор остается открытым. Немаловажен также фактор влияния со стороны китайских культур, усугубивший различия западной и восточной групп культуры расписной керамики и особенно заметный на востоке Таримского бассейна.

Хронология культур расписной керамики, как в Ферганской долине, так и в бассейне Тарима, совпадает по всем показателям: появление их в указанных регионах относится к концу III тыс. до н. э. (Chen & Niebert, 1995, с. 251, рис. 4; Заднепровский, 1997, с. 72–76, табл. VI)⁶³. Даже отбрасывая крайние значения, несомненным остается тот факт, что внезапное, не имеющее никаких местных корней возникновение культурно-исторической общности расписной керамики совпадает с исчезновением

63 Первооткрыватель чувстской культуры М. Э. Воронец датировал ее III–II тыс. до н. э.

ее в предгорьях Копетдага⁶⁴. Также обращает на себя внимание постоянное присутствие (от энеолита до раннего железа) в комплексах культуры расписной керамики черно-серой посуды с полосчатым лощением. Наряду с подбойно-катакомбным способом захоронения этот тип керамики является наследием культуры Северо-Восточного Ирана и Юго-Западного Туркменистана, причем не позднего, марликского (дахистанского) варианта, а ее ранней, астрабадской стадии. С археологической точки зрения, переселение народов юго-запада Средней Азии в Фергану и Тарим — данность, которая долго игнорировалась только потому, что абсолютно не укладывалась в давно изжившие себя схоластические схемы о распространении иранских и тохарских языков. Возможно, теперь получат свое объяснение все отдельные находки, клады Ферганской долины конца III тыс. до н. э., захоронения могильника Шагым, многие «неясные» черты кайраккумской культуры, в частности, наличие в ней катакомб, и многое другое, прежде незаслуженно обойденное вниманием.

Выходцы с юго-запада Средней Азии и в Фергане, и в Таримском бассейне сохранили признаки тех двух основных локальных вариантов, что наметились еще на стадии раннего энеолита. Речь идет о прогрессирующем делении общности на две составляющие культуры, маркированные краснофонной керамикой и белофонной, в чем усматривается начало обособления двух диалектов, приведшее в последующем к сложению двух родственных языков — тохарского А и тохарского В. Будто застывший, внешне примитивный облик культуры лепной расписной керамики полностью соответствует такой же точно архаике тохарских языков, умудрившихся сохранить до X в. н. э. черты древнейшего состояния индоевропейских языков.

Около середины II тыс. до н. э. происходит отток носителей общности лепной расписной керамики в обратном направлении — на юго-запад, и приняли в нем участие не столько племена чувстской культуры, сколько их более восточные собратья. Этот процесс привел к появлению на юге и юго-западе Центральной Азии общности культур под названием Яз I. Возникновение в самом конце эпохи поздней бронзы такого якобы отсталого, «примитивного» комплекса настолько впечатлило исследователей, что они ввели по отношению к нему понятие «варварская оккупация». Оккупировать, конечно, давно уже было нечего, поверх слоев периода Намазга VI лежит слой запустения (см. Щетенко, 2006, с. 329), к тому же, создатели культуры Яз I, по существу, никуда не вторгались, они просто вернулись домой.

Впервые археологический комплекс, включавший внешне грубую расписную посуду, был выявлен в верхних слоях холма Анау в северных предгорьях Копетдага экспедицией Р. Пампелли и Х. Шмидта (Pumpelly, 1908). После раскопок памятника Яздепе и установления его периодизации по отношению к «варварской» культуре в научный оборот вошло название Яз I или культура Окса раннего железа (см. Кузьмина, 1972; 2008, с. 281–321). На раннем этапе исследований основное внимание уделялось южному

64 Несомненно, с общим процессом переселения дальше на северо-восток связан и уход последних обитателей поселения Саразм на среднем Заравшане.

и юго-западному направлению связей комплекса Яздепе I, поскольку памятники Северного Ирана эпохи раннего железа тогда были изучены несравненно лучше (Массон, 1959, с. 44–48). Там расписная керамика исчезает около сер. II тыс. до н. э., но, по старой хронологии, в 1-ой половине I тыс. до н. э. появляется вновь (Погребова, 1977, с. 160, 162), и, может быть, отчасти поэтому период Яз I тогда датировали 900–650 гг. до н. э., а более архаичное Чустское поселение — 2-й половиной II тыс. до н. э. (Массон, 1959, с. 48, 115).

Аналогии между материалами Яздепе и Чуста несомненны, и по мере обнаружения новых памятников типа Яз I сложилась концепция о поэтапном расселении ее носителей из Ферганы в оазисы района Амударьи, Мургаба и еще южнее (Casal, 1961; Заднепровский, 1962; Аскарлов, 1979; 1981). Другая концепция предполагала обратное направление — из Иранского Хорасана на восток и север: в Мундигак и Тиллятепе в Афганистане, откуда в Кучуктепа и Бандыхан в Южном Узбекистане (Сарианиди, 1977, 1981). Когда стали известны новые, калиброванные даты периода Яз I — около 1500–1000 гг. до н. э., дискуссия, похоже, утратила смысл, поскольку в целом подтвердилась синхронность памятников Яз I и чустской культуры Ферганской долины. Казалось бы, верх одержали приверженцы нейтральной позиции, которые отвергали наличие общих истоков чустской культуры и культуры Яз I, объясняя их сходство конвергентными процессами, происходившими преимущественно на базе развития предшествующих автохтонных культур (Массон, 1959, с. 116; 1984, с. 9; 1989; Хлопина, Хлопин, 1976; Khlopina, 1981; Сагдуллаев, 1985; 1989; Francfort, 2001)⁶⁵. В последующие годы география памятников круга Яз I постоянно расширялась, но, как точно подметил 20 лет назад А. С. Сагдуллаев, проблема происхождения археологических (а не просто «керамических») комплексов типа Яз I тогда была еще очень далека от однозначного решения (Сагдуллаев, 1989, с. 63).

Однако вскоре в научный оборот поступили новые данные по археологии Восточного Туркестана, их хронологии и хронологии памятников соседней Ферганской долины. Когда был установлен непреложный факт, что памятники культур расписной керамики Ферганы и Синьцзяна синхронны, а их ранние этапы намного старше общности Яз I, спорить, собственно, стало уже не о чем. Теперь речь может идти только о появлении комплекса Яз I вследствие переселения какой-то части населения общности расписной керамики Ферганы–Синьцзяна эпохи раннего железа на юг, запад и юго-запад.

В соседнем Ташкентском оазисе памятники чустской культуры известны под названием бургулюкской культуры, археологический комплекс которой ближе всего западной группе памятников Ферганы, особенно, конечно, поселению Чуст. Как долго существовала эта культура в Ташкентском оазисе и когда она здесь появилась, мы можем говорить, как и почти 30 лет назад, пока только приблизительно. Радиоуглеродный анализ образцов из раскопок до сих пор не проводился, но Бургулюк не имеет на территории Ташкентского оазиса предшественников, как нет у него

65 В полном соответствии с пресловутой «теорией скрещения» академика Н. Я. Марра.

и производных. Может быть, долина Чирчика изначально являлась частью ареала чувствской культуры, но, вероятнее всего, появление здесь первых памятников культуры расписной керамики относится к ее среднему этапу, т. е. периоду Яз I (около середины II тыс. до н. э.). Главный исследователь бургулюкской культуры, Х. Дуке датировал время ее существования IX–VII вв. до н. э.: «...что не снимает оговорок относительно условности и предварительности подобной даты, ибо археологические исследования на поселениях бургулюкской культуры еще не завершены» (Дуке, 1982, с. 71–72). Также в Ташкентском оазисе могут быть бургулюкские поселения, датирующиеся гораздо более ранним временем, чем конец II – начало I тыс. до н. э.

В наибольшем количестве памятники круга Яз I представлены в Южном Туркменистане — в предгорьях Копетдага, Мургабском оазисе и даже на среднем течении Амударьи в 30 км к северо-западу от Чарджоу (Массон, 1984, с. 6–7; Заднепровская, Заднепровский, 1984, с. 98–99; Заднепровский, 1997, с. 95–96). Известны находки керамики Яз I из района верхнего Атрека в Иранском Хорасане (Venco Ricciardi, 1980, с. 59, рис. D; Hiebert & Dyson, с. 122, 143, рис. 10). Тогда же, по новой хронологии, во второй половине II тыс. до н. э. (см. Parzinger, 2006, с. 528–529) на памятниках Северного Ирана периода ЖВ II (например, Сиалк VI, некрополь В и цитадель на южном холме) появляется расписная посуда, где сосуществует с черно-серой марликовского типа (Гиришман, 1981, с. 142; Cuyley Young, Jr., 1967, с. 25–26; Медведская, 1977, с. 93–94).

На юге памятники круга Яз I выявлены в Афганистане, вплоть до Белуджистана (Casal, 1961; Сарияниди, 1977, 1981; Заднепровский, 1997, с. 95–96). На территории Узбекистана число памятников и отдельных находок типа Яз I непрерывно увеличивается и, по мере возможности, периодически проводятся раскопки поселений эпохи поздней бронзы и раннего железа в долинах Заравшана, Кашкадарьи и Сурхандарьи.

Как правило, подавляющее большинство поселений периода Яз I перекрыто поздними архитектурными сооружениями, что наглядно проявилось при раскопках таких известных памятников как Тиллятепе в Северном Афганистане, Кучуктепе в Южном Узбекистане и Яздепе в Туркменистане. Очень часто происхождение материалов культуры расписной керамики просто не поддается определению, а соотнесение архитектурных остатков со временем Яз I позже не подтверждается. В качестве примера можно назвать крупнейшее в верховьях Кашкадарьи поселение Узункыр, на поверхности которого найдена расписная керамика типа Яз I, но обводная стена, как выяснилось, была построена позже, ближе к середине I тыс. до н. э., а к периоду Яз I относятся только нижние слои предполагаемой цитадели поселения — Сангиртепа (Лушпенко, 1990, с. 27; Лушпенко, 2000).

В этом отношении исключением является крупнейшее на юге Узбекистана поселение Майдатепе (Бандыхан I), расположенное в центре Сурхандарьинской области. Первые исследования памятника в начале 70-х гг. проводили Э. В. Ртвеладзе и А. С. Сагдуллаев (Ртвеладзе, 1976; 2007; Сагдуллаев, 1989а). В 2005 г. совместно с Германским Институтом

археологии (DAI) работы возобновились на единственно доступном для раскопок месте — приземистом холме, полукольцом охватывающем «цитадель» с запада (см. Сверчков, Борофка, 2007). На одном из участков открыты остатки многокомнатного дома, возведенного из сырцовых кирпичей. Некоторые стены имели каркасную основу из вертикально поставленных деревянных устоев, проемы между которыми закладывались «булкообразными» сырцовыми гувалья. В завале найдены куски штукатурки, окрашенной в красный цвет. Дом неоднократно перестраивали, по стратиграфии выделено 5 этапов, датируемых по ^{14}C 1400–1000 гг. до н. э. (Görsdorf, 2007, с. 132). Спустя какое-то время после того, как поселение было оставлено, на его поверхности появляются мусорные ямы с типичной для ранней стадии периода Яз II керамикой.

Для каждого из пяти исследуемых этапов удалось получить полноценный археологический комплекс, который, надо сказать, остался практически неизменным на всем протяжении существования поселения. Для каждого из этапов отмечается тот же стандартный бытовой инвентарь, сохраняются те же строительные приемы, что свидетельствует о безоговорочной преемственности традиций носителей культурной общности Яз I. В то же время, планировка раскопанного на Майдатепе многокомнатного дома, лепная расписная посуда, в тесто которой при формовке добавляли мелкорубленую солому, возвращают нас к материалам предгорной полосы Копетдага эпохи энеолита (период Намазга II).

Количество фрагментов сосудов с росписью красной, коричневой, красно-коричневой, реже черной красками по светлому фону составляет около 9%. Характерной особенностью, присущей исключительно расписной керамике Майдатепе, является орнамент в виде череды наклонных пятен-мазков. Пожалуй, только на посуде из Кучуктепа и ям Джаркутана, расположенного в 50 км юго-западнее, встречается отчасти похожий тип росписи, где он назван «каплевидными насечками» (Аскарлов, 1976, с. 18; Аскарлов, Альбаум, 1979, с. 33)⁶⁶. В керамическом комплексе Майдатепе имеются также фрагменты посуды, изготовленной на гончарном круге в манере БМАК (около 10% от общего количества), которые обнаружены в слоях, относящихся ко всем пяти этапам существования поселения. Однако в нарушение керамической традиции, восходящей к бактрийско-маргианскому археологическому комплексу, унаследованной и продолжающейся в период Яз II, станковые сосуды Майдатепе являются точными копиями лепных.

Аналогичный бандыханскому археологический комплекс происходит из раскопок поселения и могильника Синтала (Xintala), а также могильника Куху (Quhui), расположенных на северо-восточной окраине Таримской впадины близ города Янки (Карашар). Синтала занимает площадь размером около 4 га (высота 5 м), размер могильника не установлен и раскопки его не проводились. В Куху было найдено несколько разрушенных погребений, но конструкция их не поддается определению.

⁶⁶ В этих же ямах найдены человеческие кости и множество черепов, что так типично для чувсткий культуры Ферганы. На раскопках Майдатепе разрозненные кости людей находили непосредственно в слоях поселения, что тоже характерно для Чуста.

В результате археологических исследований на поселении Синтала стало известно об использовании в строительстве сырцового кирпича размером 42×21×11 см, что является одним из самых ранних свидетельств его применения в Синьцзяне. В гончарной продукции из поселения наблюдается сочетание двух традиций. Первая представлена керамикой с росписью красно-коричневой краской по светлому фону⁶⁷, орнамент геометрический — треугольники, сетки, зигзаги и волнистые линии. Имеются также сосуды совсем другого типа, черно-коричневого цвета с примесью дресвы в тесте. Они украшались штампом и насечками: орнамент в виде треугольников, елочек и линий оформлял венчик и горловину сосуда, что является характерным признаком керамики андроновской культуры. При раскопках поселения найдены зерна проса (*Setaria italica*), радиоуглеродный анализ которых показал возраст 1680–1490 гг. до н. э., анализ угля позволил установить вторую дату — 1700–1470 гг. до н. э. В целом, время обживания поселения Синтала относится к периоду около 1690–1425±150 гг. до н. э. (Debaine-Francfort, 1988, с. 16–18; Chen & Niebert, 1995, с. 265, 267; Заднепровский, 1997, с. 96–98; Mei, 2000, с. 10).

Археологические комплексы поселений Синтала и Майдатепы (Бандыхан) идентичны, совпадает даже размер сырцовых кирпичей. Подобное совпадение трудно признать случайным, а, учитывая синхронность запустения поселения Синтала и появления Майдатепы около 1400 г. до н. э., трудно избавиться от мысли о взаимосвязи этих двух событий. Как представляется, на примере этих двух поселений отчетливо прослеживается не просто какой-то случайный, пусть даже очень высокий уровень контактов между культурами Синьцзяна и юга Средней Азии, а прямое переселение древних обитателей Синтала в Бандыхан. Говоря о причинах столь дальнего переселения, в первую очередь, конечно, мы должны назвать тот глобальный экологический кризис, который разразился в степной зоне Евразии в последней трети II и продолжался до начала I тыс. до н. э. (Яблонский, 2005, с. 778). Как установлено палеоклиматическими исследованиями в Северо-Восточном Китае, один из пиков климатических колебаний приходился приблизительно на 1400 г. до н. э. (Tagasov, Jin, Wagner, 2006, с. 298). Но если климат северо-востока КНР в этот период был степным, то Тарим около 1400 г. до н. э., вероятно, как и сегодня, представлял собой пустыню и полупустыню. В качестве нового пристанища переселенцы из Синталы облюбовали верхнюю дельту Бандыханская (Байсунся) как знакомую и привычную для них до наступления засухи экосистему. Но около 1000 г. до н. э. поселение Майдатепы (Бандыхан I) без всяких видимых причин было оставлено, нет никаких признаков пожара, каких-то следов разрушений природного или военного характера. Возможно, жители ушли обратно на север в широком значении этого слова — от долины Заравшана до Синьцзяна. К тому же, после периода значительного ухудшения экологической ситуации, начавшегося в 1500–1400 гг.

⁶⁷ Во избежание недоразумений приходится повторяться: роспись наносилась по светлому фону, а не по красному (Заднепровский, 1997, с. 97).

до н. э., около 1000 г. до г. э. климат в Центральной Азии становится более благоприятным (см. Vorooffka, 2010).

Археологов вряд ли смутит единственное отличие в керамическом комплексе двух памятников — тот процент керамических изделий, которые в Синтале представлены фрагментами посуды андроновского типа, а в Майдатепе — бактрийско-маргианского. Напротив, этот факт прекрасно демонстрирует влияние соседних культур: в Синьцзяне таковыми являлись андроновцы, в Сурхандарье — носители традиций БМАК. Можно с большой долей уверенности утверждать, что контакты с теми и другими носили совершенно мирный характер.

Вероятным центром производства станковой посуды, поступавшей в Бандыхан, мог быть Миршадинский оазис в 40 км к северо-востоку. Здесь известны поселения позднего этапа БМАК Молали и Буйрачи, расположенные в дельте р. Халкаджар (Сагдуллаев, 1989б). Иногда предполагается синхронность этапов Молали и Бустан, иногда утверждается, что Молали старше, но, скорее всего, наоборот. Полная ясность будет внесена только тогда, когда появятся радиоуглеродные даты из Молали и, особенно, Буйрачи, пока же есть единственный анализ пробы из могильника Бустан VI, показавший 1670–1530 гг. до н. э. (Görsdorf, Huff, 2001, с. 86). В том же Миршадинском оазисе когда-то существовало аналогичное Майдатепе поселение круга Яз I, разрушенное еще в начале 70-х гг. Оно известно благодаря находке миниатюрных ступок-подставок и каменного изображения головы человека, имеющего несомненное сходство со скульптурой из Лагаша (Пугаченкова, 1973, с. 78–80).

При детальном изучении лепной керамики Яз I больше всего поражает ее разнообразие и высокое, отработанное многими поколениями качество выделки. Те темные (в Майдатепе чаще светлые), пятна на поверхности красной посуды, которые Ю. А. Заднепровский объяснял несовершенством «кострового» обжига, на целом сосуде складываются в оригинальный абстрактный узор. Некоторые сосуды в процессе обжига приобретали своеобразное высветление поверхности, которое внешне выглядит как сложная орнаментальная композиция. Другая, немногочисленная группа сосудов за счет «цветовой побежалости» напоминает изделия из дерева, которые, вполне возможно, они имитировали. Есть горшки, изготовленные из плотной глиняной массы и обожженные таким образом, что по твердости, хрупкости и звонкости уподобились фарфору. Формовка и лощение посуды выполнены безупречно, роспись разнообразна и, похоже, содержит некий магический смысл, а мотив ее, вероятно, соответствовал целевому назначению того сосуда, который она украшала. Станковая посуда, в отличие от штучной «варварской» керамики, бедна, безыскусна и однообразна, и главное ее достоинство заключается в массовости и, следовательно, дешевизне. Отрицание гончарного круга вряд ли следует столь уверенно относить к разряду регрессивных явлений, а по знанию пиротехнических приемов гончары культуры Яз I — Чуст демонстрирует просто выдающееся мастерство. Долгое время считалось, что в культуре лепной расписной керамики даже не было специальных горнов для обжига, хотя о находках шлаков и кусков футеровки достаточно хорошо известно.

Наверное, это можно объяснить только невысоким уровнем изученности поселений Яз I и их округа, ведь не так давно всего в 30 км севернее Яздепе в Мургабской дельте был обнаружен один горн, причем довольно необычной конструкции (Vidale, 2006).

По материалам памятников Яз I обращает на себя внимание увеличение процента станковой керамики по мере удаления в западном направлении: в Бандыхане 10%, в Кучуктепа 20% (Аскарлов, Альбаум, 1979, с. 31), в Мургабской дельте 27,5% (Масимов, Удеумурадов, 1984, с. 19). Та же тенденция замечается и для черно-серой лощеной керамики марликского типа. Если в Майдатапа такой посуды вообще не найдено, а в Тиллятепе и Кучуктепа обнаружены только единичные экземпляры (Аскарлов, Альбаум, 1979, с. 39), то в Яздепе количество серой керамики резко увеличивается (Массон, 1959, с. 37, 189–190, табл. XXI–XXII). В низовьях Мургаба расписная керамика составляет 4–5%, серая — 25% (Масимов, Удеумурадов, 1984, с. 19–21), в предгорьях Копетдага процент черно-серой посуды, насколько можно судить по данным из Улугдепе и Елькендепе, еще больше. На крайнем юго-западе Туркменистана, на памятниках культуры архаического Дахистана такая керамика является единственным видом, присутствующим этой территории с эпохи позднего энеолита.

Культура архаического Дахистана занимает дальнюю северо-восточную окраину ареала марликской культуры и представлена памятниками Мешед-Мисрианской равнины, долины р. Сумбар и западного окончания Копетдага — Мадаудеде, Изаткули, Аравали и многими другими (Массон, 1956б; 1966, с. 179–182). Около середины II тыс. до н. э. марликская культура охватывала территорию Северного Ирана к западу и северу от пустынь Дашти-Кевир и Дашти-Лут (Станкевич, 1978, с. 25, рис. 1; 1979, с. 44, 52–54; Курочкин, 1990). Она является прямым наследником астрабадской культуры (культуры серой керамики Северо-Восточного Ирана), и Южный Прикаспий был тем местом, где эта общность сформировалась и откуда она распространялась на сопредельные и иногда, как мы видели, весьма отдаленные территории. В своем развитии астрабадская культура испытывала неоднократное воздействие со стороны северных степных культур, периодически проникавших на юг, в основном, по кавказскому пути, в меньшей степени, по среднеазиатскому. Ярким примером прямого участия северных народов является появление в Закавказье смешанной бедено-алазанской культуры, привнесение курганного обряда захоронения, позже — погребений в деревянных срубках (Кушнарева, Рысин, 2000, с. 66).

Первый этап этого процесса приходится на 2-ю пол. III тыс. до н. э. и совпадает с «хронологическим провалом» 2500–1900 гг. до н. э. в степной полосе Евразии (Черных, 2007, с. 89), частичным оттоком носителей астрабадской культуры и полным исчезновением культуры расписной керамики на юге Туркменистана. На втором этапе в Закавказье устремились срубные, а также, вероятно, какая-то часть андроновских племен (Алиев, Погребова, 1981, с. 128). На среднеазиатском направлении главная роль принадлежала андроновской культуре, на кавказском пути — срубной. Несомненно, при непосредственном участии срубных племен произошла

мало заметная внешне трансформация астрабадской культуры в марликскую с последующим ее усилением и широким территориальным охватом. Влиянием срубной культуры следует объяснить появление около середины II тыс. до н. э. совершенно нового на Ближнем Востоке типажа — воина-металлурга, чьи каменные изображения и сейчас высаты в горных долинах Восточной Анатолии (Sevin, 2005). С причинами того же порядка связано распространение богатых воинских захоронений и проникновение в хурритскую среду индоарийской коневодческой терминологии (см. Дьяконов, 1972; Курочкин, 1993).

По археологическим данным, проникновение в Индию около середины II тыс. до н. э. марликского археологического комплекса привело к созданию индоарийской постхарапской культуры серой расписной керамики и появлению там железа (см. Бонгард-Левин, 1979; 1981; Lal, 1981; Vanerjee, 1981). Надо полагать, в этот процесс были вовлечены уже арианизированные носители БМАК, главные поселения которых на юге Средней Азии прекращают свое существование. Во всяком случае, массовые находки бактрийско-маргианской керамики на северо-западе Индийского субконтинента имеются, хотя пока точно не установлено, какого именно из этапов БМАК (Ламберг-Карловски, 1990, с. 16; Хараквал, Осада, 2006).

Во 2-й половине II тыс. до н. э. опустевшие земли юга Средней Азии занимает население общности лепной расписной керамики, не распространяясь в южном направлении дальше Северного Ирана и Белуджистана. В отличие от своих воинственных собратьев, культура Яз I всегда была на удивление мирной, как и ее энеолитические предшественники. Если не считать обычных ножей и немногочисленных наконечников стрел, на памятниках Яз I отсутствуют находки оружия, в то время как в марликской культуре его обнаружено в избытке. Но существует одна явная закономерность — культура расписной керамики во все времена, от энеолита до раннего железа, всегда была в тылу культуры черно-серой керамики, если не вместе, то где-то рядом.

Ближе к концу II тыс. до н. э. на юге Средней Азии появляются следы присутствия третьей культуры, представленные находками т. н. «валиковой керамики». Впервые на них обратил внимание А. А. Марущенко при раскопках Елькендепе возле сел Каушут на юго-востоке Копетдага. Сосуды с налепным валиком обнаружены в слое ЕД II (в типичном комплексе Яз I) и сохраняются в слое ЕД III, где расписная посуда уже полностью исчезает (Марущенко, 1959, с. 63–64, 68, 90, табл. XVIII). Впоследствии археологи нашли валиковую керамику на многих памятниках Средней Азии, Афганистана и Пакистана, что послужило для Е. Е. Кузьминой основанием для идентификации КВК с восточными иранцами (Кузьмина, 2006, с. 179; 2008, с. 327–328).

Андронидная **культура валиковой керамики** (саргаринско-алексеевский, заключительный этап эпохи поздней бронзы) сформировалась на основе федоровской, для которой известен прием украшения сосудов налепным валиком (Зданович, 1988, с. 153–154). Общность КВК в XIV–IX вв. до н. э. была распространена на огромной территории — от Балкан

на западе до Алтая на востоке, от Урала на севере до Хорезма на юге. В ее сложении приняли участие многие культуры, в том числе, несомненно, срубная и андроновская. В интересующей нас зоне общность КВК представлена бегазы-дандыбьевской культурой Казахстана и близкой ей амирабадской культурой Хорезма, т. е., по сути, в эпоху поздней бронзы – раннего железа общность приблизилась только к дальней северо-западной окраине среднеазиатского региона. Тем не менее, контакты севера и юга, конечно, были, а уровень их интенсивности (где-то больше, где-то меньше) хорошо виден по находкам валиковой керамики в археологических комплексах различных памятников Среднего Востока, в том числе Ирана и Афганистана. Е. Н. Черных в специальной статье, посвященной проблеме общности КВК, видит в распространении валиковой керамики признаки расселения индоиранцев или иранцев, но указывает, что истоки КВК находятся далеко на западе, в т. н. «фракийской» зоне и уходят корнями в эпоху ранней бронзы. На севере Балкан и в Карпатском бассейне традиции культуры валиковой керамики сохраняются на протяжении всего бронзового и раннежелезного века и наследуются, к примеру, гето-дакийской культурой рубежа нашей эры (Черных, 1983, с. 96–97). В Причерноморье истоки валиковой керамики усматриваются в катакомбной культуре, впоследствии этот обычай достиг апогея в культуре многоваликовой керамики, и только потом был унаследован срубными и позднеандоновскими племенами. В этом случае вопрос об этнической принадлежности может быть решен только в пользу киммерийцев, как предполагала еще Т. Б. Попова (Попова, 1955, с. 176–177), а проблема их языковой атрибуции, как, впрочем, и археологической, еще очень далека от разрешения.

Трудно представить, что западноиранский скифо-сарматский мир сформировался на базе культур валиковой керамики, имеющей явно западное происхождение, но отрицать участие народов КВК в сложении и, тем более, распространении иранских языков нельзя, как, впрочем, и фракийских тоже, или тех и других вместе. Не случайно на территории валиковой амирабадской культуры еще долго, до раннего средневековья сохраняются элементы, присущие фрако-фригийскому кругу (Толстов, 1948, с. 202–203).

Прежде была уверенность, что западноиранские языки соответствуют марликской культуре серой керамики, восточноиранские — расписной Яз I, что породило известную дилемму о приоритете той или другой культуры в сложении индоиранских и иранских языков (см. Грантовский, 1981). Уже тогда было понимание того, что марликская культура, охватившая в эпоху раннего железа немалую территорию, была присуща, помимо иранцев, еще многим другим народам. Относительно культуры расписной керамики исследователи всегда подспудно осознавали, что ее облик никак не соответствует представлениям ни о древних ариях, ни, тем более, восточных иранцах. К тому же, в южных областях Средней Азии, в предгорьях Копетдага, Мургабском оазисе и Сурхандарье, культура Яз I бесследно исчезает около 1000 г. до н. э., и на смену ей приходит культура совершенно иного вида, известная под названием Яз II.

Комплекс Яз II

Около 50 лет назад В. М. Массон по материалам раскопок Яздепе выделил археологический комплекс и, соответственно, период Яз II. Стратиграфически он занимает промежуточное положение между нижними слоями с лепной расписной керамикой периода Яз I и вышележащими слоями с характерными баночными сосудами периода Яз III, относящимися к ахеменидскому времени (Массон, 1959, с. 29–34). Вслед за этим аналогичные комплексы были выявлены и продолжают выявляться на целом ряде памятников юга Центральной Азии, что создает повышенный интерес к дискуссии о хронологии периода Яз II, его месте в истории Востока и даже о праве на существование самого понятия Яз II. Суть вопроса осложняется тем, что, на первый взгляд, керамика Яз II и Яз III практически идентична, и часто много проще объединить оба комплекса в одно целое — Яз II–III, как иногда и происходит, однако более пристальный анализ позволяет специалистам разглядеть их явные отличия.

В упоминавшемся выше поселении Майдатепе (Бандыхан I) после недолгого периода запустения появляются ямы, содержащие фрагменты керамики Яз II. Рядом, в подстилающих слоях крепости Бектепа (Бандыхан II) была обнаружена подземная часть жилища (землянка) с аналогичными материалами (см. Сверчков, Бороффка, 2007). Землянка имеет ромбовидную в плане форму размером (в пределах раскопа) 4,1×3,8 м, глубиной от 35 до 50 см, стенки тщательно заглажены. Анализ образцов из заполнения землянки дал две калиброванные радиоуглеродные даты: 929–822 гг. до н. э. — из нижней части и 900–800 гг. до н. э. — из верхней (вероятность 94,4%).

В заполнении и в слое над землянкой найдена керамика, по формам и технике изготовления генетически связанная с традициями БМАК. В частности, вновь появляются сосуды с конической придонной частью, полностью отсутствовавшие в период Яз I, когда станковые сосуды тоже изготавливались (около 10%), но форма их, в подражание лепным, была сферической. Венчики горшков имеют изогнутый клювовидный профиль, что считается отличительной особенностью комплекса Яз II. На плечиках горшков, на стыке венчика и тулова имеется характерный валик, что можно рассматривать как признак влияния КВК, а можно объяснить техникой формовки. О существовании контактов с КВК свидетельствует находка единственного фрагмента типичной валиковой керамики, но обнаружен он был в комплексе Яз I из Майдатепе, тогда как на поселении Бектепа нет ни одного. В отличие от Майдатепе, в Бектепа на посуду наносятся различные тамгообразные знаки: в виде ромба, свастики, перевернутого треугольника. Появление в период Яз II обычая чертить на керамике знаки было установлено еще в 70-е гг. (Ртвеладзе, 1976, с. 99) и, скорее всего, связано с возрождением древней традиции эпохи бронзы типа Намазга VI (БМАК). В комплексе имеется также один фрагмент чернолощеной полусферической чаши, характерной для культуры архаического Дахистана.

Лепная посуда Яз II из Бектепа изготовлена уже в иной манере, чем в период Яз I, количество ее резко сокращается (около 23%), росписи нет вообще. В следующем слое лепной керамики еще меньше, всего около 16%, и,

наконец, наряду с клювовидными, появляются манжетовидные венчики, получившие широкое распространение в последующий период. В группе лепных сосудов на себя внимание широкогорлый котел с коротким боковым носиком и упором-«бородкой» под ним. Котлы несколько иной формы, но с носиками такого типа найдены на поселении Карим-Берды в Юго-Западном Таджикистане, где они по аналогиям с Кучуктепа IА и IБ датируются временем Яз I (Виноградова, 2004, с. 106–107, с. 182, рис. 61, 9–11). Однако в Карим-Берды данного периода вообще нет расписной керамики, как нет в Кучуктепа и носиков с «бородкой» (см. Шайдуллаев, 2000). Один такой носик найден на поселении Узункыр в верховьях Кашкадарьи; комплекс Узункыр I, в котором расписная керамика тоже отсутствует, датируется 1-й третью I тыс. до н. э. (Лушпенко, 2000, с. 82–83, рис. 2, 16). В качестве других аналогов материалам из нижних слоев Бектепа можно назвать комплексы из Тиллятепе и Кучуктепа 2-го периода (Аскарлов, Альбаум, 1979, с. 101, табл. 11; Шайдуллаев, 2000, с. 27, рис. 10, с. 88, рис. 61; Šajdullaev, 2002, с. 261–262, рис. 9–10).

Локальный вариант культуры периода Яз II недавно стал известен в результате разведок в Денауском районе Сурхандарьи, где в четырех точках обнаружены местонахождения керамики интересующего нас времени (Страйд, Сверчков, 2004). Коллекция из Денау, хоть и отличается в деталях, но, несомненно, соотносится с комплексами периода Яз II по всем основным признакам, среди которых доминирующим является своеобразный крючковидный профиль венчика. Сравнивая материалы денауских памятников Кучуктепа и Бектепа, видно, что керамика из Денау, отличается своеобразием манеры изготовления, в целом аналогична комплексам Кучук II и землянки Бектепа.

Перечисленные памятники или их отдельные слои представляют исключительно ранний этап Яз II (Яз IIА), датирующийся приблизительно X–IX/VIII вв. до н. э. Комплекс Яз IIА выявлен в Тиллятепе, Кучуктепа (этап Кучуктепа II), землянке Бектепа, четырех памятниках возле Денау, возможно, также в Узункыре (этап I) на юге Кашкадарьи и Карим-Берды в Южном Таджикистане.

Ко второму, позднему этапу Яз II (Яз IIБ) относятся материалы собственно Яздепе II, Кучуктепа (этап Кучук III) и многих других памятников юга Средней Азии и Северного Афганистана. Только на этом этапе наряду с классической для Яз II манерой изготовления крючковидных венчиков появляются первые сосуды с манжетовидным профилем, столь распространенным в ахеменидский период Яз III. Лепная посуда в это время исчезает, форма сосудов имеет резкие очертания, вогнутые стенки и резкое ребро при переходе от цилиндра тулова к поддону конической формы. Поскольку слои этого времени располагаются выше слоев раннего этапа Яз II, но ниже напластований Яз III, соответственно, они должны датироваться приблизительно VIII/VII–VI вв. до н. э.

Парадокс заключается в том, что базовый памятник — Яздепе, материалы раскопок которого послужили основанием для выделения всего периода Яз II, как видно, не располагает комплексом керамики раннего этапа Яз II (Массон, 1959, с. 39–41). Аналогичная ситуация наблюдается

и на другом известном памятнике Мургабского оазиса — Эрк-кале (Старый Мерв), в нижнем слое которого обнаружен только комплекс керамики этапа Яз ПБ, датирующийся VII–VI вв. до н. э. (Усманова, 2010, с. 89–90). Дальше к западу, в предгорьях Копетдага керамика как раннего, так и позднего этапов Яз П представлена в комплексе Елькендепе III. Культуру этого времени А. А. Марущенко также рассматривает как продолжение Намазга VI, «развитие которой было прервано варварским завоеванием предшествующей эпохи» (Марущенко, 1959, с. 68). Елькендепе отождествляется со столичным городом Парфии Патиграбаной, где было подавлено антиахеменидское восстание 522 г. до н. э. (Марущенко, 1959, с. 71; Массон, 1959, с. 141). В верхней части слоя ЕД III выявлены следы разрушения городища, и, судя по найденной в этом же слое керамике позднего этапа Яз П, гибель города относится именно к концу VI в. до н. э.

В расположенном неподалеку Улугдепе, как можно видеть по опубликованным данным, также имеются материалы Яз П, только они объединены с Яз III в один период (Яз П–III), датирующийся 1100–329 гг. до н. э.⁶⁸. Есть ли там вообще керамика ахеменидского времени, неизвестно, поскольку само по себе наличие цилиндрических сосудов вовсе не означает их соотнесение с периодом Яз III. Во всяком случае, те фрагменты керамики, что представлены в последней публикации, безусловно, относятся к периоду Яз ПБ⁶⁹. Опираясь на имеющиеся данные, можно предполагать, что Улугдепе, как и Елькендепе, прекратил свое существование в одно и то же время, в конце VI в. до н. э., и, вероятнее всего, по одним и тем же причинам.

Примеров недоразумений, связанных с комплексами Яз П–III, немало: можно упомянуть небольшой сбор подъемного материала из Нишапура (Хорасан, Северный Иран), представленный всего шестью фрагментами керамики «периода Намазга VI» (Hiebert, Dyson, 2002, с. 121–122, 142, рис. 9). В действительности все представленные сосуды являются типичными для комплекса Яз ПА, только чаша (№ 1) является продукцией культуры архаического Дахистана. В том же Иранском Хорасане найдены еще фрагменты керамики Яз П: как раннего этапа (Venco Ricciardi, 1980, с. 58, рис. С), так и позднего (Venco Ricciardi, 1980, с. 61, рис. Е).

При более внимательном отношении к делу отменным индикатором периода Яз П (и раннего, и позднего этапов) могло бы послужить наличие чернолощеной керамики культуры архаического Дахистана. Совершенно очевидно, что она исчезает на рубеже периодов Яз П и Яз III, в ахеменидское время ее попросту не существует. Технология обжига сосудов в восстановительной среде отсутствует в Средней Азии где-то с конца VI в. до н. э. вплоть до прихода греков, возродивших эту традицию в конце IV в. до н. э. В этом отношении особый интерес представляют памятники на границе ареалов двух культур — Яз П и архаического Дахистана, расположенные на территории Туркменистана.

68 Lecomte, Francfort, Boucharlat et Mamedov 2002: 124, табл. 1; Lecomte 2004: 169; Boucharlat, Francfort, Lecomte 2005: 489–490, 494
69 Boucharlat, Francfort, Lecomte 2005: 509–514, рис. 12e–h, рис. 15–19

В 50 и 57 км к северо-западу от Ашхабада известны два памятника с типичными материалами Яз IIА и Яз IIБ — крепость Гарры-Кяриз I и Хырлыдепе. По точному определению В. Н. Пилипко, здесь «существуют как бы переходные формы от крупных цилиндроконических “банок” к горшкам с манжетовидным венчиком» (Пилипко, 1984, с. 44). В комплексах всех без исключения этапов памятников имеются фрагменты импортных («гирканских») чернолощеных и краснолощеных сосудов архаического Дахистана (Пилипко, 1984, с. 36, 56–57; 2005, с. 66, 70, 74). Тем не менее, по инерции и Гарры-Кяриз I, и Хырлыдепе датированы VII–IV вв. до н. э., т. е. отнесены к периодам Яз II и Яз III, хотя представленная В. Н. Пилипко керамика совершенно нехарактерна для Яз III. Оба памятника расположены на границе двух общностей, Яз II и архаического Дахистана, на памятниках которого, в частности, в Бенгуване, аналогичная посуда синхронизируется с периодом ЖВ II Северного Ирана (1000–800 гг. до н. э.). Есть там и крупные сосуды с крючкообразными и манжетовидными венчиками (Мурадова, 1984, с. 74, 76).

Наибольший интерес представляет тот факт, что типичная керамика периода Яз II, причем раннего этапа, найдена при раскопках городища Нади-Али в Афганском Сеистане (Ghirshman, 1939, с. 19, рис. IV, N. A. 75). Мы не можем знать, из каких слоев происходят образцы керамики периода II Нади-Али, представленные в публикации Р. Гиршмана, но в ней отчетливо прослеживаются три компонента: Яз I, марликская культура (или архаического Дахистана) и Яз II. Первая представлена расписной посудой; вторая — черно-серой и, в частности, характерным носиком-сливом с перемычкой; третья — крупным сосудом с типичной для Яз IIА формой венчика и тулова. Даже в таком, не вполне ясном контексте находка керамики типа Яз II в Нади-Али имеет принципиальное значение хотя бы потому, что Сеистан в зороастрийской традиции занимает особо выдающееся положение (Gnoli, 1980, с. 129–136; Gnoli, 1989, с. 46). Руины древнего города Нади-Али близ впадения реки Хильменд в озеро Хамун, которые исследовал выдающийся ученый Р. Гиршман и которые он датировал VIII в. до н. э., многими историками с полным на то правом отождествляются со столицей царства ранних *кави* (ИТН, 1998, с. 242).

Таким образом, комплекс Яз II распространен на территории, которая после научного провала «теории Большого Хорезма» соотносится с «Арьянэм-Вайчах» — ареалом расселения племен, говоривших на авестийском иранском (уст. зэндском) языке, не восточноиранском, не западноиранском, но, возможно, с некоторыми их элементами. Этот язык занимал самостоятельное положение в иранской группе и отличался как от восточноиранских, так и западноиранских наречий, отчего получил название «авестийского иранского» или центральноиранского. Восточноиранскими языками он был вытеснен только в самом конце I тыс. до н. э. после так называемого «штурма Бактрии» (ИДВ, 2004, с. 712).

Продолжая развивать логическую последовательность, мы приходим к выводу о синхронизации периода правления династии ранних *кави* с ранним этапом Яз II (X–VIII вв. до н. э.), и, соответственно, последний этап Яз II (VII–VI вв. до н. э.) соотносится со временем создания царства поздних

кави со столицей в Балхе, что нисколько не противоречит традиционной дате жизнедеятельности Заратуштры (см. Gnoli, 2006). Возражения могут возникнуть, в основном, в среде приверженцев восточноиранской атрибуции общности Яз I, хотя сомнения в верности данного положения у самих сторонников этой теории возникали неоднократно.

Таким образом, рассмотрение проблемы комплекса Яз II выходит из плоскости чисто археологической и затрагивает невероятно сложные аспекты истории происхождения и географии авестийских иранцев. При этом нужно понимать, что Яз II — это не очередной этап в якобы неизбежной хронологической последовательности, не просто материальный комплекс и не только период, а вполне самостоятельная археологическая культура, распространенная на территории древней Бактрии в 1-й половине I тыс. до н.э.

Как следует из анализа археологических материалов, на юге Средней Азии существует археологически установленная последовательность развития археологических комплексов от бактрийско-маргианской культуры до ахеменидского периода включительно. Оставляя в стороне проблему этнической атрибуции бактрийско-маргианской культуры на начальном этапе, носители БМАК в конечном итоге стали ираноязычными, и процесс этот начался, судя по всему, с продвижения на юг андроновских племен. Иного объяснения генетической связи комплексов БМАК–Яз II–Яз III среднеазиатские археологи не видят, что, собственно, еще 40 лет назад пытался объяснить Б. А. Литвинский (Литвинский, 1967, с. 125–126).

В этом ряду комплекс Яз I является в Бактрии и Маргиане совершенно инородным явлением, вклинившимся в естественный процесс развития местной культуры во 2-ой половине II тыс. до н.э., и которое археологи связывают с миграцией нового этноса (см. Шайдуллаев, 2000, с. 87). Возможно, на восточной окраине территории бактрийско-маргианской культуры эпохи бронзы, например, в районе Денау или северо-восточном Афганистане, последовательность развития от БМАК к Яз II пресеклась не настолько резко или вовсе не прерывалась. К примеру, в Денауском районе вообще не выявлено ни одного памятника Яз I, и найдено только два фрагмента расписной керамики. Но если принять допущение, что носители крайне самобытной и невероятно консервативной культуры расписной керамики эпохи поздней бронзы и раннего железа были в языковом отношении древнеиранскими племенами, это вступает в неразрешимое противоречие со всеми имеющимися фактами, лингвистического, археологического и, если угодно, антропологического порядка.

География культуры Яз II, как мы видим, весьма ограничена и ограничена, в значительной степени, состоянием наших знаний. К югу от Амударьи, в Афганистане, кроме Нади-Али, Тиллятепе и Балха, несомненно, когда-нибудь еще будут найдены незаурядные памятники периода Яз II. В соседнем Таджикистане в это время, похоже, развивалась иная культура, представленная уже известными, но трудно датруемыми могильниками: круг аналогий пока ограничен материалом из раскопок поселения Карим-Берды. Территорию к северу продолжали занимать носители культуры лепной расписной керамики типа Яз I, оттесненные центральноиранской этнической общностью, археологически представленной культурой Яз II.

В каком-то смысле комплекс Яз II может служить неплохим индикатором для относительного определения границ Ирана и Турана. Если на юго-востоке Кашкадарьинской области, кроме поселения Узункыр, будут обнаружены другие памятники периода Яз IIА, тогда, как представляется, можно будет увереннее говорить о локализации здесь авестийской страны Гава Сугдийская, будущей Наутаки⁷⁰. В районе верховьев Сурхандарьи (Денау) могло находиться авестийское Семиречье (Hapta Hindu), позже Паретакена (Пьянков, 2000, с. 201). На западе культура Яз II граничила с областью распространения культуры Северо-Восточного Ирана и архаического Дахистана, которая, помимо многих других народов, конечно, была приюта также носителям западноиранских языков. Археологически граница обозначена находками керамики Яз II, причем двух этапов, в Нишапуре и крепостью Гарры-Кяриз I в северных предгорьях Копетдага. На дальнем северо-западе, в Присарыкамьшской дельте Амударьи (левобережный Хорезм) керамика Яз IIБ найдена на поселении куюсайской культуры в одном комплексе с типичной посудой архаического Дахистана и лепными сосудами своеобразного облика, не имеющими аналогов на сопредельных территориях (Вайнберг, 1975). В низовьях Сырдарьи в это время появляются памятники степного круга племен совершенно иного, восточноиранского происхождения.

В Туране — Фергане, Ташкенте, долине Заравшана и части Кашкадарьи — еще долго сохранились традиции культуры Яз I. К сожалению, мы не имеем радиоуглеродных дат для многочисленных памятников Кашкадарьи и бургулюкской культуры Ташкента. Для долины Заравшана пока есть единственная дата для нижних слоев городища Коктепа — начало I тыс. до н. э. (Исамиддинов, Рапен, 1999, с. 71; Исамиддинов, 2002, с. 64). Можно, конечно, с известной долей скепсиса воспринимать данные анализа по ¹⁴C, но когда имеешь дело с удивительно консервативной культурой с практически не поддающимися выявлению изменениями археологического комплекса, в том числе самого массового — керамики, иного способа выстроить хотя бы относительный хронологический ряд попросту не существует. С другой стороны, хотелось бы предостеречь от повального увлечения новейшими естественнонаучными методами, что может привести к произвольному и часто необоснованному углублению хронологии памятников. Если когда-то комплексы с лепной расписной керамикой в основном датировали началом I тыс. до н. э., то теперь — 2-ой половиной II тыс. до н. э., хотя это не всегда и не везде соответствует действительности. Понятно, что для каждого конкретного памятника должна быть своя конкретная хронология, и в случае с общностью лепной расписной керамики принцип формальных аналогий, тем более только керамики, не всегда срабатывает.

Как неоднократно подчеркивалось, сама по себе расписная керамика типа Яз I, тем более вне четкого археологического контекста, никак не может служить хронологическим признаком, иногда она встречается и в ахеменидских материалах Северной Бактрии. Вне пределов Ахеменидской

70 ***Возможно, это название сохранилось в имени области Габаза, располагавшейся между Наутакой (верхняя Кашкадарья) и Паретакеной (верхняя Сурхандарья).

империи, например, в Фергане и Ташкенте, культура лепной расписной керамики существует еще очень долго. Показателен пример бургулюкской культуры, которая продолжала бытовать еще в VI–IV вв. до н. э. вплоть до появления сарматоидной культуры Каунчи в III–II вв. до н. э. (Филанович, 1982, с. 121). В Ферганской долине чувствую культуру в середине I тыс. до н. э. наследуют эйлатанская и шурабашатская, которым также был присущ обычай украшать посуду росписью.

Возвращаясь к проблеме этнической атрибуции общности культур расписной керамики, можно смело утверждать, что доводов в пользу признания ее тохарами (в союзе с кем-то еще) намного больше, чем, скажем, древними иранцами. Вполне вероятно, что их переселение на юг в конце II тыс. до н. э. нашло свое отражение в «Авесте», где сказано о захвате когда-то царем Турана Афрасиабом всей страны ариев — «Арьянэм-Вайчах». Согласно пехлевийской традиции, Афрасиаб даже проводил строительные работы в Сеистане, в том числе возле легендарного озера Хамун (ИТН, 1998, с. 243). О бесконечном противостоянии Ирана и Турана захватывающе повествует Фирдоуси в эпическом сказании «Шахнаме»⁷¹. В одной части «Книги царей» можно найти образ Тохара — хитроумного советника сына Сиавуша Форуда, возглавлявшего туранское войско против Кей-Хосрова, в другой — Тохар является владельцем Дехистана и доблестным воином Кей-Хосрова на войне с владыкой Мекрана (Фирдоуси, т. II, с. 388–407; т. III, с. 356, 461). На первый эпизод обратил внимание Б. А. Литвинский, как и на то, что в «Шахнаме» указано довольно точное месторасположение города Сиавушгерд — к востоку от Хотана. Затем автор, как всегда, предельно обстоятельно дает разъяснение по поводу ошибочной, по его мнению, локализации Сиавушгерда в стране тохаров. Сиавушгерд (Гангдиз), по мнению Б. А. Литвинского, располагался там же, где и столица Афрасиаба, в центральной области Турана под названием Кангха или Канг, непонятно почему помещаемой в низовьях Сырдарьи (ИТН, 1998, с. 630, сноска 264; с. 633, сноска 309).

И. В. Пьянков в целом придерживается точки зрения Б. А. Литвинского по поводу принадлежности сырдарьинских могильников Тагискена (северная группа) турам, но объясняет их происхождение слиянием валиковой и карасукской культур, назвав туров «носителями двух последних “карасукоидных” культур» (Пьянков, 2006, с. 226). Вопрос о том, где еще в Средней Азии есть памятники тагискенского типа, кроме низовьев Сырдарьи, и есть ли вообще, оставлен без внимания, как и проблема синхронизации культуры валиковой керамики и царства кави.

Трудно спорить, но, похоже, такая окраинная локализация является отголоском все той же «теории Большого Хорезма», яростным противником которой является сам Б. А. Литвинский. Вообще, в истории и археологии Средней Азии Хорезм с прилегающими территориями всегда был исключением, а не правилом. Абсолютно непонятно, почему почти все значимые исторические события начала I тыс. до н. э. должны были происходить

71 Современный исследователь, конечно, вправе сомневаться в исторической достоверности информации, переданной в XI в. великим Фирдоуси.

на периферии, в низовьях главных среднеазиатских рек, почему из обзора географических областей вдруг выпадает название Согдианы — реального центра Среднеазиатского междуречья, имеющего вполне конкретное стратегическое значение? Может быть, потому, что Туран — это не только Хорезм, но и Согдиана, а область Канг — Самаркандский Согд? В этой связи желательнее было бы внимательнее присмотреться к результатам археологических работ на городище Коктепа, что находится на расстоянии около 25 км к северу от Самарканда. Нижние слои памятника включают комплекс культуры расписной керамики типа Яз I, доживающий до VIII–VII вв. до н. э., верхние слои относятся к ахеменидскому времени (Яз III) вплоть до греческого завоевания в конце IV в. до н. э. и самому началу эллинистического периода, после чего жизнь в городе прекратилась (Исамиддинов, 2010). По мнению И. Д. Иваницкого и О. Н. Иневаткиной, в доахеменидское время, т. е. в 1-ой половине I тыс. до н. э. на территории будущего Самаркандского Согда наиболее интенсивно осваивались земли на Правобережье Заравшана. Соответственно, именно здесь возник первый, древнейший городской центр всей области — городище Коктепа (площадь 17 га), а Самарканд — городище Афрасиаб наследует его уже в ахеменидское время, не ранее конца VI в. до н. э. (Иневаткина, 2010, с. 7–9). Исследователи памятника предполагают, что Коктепа — это упомянутая Аррианом «басилейя Согдианы», т. е. столица Согдианы, куда из Самарканда вынужден был отступить Спитамен (Исамиддинов, Рапен, 1999, с. 78). Вполне возможно, что текст Арриана не подвергся искажениям, и в источнике отражены реалии того времени, когда в Согдиане действительно была столица ахеменидского времени — Самарканд (городище Афрасиаб) и столица доахеменидская — «басилейя Согдианы» (городище Коктепа), которая когда-то являлась резиденцией Афрасиаба, главным городом области Канг и всего Турана.

В античной традиции турам соответствуют массагеты⁷², для которых исследователи находят археологическое соответствие в виде специфических погребальных конструкций — каменных склепов в Юго-Восточном Прикаспии (Мандельштам, 1984, с. 174). Вероятнее всего, ареал расселения массагетов предопределил локализацию области Канг в западной части Средней Азии, но аналогичные захоронения в каменных склепах имеются и на территории Ферганской долины, причем сосуды из могильника Даштиашт изготовлены и украшены в лучших традициях общности лепной расписной керамики (Салтовская, 1975). Исходных данных пока явно недостаточно и с определенной долей вероятности можно утверждать только то, что археологический комплекс Яз I был присущ не только древним тохарам, но и еще одному, по сути, неведомому этносу. Собственно, вся история культуры расписной керамики, начиная с эпохи энеолита, обнаруживает постоянное присутствие этого второго народа, позже ставшего известным под названием туры или массагеты.

72 Возможно, другое название массагетов — дахи, жившие около сер. I тыс. до н. э. в Прикаспии по соседству с хорасмийцами, «хотя основное ядро этого объединения находилось еще в степях за Сырдарьей» (см. Щеглов, 2006, с. 310). Многие исследователи придерживаются сформулированной еще в 20-е гг. XIX в. версии А. Rémusat – J. Klapproth о тождестве массагетов и больших юечжи (см. Franke, 1904; Толстов, 1948, с. 242–245).

II.5. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (VI ВЕК ДО НАШЕЙ ЭРЫ — XII ВЕК НАШЕЙ ЭРЫ)

В Авесте, Яшт XIII, 143–144, упоминаются народы «arya, turya, sarima, saina, daha», в Яшт V, 73 говорится о *dānava-tūra* — данайских турах. После распространения власти Ахеменидской империи на среднеазиатские владения в конце VI в. до н. э. обитавшие здесь скотоводческие народы персы обобщенно называли саками, греки — скифами. Этноним «*tūra*» больше не употребляется, этот народ в Иране обозначается как сака-тиграхауда — «саки в остроконечных шапках» или, по Геродоту, массагеты (Литвинский, 1972, с. 156, 172–175; ИДВ, 2004, с. 720). Анализ античных источников, содержащих описание завоевательных походов Александра, показывает, что в Средней Азии существовало два объединения племен под названием массагеты или дахи. Западные дахи жили в Юго-Восточном Прикаспии, по соседству с хоразмийцами, на границах Гиркании, Парфиены и Арии. Восточные дахи, они же даи с Танаиса или скифы из-за Танаиса, называемые также европейскими скифами, «справедливейшими из варваров», упоминаются в описании вооруженного конфликта на Сырдарье в районе современного Ходжента (Щеглов, 2006, с. 310–311).

Против прикаспийских массагетов дважды направляли свои войска цари Ахеменидской империи, каждый раз, вероятно, по одному и тому же маршруту. Кир переправился через реку Аракс, отождествляемую с Амударьей, точнее, ее узбойским руслом. Поход закончился полным провалом, а сам Кир погиб в долине реки Даас, название которой возводят к имени дахов. Преемник Кира Дарий I довершил начатое им дело, вновь перешел реку Арахша и разгромил непокорных массагетов (саков-тиграхауда). Приблизительно тогда же были подвергнуты нещадному уничтожению города и селения Мургабского оазиса и предгорной полосы Копетдага. О полном подчинении дахов свидетельствует появление этнонима «*dahā*» в Антидэвовской надписи Ксеркса (486–480 гг. до н. э.) (Массон, 1959, с. 138–145; Литвинский, 1972, с. 162–163; Юсупов, 1984, с. 80; ИДВ, 2004, с. 734–742).

В целом, не вызывает сомнения тот факт, что западные массагеты жили на прикаспийской равнине, и на юге границей их владений была некая река под названием Аракс. Первоначально массагетам предположительно приписывались памятники Приаралья и Прикаспия, где известны курганные погребения могильников Уйгарак и Тагискена (южная группа), которые имеют прямые аналогии в савроматской культуре Приуралья (Литвинский, 1972, с. 174–175). Сходная версия недавно предложена Р.Х. Сулеймановым, отождествляющим массагетов Геродота с тасмолинской культурой Центрального Казахстана, для которой характерны погребальные сооружения в виде так называемых «курганов с усами» (Сулейманов, 2010, с. 429). Если допустить подобное предположение, это означает, что на территории между Амударьей и Сырдарьей массагеты никогда не жили, поскольку в Средней Азии погребений подобного типа нет вообще.

В действительности, как давно установлено, в Прикаспии, севернее Больших Балхан массагеты оставили по берегам Узбоя погребальные

сооружения в виде наземных каменных склепов с многократными захоронениями (Мандельштам, 1984, с. 174; Юсупов, 1984, с. 91–92). К северу от них, на стыке с савроматскими культурами Приуралья (в том числе тасмолинской) в Северо-Восточном Прикаспии в IV–II вв. до н. э. возникла смешанная массагето-сарматская культура, представленная могильником Баит III на оконечности плато Устюрт (см. Olkhovskiy, 2000).

Локализация западных массагетов чуть ли не в Приаралье базируется на шатком предположении о тождественности пограничной реки Аракс и Амударьи, разумеется, не современной, а ее древнему руслу — Узбою, по которому она стекала в Каспийское море. За рамками дискуссии остался вопрос о том, каким образом войска Ахеменидской империи прошли Каракумы, хотя ни одна армия в мире не смогла пересечь эту пустыню. Более того, новейшие палеоклиматические исследования в данном регионе показывают крайне высокий уровень Аральского моря в середине I тыс. до н. э., что означает отсутствие стока вод по Узбою в указанное время (Boroffka, 2010, с. 298, рис. 7). В таком случае, логичнее предположить тождество реки Аракс и современного Атрека, и если сопоставить эти данные с исчезновением в VI в. до н. э. культуры архаического Дахистана, то можно будет понять, против кого был направлен поход Дария, а до него Кира. Как и города соседних Парфии и Маргианы, селения культуры архаического Дахистана тогда были уничтожены, а уцелевшие их жители, с древнейших времен обитавшие в Мешед-Мисрианской равнине, рассеялись. Вполне вероятно, что каменные склепы Прикаспия действительно принадлежат отступившим на север потомкам культуры архаического Дахистана — западным массагетам.

Для восточных массагетов выбор археологической культуры сведен к минимуму — это единственная имеющаяся на то время **эйлатано-актамская культура** Ферганы, получившая свое название по двум эталонным памятникам — городищу Эйлатан и могильнику Актам (Заднепровский, 1960). В развитии культуры выделяется два этапа: ранний, представленный исключительно погребальными сооружениями (VI–V вв. до н. э.), и поздний, когда, наряду с могильниками, появляются городища и поселения (IV–III вв. до н. э.). Археологический комплекс Эйлатана генетически связан с чувской культурой, что особенно заметно в материалах Актамского и Кунгайского могильников. В то же время, формы керамики, манера нанесения росписи и ее мотивы невероятно похожи на комплексы памятников круга Яз I. В тесте лепной посуды выявлены следы растительной примеси, сосуды украшены росписью красно-коричневой краской по светлому фону, около 30% всей керамики представлены станковой посудой (Заднепровский, 1960, с. 33–41; Иванов, 1999, с. 16–17; Исамиддинов, 2002, с. 60). С другой стороны, некоторые формы сосудов и отдельные элементы погребального обряда эйлатано-актамской культуры напоминают традиции кайраккумской. На юге Ферганской долины зафиксирован переход от подземных «каменных ящиков» к склепам на дневной поверхности, наряду с обычными захоронениями в грунтовых могилах (Иванов, 1999, с. 17).

В комплексе эйлатано-актамской культуры явственно отражено последовательное наложение двух составляющих культуры расписной керамики,

известных с древнейших времен и выраженных в делении на две группы — краснофонной и белофонной керамики. Появление в Ферганской долине в середине I тыс. до н. э. типичных признаков Яз I и влечение их в предшествующие чувские легко объясняется захватом Ахеменидской империей практически всего Среднеазиатского междуречья, кроме Ташкента и, конечно, Ферганы. Процесс вытеснения культуры лепной расписной керамики с юга Средней Азии начался еще около 1000 г. до н. э., продолжился в период Яз II и закончился при Ахеменидах в период Яз III. На территории Ферганской долины отступившие племена в середине I тыс. до н. э. слились с родственными им племенами кайракумской и чувской культур, что и привело к созданию своеобразного эйлатано-актамского комплекса. Весьма вероятно, что часть населения вынуждена была отступить еще дальше, в оазисы Восточного Туркестана, откуда почти 1000 лет назад начинался их исход.

В 329 г. до н. э. на юго-западной оконечности Ферганской долины Александр встречался с людьми, создавшими эйлатано-актамскую культуру, где они названы «дахами с Танаиса» или «европейскими скифами»⁷³ (см. Щеглов, 2006). Должно быть, кто-то из них присоединился к греко-македонским войскам, потому что в слоях памятников конца IV в. до н. э. появляются изделия, которые резко выделяются в довольно стандартном для эпохи эллинизма комплексе и которые при всем желании нельзя назвать ни греческими, ни бактрийскими. Прежде всего, это лепные горшки разных размеров, внутри которых можно видеть отпечатки ткани, разнообразные воронки, полусферические тазы с отверстием в центре дна. Последние, похоже, служили формами для производства кисломолочных продуктов наподобие сыра, и аналоги их хорошо известны в комплексе периода Яз I из Бандыхана (Майдатепа). Лепные сосуды такого типа находили на раскопках крепости Курганзол в Сурхандарье, на Подаятактепа, в Еркургане и поселении Курганча в Кашкадарье (см. Хасанов, 1991, с. 58, рис. 1).

Конечно, в эллинистических комплексах перечисленных памятников уже нет расписной керамики, но в крепости Курганзол была найдена типичная для памятников эпохи поздней бронзы – раннего железа миниатюрная биконическая каменная ступка-подставка черного цвета. Вполне допустимо, что она была подобрана в Бандыхане, расположенном всего в 20 км южнее, и принесена в крепость кем-то из ее обитателей, но, учитывая круг аналогий лепным сосудам, можно предполагать пусть едва заметную, но, тем не менее, отчетливую генетическую связь с памятниками культур лепной расписной керамики конца II – начала I тыс. до н. э. (см. Труды Байсунской экспедиции).

В последующий период, с III в. до н. э. в Средней Азии происходит невиданный по масштабу приток нового населения, обусловленный усилением кочевой империи хунну и вытеснением ими прежних обитателей внутренних районов Азии. В это время прекращают свое существование многочисленные племенные союзы Северо-Западного Китая и Южной

73 Этноним «европейские скифы» живо напоминает определение «азиатские кельты», когда-то вынесенное тохарам из-за лингвистических особенностей их языка.

Сибири, ушедшие на запад и привнесшие в антропологический тип степного населения Центральной Евразии значительную долю монголоидного элемента. Согласно археологическим и антропологическим материалам, в том числе из могильников Тагискен, перемещение восточных племен в северные районы Средней Азии началось еще в 1-й половине I тыс. до н. э., а вторая волна миграции приходится на савроматское и раннесарматское время (см. Яблонский, 2005, с. 786–787). В коренных землях Среднеазиатского междуречья памятники первой волны практически неизвестны, но для конца I тыс. до н. э. раннесарматские могильники выявлены почти повсюду. Вполне закономерно в то же время на востоке исчезают памятники Пазырыка и «варварских племен», располагавшиеся по периметру Великой Китайской равнины (см. Ковалев, 2001), в общей массе которых на запад вынуждены были уйти и «большие юечжи».

Для Ферганской долины конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э. известны две археологические культуры — **шурабашатская и кугай-карабулакская**. Первая из них представлена памятниками с лепной расписной керамикой, расположенными исключительно на востоке долины, и является прямым потомком чувстской культуры. Показательно, что керамика Шурабашата намного больше отличается от эйлатанской, чем от чувстской, и имеет явное сходство с посудой из Турфанского оазиса. Ранний этап шурабашатской культуры предшествует появлению кугай-карабулакской культуры и относится приблизительно к IV в. до н. э. Для позднего этапа, вплоть до II в. н. э. характерна все более усиливающаяся связь с кугай-карабулакской культурой и, в меньшей степени, с усунями Семиречья и Тяньшаня, в погребениях которых часто находили шурабашатские сосуды (Заднепровский, 1962, с. 191–194; Иванов, 1991, с. 18–19). Если шурабашатская культура считается преемником чувстской, то кугай-карабулакская ближе эйлатано-актамской и, в опосредствованной форме, кайраккумской, с которыми ее объединяет ряд общих черт погребального обряда.

По различиям в погребальной конструкции Б. А. Литвинский предлагал объединить памятники Ферганской долины II в. до н. э. – VI в. н. э. в две культуры: карабулаково-ворухскую и аштскую (Литвинский, 1972а, с. 127–129, 212). Г. П. Иванов настаивает на определении «кугай-карабулакской общности», состоящей из трех взаимосвязанных культур — северо-запада, востока и центра долины (Иванов, 1991, с. 20–21). Н. Г. Горбунова доказывает наличие единой для всей Ферганы культуры, в рамках которой выделяет семь локальных вариантов, различающихся лишь укладом хозяйства и степенью влияния соседних культур (Горбунова, 1983).

Керамика кугай-карабулакской культуры, в основном, сделана на круге, покрыта красным или, реже, черным ангобом и залощена. Яркой ее особенностью является геометрический орнамент, процарапанный по высушенному ангобу. Кроме глиняных, найдена деревянная посуда и столики, плетеные корзины, на позднем этапе появляются стеклянные сосудики. Черно-серая лощеная посуда чаще всего встречается на юго-западе Ферганской долины, в Исфаре и Сохе; юго-востоку присущи миски с пегрибом по центру бортика; в контактной западной зоне в керамике

заметно влияние сарматоидной каунчинской культуры; на крайнем востоке еще какое-то время наряду с красноангобированной существует расписная шурабашатская посуда, откуда она попадает и в соседние районы. В могильнике Хангиз I среднего этапа найден сосуд с отверстием в дне и приводится аналогия этой форме из слоя Беграм II в Афганистане (II–III вв. н.э.) (Горбунова, 1983, с. 40).

Погребальные памятники представлены подбоями и катакомбами разных типов и грунтовыми могилами, нередко перекрытыми деревом. Изредка в них находили деревянный гроб, дощатый или колоду. В горах и предгорьях распространены каменные склепы (курумы и мугхона), содержащие одиночные, парные или последовательные групповые захоронения. В последнем случае в конструкции склепа предусматривался обособленный вход-дромос, в результате чего создавалась та же, только наземная катакомбная конструкция. На позднем этапе встречаются также захоронения в наземных сырцовых склепах и пещере. В могильниках всех этапов культуры находили фрагменты тканей из хлопка, шерсти и шёлка (Горбунова, 1983, с. 25–44).

Изделия из черных металлов отличаются качеством исполнения, из них инструментов или орудий труда найдено мало. Из них самой крупной находкой является топор-тесло из поселения Куюктепа I Горбунова, 1983, с. 32, рис. 5, 13), форма которого аналогична топорам эпохи бронзы Северо-Восточного Ирана, о которых говорилось в предыдущем разделе. Ферганцы из железа делали не только инструменты и оружие, но и украшения: железные браслеты появились еще в эйлатано-актамской культуре, в кугайско-карабулакской их меньше, но во множестве появились кольца и перстни. Бронзовые перстни с гравированным орнаментом на щитке, кроме Ферганы, известны только в Синьцзяне (Горбунова, 1983, с. 35, 40). Наверное, главной особенностью культуры Ферганы этого времени, резко отличающей ее от западных областей Средней Азии, является отсутствие монетного обращения. Известна только одна монета V–VI вв., относимая к ферганскому чекану, да и та найдена В. А. Лившицем в музее Самарканда (Литвинский, 1972, с. 56–57). Обнаруженные в раскопках памятников кугайско-карабулакской культуры китайские монеты «у-шу» служили лишь частью украшений (Горбунова, 1983, с. 25).

Как устанавливается, в Ферганской долине с конца I тыс. до н.э. вновь проявляются те же два основных компонента, которые были характерны в предшествующие исторические периоды как для самой Ферганы, так и для еще более ранних этапов юго-запада Средней Азии и Северо-Восточного Ирана. Опять мы видим сочетание подбойно-катакомбного обряда с ямным и наземные склепы, лощеную керамику с процарапанным орнаментом и посуду с росписью. Так было в эпоху поздней бронзы и раннего железа, так есть и сейчас, со временем меняется только соотношение признаков каждой из культур. В конце I тыс. до н.э. ареал распространения расписной керамики резко сокращается за счет притока кугайско-карабулакского населения, и вновь появляются исчезнувшие было вместе с кайраккумской культурой подбойно-катакомбные погребения. Но перерыв в существовании подобного обряда захоронения имеется только

для Ферганской долины, в далеких восточных областях, к юго-востоку и северо-востоку от Таримского бассейна, он продолжался и в эпоху раннего железа, и в первые вв. н.э. (Werning, 2007, с. 150–152; 182). На основании того, что в культуре Куюань (Ku-yüan) подбойно-катакомбный обряд сосуществует с ямным, Н. Ди Космо предполагает полиэтнический характер населения и включает могильник в круг памятников «скифского типа» (Di Cosmo, 2002, с. 81–83).

Но, как мы знаем, такое сочетание было всегда, начиная с эпохи энеолита, осталось оно и в кугай-карабулакской культуре, вторгшейся в Ферганскую долину в конце I тыс. до н.э. Появление в это время наземных каменных склепов также не является чем-то принципиально новым, начало этой традиции также было положено в энеолите юго-запада. В принципе, каменные ящики есть и в кайраккумской культуре, и в той же эйлатанской, а в предгорьях, где ландшафт диктует свои законы, известен пример классических каменных склепов могильника Дашти Ашт. Эти «домики», аккуратно сложенные из камня, особенно те, которые оборудованы длинным проходом-дромосом, удивительно напоминают каменные толосы Арпачии халафской культуры эпохи неолита (Мелларт, 1982, с. 115, рис. 50)⁷⁴. На юго-западе Средней Азии наземные склепы — обычное в энеолите явление, правда, строились они из сырца и присущи были культуре расписной керамики. Однако в Ферганской долине можно видеть пример того, как чувская—шурабашатская культура все более поглощалась кугай-карабулакской, территория распространения расписной посуды сокращалась во времени подобно «шагреновой коже», пока в начале I тыс. н.э. не исчезла вовсе. В Восточном Туркестане ситуация была иной, здесь подбойно-катакомбная культура занимала восточную периферию земледельческой культуры расписной керамики и никогда не проникала в оазисы Тарима так глубоко, как в Фергане. Соответственно, в Синьцзяне предметы чувской, эйлатанской и шурабашатской культур, т.е. общность лепной расписной керамики, сохранялись в относительной неприкосновенности много дольше.

В культуре Ферганы и Синьцзяна рассматриваемого времени, помимо очевидного сходства вещественной культуры, имеется один важный момент, касающийся самого яркого и приземленного проявления материальной сущности человеческой цивилизации — чекана и оборота денег. Вне всякого сомнения, жители Ферганы прекрасно знали о деньгах, и какой-то эквивалент стоимости должен был существовать, но отрицание их, сознательное или бессознательное, населением Ферганской долины вплоть до тюркской и согдийской колонизации приводит на память описание обменной торговли с народом серов. В описании Помпония Мелы (около 43 г. н.э.) серы, как когда-то «европейские скифы», названы очень справедливым народом; «они широко известны своим способом торговли, которая происходит в их отсутствие, после того как они оставят свои товары в уединенной местности» (Пьянков, 1988, с. 191–192).

⁷⁴ Факт появления катакомбного обряда погребения в той же халафской культуре вряд ли можно объяснить случайностью.

Серы производили, в основном, два товара, в которых была крайне заинтересована Римская империя — шёлк и сталь, причем последняя была столь высокого качества, что считалась лучшей в мире. Плиний сказал о ней так: «*Ex omnibus autem generibus palma Serico ferro est. Seres hoc cum vestibus suis pellibusque mittunt*» (Хвостов, 1907, с. 127, сноски 5, 156, сноска 2). Относительно шёлка, природа которого, в отличие от цены, была не вполне понятна (поэтому, может быть, шёлк иногда путали с хлопком), Плиний Старший пишет так: серы «известны шерстью, производимой лесами: серую листву, смоченную водой, они расчёсывают, тем самым доставляя нашим женщинам двойную работу — распутывать нити и сплести их снова, т. е. ткать; так многообразен труд и так отдален район земного круга, используемый для того, чтобы матрона могла публично появляться в просвечивающих одеяниях» (Пьянков, 1988, с. 192). Немногом позже, около 125 г. н. э. Дионисий Периегет повествует о тохарах, фунах и варварских народах серов, изготовлявших знаменитые цветастые одежды (Пьянков, 1988, с. 193).

Коль скоро в источниках ведется речь о шёлке, то, как само собой разумеющееся, под народом серы долгое время подразумевались древние китайцы, хотя в тех же текстах они по имени династии Хань называются хины или синь. В европейской и, разумеется, русской историографии начало этому было положено легатом Ватикана Гильомом де Рубруком, побывавшему в Китае с дипломатической миссией в 1253–1254 гг. По его словам, «далее находится великая Катайя, жители которой, как я полагаю, в древности назывались Серами. Ибо от них прибывают самые лучшие шёлковые ткани, называемые по-латыни по имени этого народа *serici*» (Путешествия в восточные страны, 1993, с. 115).

Оставляя в стороне уникальную находку фрагмента шёлковой ткани из катакомбной могилы Сапаллитепы на юге Узбекистана, одежда из шёлка, а также хлопка и шерсти — вовсе не редкость на памятниках Синьцзяна и Ферганы со II в. до н. э. Высокохудожественные текстильные изделия, действительно отличающиеся яркостью красок, и сейчас можно видеть в экспозиции музеев Синьцзян-Уйгурского Автономного округа. Благодаря климату пустыни Такламакан, законсервировавшему эти замечательные вещи, стало понятно происхождение ковра из знаменитого Пазырыкского кургана, долгое время приписываемого ахеменидскому Ирану, и женской шёлковой рубахи, считавшейся китайским импортом (Лубо-Лесниченко, 1988, с. 360–361). Техника тканья шёлка абсолютно отличается от китайской, и волокно было получено из коконов неодомащенного шелкопряда, т. е. такая ткань относится к шёлку типа *Tussah* (Полосьмак, Шумакова, 2000, с. 145–147). В результате сравнительного анализа тканей из Пазырыка и Восточного Туркестана предполагается, что весь лучший пазырыкский текстиль производился в оазисах Синьцзяна. Отмечается сходство в тканой и войлочной одежде, ее фасоне, в сочетании краски животного и растительного происхождения. Шерстяные ткани царских курганов Пазырыка сделаны из тонкой овечьей шерсти и пуха, как и ткань из кашемировой шерсти в Синьцзяне, где, к тому же, имелась кашмирская порода овец (Полосьмак, Кундо, 2005, с. 597–598).

Единственное имеющееся в античных источниках описание серов тоже совершенно не отвечает представлению о внешнем облике и языке китайцев. В годы принципата Клавдия (41–54 гг. н. э.) в Рим прибыло посольство острова Тапробана (Ланка) во главе с неким человеком по имени Рахия. Его отец бывал в стране серов и торговал с ними. «Сами же они [серы] превышают ростом обычных людей, имеют рыжие волосы, голубые глаза, язык с резкими звуками, а в торговле обходятся без слов» (Пьянков, 1988, с. 206). В источниках имеется относительное указание на местоположение страны серов и декларируется, что когда-то власть Греко-Бактрии распространялась до вплоть до владений серов и фаунов.

В специальных работах по исторической географии Восточного Туркестана представлено все разнообразие взглядов и точек зрения относительно локализации указанных стран и народов. С позиций археологии важно то, что для указанного времени к востоку от Хотана, по сути, имеются только две археологические культуры или, если угодно, общности — расписной керамики Таримского бассейна и подбойно-катакомбной на его восточной оконечности. Поскольку территория тохаров обозначена позднейшими находками рукописей на тохарских языках и расписной керамикой, то серы, в таком случае, не кто иные, как их восточные соседи. Почти во всех случаях серы и тохары упоминаются в одном ряду с фрунами (или фроаны, фауны, фуны), которых по созвучию или по каким-то иным соображениям иногда отождествляют с хунну или гуннами. Но, может быть, в этой связи больший интерес представляет реконструкция названия Ферганы, предложенная В. А. Лившицем. «Написание βγῦν(′) κ в мугских текстах показывает, что древней формой названия области была *Far(a)gāna или *Fragāna» (Лившиц, 2008, с. 93–94).

Согласно китайским хроникам, интересующие нас территории относятся к владениям больших юечжи, подбойно-катакомбная атрибуция которых давно установлена (обзор в предыдущей главе). Как указывалось, данный обряд захоронения периодически проявлялся в Фергане, а к востоку от Таримского бассейна он известен, по меньшей мере, уже в эпоху поздней бронзы. Поэтапное распространение его на восток в III–II в. до н. э., несомненно, означало великое переселение племенного союза юечжи, в котором самих юечжи, похоже, было меньше всего. Многочисленные народы скифо-сакского круга к северу от Великой Китайской равнины, в том числе создатели пазырыкской культуры, издавна находились в контакте со своими западными соседями. Общая тенденция их смещения в южном и юго-западном направлении прослеживается в материалах, относящихся ко времени задолго до сложения союза хунну. Одним из ярких примеров этого служат материалы середины I тыс. до н. э. могильника Алагоу на восточной оконечности Тянь-Шаня, обнаруживающего прямые аналогии как с пазырыкскими, так и семиреченскими курганами, особенно со знаменитым погребением Исык конца IV – начала III в. до н. э. (Погребова, Раевский, 1988, с. 183–189). С другой стороны, о тесных связях населения Семиречья и Ферганы уже в эпоху раннего железа свидетельствуют находки типично чувтской керамики в слоях городища Сарыбулун на юго-восточном

берегу озера Иссык-Куль, будущей ставки одного из племен усуней (Заднепровский, 1997, с. 99–100).

Своеобразный комплекс могильников долины реки Или изначально вообрал в себя черты многих культур, смешение которых со временем привело к созданию так называемой «сако-усуньской» культуры. К. А. Акишев и Г. А. Кушаев предполагают непрерывную преемственность обряда захоронения и, соответственно, населения Семиречья от сакского периода до позднеусуньского, т. е. с VI–IV вв. до н. э. по II–III вв. н. э. В то же время сами авторы отмечают факт сосуществования, начиная с рубежа нашей эры, двух типов могил, простых ям и подбоев, а также необыкновенное, по данным антропологии, многообразие физических типов погребенных в могильниках долины р. Или (Акишев, Кушаев, 1963, с. 251–253). Территория Семиречья в силу своего географического положения как нельзя лучше подходит под определение контактной зоны. Она открыта на север — в сторону ареала культур «азиатских скифов» — саков, на запад, где в древности обитали носители «савроматской» саргатско-гороховской (см. Koryakova, Erimakhov, 2007, с. 287–312; Корякова, 2009) и «сарматской» прохоровской культур (см. Малашев, Яблонский, 2008). Особенно значительным было влияние востока, где, вероятно, и произошло формирование сако-усуньской культуры в том виде, в каком она представлена в Семиречье. В археологических комплексах памятников той же долины р. Или (северо-запад Синьцзяна) имеются прямые соответствия семиреченским материалам, но с таримской расписной керамикой (Debaine-Francfort, 1989, с. 202–205).

Вероятно, с востока в Семиречье проникли удивительные по технике изготовления металлические жертвенные столики, обычно помещавшиеся в погребения. Надо сказать, что впервые такие жертвенники, на четырех ножках и изображениями животных по верхнему краю, только керамические, были найдены на далеком юго-западе — в могильнике Пархай II, где они относятся к середине – 2-й половине III тыс. до н. э. (Хлопин, 1989, с. 121, рис. 5). В культуре архаического Дахистана эпохи раннего железа такой же столик, только каменный, был найден в Изаткули (Массон, 1956б, с. 438). В Бактрии и Маргиане (БМАК) вместо столиков использовали специальные сосуды с фигурками людей и животных, наклепленных на венчик и тулово (Антонова, 2004, с. 196). Это еще один пример того, какими невероятно запутанными были процессы переселения и расселения народов, и, в то же время, откуда они берут начало.

В шурабашатское и кугай-карабулакское время усиливаются контакты с прохоровской культурой северо-запада (Каунчи), отразившиеся в комплексе памятников западной части Ферганской долины. В соседнем Ташкентском оазисе прохоровская культура поглотила бургулюкскую, унаследовав от последней только обычаи украшения посуды мазками и потеками краски. В III–II в. до н. э. миграционные процессы, начавшись на востоке, распространились по всей степной полосе Евразии. Катакомбный обряд захоронения (теперь уже с востока) в несколько этапов распространяется далеко на запад, неминуемо охватив Ферганскую долину в лице кугай-карабулакской культуры. В общем процессе массагеты-юечжи растворялись в среде народов, говорящих на восточноиранских языках,

передавая особенности своего погребального обряда и присущие им родовые имена. Только с этого времени можно уверенно говорить о распространении в Средней Азии восточноиранских диалектов, хотя участие восточноиранских племен в создании западноиранской по языку Парфянской империи сильно преувеличено.

На юге юечжи-массагеты основали Кушанскую империю, языком которой был бактрийский, и если бы не имена кушанских правителей, кстати, не тохарские, все пребывали бы в полной уверенности, что язык юечжи был восточноиранским. На дальнем западе слияние сарматских и массагетских племен привело к появлению в Центральном Предкавказье носителей катакомбной культуры — предков аланов, названных в источниках «бывшими массагетами», но восточноиранское происхождение языка которых несомненно. Массагетские корни можно видеть в сходстве археологических комплексов северокавказских памятников и кугай-карабулакской культуры всех этапов (см. Берлизов, Каминский, 1993), однако вопросы распространения массагетского подбойно-катакомбного обряда захоронения в сарматской среде по-прежнему актуальны и требуют дополнительных исследований (Заднепровский, 1994; Яценко, 1994).

Лучше всего о сложности и многообразии этнических процессов, происходивших на востоке Китая и западе Средней Азии в начале т. н. «усуньского» периода, можно судить по данным китайских письменных источников в передаче И. И. Умнякова, тщательнейшим образом их изучившим.

«Народы, побежденные хун-ну и оттесненные ими далее на запад, упоминаются у китайцев под названием у-сунь и юе-чжи (юе-ши). Народ юе-чжи после поражения его хун-ну пришел в движение. Незначительная часть, так наз. “малые юе-чжи” (сяо-юе-чжи), вероятно, отступила перед натиском хун-ну в район Нань-шаня, а остальная масса, “большие юе-чжи” (да-юе-чжи), направилась на запад, где столкнулась с саками (сэ) и вытеснила последних в северный Тянь-шань. Разгром саков юе-чжи, вероятно, произошел в районе верхнего Или, Чу и Нарына. Часть саков, повидимому, вошла в состав народа юе-чжи. Здесь господство юе-чжи длилось недолго. Другой народ, также находившийся в вассальной зависимости от хун-ну, у-суни, кочевавший первоначально в бассейне реки Булундзир, напал на юе-чжи и потеснил их далее на запад. Часть юе-чжи могла остаться у у-суней в качестве их подданных. У-суни занимали теперь обширную территорию от Эби-нора на востоке и до Ферганы на западе» (Умняков, 1940, с. 185–186).

Из цитаты можно понять, почему усуньские памятники нижнего течения р. Или имеют такой синкретический характер, и антропологический тип населения столь разнообразен. Можно только гадать, какие языки и народы были в составе усуньского племенного союза. Если верно отождествление усуней с асиями или асианами, названными в античных источниках царями тохаров, то в Семиречье и прилегающих районах, помимо сарматских, скифо-сакских, массагетских племен, а также, возможно, хунну, были еще и тохары. В какой мере процесс передвижения народов затронул оседлое население Тарима, т. е. собственно тохаров, по письменным источникам представить невозможно, они только упоминаются в перечне

народов, завоевавших Греко-Бактрию. Распространение юечжи — носителей подбойно-катакобной культуры из западного Ганьсу в Ферганскую долину и дальше на юг Средней Азии вместе со многими другими народами археологически подтверждается. Однако присущая тохарам культура лепной расписной керамики остается на месте, в Таримском бассейне, и продолжает существовать еще на протяжении многих последующих столетий. Даже на крайнем западе своего ареала, в Ферганской долине, она растворяется в кугай-карабулакской культуре только где-то во II в. н. э.

В IV–V вв. на территории Средней Азии происходят активные этнические передвижения, связанные с приходом во многом загадочных народов, известных как **кидариты, хиониты и эфталиты**. Невозможно пересказать все точки зрения, посвященные пресловутой проблеме их происхождения и опирающиеся, как правило, на сведения письменных источников и нумизматические данные. Более или менее ясна только генеалогия кидаритов — малых юечжи: они являются потомками больших юечжи и пришли из Восточного Туркестана в Среднюю Азию и Северную Индию в конце IV или начале V в. Точное время правления их предводителя по имени Кидара (кит. Цидоло) пока не установлено: одна группа историков и нумизматов полагает, что монеты чекана Кидары подражают монетам Шапура II (309–379 гг.), другая видит их прообразом монеты Бахрома V (420–438 гг.). Столица их, вероятнее всего, располагалась в Балхе, а владения простирались к северу и югу от Гиндукуша, и к этому времени относится самое раннее упоминание названия Тохаристан, датированное 383 г. н. э. (Литвинский, Соловьев, 1985, с. 119). Около середины V в., вероятно, в период правления Йездигерда II (438–457 гг.), желавшего вернуть свои восточные владения, кидариты под натиском Сасанидской империи были вынуждены оставить Тохаристан и отступить в Гандхару (Бичурин, 1950, с. 264; Zeimal, 1996, с. 119–126; ИТН, 1998, с. 473–474). Та их часть, что осталась в западном Китае, вплоть до X в. еще обитала в горах к западу и юго-западу от Дуньхуана, пока не была окончательно ассимилирована тибетскими племенами цянов (Рерих, 1963, с. 121; Крюков, 1988, с. 240–241).

В археологических комплексах Средней Азии в это время появляется керамика с неким подобием росписи ангобом темно-красного цвета в виде кругов, полос, широких скрещенных линий и т. п. Для южных областей в качестве примера можно привести материалы из недавних раскопок небольшой крепости Кахрамонтэпа в Сурхандарьинской области. В подавляющем большинстве формы сосудов (например, «псевдоарретинские» чаши), технология производства и оформление гончарной продукции наследуют традиции кушано-сасанидского периода. В то же время появляются совершенно новые для юга типы посуды, в том числе лепные сосуды с потеками краски-ангоба и даже расписные. Роспись наносилась красно-коричневой краской по высветленной поверхности. Образцы лепной посуды, украшенной росписью, представлены не только в Кахрамонтэпа, но и на других синхронных памятниках юга Узбекистана — Айсаритепа, Хосияттепа, Кувекургане, Зартэпа (см. Пидаев, 1974; Аннаев, 1988, Абдуллаев, Аннаев, 1990). По керамике время возведения и недолгого

существования Кахрамонтепа можно датировать концом IV – началом V в. н. э. Результат радиоуглеродного анализа вполне согласуется с предложенной датой — 390–534 гг. н. э., что соответствует периоду кидаритского владычества.

Рядом с Кахрамонтепа находится курганный могильник IV–V вв. Сарыбанд, первые исследования которого начинал Э. В. Ртвеладзе. Под невысокой (до 1 м) каменной насыпью диаметром 10 м была вскрыта прямоугольно-овальная в плане могильная яма глубиной 0,8 м. Она ориентирована по линии восток–запад и окружена двумя концентрическими выкладками из камней, диаметр внутреннего круга 3 м. Сверху могила наполовину закрыта каменной обкладкой в один ряд. Могильная яма оказалась пустой, признаки ингумации или кремации в ней не выявлены, из погребального инвентаря был найден только двуручный красноангобированный кувшин с лощением и железные изделия — наконечники стрел, фрагменты накладок и ножен (Ртвеладзе, 2005, с. 304–305; Сагдуллаев, 2005, с. 306; с. 42, рис. 13; с. 43, рис. 14). При всей незначительности погребального инвентаря важно то, что кувшин из единственного раскопанного захоронения идентичен сосудам, найденным при раскопках Кахрамонтепа.

Тип и конструкция курганов могильника Сарыбанд более всего напоминают так называемые «усуньские» захоронения правобережья р. Или в Казахстане. Там курганы с каменными кольцами появляются около III–II вв. до н. э. и с некоторыми изменениями существуют приблизительно до II–III вв. н. э. В течение времени менялось расположение колец: для раннего периода характерны курганы с кольцами по основанию насыпи, позже они сменяются курганами с кольцами под насыпью, а с рубежа нашей эры появляются курганы с кольцами внутри насыпи (Акишев, Кушаев, 1963, с. 240). Именно третий вариант является типичным признаком кургана из могильника Сарыбанд; совпадает также устройство могил — простые грунтовые ямы прямоугольной или вытянуто-овальной в плане формы, ориентированные с востока на запад.

В середине V в. вслед за хионитами и кидаритами в Средней Азии появляются эфталиты — еще один загадочный народ неизвестного происхождения, по нумизматическим данным, те же хиониты. В китайских источниках, где они выступают под названием йеда (яда), отражены два мнения по поводу их истоков: или они одного рода с юечжи, или — «отрасль гаогюйского племени», но тут же утверждается, что язык их не похож на жужаньский, гаогюйский или тюркский (Бичурин, 1950, с. 268–269). Вслед за К. А. Иностранцевым (1876–1941) большинство археологов связывают с этим народом распространение своеобразного типа захоронений — в виде наземных (иногда подземных) каменных склепов — курумов, особенно тщательно исследованных в Ферганской долине (Иностранцев, 1909; Литвинский, 1972а; 1976, с. 55–56; ИТН, 1998, с. 474, 488–489).

Курумы были найдены и недалеко от могильника Сарыбанд, в южных предгорьях Байсунских гор, на высоте от 1000 м над уровнем моря. Они образуют отдельные, иногда многокилометровые могильники, охватившие широкой полосой весь юго-западный Гиссар, включая северный периметр Сурхандарьинской области, горные районы южной Кашкадарьи и соседние

районы Таджикистана. Те из них, что расположены в предгорьях, очень сильно разрушены, но высоко в горах еще сохранились целые каменные склепы, хотя давно уже совершенно пустые внутри. Обычно погребения выглядят как бесформенные каменные насыпи диаметром 9–10 м, высотой до 2 м или как овальные или круглые в плане каменные выкладки диаметром 2–3 м, высотой до 0,5 м. В южных предгорьях Байсунтау известны три таких могильника: возле селений Омонхона, Туда и Хатак–Лоилаган⁷⁵. В крупнейшем из них — Лоилагане — в 1973 г. были раскопаны семь «каменных оград» с признаками обряда кремации, которые по отдельным немногочисленным находкам ориентировочно датированы VI–VII вв. (Дуке, 1975, с. 76)⁷⁶. Впоследствии датировка могильника была углублена, по меньшей мере, до IV–VI вв. (Литвинский, Седов, 1984, с. 134; Болелов, 1994, с. 98; Stark, 2008, с. 274–275).

Из китайской хроники династии Суй (581–618) известно, что жители Тухоло (Тохаристана) «проживают вперемешку с яда (эфталитами)... Там в горной пещере живет волшебный конь, каждый год выпасают лошадей около пещеры, после чего обязательно рождаются знаменитые жеребята». Те же слова об эфталитах в Тохаристане повторяются в «Новой хронике государства Тан»: «На севере есть горы Поли, в пещере на южном склоне их живет волшебный конь. Жители пригоняют к нему кобылиц, родившиеся жеребята будут потокровными» (Малявкин, 1989, с. 68–69). Пожалуй, это единственное упоминание в китайских источниках «небесных коней, потеющих кровью» (тяньма), не относящееся к древней и средневековой Фергане. В сочетании с обрядом захоронения в курумах, распространившимся сначала в Фергане, потом в Сурхандарье, этот факт может служить подтверждением гипотезы Б. А. Литвинского об участии населения Ферганской долины в сложении эфталитских племен.

Курумы могильников Байсуна, составляющих, по сути, единое погребальное поле, внешне похожи на курганы в Сарыбанде. Нельзя исключать, что их каменные насыпи — это остатки разрушенных наземных конструкций, и тогда погребальные сооружения Сарыбанда снаружи вообще мало отличались от наземных склепов могильников Лоилаган, Туда и Омонхона, от которых ныне остались лишь отдельные груды камней.

В этом типично горском способе захоронения усматривается отчетливое генетическое сходство, восходящее к погребальной традиции ферганского могильника Дашти Ашти, и, вероятно, правы были те ученые, которые настаивали на том, что «хиониты, кидариты и эфталиты принадлежали одному этническому типу, но составляли разные орды с различными племенными названиями» (Пигулевская, 1941, с. 50; Якубовский, 1955, с. 103). Учитывая аналогии с курганами Семиречья, может быть, справедливо и другое утверждение А. Ю. Якубовского, назвавшего эти племена потомками геродотовых массагетов⁷⁷ (Якубовский, 1955, с. 104). К. А. Акишев предполагает, что курганы могильника Бешатыр правобережья р. Или оставлены саками-тиграхауда (Акишев, Кушаев, 1963, с. 25–87). Б. А. Литвинский

75 ***См. Труды Байсунской научной экспедиции, вып. 2 и 3.

76 ***Далеко не во всех захоронениях могильника есть признаки кремации.

77 У эфталитов, как у массагетов, также была распространена полиандрия.

отождествляет саков-тиграхауда с массагетами, но помещает их в противоположной, западной части Средней Азии (Приаралье–Прикаспий), а сакскую культуру Семиречья, не попавшую в сферу внимания Ахеменидской империи, предположительно относит к сакам-хаумаварга (Литвинский, 1972, с. 172–174). В то же время, высокий головной убор «золотого воина» в знаменитом кургане Иссык как будто свидетельствует о его принадлежности к «острошапочным сакам» — «тиграхауда». Нелишне вспомнить и о находке в том же кургане Иссык самого раннего образчика «неизвестного письма», периодическое появление которого на территории Бактрии–Тохаристана на рубеже нашей эры и около середины I тыс. н. э. странным образом совпадает то с приходом юечжи, то с вторжением кидаритов и эфталитов (см. Вертоградова, 1982; 1995, с. 33–36).

На дальней периферии письменных цивилизаций Древнего Мира существовало немало племен и племенных объединений, оставивших только свои имена или вовсе не попавших в историю. Конечно, массагеты жили не только на западе Средней Азии, но и на востоке, в том числе на территории Синьцзяна, да и был ли в истории Центральной Азии такой период, когда Восточный и Западный Туркестан были обособлены в культурном и этническом отношении?

Массагеты Геродота являются потомками туров (*tūra*) «Авесты», населявших территорию будущего Туркестана еще в доскифскую эпоху и распространявших свое влияние далеко за его пределы. Возможно, именно в «Авесте» содержится некая подсказка относительно генеалогии эфталитов–хионитов, когда тур по имени Арчатаспа (Арчасп) недвусмысленно именуется Нуаона — «хьяуна», т. е. хионит (Gnoli, 1980, с. 120; ИТН, 1998, с. 248, 634. сноска, 326). Конечно, ожесточенная война между иранским кави Виштаспой, покровителем пророка Заратуштры, и Арчатаспой, происходившая приблизительно в конце VII – начале VI в., могла быть переосмыслена в соответствии с политическими реалиями Сасанидского Ирана середины I тыс. н. э., но игнорировать ее мы не вправе. Похоже, в кидаритах и эфталитах следует видеть далеких во времени, но близких по языку потомков авестийских туров, в относительной целостности сохранивших в горах свои архаичные традиции. В условиях подобного рода им удалось избежать той языковой ассимиляции восточноиранскими народами, которую испытали их равнинные соплеменники, в том числе население Ферганы и Семиречья. Если выстраивать генетическую линию кидаритов и эфталитов таким образом, возможно, в будущем удастся прийти к единому мнению относительно их происхождения.

Присущая части кугай-карабулакского населения традиция погребений в каменных склепах распространяется в Ферганской долине с невиданным прежде размахом только во II в. до н. э. и так же массово исчезает в VI в. н. э. Культура курумов, как и ее далекий предшественник Дашти Ашт и, в какой-то степени, Актам, привнесена на территорию долины извне и в уже сложившемся виде. Вероятный источник происхождения подобного обряда расположен далеко на востоке, в горах и предгорьях Тянь-Шаня. В течение многих лет в разных районах Синьцзяна раскапывались могильники с аналогичным актамскому и семиреченскому

погребальным обрядом. Появляются они примерно на рубеже II и I тыс. до н. э., и большая их часть перестает функционировать где-то около конца I тыс. до н. э. Погребения, как правило, коллективные, иногда до 50 человек, обычно совершались в каменном ящике или подземном склепе, окруженном одной или двумя выкладками из камней (Debaine-Francfort, 1989, с. 183–189; Chen & Niebert, 1995, с. 274–278; Mei & Shell, 2002). В могильнике Чавухугоу (Ch'a-wu-hu-kou) отмечено самое раннее для территории Китая (X–VII вв до н. э.) появление изделий из железа — кольца и шила (Di Cosmo, 2002, с. 71). Бронзовые ножи, предметы из камня, тип и мотивы росписи керамики из погребений Чавухугоу аналогичны тем, что известны в чустской культуре Ферганы. Эти факты приводятся как подтверждение западных истоков черной металлургии Синьцзяна, привнесенной на восток если не из самой Ферганы, то при ее посредничестве (Mei & Shell, 2002, с. 229–230).

Вполне возможно, что технология производства железа пришла в Синьцзян с запада, но намного более вероятным представляется ее самостоятельное происхождение на основе высокоразвитой бронзолитейной металлургии. С другой стороны, неверна сама постановка вопроса, поскольку культуру Ферганы эпохи поздней бронзы и раннего железа нельзя рассматривать в отрыве от общности, неотъемлемой частью которой она всегда являлась. Геолого-минералогическая ситуация Восточного Тянь-Шаня ничуть не отличается от юго-западной его части, так что если говорить о появлении железа на востоке Туркестана, то применительно ко всей культуре лепной расписной керамики. Если бы в Синьцзяне не было собственной основы и традиций черной металлургии, черный металл отсюда не имел бы той славы, которой он достиг благодаря мастерству своих ремесленников. Для античного мира железо серов станет синонимом превосходства, и каким же должно было быть качество металла, коль скоро его везли на такие дальние расстояния. Для этого времени китайские историки отмечают высочайший уровень железодельного производства Кучи (Крюков, 1988, с. 282). В средние века Куча обеспечивала черными металлами весь Таримский бассейн, а в Турфане изготавливали мечи, латы и детали конского снаряжения (Малявкин, 1988, с. 341, 346).

В IX в. лучшие на Востоке сорта стали производились в городе Салман, где-то за Мавераннахром, в Восточном Туркестане, откуда она в виде слитков и готового оружия поступала во все страны. Самой качественной и знаменитой разновидностью булатов «fūladhī» считалась сталь «salmānī» и два ее подтипа — «bahanāj» или «bahank» и «ruthūth» (Allan, 1979, с. 83–85, 138, табл. 18). Изготавливалась она весьма архаичным, тигельным способом, напоминающим ранние стадии производства бронз в Северо-Восточном Иране и юге Средней Азии. Археологические признаки тигельной металлургии выявлены в домонгольских слоях средневековых городов Ферганы и особенно столичном Ахсикете, где производство стали приобрело невиданные масштабы. В то же время, технология выплавки металлов в тиглях (не только стали, но и лагуни) для Ферганской долины является привнесенной (где-то в IX в.), центр её находился восточнее, в Синьцзяне (см. Папахристу, 2006). В любом случае, это еще один

пример того, что и в средние века сохраняется неразрывная связь Ферганы и Синьцзяна.

Фулад часто не совсем правильно ассоциируется с так называемой «дамасской» сталью, изготовленной не металлургическим, а кузнечным способом из множества свитых и прокованных пластин различной толщины и плотности. Из-за переливчатого (муарового) узора на поверхности и по месту основного рынка, города Дамаск, узорчатая сталь получила обобщающее название «дамаск», как и шёлк сорта «дамаст» или «дамаскин». На Руси булатные мечи называли харалужными, как и шёлковые ткани, в чем усматривается указание на место, откуда и от кого эти два продукта поступали — через тюрок-карлуков из Восточного Туркестана (см. Validi, 1936). На рубеже тысячелетий текстилем и сталью торговали серы, в середине I тыс. н. э. культура шелководства распространяется на запад и достигает Ирана и Византии, но и в это время, и позже предпочтение отдавали восточной продукции (Лубо-Лесниченко, 1988, с. 384–387).

В распространении технологий, вероятно, не последнюю роль сыграли эфталиты, владевшие в V в. всей западной частью Таримского бассейна (Крюков, 1988, с. 264). Археологические раскопки эфталитских памятников Восточного При Тяньшаня не проводились, но западнее, в Ферганской долине, Б. А. Литвинский исследовал погребальные сооружения, которые являются составной частью кугай-карабулакской общности и, несомненно, оставлены этим народом (Литвинский, 1972а; Litvinskij, 1986). Подавляющее большинство курумов относится к III–V вв., из-за их конструктивных особенностей все они были разграблены еще в древности, редко удается найти какие-то предметы, кости или, тем более, целые костяки. В немногих случаях удалось установить европеоидный тип погребенных, с обычными для эфталитов признаками кольцевой или лобно-затылочной деформации черепа. В составе погребального инвентаря характерны украшения из черного металла, чаще всего кольца и перстни, иногда подвески и бубенчики удивительно тонкой выделки. Для черного металла такая высокая степень пластичности характерна для железа высокой степени очистки, практически химически чистого.

В середине I тыс. н. э. кугай-карабулакская культура исчезает, растворившись в тюркской и восточноиранской согдийской среде, но на севере Ферганской долины можно видеть ее пережиточные признаки. Возле городища средневекового Папа обнаружен могильник Мунчактепа, состоящий из двух участков. В Мунчактепа I раскопано 14 одиночных захоронений — 9 ямных и 5 подбойных, в одном из подбоев усопший помещался в камышовый гроб. В Мунчактепа II покойников помещали в склепы, вырытые в склонах естественных холмов и предназначенные для коллективных последовательных захоронений. Каждый склеп по конструкции напоминает катакомбу и точно так же представляет собой погребальную камеру с узким проходом-дромосом, который закладывался сырцовыми кирпичами. Всего было выявлено девять таких сооружений, в которых тела умерших лежали на полу или в камышовых гробах, поставленных в несколько рядов. В склепах среди множества самых разнообразных вещей была найдена посуда с росписью, хотя считалось, что в Ферганской

долине она уже давно исчезла. Могильники Мунчактепа I и II функционировали в течение длительного времени, с V по VII в. (Анарбаев, Матбабаев, 1998; Матбабаев, 2009). Наверное, не случайно в именах двух правителей Ферганы этого же времени, известных по китайским письменным источникам, усматривается тохарское слово «walo» — царь, владетель (Beckwith, 1987, с. 211–212).

Краниологический материал из некрополя Мунчактепа представлен 23 черепами европеоидного типа с примесью монголоидности, многие из них имеют следы искусственной деформации. Показательно, что деформированные черепа, которых больше в мужской серии, отличаются брахи- и гипербрахикранией, тогда как черепа без деформации, чаще женские, характеризуются долихомезокранией (Ходжайов, Мустафакулов, Матбабаев, 2006, с. 206).

Возможно, многие народы Евразии, перенявшие этот обычай, видели в нем лишь дань моде, но для этноса, оказавшегося на грани исчезновения, это был не самый лучший, но единственный способ сохранить физический тип предков и, в конечном счете, свой исторический облик. На протяжении тысячелетий они передавали по наследству свои традиции, восходящие, по меньшей мере, к эпохе раннего энеолита. Для тохаров одним из главных обычаев было изготовление лепной посуды с росписью и специфический обряд захоронения в сырцовых или грунтовых склепах (заброшенных помещениях). Для родственных им туров-массагетов главным признаком является подбойно-катакомбная (наряду с обычной ямной) конструкция могил на равнине, в предгорьях и горах строились каменные склепы — те же катакомбные домики.

Со временем прекратил свое существование туранский язык, последними носителями которого могли быть кидариты и эфталиты, и, вероятно, тогда же исчез тохарский А. В Западном Туркестане туранский язык полностью растворился в восточноиранской среде, оставшиеся в Китае его носители — «сяо юечжи» были поглощены гуннскими и тибетскими племенами, в то время как последние носители последнего тохарского языка были полностью ассимилированы тюркскими народами, прежде всего, предками современных уйгуров. Оставшиеся потомки прежних народов смешались друг с другом, рассеялись по территории Центральной Азии, окончательно растворяясь в иноязычной среде. Из древнейших языков Евразии на территории Восточного Туркестана еще какое-то время сохранялся только тохарский В, продлению жизни которого, вероятно, немало способствовала буддийская монастырская система⁷⁸.

Трудно представить, что X в. еще существовал такой архаичный индоевропейский язык, как, впрочем, и последняя в Евразии археологическая культура с расписной керамикой. Можно вспомнить, что посуда такого типа в Средней Азии существует с перерывами где-то до середины XII в. н. э., и её периодическое появление обычно связано с передвижением племен из Восточного Туркестана.

⁷⁸ Надо полагать, появление в раннем средневековье буддийских храмов на Иссык-Куле и в Куве (Южная Фергана) не обошлось без участия тохаров.

Последнее по времени проявление культуры лепной расписной керамики в Западном Туркестане относится к рубежу X–XI вв., когда основанный в Восточном Туркестане Караханидский каганат, свергнув династию Саманидов, подчинил своей власти Мавераннахр. В самом начале XI в. во всех восточных областях Средней Азии вдруг снова, как и 2000 лет назад, появляется лепная расписная посуда, что не поддается никаким разумным объяснениям. Более того, возникла даже мода на подобную продукцию, и городские ремесленники украшали росписью сосуды, изготовленные на гончарном круге. Все становится на свои места, если мы вспомним, что последние по времени тохарские тексты в Синьцзяне датируются X и, вероятно, даже XI в. (Carling, 2005, с. 47–48), и тогда, конечно, столь неожиданное возобновление традиции расписной керамики связано с вольным или невольным переселением в Среднюю Азию потомков исторических тохаров. Какая-то их часть, даже потеряв письменный язык, могла помнить родную речь и помнить основную лексику тохарского В еще в XI–XII вв., потому что для этого времени еще заметны признаки присущей тохарам культуры, хотя и угасающей. Этот народ, создавший когда-то уникальную и крайне консервативную культуру и в течение многих столетий строго придерживавшийся ее канонов, уже даже потеряв, наверное, свой родной язык и находясь на грани полного исчезновения, сумел сохранить последнее из того, что досталось ему в наследство от предков — древнейшие и весьма своеобразные технологические приемы. Одновременно с расписной керамикой в Средней Азии около середины XII в. совершенно исчезает технология тигельной металлургии высококачественных сталей, и те булаты, которые увидели европейцы в новейшее время в Индии и Иране, не идут ни в какое сравнение с древними образцами, секрет подлинного булата был утрачен навсегда. Однако главным и древнейшим проявлением исторической памяти тохаров и непрерывным атрибутом их культуры во все времена всё-таки было изготовление лепной расписной керамики.

ПРОТОТОХАРЫ И ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА

Присущий нашему времени переизбыток информации привел к одностороннему, узкоспециальному методу ведения научных исследований, и Средняя Азия в каком-то смысле оказалась вне поля зрения ведущих специалистов по индоевропейской проблеме. Но коль скоро предполагается присутствие тохаров на этой территории с древнейших времён, требуется разъяснение, каким образом это согласуется с основными положениями сравнительного языкознания и гипотезами о расселении носителей индоевропейских языков.

В конце XIX в. сложилось деление языков индоевропейской семьи на две основные группы: восточную с оглушёнными согласными (*sat*□*m*) и западную с преобладанием звонких согласных (*centum*). К группе кентум относятся современные германские, романские, кельтские и греческий языки, к группе сатем — балтские, славянские, индийские, иранские и армянский. Оглушение согласных или палатализация — процесс относительно поздний, многоступенчатый, растянувшийся во времени на многие столетия и, как предполагалось, охвативший исключительно диалекты восточной географической группы (см. Дьяконов, 1982, с. 4–11; Gamkrelidze, 1999). После обнаружения рукописей на тохарских языках основы данной классификации были основательно потревожены, поскольку территориально самый восточный тохарский язык оказался принадлежащим группе кентум. Последующие исследования показали, что в языках сатем имеются черты, присущие группе кентум, и наоборот. В отдельные исторические периоды языки обеих групп часто располагались в тесном соседстве друг с другом и, естественно, активно взаимодействовали (см. Иванов, 2004, с. 56). Конечно, классификация кентум–сатем продолжает сохранять своё значение до сих пор, но стало понятно, что процесс сатемизации произошёл не на восточной периферии индоевропейского ареала, а где-то в его центре. Отсюда проистекает настойчивое стремление лингвистов видеть центр индоевропейской общности ближе к центру Евразийского континента.

Мнение археологов по этому вопросу единством не отличается, и обусловлено это, прежде всего, невозможностью охватить все разнообразие археологических данных по огромному пространству — от Атлантики

до Тихого океана и от Урала до Индийского океана. Предпочтение отдается той сфере деятельности и тому информационному полю, в пределах которого находится тот или иной исследователь. Изначально прародина индоевропейцев помещалась в области распространения языков более древней, кентумной группы — в Северной, Центральной или Южной Европе. Убеденными приверженцами этой теории были и остаются многие известные ученые, рассматривающие европейское пространство как некий изолированный остров, из которого впоследствии вышли предки восточных индоевропейцев, в том числе тохаров (см. Bosch-Gimpera, 1961; Devoto, 1962; Georgiev, 1981; Hamp, 1990; Häusler, 2002, 2003, 2003a; Makkay, 1992, 2003; Polomé, 1990, 1990a). По их мнению, культуры Европы с эпохи неолита развивались строго последовательно и, сменяя друг друга, сохранили абсолютную преемственность, при этом главная роль обычно отводится культуре линейно-ленточной керамики (Linear Pottery, Bandkeramik).

В последнее время предпринимаются попытки доказательства присутствия протоиндоевропейского населения в Европе уже в эпоху палеолита, в обоснование чего приводятся данные топонимики (Villar, 2006). Даже допуская фантастическое допущение о сохранении древних названий на протяжении десятков тысячелетий, досадно, что на карте распространения топонимической группы *ars-* отсутствует самоназвание тохарского А языка «*ārsi*» (Villar, 2006, с. 458).

Решительная смена вектора расселения предков европейцев с западного на восточный произошла благодаря М. Гимбутас — наследнице идей В. Гордон Чайлда (Childe, 1957), выпустившей свои, без преувеличения, энциклопедические исследования по данной теме (Gimbutas, 1956, 1961, 1965). М. Гимбутас собрала и представила весь комплекс археологических культур, присущих, по её мнению, европейцам эпохи бронзы со свойственным им типом жилища, инвентаря и особым обрядом захоронения. Главным признаком является подкурганый способ погребения, по которому все они были объединены под общим названием «курганная культура». Начало «курганной культуры» связывается с территорией Северного Причерноморья и Прикаспия и усматривается в комплексе Хвалынский — Средний Стог II. Отсюда тремя последовательными волнами в 4400–4200, 3400–3200 и 3000–2800 гг. до н. э. индоевропейцы расселились на запад (и восток), ассимилировав своих предшественников в Старой Европе, говоривших на диалектах иных языковых семей. Первая волна усматривается в продвижении племен среднестоговско-хвалынской общности. Вторая волна знаменуется появлением и распространением культуры шаровидных амфор (Globular Amphora, Kugelbauchamphore), третья связана с ямной культурой (Pit Grave, Ocher Grave Culture), давшей начало культурам шнуровой керамики или боевых топоров (Corded Ware, Schnurkeramik) (Gimbutas, 1997, с. 240–261).

Со времени появления и до сих пор «курганная теория» подверглась шквалу критики: и за искусственность построения «курганной культуры», и за множество неточностей, и за натянутость некоторых авторских выводов. Тем не менее, трудно представить развитие индоевропейистики без вклада М. Гимбутас, наверное, первого системного исследования

подобного рода. Не может критиковать положения М. Гимбутас только ленивый, и иногда критика доходит до полного абсурда. Например, убежденный сторонник автохтонного индоевропейского развития в Европе с эпохи палеолита М. Алинеи утверждает, что подкурганные захоронения при­сущи исключительно алтайским племенам, да и само слово «курган» является тюркским по происхождению, на основании чего вся «курганная культура» (средне­стоговская и ямная) объявлена тюркской по происхождению (Alinei, 2003, с. 205–206).

Ещё одной, внешне привлекательной и очень популярной среди некоторых археологов является версия локализации индоевропейской праро­дины в Анатолии, основой которой послужило открытие такого выдающегося памятника как Чатал-Гююк (Çatal Hüyük) (Мелларт, 1982, с. 83–96). С глупым знанием дела эту гипотезу отстаивает К. Ренфрью, чему немало способствуют данные об истоках производящего хозяйства, новейшие генетические исследования и очевидная связь неолитических культур Малой Азии и Европы (Ренфрью, 2002; Renfrew, 1987, 1989, 1990, 1992, 1997, 2000, 2002, 2002a, 2003). Тем не менее, нужно заметить, что для эпохи бронзы коренными народами Малой Азии были хатты и хурриты — люди, говорившие на западно-севернокавказских языках, и первые индоевропейцы, носители анатолийских диалектов, являлись здесь пришлым населением (см. Mellaart, 1981; Иванов, 1989; Gamkrelidze, 1989).

Дробное археологическое обоснование точки зрения К. Ренфрью получила в работах В. А. Сафронова (и его последователей), который на конкретных материалах убедительно показал, с какими именно культурами связана миграция древнего населения из Анатолии на Балканы, в Подунавье и Центральную Европу (Сафронов, 1989; см. также: Григорьев, 1999; Николаева, 2009). Автор выстраивает ряд точных аналогий между материалами анатолийских памятников и культуры Винча (Vinča), которой В. А. Сафронов отводит роль основы всей индоевропейской цивилизации, даже с зачатками собственной письменности⁷⁹. В дальнейшем, по мнению автора, происходит трансформация культуры Винча в культуру Лендьел (Lengyel), а затем в культуру воронковидных кубков (Funnel Beaker Culture, Trichter-Becher-Kultur) (Сафронов, 1989, с. 64–71)⁸⁰.

Насколько эволюционная последовательность культур Винча — Лендьел — КВК соответствует действительности, лучше знают европейские археологи, но те, кто работает на востоке Европы и особенно в Азии, не видят признаки распространения перечисленных культур на восток. В этом смысле все-таки более убедительной выглядит версия о прародине индоевропейцев в причерноморско-прикаспийских степях. К настоящему времени к ней склоняется, пожалуй, большинство археологов, раз­вивших и, если можно так сказать, усовершенствовавших «курганную теорию», пусть даже и не согласных с другими её положениями (см. Mallory, 1989, 1990, 1996, 1997, 1997a; Mallory & Adams, 1997; Mallory & Adams, 2006;

79 По поводу древнейших признаков «письменности» на Балканах и, в частности, в культуре Винча см.: Вайман, 1994.

80 Вполне вероятно, что В. А. Сафронов столь убедительно показал миграцию из Анатолии в Европу носителей не индоевропейских, а севернокавказских языков.

Mallory & Mair, 2000; Anthony, 1986, 1989, 1991, 2007; Кузьмина, 1997, 2000, 2004, 2005, 2008). Однако, как честно признает один из сторонников «причерноморско-прикаспийской» версии: «Ни одна из этих гипотез не является абсолютно убедительной. Хотелось бы подчеркнуть, что я лично считаю причерноморско-прикаспийскую гипотезу не наилучшей, но лишь «наименее худшей» из всех» (Мэллори, 1997, с. 79). Часто вместо понятия «индоевропейская прародина» и в чем-то даже отрицая его право на существование, археологи со вполне понятной осторожностью предпочитают употреблять термин «циркумпонтийская провинция», что как бы сближает «анатолийскую» и «причерноморско-прикаспийскую» теории (Мерперт, 1988; Черных, 1988). В принципе, той же точки зрения придерживается и Э. Шеррат (Sherratt, 1988, 1990, 1999, 2003; Sherratt A., Sherratt S., 1988).

Каждая из сторон подкрепляет свою гипотезу данными биоархеологии, палеоботаники и палеозоологии. Последователи «анатолийской гипотезы» ссылаются на работы М. Звелебила о зарождении агрокультурных традиций на Ближнем Востоке и последующем привнесении их в Европу (Zvelebil, 1986, 2002; Zvelebil M., Zvelebil K., 1988, 1990), приводят аргументы генетиков о миграции древнеевропейского населения из Юго-Западной Азии (Cavalli-Sforza, Menozzi, Piazza, 1994, с. 291). Сторонники «понтийско-прикаспийской гипотезы» указывают на тот факт, что именно в степях Евразии происходило одомашнивание лошади, и началось оно, по меньшей мере, 5000 лет назад и даже еще раньше (Ludwig et al, 2009, с. 485; Ковалевская, 2009). Первые настаивают на том, что древнейшие индоевропейцы — это прирожденные пахари, строители и созидатели, другие утверждают, что они были конными воинами, скотоводами и охотниками. Крайняя полярность подобного деления несколькостораживает, возникает ощущение некоей искусственности⁸¹. В целом же обе гипотезы, и «анатолийская», и «понтийско-прикаспийская» (как и все прочие), вполне логичны и последовательны, но каждая из них была бы еще лучше, если бы тохарских языков не существовало вовсе.

Надо заметить, что Средняя Азия, хотя и расположена восточнее, правее двух основных гипотетических «прародин», не выпадает из общего контекста, касается ли это распространения коневодческих, земледельческих или каких-то иных традиций. Расположение в центре континента само по себе подразумевает выдвигание на ее территорию индоевропейских народов и языков уже в глубокой древности, но чаще в публикациях на эту тему под штриховкой или стрелками на картах подразумевается только направление проходивших здесь миграций. Тем не менее, возвращаясь к теме об истоках и распространении земледелия, информация по этому вопросу из Средней Азии существует и, как представляется, она заслуживает самого пристального внимания.

Разумеется, само по себе владение земледельческими навыками вовсе не является прерогативой исключительно индоевропейских народов, но способы обработки земли и, особенно, типы пахотных орудий у разных

81 Не все арабы — бедуины и не все арабы — феллахи, так же как не все турки — скотоводы, и не все из них — земледельцы.

народов могут существенно различаться. В этом смысле выделяется статья Ю. А. Краснова, посвященная истокам пашенного земледелия в Восточной Европе и типам пахотных орудий. По формально-типологическому методу автор выделяет две основных разновидности пахотных орудий эпохи бронзы — грядильные кривогрядильные рала и однорукояточные прямогрядильные рала. Первые были распространены на Ближнем Востоке, Восточном Средиземноморье и прилегающих областях Южной Европы, откуда затем проникают в Западную и Северную Европу. Вторые, однорукояточные прямогрядильные рала, появляются на юго-западе Средней Азии, откуда распространяются в Индию, Синьцзян, Южную Сибирь, Туву, Монголию и, через Восточный Прикаспий, в Восточную Европу, где они зафиксированы в материалах ямной культуры (Краснов, 1980, с. 19–23). В чем-то это подтверждает точку зрения М. Гимбутас о «старой», доиндоевропейской Европе, где до прихода индоевропейских племен с Востока обитали земледельцы, использовавшие, как показал Ю. А. Краснов, грядильные кривогрядильные рала. «Новые» европейцы принесли с собой и новый тип пахотных орудий — однорукояточные прямогрядильные рала, и с тех пор обе разновидности сосуществовали в Европе вплоть до относительно недавнего времени.

Материалы из Средней Азии в контексте индоевропейской проблемы привлекаются и в исследованиях по древнему ковроткачеству, текстильным орнаментам и их взаимосвязи с индоевропейской метрической системой стихосложения. В одной из статей по этому вопросу вновь упоминается о находке специального ножа для изготовления ковров в женском погребении могильника Сумбар в Юго-Западном Туркменистане и указывается на имеющиеся в том же регионе этнографические параллели (Tuck, 2006, с. 540, 544). В результате автор, Э. Так, приходит к следующему заключению: «Apparently, communities of the proto-Indo-European homeland already possessed developed systems of patterned textile production prior to the periods of migration associated with the spread of the Indo-European languages. As these populations settled in regions of Anatolia, Central Asia, India, and western Europe, they could well have preserved a custom associated with textile production whereby numerically organized design information was retained by weavers through number-based systems of chant or songlike mnemonic devices ancestral to the singing of Homer's nymphs and the songs of Central Asia and Northern India witnessed in the modern era» (Tuck, 2006, с. 547). В этой связи можно напомнить, что геоксюрский «ковровый» стиль росписи керамики сложился в Юго-Западном Туркменистане и Северо-Восточном Иране задолго до появления здесь андроновских племен.

Лингвисты, в отличие от археологов, более строго в своих выводах по поводу раннего присутствия индоевропейского населения в Средней Азии. Судя по лексическим заимствованиям, общеиндоевропейская общность до своего распада располагалась в тесном соседстве с ареалами распространения семитских, южнокавказских (картвельских) и севернокавказских праязыков (см. Гамкрелидзе, Иванов, 1984). Исходя из этого твердо установленного факта, Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов предложили свою версию локализации «индоевропейской прародины»: «В пределах Ближнего

Востока, вероятнее всего, в областях на северной периферии Передней Азии, т. е. к югу от Закавказья до Верхней Месопотамии» (Гамкрелидзе, Иванов, 1980, с. 23). В качестве возможного археологического эквивалента протоиндоевропейскому единству предполагается, видимо, в силу своей явной чужеродности в ряду других культур Месопотамии, неолитическая халафская культура (Гамкрелидзе, Иванов, 1980, с. 24). Из Северной Месопотамии основная часть протоиндоевропейского населения ушла через Среднюю Азию на север, обогнув Каспийское море, обосновалась во «вторичной прародине» — прикаспийско-причерноморских степях, откуда впоследствии расселилась по Восточной, а затем и по Западной Европе (Гамкрелидзе, Иванов, 1981). С учетом ареальных связей кентумного тохарского праязыка, пожалуй, только Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов наиболее убедительны в части того, каким образом прототохары оказались так далеко на востоке.

Критика «месопотамской гипотезы», в первую очередь, со стороны археологов, сравнима с той, что выпала на долю М. Гимбутас. Многие среднеазиатские археологи, впервые читая фундаментальный труд Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова, испытали некоторое недоумение, даже разочарование. Уже с VI тыс. до н. э. территория Восточного Прикаспия и Приаралья была заселена родственными племенами кельтеминарской и айдаболской культур, южнее, в предгорьях Копетдага, находился ареал джейтунской культуры. Казалось бы, никаких признаков миграций в эпоху неолита просто нет.

С жесткой критикой гипотезы Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова выступили многие ученые (см. например: Лелеков, 1982, 1987; Дьяконов, 1982а, 1982б). В отзывах выдающегося ученого И. М. Дьяконова содержится глубокий лингвистический и общеисторический анализ основных положений новой теории и, в частности, мнение о том, что в V–III тыс. до н. э. никаких миграций вообще не было, а «было постепенное растекание из единого центра во все стороны» (Дьяконов, 1982б, с. 17). Также И. М. Дьяконов полагает невероятным сосуществование на ограниченной территории Закавказья сразу трех языковых прасемей: картвельской, северокавказской (состоящей из хуррито-урартско-дагестанской и хаттско-абхазо-адыгской ветвей), и индоевропейской. По мнению автора, центр протоиндоевропейской общности находился в Балкано-Карпатском регионе (Дьяконов, 1989б, с. 13–14, с. 22, рис. 1).

Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов учли замечания И. М. Дьяконова, но, тем не менее, остались на прежней позиции, полагая, что диалекты индоевропейского праязыка распространились из «ареала Северной Месопотамии, пограничного с Восточной Анатолией — Исторической Арменией (юго-восточной частью современной территории Турции) и Северо-Восточной Сирией» (Гамкрелидзе, Иванов, 1984; Gamkrelidze, 1990, 2000; Иванов, 1997, 2004). Действительно, ареальную близость протоиндоевропейцев и протокартелов отрицать невозможно (см. Klimov, 1991), как нельзя игнорировать и тесные контакты протоиндоевропейского и протосеверокавказского языковых единств, приходящиеся, по мнению С. А. Старостина, уже на начало V тыс. до н. э. (Старостин, 1988, с. 154).

Вероятно, поэтому И. М. Дьяконов частично изменил свою точку зрения, поместив теперь индоевропейскую прародину восточнее — в Малой Азии (Чатал-Гююк), с последующей миграцией через Балканы и Дунай, что в целом согласуется с мнением К. Ренфрю (Diakonov, 1990, с. 57–58). В результате вопрос о месте среднеазиатских археологических культур в процессе расселения протоиндоевропейцев и прототохаров остался открыт, а территория Восточного Прикаспия и Приаралья перестала рассматриваться как транзитная миграционная зона.

Существует еще одна, надо сказать, довольно убедительная система доказательств в пользу первоначального мнения Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова о миграции основной части протоиндоевропейских народов через Среднюю Азию. Дж. Николс проследила траектории лексических заимствований в различные индоевропейские языки и путём непростых математических расчётов вычислила эпицентр (локус), в котором, по ее мнению, начался распад общеиндоевропейского языка на отдельные диалектные группы (Nichols, 1997, 1998). По мнению автора, наибольшее количество раннего пласта заимствований и структурных изменений испытали языки, располагавшиеся на границах общеиндоевропейского ареала — греческий, хеттский, германский и кельтский. И наоборот, языки с минимальными свидетельствами контактов располагались ближе (если не в самом центре) локуса ареала индоевропейской семьи. В этом смысле балто-славянский праязык представляет собой наиболее консервативную группу, до относительно недавнего времени практически не имевшую контактов с носителями неиндоевропейских языков (Nichols, 1998, с. 253–254). Соответственно, локус протоиндоевропейской языковой общности Дж. Николс предположительно помещает в Среднеазиатском междуречье (Юго-Восточном Приаралье), распад и расселение ее произошло приблизительно в 3700–3300 гг. до н. э. (Nichols, 1997, с. 135, fig. 8.7, с. 139; 1998, с. 232, fig. 10.5).

Е. Е. Кузьмина назвала теорию Дж. Николс неудачной попыткой «возродить оставленную в XIX в. локализацию ИЕ-прародины в Средней Азии». По мнению автора, расположенная в месте предполагаемого «локуса» кельтеминарская культура принадлежала охотникам и рыбакам, «и никаких следов миграции на запад через Урал нет» (Кузьмина, 2000, с. 5; 2005, с. 387). С такой установкой никак нельзя согласиться. Следы расселения и продвижения прикаспийских племен в обход Каспия выявлены еще для эпохи мезолита. По распространению наконечников кельтеминарского типа А. В. Виноградов, на работы которого ссылается Е. Е. Кузьмина, определил расширение ареала культуры в неолите не только в Зауралье, но также далеко на северо-запад — в Приуралье и Саратовское Поволжье (Виноградов, 1979б; 1981, с. 164). О каком присваивающем типе хозяйства может идти речь, если сама Е. Е. Кузьмина вместе с А. В. Виноградовым исследовала литейные формы для тесловидных бронзовых топоров из кельтеминарской стоянки во Внутренних Кызылкумах (Виноградов, Кузьмина, 1970). Более того, при раскопках поздненеолитической стоянки Аякагитма недавно были найдены кости домашней коровы, овцы, козы и свиньи; с большой долей осторожности отмечаются даже признаки одомашнивания верблюда и лошади

(Szymczak, Khudzhazarov, 2006, с. 235; Бруне, 2006, с. 205). То, что кельтеминарцы уделяли повышенное внимание рыболовству и охоте, так это вообще очень характерно для населения Евразии от мезолита до эпохи раннего железа, даже при наличии вполне развитого земледелия и скотоводства (см. O'Connell, Levine, Hedges, 2003)⁸².

Отрицая признаки миграционных процессов в Среднеазиатском междуречье, не следует забывать, что кельтеминарская культура сама является продуктом выходцев с юга. Постепенно они освоили невероятную по размаху территорию в самом сердце Евразии — не так, как это изображено на карте Г. Н. Матюшина — размером с Хорезмскую область (Matyushin, 2003, с. 386, рис. 24.11), а во много раз больше. Может быть, для неолита уместнее говорить не о миграциях-переселениях, а плавном поэтапном расселении, но внезапное исчезновение кельтеминарской культуры вследствие экологической катастрофы около середины III тыс. до н. э. подразумевает скорый по историческим меркам исход населения, что может означать только миграцию.

Невероятно, каким образом при понимании тесных параллелей прикаспийских материалов с днепро-донецкими, хвалынскими, афанасьевскими, фатьяновскими и балановскими археологическими комплексами удавалось так долго игнорировать кельтеминарскую культурно-историческую общность. Ареал ее на пике своего развития как минимум вдвое превышал, к примеру, центрально-европейскую культуру линейно-ленточной керамики и простирался от Урала на севере до Копетдага и Северного Афганистана на юге, склонов Алтая на востоке, Каспия и Поволжья на западе. Тяжело осознавать, что единственное объяснение подобного пренебрежения кроется исключительно в заданности прафинно-угорской атрибуции кельтеминарской культуры.

Между тем, специалисты по истории и археологии народов уральской языковой семьи, отдавая должное южным влияниям, не находят оснований для включения кельтеминарской культуры в круг финно-угорских или самодийских (Седов, 1992). Ядро уральской общности располагалось на Урале и в Западной Сибири, со временем народы, ее составляющие, продвинулись на северо-запад, до Скандинавии, и на юго-восток, до Енисея, где с древнейших времен тесно контактировали с носителями алтайских праязыков. Археологически финно-угры и самодийцы представлены культурами ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и текстильной керамики (Напольских, 1997, с. 161–163; 179–183, рис. 7; Косарев, Кузьминых, 2001; Цетлин, 1988).

Сходным образом специалисты по дравидским или, шире, эламо-дравидским языкам не поддерживают старую, ничем не обоснованную гипотезу о протоэламитской или протодравидской атрибуции среднеазиатских археологических культур. Эламо-дравидское языковое единство, существовавшее на Среднем Востоке, распалось не позднее V–IV тыс. до н. э., после чего в период с IV по II тыс. до н. э. дравидские праязыки

82 Возможно, этим объясняется в некоторой степени «сакральное» отношение современных европейцев к охоте и, особенно, рыбалке.

распространились на восток — в Южную Азию (см. Бонгард-Левин, 1979, 1981; Бонгард-Левин, Деопик, 1957; Пейрос, Шнирельман, 1992; P'uin, Diakonoff, 1991, с. 222–227; Allchin & Allchin, 1997). Условно прародина дравидов локализуется на территории Индостана, в Северном Пенджабе (Бонгард-Левин, Гуров, 1988, с. 65).

Не было и нет никаких оснований для соотнесения Джейтуна, Кельтеминара и производных от них археологических культур с такими языковыми семьями как семитская, северно-кавказская, картвельская (Дьяконов, 1958, 1967) или, скажем, алтайская и сино-тибетская (Van Driem, 1998). Означает ли это, что джейтуны и кельтеминарцы были реликтовым населением, говорившим на одном из праязыков, по классификации В. М. Иллич-Свитыча, западно-ностратических (афразийский, картвельский, индоевропейский) или восточно-ностратических (эламо-дравидский, уральский, алтайский)? Для этого также нет оснований, да и само существование ностратических языков уходит вглубь тысячелетий и, надо полагать, относится к верхнему палеолиту.

Тогда, т. е. в эпоху верхнего палеолита, на территории Средней Азии уже происходило соприкосновение двух культурно-исторических традиций. Запад Средней Азии, Иран, Афганистан и Туркменистан входили в средиземноморско-африканскую культурную область, восточные районы Средней Азии составляли часть сибирско-монгольской, восточноазиатской провинции. Эта тенденция сохранилась и в мезолите: на равнинах юга и в предгорьях Копетдага развивалась микролитическая техника, на севере и в горных областях по-прежнему продолжалась сибирско-монгольская традиция.

Именно в это время, как утверждает Н. Д. Андреев, примерно в конце позднего палеолита – раннем мезолите произошло обособление праиндоевропейской семьи (Андреев, 1986, с. 277). И судя по археологическим материалам, с учетом древних ареальных связей между языками внутри семьи и вне ее, есть все основания видеть на территории Средней Азии признаки расселения носителей праиндоевропейских диалектов. Для этого придется еще раз, но уже с учетом данных лингвистической науки рассмотреть в хронологическом порядке происхождение, перемещение и взаимосвязь археологических культур Средней Азии и сопредельных регионов.

В мезолите или, как теперь принято говорить, докерамическом неолите на территории юго-запада Средней Азии, Северного Ирана и Северного Ирака существовало два локальных варианта, по сути, одной культурной общности.

Первый вариант объединяет материалы памятников прибалханской группы — Дамдамчешме II, Джебел, Каскырбулак и нижних горизонтов пещер Гарикамарбанд (Белт), Хоту в Северном Иране. При раскопках этих памятников были обнаружены кости домашних коз и овец, что свидетельствует о скотоводческой направленности хозяйства.

Второй вариант включает материалы памятников т. н. каспийской зарзийской группы — нижние слои Дамдамчешме I и Кайлю, слой IV (верх) Дамдамчешме II, Ходжасу I на юго-западе Средней Азии и Шанидар,

Зави-Чеми-Шанидар, Карим-Шахир, Джармо в Иракском Курдистане к востоку от г. Киркук. В каменной индустрии наследует зарзыйскую традицию, отличается преимущественно земледельческим укладом.

Как представляется, обособление в X–IX тыс. до н. э. двух указанных вариантов отражает начало деления единой прежде индоевропейской семьи на две диалектные общности, и, судя по дальнейшему развитию культур, далекие предки тохаров входили во вторую, каспийскую группу.

В X–VII тыс. до н. э. происходит постепенное расширение ареала культурной общности, отразившееся в появлении пластинчатой техники расщепления камня и изделий геометрической формы на обоих берегах Амударьи на востоке, на стоянках староречий Заравшана на северо-востоке и на Южном Урале на севере. В последнем случае движение выходцев с юга происходило, похоже, и через Кавказ, и через Среднюю Азию. На всех трех направлениях они вступали в контакт с носителями сибирско-монгольской эппалеолитической традиции галечной техники расщепления камня, иногда, как на Южном Урале, полностью растворяясь в местной среде. В принципе, это одно из самых ранних археологических свидетельств о контактах предполагаемых протоиндоевропейцев с представителями прауральской (север), праалтайской (северо-восток) и, вероятно, протоэламо-дравидской (юг и восток) языковых семей.

На западе ареал историко-культурной общности тесно соприкасался с культурой, представленной замечательными памятниками Чейеню-Тепеси, Невали Чори, Гёбеклы-тепе, Гюрчу-тепе, Бойтепе, Кафер-Гююк и др., датирующимися в интервале между 8700 и 5500 гг. до н. э. (Schmidt, 2000; Pustovoytov, 2006; Антонова, Литвинский, 1998; Корниенко, 2005). Расположены они в среднем течении р. Евфрат на территории Юго-Восточной Турции, между древнейшими поселениями Западного Леванта и упомянутым выше Чатал-Гююком, т. е. в той зоне, которая, согласно «анатолийской гипотезе», считается ядром протоиндоевропейской прародины. В действительности материалы этих памятники свидетельствуют если не о прямом притоке населения из Леванта, то о сильнейшем влиянии натуфийской, афроазиатской в языковом отношении культуры, созданной, в числе прочих, предками семитских народов (см. Bar-Yosef, 2002). Однако близкие аналогии между анатолийскими памятниками и шулавери-шомутепинской неолитической культурой Закавказья, вероятно, позволяют думать о принадлежности всех перечисленных памятников к севернокавказской, а также, вполне возможно, картвельской языковой общности. В отношении перекрестных языковых связей роль Верхней Месопотамии трудно преувеличить, и протоиндоевропейская Джармо на севере Ирака, хоть и находится восточнее р. Тигр, тоже являлась частью этого «месопотамского узла».

В последующую эпоху от первой, прибалханской общности отделилась айдаболская культура, занявшая территорию Восточного Прикаспия и продвинувшаяся затем на север до Устюрта. Из второй, каспийской общности в неолите выделились кельтеминарская культура, занявшая северные территории до Приаралья, и культура «красной расписной

керамики» в Южном Туркменистане и Северном Иране. В свою очередь, в Кельтеминаре намечились три локальных варианта, а внутри культуры «красной расписной керамики» произошло обособление восточной (Джейтун, Санги Чакмак) и западной (Тепа Заге, Чешме Али, Сиалк) ее частей. На юге индоевропейской общности или, по В. В. Иванову, конфедерации, под явным влиянием месопотамских культур получила распространение традиция изготовления расписной керамики. В северной части, занятой племенами кельтеминарской и айдаболской культур, при всем сходстве мотивов, наносился прочерченный и зубчатый орнамент, хотя для ранней стадии известны также случаи росписи. Этот факт делает невозможным соотнесение раннеиндоевропейского или какого бы то ни было иного этнического сообщества с одним, абсолютно единым для всех типом керамики, что, к примеру, сводит на нет саму суть небезызвестной дискуссии о приоритете расписной или серой керамики. Истоки всех составляющих указанной культурно-исторической общности, так или иначе, восходят к докерамической зарзийской традиции.

В конце VII – начале VI тыс. до н. э. на крайнем западе ареала «красной расписной керамики», приблизительно в районе Казвина и Зенджана сложилась отдельная культура, выдвинувшаяся далеко на запад и получившая название халафской. При всем сходстве между керамикой запада и востока посуда Халафа по качеству выделки превосходила более безыскусную джейтунскую, есть отличие и в погребальном обряде. В Джейтуне господствовал архаичный обряд погребения в пределах жилой зоны, в халафской культуре он также известен, но имеются и первые в Месопотамии случаи кремации (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 207), вероятно, умерших от болезни. В том единственном случае, когда был выявлен специально устроенный могильник (Ярымтепе I), вынесенный за пределы поселка, захоронения в нем совершались исключительно в катакомбах, и это первый в истории случай такого способа устройства могил (Мерперт, Мунчаев, 1982). Выход халафской культуры из ареала «красной расписной керамики» и распространение ее на запад отражает выделение анатолийских языков из общеиндоевропейского единства. Восточнее, в Южном Прикаспии, частично в ареале западной «красной расписной керамики», в горных и предгорных долинах Эльбурса проживали носители восточноиндоевропейской диалектной общности — протоиндоиранского, греческого, армянского, фригийского и, возможно, фракийского.

На западе ареал «красной расписной керамики» соседствовал с абсолютно иной по облику шулавери-шомутепинской культурой Закавказья, созданной носителями прасевернокавказских и, возможно, также картвельских языков. При всем своеобразии культура эта обнаруживает генетическое сходство с анатолийскими памятниками Чатал-Гююк и группой Невали Чори — Гёбеклы-тепе, относящимися к докерамическому неолиту. Показательно, что типично шулавери-шомутепинские материалы были во множестве обнаружены на памятниках хассунской культуры Месопотамии и в слоях поселения Телль Сотто предхассунского времени (Мунчаев, 1982, с. 113; Бадер, 1989, с. 176–178, табл. 62–64). Шулавери-шомутепинская культура уже на раннем этапе распространилась в Предкавказье, на территорию современной

Северной Осетии (Rostunov, Ljachov, Reinhold, 2009). О контактах с культурами западного крыла протоиндоевропейской общности («красной расписной керамики») красноречиво свидетельствуют находки на поселениях шудавери-шомутепинской культуры фрагментов расписной посуды в стиле, может быть, не столько Халафа, сколько Тепе Заге (Aliyev, Helwing, 2009, с. 34–35, abb. 12–13).

Джейтун составлял северо-восточную периферию ареала древнеземледельческих культур «красной расписной керамики», граничивших на юге и юго-востоке с протоэламитской общностью «желтой керамики». Круг аналогий памятников круга Джейтун и Санги Чакмак указывает на их западное, загросское происхождение (Джармо), что полностью подтвердилось результатами палеоботанического исследования. На поселении Джейтун одомашненная пшеница-однозернянка составляет около 90% всех зерновых культур (Harris, Masson, Berezkin, Charles, Gosden, Hillman, Kasparov, Korobkova, Kurbansakhatov, Legge & Limbrey, 1993, с. 332), а ближайший район произрастания диких предков этого вида — загросский микроочаг (Шнирельман, 1989, с. 102). В становлении джейтунской культуры по обе стороны Туркмено-Хорасанского хребта следует усматривать начальный этап обособления прототохарских диалектов.

Вдоль восточного побережья Каспийского моря расположены родственные Джейтуну и Кельтеминару памятники т. н. прикаспийского неолита, которые прежде обычно включали в круг кельтеминарской общности, но позже выделили в отдельную, айдаболскую культуру. Именно племена этой культуры первыми, еще в мезолите проникли на территорию Южного Урала, в Северный Прикаспий, т. е. в евразийское степное пространство — тенденция, которая стала особенно очевидной в последующие эпохи. Между дарьсайским и джанбасским этапами неолита Прикаспия и Приаралья имеется хронологический разрыв, указывающий на резкое сокращение и отток населения из этих мест. Приходится он приблизительно на 5500–4000 гг. до н. э., и не случайно именно в это время на юге Восточной Европы появляется днепро-донецкая культура, которая, по мнению сторонников «причерноморско-прикаспийской теории», представляла собой искомую протоиндоевропейскую общность (Mallory, 1989, с. 190–191).

В сложении днепро-донецкой культуры, судя по формам сосудов и отсутствию кельтеминарских наконечников стрел, и нисколько не умаляя значение кавказских культур, основное участие приняли племена айдаболской культуры. Кельтеминарцы на первом этапе больше предпочитали северное и восточное направления, к западу от Урала они, судя по распространению ассиметричных наконечников стрел, углубились в лесную зону на северо-востоке Башкирии, в бассейн р. Самара и в Саратовское Поволжье (Виноградов, 1979).

На севере племена кельтеминарской культуры, по меткому замечанию А. Х. Халикова, вбили «клин» в уральское праязыковое единство, разрезав его в VI – конце V тыс. до н. э. на финно-угорский запад и самодийский восток (Халиков, 1969, с. 384). Присутствие Кельтеминара заметно и на памятниках агидельской культуры Давлеканово и Муллино в Зауралье, и в хвалынской группе памятников. Хвалынская культура,

которая как и днепро-донецкая, тоже считается протоиндоевропейской, обязана своим происхождением исключительно кельтеминарским племенам, расселившимся на север в начале V тыс. до н. э. Погребальный обряд, ориентация погребенных и сопроводительный инвентарь в могильнике доямного времени у с. Съезжее на р. Самаре идентичны кельтеминарским (Виноградов, 1981, с. 116).

В Северном Казахстане была выявлена группа памятников середины IV–III тыс. до н. э., расположенных по берегам р. Ишим, происхождение которых явно не обошлось без кельтеминарского участия. К ним относится, в числе прочих, поселение Ботай, результаты исследования которого произвели большое впечатление на сторонников евразийской теории происхождения индоевропейцев, особенно на приверженцев гиппоцентризма (Levine, Kislenko, 1997, 2002).

На северо-востоке кельтеминарцы достигли Алтая, где при их непосредственном участии в контакте с сибирским и алтайским неолитом сложилась усть-нарымская культура (Коробкова, 1996, с. 126–132; Derevyanko, Dorj, 1996, с. 181–189). Позже, в IV – 2-й половине III тыс. до н. э. кельтеминарское присутствие на северо-востоке усиливается, здесь даже появляются ассиметричные наконечники стрел, напоминающие кельтеминарские (Шмидт, 1999, с. 28).

Продвижение кельтеминарских племен на северо-восток, в ареал алтайских и енисейских языков позволяет прояснить неоднократно обсуждавшийся вопрос о лексических связях «древнеевропейской» группы языков с алтайскими и енисейскими, особенно о «необъяснимых» сходениях в германских и алтайских (см. Гамкрелидзе, Иванов, 1981, с. 26).

На востоке кельтеминарская культура распространилась до северных предгорий Заравшанского хребта неподалеку от Самарканда и до левобережья Амударьи в Северном Афганистане, где А. В. Виноградов обнаружил кельтеминарские материалы (Виноградов, 1979, с. 57; 1981, с. 168; ИТН, 1998, с. 116). Вторгшись в ареал гиссарской культуры, Кельтеминар вновь, как на севере, мог оказаться «клином», разделившим алтайские и эламодравидские языки, если, конечно, теория о генетических связях или их ранних контактах окажется верна.

Таким образом, для кельтеминарской культуры (с тремя локальными вариантами) не остается иного выбора, кроме признания ее в качестве германо-балто-славянской диалектной общности. На юге она тесно соприкасалась с джейтунской культурой — ареалом тохарских диалектов, на западе — с айдаболской культурой, в которой следует признать вторую часть западно-индоевропейской или «древнеевропейской» группы — итало-кельто-иллирийскую. Нетрудно убедиться, что именно комплекс кельтеминарской и айдаболской культур послужил исходным для того типа хозяйства, жилища, форм посуды, техники ее изготовления и орнаментации, которые обычно приписываются индоевропейским народам⁸³.

83 Достаточно сравнить давно известные реконструкции жилых домов из стоянок Джанбас 4, Толстова и Заманбабы с теми, что приводятся в публикациях М. Гимбутас. То же самое можно сказать о пресловутой культуре шаровидных амфор: сосуды подобной формы в Средней Азии известны с эпохи неолита.

В эпоху энеолита – ранней бронзы наблюдается вторая волна расселения протоиндоевропейской общности, приведшая к дальнейшему обособлению составлявших ее диалектных групп. Процесс это проходил уже не так плавно, как в неолите: относительно медленные расселения сменяются переселениями, когда какая-либо археологическая культура исчезает и вдруг внезапно появляется, разумеется, в несколько обновленном виде, в другом месте, оставляя на транзитной территории редкую цепочку промежуточных стоянок. К таковым может быть отнесена первая культура, в которой, по мнению Е. Н. Черных, зародилась традиция курганных захоронений, известная под названием майкопской. Представлена она многочисленными памятниками Предкавказья и Северного Кавказа, материалы которых обнаруживают несомненное ближневосточное влияние. Хронология майкопской культуры находится в диапазоне 3950–3300 гг. до н. э. (Черных, Орловская, 2004б, с. 97; 2008).

Трудно согласиться с приоритетом майкопской культуры в изобретении курганного обряда, на что справедливо указал С. Н. Корневский, связывающий его появление на западе евразийских степей с ранней фазой культуры Средний Стог II (4500–4000 гг. до н. э.). На востоке степей, в хвалынской культуре Поволжья известны еще более ранние курганы, датирующиеся 5300–4600 гг. до н. э., однако массовое распространение курганной культуры в степях Евразии началось действительно на рубеже V–IV тыс. до н. э., что С. Н. Корневский объясняет глобальными климатическими изменениями, приходящимися на 4400/4300–4000/3900 гг. до н. э. (Корневский, 2006, с. 142–144).

Как говорилось выше, днепро-донецкая культура, как и ее производная Средний Стог II, связана с расселением племен айдаболской культуры, тогда как хвалынская была создана носителями кельтеминарской культуры. Как предполагается, те и другие представляли собой отколовшуюся часть западноиндоевропейской диалектной общности, оказавшись, таким образом, первыми протоиндоевропейцами в Восточной Европе. Эта первая, неолитическая волна была перекрыта второй, более сильной волной переселенцев с юга, которая, на этот раз, связана с приходом вышеупомянутой майкопской культуры.

Маршрут майкопской культуры пролегал не через Среднюю Азию, а строго по линии юг–север, через перевалы Большого Кавказа, освоенные, как видно на примере шулавери-шомутепинской культуры, задолго до IV тыс. до н. э. Сложение культуры происходило в Южном Прикаспии, в Северном Иране, откуда они сначала распространились на запад — в приурмийскую область, а затем ушли на север. Когда-то закавказские памятники приурмийской зоны были ошибочно отнесены к раннежелезному веку, но после конструктивного анализа В. А. Трифонова выяснилась их подлинная культурная принадлежность и хронология — приблизительно около 3500–3200 гг. до н. э. (Трифонов, 2000; Muscarella, 2003). Несмотря на ближневосточный облик майкопской культуры, из-за чего ее пытались отнести то к языкам кавказской, то семитской семьи, по сложившейся традиции появление майкопских памятников в Северо-Западном Иране было определено как следствие миграции северных племен. Чтобы

несколько поколебать этот устойчивый стереотип, достаточно вспомнить результаты археологических работ в дагестанском Великенте, что находится точно в Дербентском проходе. Авторы раскопок сами были немало удивлены находкам превосходной станковой керамики южного по технике изготовления происхождения, но северной степной по типу декора. Найдены они в слое 3693–3380 гг. до н. э. и, вероятно, послужили прототипами для сосудов будущей ямной культуры (Kohl, 2001, с. 316–317; Kohl, Gadzhiev, Magomedov, 2002, с. 119).

Миновав Кавказ, майкопская культура распространилась в Предкавказье, затем поглотила предшествующие культуры причерноморских и прикаспийских степей, такие как днепро-донецкая (Средний Стог II) и хвалынская. В результате племена майкопской культуры ассимилировали местное «древнеевропейское» население — потомков выходцев из восточноприкаспийских и приаральских племен, что, в конечном итоге, привело к возникновению общеиндоиранской древнеямной культурно-исторической общности. Соответственно, майкопская культура может быть определена как протоиндоиранская диалектная группа, отколовшаяся от общеиндоевропейского единства одной из первых, после анатолийской, одновременно с тохарской или даже несколько раньше. Этот вывод вполне согласуется с мнением лингвистов о том, что ареал группы должен был находиться вблизи индоевропейской прародины, поскольку количество заимствованных слов в индоиранском невелико (Lubotsky, 2001, с. 305).

Кавказский путь майкопской культуры по направлению юг–север позволяет понять отсутствие лексических схождений общеиндоиранского и тохарского: те и другие находились в противоположных частях протоиндоевропейского ареала. Кроме того, кавказский вариант как нельзя лучше объясняет тот «странный» факт, что наиболее ранние даты происходят с периферийных памятников древнеямной общности — из Калмыко-Донской и Дунайско-Днестровской групп (Черных, Орловская, 2004б, с. 93), что возможно только при их равной по отношению к центру удаленности.

Во второй половине IV тыс. до н. э. отмечается усиление миграционных процессов: основная масса айдаболских и кельтеминарских племен была вынуждена покинуть Восточный Прикаспий и Приаралье и уйти на северо-запад. Кельтеминарцы, освоившие этот маршрут еще в неолите, пересекли Волгу и вторглись в лесную зону, занятую финно-угорскими племенами ямочно-гребенчатой керамики. Следствием переселения кельтеминарцев стало появление в Волго-Окском междуречье фатьяновской культуры, входящей в круг культур шнуrowой керамики (боевых топоров). Давно предложенная германо-балто-славянская атрибуция фатьяновской культуры, таким образом, сомнения не вызывает и полностью согласуется со среднеазиатскими материалами. К югу от них, по лесостепной полосе на запад двигались племена айдаболской культуры, которые, в таком случае, должны были представлять итало-кельто-иллирийскую диалектную общность. На территории Восточной Европы приход прикаспийских народов привел к появлению среднеднепровской культуры шнуrowой керамики, как когда-то их неолитические предки создали днепро-донецкую культуру.

Переселение другой части кельтеминарских племен в северо-восточном направлении привело, как и предполагалось изначально, к появлению афанасьевской культуры Южной Сибири, которая так долго и не вполне успешно приписывалась предкам тохаров. Центрально-евразийское положение прикаспийских и приаральских неолитических культур и их равномерное расселение и на запад, и на восток избавляет от необходимости поиска в степях Евразии связующего звена между ямной и афанасьевской культурами, особенно если его нет.

Начало сложения прототохарской общности восходит к неолитическому Джейтуну, выделение ее из общеиндоевропейского ареала происходит в эпоху энеолита и ранней бронзы, что отражено в появлении т. н. анауской культуры или, иначе, Намазга I–IV. Уже в период Анау IA внутри анауской культуры начинается обособление двух керамических стилей — восточного и западного, что в дальнейшем приобретает особенно выраженный характер. Гончарной продукции западных памятников свойственна роспись темно-коричневым или черным по красному фону, восточной — по светлому фону, что, возможно, означает начало разделения прототохарского на два диалекта.

В период Намазга II (3500–3100 гг. до н. э.) происходило активное передвижение анауского населения как в южном, так и в северо-восточном направлении. На юго-востоке керамика периода Намазга II обнаружена на территории Юго-Западного Афганистана, где привнесение новых керамических традиций привело к созданию т. н. «кветтского стиля». Приток нового населения заметен по материалам раскопок протоэламских памятников Южного и Юго-Восточного Ирана, таких как Шахдад и Тепе Яхья, где преемственность развития на одном из этапов (Тепе Яхья IVB) в самом конце IV тыс. до н. э. нарушается появлением расписной, серой и краснолощеной керамики, типичной для Северо-Восточного Ирана и Южного Туркменистана. Тот же археологический комплекс, сочетавший признаки анауской культуры и серой керамики Северо-Восточного Ирана был присущ основателям поселения Шахри-Сохте в Иранском Сеистане, взявшим под свой контроль добычу и обработку ляпис-лазури.

Далеко от основного ареала анауской культуры — в долине р. Заравшан выходцы из прикопетдагской полосы основали поселение Саразм. Культура Саразма включает те же два компонента: с одной стороны, явно доминирующие признаки анауской культуры расписной керамики периода Намазга II–III; с другой, признаки культуры серой (или чернолощеной) керамики, характерной, в первую очередь, для областей Юго-Восточного Прикаспия. В Саразме имеется и третий компонент, указывающий на присутствие носителей кельтеминарской культуры.

В период позднего Намазга II одной из главных особенностей археологии Средней Азии и Северо-Восточного Ирана становится сочетание двух традиций, культуры расписной керамики и культуры черно-серой лощеной керамики. В последующие эпохи на юге Средней Азии тенденция взаимодействия двух родственных культур продолжилась, но на территории Северо-Восточного Ирана черно-серая керамика постепенно вытеснила расписную и стала основным видом гончарной продукции.

Культура восточной серой керамики (Eastern Grey Ware culture) представляет собой оставшуюся на месте после ухода протоиндоиранцев часть восточноевропейской диалектной общности (греческий, фригийский, армянский и, предположительно, фракийский). Она сложилась в Южном Прикаспии, в Приэльбурье, откуда в конце IV тыс. до н. э. распространилась во всех направлениях. Неудачное название археологической культуры по цвету керамики вовсе не означает ее выделение только по этому признаку, тем более что в том же комплексе имеется немало красной лощеной посуды. Помимо керамики специфического облика и своеобразных бронзовых изделий, для этой культуры характерен, прежде всего, катакомбный способ устройства могил, иногда в сочетании с обычными ямами или склепами, сложенными из сырцовых кирпичей. Вероятно, истоки появления столь уникального погребального обряда следует усматривать в халафской культуре, генетически связанной, как и культура серой керамики, с общностью «красной расписной керамики».

В неолите и эпоху ранней бронзы погребальные сооружения катакомбного типа распространяются по всей Евразии: в Причерноморье, странах Западного и Восточного Средиземноморья, проникают в Месопотамию и даже Сибирь. Как и в случае с майкопской культурой, объяснение кроется в том, что возникновение катакомбного обряда произошло в центре Евразии, чему подтверждением является упомянутый выше халафский катакомбный могильник Ярым I, ранние погребения Юго-Западного Туркменистана и Шахри-Сохте в Иране. Этим также объясняется отсутствие промежуточных звеньев между восточными памятниками катакомбной общности и окуневской культурой, и тот факт, что западная группа памятников катакомбной культуры существенно моложе восточных (Черных, Орловская, 2004, с. 22).

В Северном Причерноморье племена катакомбной культуры, как до них протоиндоиранской майкопской, прошли по кавказскому пути и вновь оставили возле Дербента, в том же месте, могильник Великент с последовательными коллективными захоронениями в катакомбах и серой керамикой (Kohl, 2001; Kohl, Gadzhiev, Magomedov, 2002). Таким образом, катакомбная культура Восточной Европы принадлежала какой-то части восточноевропейской диалектной общности — далеким предкам армян, фригийцев и фракийцев.

Другим направлением было западное, на котором появление серой, так называемой «минийской» керамики (Minyan Ware) обычно связывается с миграцией носителей ранних греческих диалектов или протохеттского населения. Культура восточной серой керамики ярко представлена в материалах могильника Коручутепе в Восточной Анатолии, захоронения в котором совершались в прямоугольных сырцовых склепах под курганной насыпью (Winn, 1981, с. 114–115). Из Малой Азии она распространяется дальше на запад — в Трою и на Балканы, что может означать приход туда первого грекоязычного и, вероятно, фригийского населения. В Анатолии «серая» керамика этого типа появляется в конце IV тыс. до н. э. одновременно с так называемой «каппадокийской полихромной», т. е. по той же классической схеме, что в Иране и Средней Азии, поэтому привязка всех вообще

индоевропейцев только к одной из двух этих культур заведомо обречена. Можно предполагать, что в миграционных процессах участвовали не только предки греков и фригийцев, но и носители анатолийских и каких-то других языков, о чем остается только догадываться.

В калейдоскопе перемещений археологических культур на Ближнем и Среднем Востоке можно наблюдать тесное соседство и взаимопроникновение самых разных культур. Для культуры восточной серой керамики таким ближайшим западным соседом всегда была куро-аракская, северокавказская в основе, но присущая, вероятно, и картвелам, и каким-то иным народам археологическая культура. Она возникла на основе шулавери-шомутепинской и распространилась в том же ареале, тесно взаимодействуя с культурой серой керамики. Нередко материалы двух культур путают, хотя черно-серая куро-аракская керамика имела «розовую подкладку», а формы ее, типы и способы нанесения орнамента совершенно иные. Однако есть один очень интересный и оригинальный тип изделий, на который стоит обратить особое внимание. Речь идет о вогнутых крышках или мисках со столбообразной ручкой внутри. Когда-то они были найдены Б. А. Куфтиным на куро-аракском памятнике Згудрис-Гверда, имеют аналогии в Джемдет-Насре и Мохенджро-Даро в долине Инда, на что Н. Я. Мерперт возразил, что впервые такие крышки появляются в энеолитической балканской культуре Гумельница, распространенной в восточной Румынии и Болгарии (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 150, рис. 51; Мерперт, 1988, с. 15).

Крышки такой необычной формы впервые изобрели, как и многое другое, в северокавказской среде, откуда мода на них распространяется в период Джемдет-Наср в Месопотамию (Гордон Чайлд, 1956, с. 206, рис. 65). Много позже подобные крышки в несколько измененном виде появляются в комплексах серой керамики Северо-Восточного Ирана (Arne, 1945, fig. 466a, 466b). В предыдущей главе говорилось об идентичности восточной черно-серой керамики Северо-Восточного Ирана и посуды классического Луншаня в Китае. Можно дополнить, что в Луншане найдены абсолютно те же «грибовидные» крышки (Andersson, 1943, с. 75, fig. 20a) но, похоже, что и в неолитической культуре Яншао уже существовали формы подобного типа (Andersson, 1943, с. 75, fig. 20aa).

На первый взгляд, такие аналогии носят случайный характер, не имеют никакого исторического обоснования и возвращают нас в начало XX в., когда сравнивали культуры расписной керамики типа Анау, Яншао, Триполье и т. п. Но в тех старых работах содержалось немало ценного, что находит подтверждение в самых новейших научных изысканиях. К таковым можно причислить работу О. Менгина по поводу происхождения керамического комплекса Яншао, явно выделяющегося своей чужеродностью на фоне местной неолитической традиции (Menghin, 1928). Б. Л. Богаевский с истинно энциклопедической эрудицией сопоставлял орнаментальные мотивы керамики Китая, Крита и Триполья, в том числе, в связи с распространением в указанных регионах раковин и изделий из них (Богаевский, 1931). Сходство типов орнаментов, особенно, спиралевидного, и манера изображения вполне конкретных видов моллюсков, поражает, даже если

не принимать во внимание абсолютную идентичность форм сосудов. В своем археолого-конхиологическом исследовании Б. Л. Богаевский применил метод перекрестных аналогий (связей), напоминающий тот, что используется в сравнительном языкознании. Таким же образом и с не меньшей эрудицией С. А. Старостин детально проанализировал языковые контакты протоиндоевропейского и протосевернокавказского языков (Старостин, 1988) и пришел к выводу о связях кавказских языков с праенисейским кетским и сино-тибетским (см. Иванов, 1988, с. 155–156; Diakonoff, 1990, с. 62).

В последних палеоботанических исследованиях о распространении проса (*Panicum miliaceum*, *Setaria italica*) и гречки (*Fagopyrum* sp.) выстраивается та же «странная» связь неолитических культур доиндоевропейской Европы и Китая. Самые древние находки зерен проса связаны с неолитическими культурами долины р. Хуанхэ, относящиеся к VII тыс. до н. э. В VII–VI тыс. до н. э. просо *Panicum miliaceum* в уже одомашненном виде появляется на памятниках докерамического неолита в Фессалии (Греция), затем в Старчево–Криш и, наконец, в культуре линейно-ленточной керамики. Другой вид проса — *Setaria italica* — проникает в Европу позже и найден на памятниках культуры Гумельница (Jones, 2004, с. 130). Та же ситуация характерна для гречки, родина которой являются юго-западные предгорья Гималаев: в Европе зерна одного вида находили на поселениях эпохи неолита в Молдове, другого — в Дании, Польше и Латвии (Janík, 2002, с. 301). Все исследователи отмечают особую роль в распространении проса и гречихи культуры линейно-ленточной керамики и рассматривают варианты маршрутов, по которым они могли из Юго-Восточной Азии попасть в Европу. В числе прочих предполагалось южносреднеазиатское направление, но всех смутило отсутствие зерен проса и гречки в джейтунской культуре Туркменистана, отчего возникла версия о возможности северносреднеазиатского маршрута — севернее Арала и Каспия (Janík, 2002, с. 304, fig. 19.2; Jones, 2004, с. 132). Впрочем, в указанной зоне находок этих культур тоже нет, поэтому все-таки предпочтительнее выглядит южное направление, через Малую Азию, куда сходятся истоки большинства неолитических культур доиндоевропейской Европы.

Благодаря исследованиям подобного рода в будущем, наверное, удастся несколько прояснить вопрос о роли западного импульса в генезисе культуры Яншао и о более чем странных и непонятных сходениях языков севернокавказских и бурушаски. Невероятное сходство керамики Яншао с европейской не может быть объяснено иным способом, кроме миграции в долину Хуанхэ и полного здесь растворения какого-то пришлого с юго-запада народа, вероятно, прасевернокавказского происхождения.

Китайская культура Луншань, как сказано выше, обнаруживает еще больше сходства с западной традицией, но уже преимущественно индоевропейской, связанной с культурой восточной серой керамики. На этом этапе процесс распространения сельскохозяйственных культур состоялся в обратном порядке: в Китае появляются пшеница и ячмень. Но первыми на юго-восток Азии, как, впрочем, и в Европу, проникли, похоже, все-таки, севернокавказские народы, роль которых в истории Евразии явно недооценивается, а пути расселения, особенно в древнейшие эпохи, практически

не исследовались. В этой связи уместно напомнить о появлении в Европе первых навыков пашенного земледелия (см. выше), первых повозок (не колесниц), четырехколесных и запряженных быками, которые применяются уже на раннем этапе баденской культуры (Болераз) в Карпатском бассейне (см. Бороффка, 2008)⁸⁴. Можно вспомнить о предполагаемой принадлежности этрусского языка, наряду с хуррито-урартским, к ареалу севернокавказских языков (Иванов, 1988, с. 216), об отдаленных связях баскского языка как с южнокавказскими (картвельскими), так и севернокавказскими языками (Товар, 1970, с. 267).

Севернокавказская куро-аракская культура всегда взаимодействовала с восточно-индоевропейской общностью серой керамики — и на кавказском направлении, и на малоазиатском, и, судя по материалам, на северо-восточном. Во многом этим объясняется та невероятная запутанная дискуссия, которая развернулась вокруг вопроса об этническом происхождении упомянутых в источниках племен сув, луллубеев и кутиев (гутиев). Первоначально их язык относили к реликтовым прототигридским, так называемым «банановым» диалектам Месопотамии. Позже была установлена северозападнокавказская, хурритская принадлежность сув (страны Субарту), язык луллубеев И. М. Дьяконов в крайне осторожной форме предположительно отнес к эламскому⁸⁵, язык гутиев — к северо-восточнокавказской, нахско-дагестанской группе. Соответственно, страна гутиев виделась в иранском Азербайджане и Курдистане, на территории Закавказской Албании, языком которой был северо-восточнокавказский албанский (Дьяконов, 1958, с. 24; 1967, с. 22–23, 87–88). Название гутии И. М. Дьяконов сопоставляет с самоназванием современного лезгинского народа по имени удины, живущего на границе Грузии и Азербайджана (Diakonoff, 1990, с. 63). Однако В. Хеннинг и В. В. Иванов показали индоевропейское происхождение некоторых упомянутых в клинописных табличках личных имен царей страны Гутиум и Тукриш, где добывали столь любимую на Востоке ляпис-лазурь (Henning, 1978; Иванов, 1989). Сам этноним «кути» В. В. Иванов связывает с именем «кушан» и топонимом Куча в Восточном Туркестане (Иванов, 1989, с. 20). Можно добавить, что в Синьцзяне, помимо Кучи, существует также город Кашгар, а в Северо-Восточном Иране есть не один населенный пункт с названиями Кашан и Кушан, хотя никогда эта территория не входила в Кушанскую империю, будучи расположенной в землях ее заклятого врага — Парфии⁸⁶.

В предыдущей главе рассматривался вопрос о странах Аратта⁸⁷, Гутиум и Тукриш, а также варианты приемлемых соответствий для населявших их народов. Как неоднократно подчеркивали все исследователи, ключ к решению этой проблемы кроется в указании на добычу ляпис-лазури.

84 Подобные примеры можно перечислять до бесконечности. Отдельная тема — происхождение известного генеалогического мифа о волчице, вскормившей человеческого ребенка, одного или двух. Похоже, этот сюжет впервые появляется в севернокавказской среде, перенимается и распространяется в индоевропейской, заимствуется и окончательно закрепляется в тюркской.

85 «Для урартов слово «луду» выражало общее понятие «чужак», «враг» (Дьяконов, 1958, с. 24).

86 Топонимика Средней Азии всегда рассматривалась только с точки зрения тюркских, иранских и иногда дравидийских языков.

87 К стране Аратта относится самое древнее в клинописных текстах упоминание лошади (Канева, 1964, с. 208).

С точки зрения археологии все главные месторождения ляпис-лазури на Среднем Востоке, будь то всемирно известный Бадахшан или горы Эльбурз и Хорасан, начиная с раннединастического периода, находились под контролем создателей культуры восточной серой керамики (мастерские Тепе Гиссара и Шахри-Сохте). На западе ее ареал буквально переплетался с северокавказской куро-аракской культурой, на севере слился с культурой Анау–Намазга, отчего напрашивается вывод о принадлежности какой-то части куро-аракской культуры луллубеям, культуры восточной серой керамики — гутиям, анауской культуры расписной керамики — тукри.

Гутии — народ восточноевропейской диалектной общности, которая, кроме их самих, включает индоиранский, греческий, фригийский, армянский и, вероятно, фракийский праязыки. Из общности первыми вышли протоиндоиранцы (майкопская культура), позже вслед за ними на север мигрировали предки фракийцев и армян (катакомбная культура Причерноморья), тогда же, но на запад, через Малую Азию, переместились носители греческих и фригийских диалектов. В коренных землях, Южном и Юго-Восточном Прикаспии, остались гутии — народ, расселившийся на сопредельные территории и попавший в поле зрения древнейших государств Месопотамии. Вместе с ними, культурой восточной серой керамики, всегда были тукри — предки исторических тохаров, с неолитических времен следовавшие традиции расписной керамики типа Анау–Намазга. Племена гутиев отличались воинственностью и были преимущественно скотоводами, тукри никогда не упоминались в связи с военными действиями и занимались земледелием и ремеслами. К северу от них находилась полулегендарная страна [H]arali (Харали), где добывали золото и где находились пределы мира. Можно предположить, что страной Харали называлась территория кельтеминарской культурно-исторической общности или, иными словами, германо-балто-славянской группы западноевропейской диалектной общности⁸⁸.

Одна из контактных зон трех культур / трех диалектных общностей представлена поселением и могильником Заманбаба, в которых причудливо переплелись признаки всех трех составляющих. В одном комплексе можно видеть кельтеминарское жилище западноевропейского типа, катакомбные погребения культуры серой керамики, металл и керамику Намазга IV. На поселении Саразм выделяются те же три комплекса, но возникло оно раньше и существовало дольше, в этом районе выходцев из прикопетдагской полосы, похоже, особо интересовали месторождения свинцовых и уникальных по составу медных руд. На первом этапе пра-тохары — носители традиции Анау–Намазга — не ушли дальше Саразма, но культура восточной серой керамики, судя по материалам культуры Луншань, продвинулись много дальше. Следующий этап охватывает вторую половину III в. до н. э., когда происходит отток населения из евразийской степной зоны, а равнины Прикаспия и Приаралья превращаются в пустыни Каракум и Кызылкум.

88 В связи с названием страны можно пофантазировать на тему о происхождении боевого клича «ура».

Поселение Заманбаба, наряду с упомянутыми вскользь в одной из публикаций приамударьинскими стоянками периода Намазга IV–V (Литвинский, 1981, с. 162, сноска 5), служит указателем маршрута, по которому на северо-восток двигались предки гутиев и тохаров. О дальнейшем направлении красноречиво свидетельствуют давно известные находки вещей юго-западного происхождения в Ферганской долине и там же недавно обнаруженный могильник Шагым с типичными признаками культуры восточной серой керамики.

На крайнем востоке конечным пунктом маршрута стала Восточная Сибирь, где около 2400 г. до н. э. внезапно появляется чужеродная окуневская культура, обладающая, наряду с прочими, главным признаком культуры восточной серой керамики — катакомбным обрядом захоронения. В сложении ее, возможно, приняли участие кельтеминарские племена, которым новая культура обязана происхождением своей керамики. В окуневском комплексе Я. А. Шер тонко подметил, казалось бы, абсолютную несовместимость невыразительного погребального инвентаря с богатой изобразительной традицией. Последняя отражает «мировоззрение скотоводов, в основе которого лежит общеиндоевропейский миф», а в изображениях на некоторых предметах усматриваются истоки сложения скифосибирского стиля. Объяснение биполярности окуневской культуры и монголоидных черт ее носителей автор видит в симбиозе европеоидных степных скотоводов, предположительно, афанасьевцев, и монголоидных таежных охотников-рыболовов (Шер, 2006, с. 250). Добавить нечего, только участие афанасьевцев в этом симбиозе не требовалось, выходцы из Юго-Восточного Прикаспия сами были европеоидными скотоводами, хотя, возможно, их антропологический облик уже несколько изменился после общения с древними народами Северного Китая и Монголии. В дальнейшем пришельцы постепенно растворились в среде местных охотников и рыболовов, оставив им в наследство свой образ жизни, навыки скотоводства, мифы и воинственный нрав.

После середины III тыс. до н. э. культура расписной керамики Намазга исчезает на юге Туркменистана, но вскоре появляется на северо-западе Китая. В конце III тыс. до н. э. предки исторических тохаров обосновались в Ферганской долине и Таримском бассейне, наверное, по своим условиям тогда мало чем отличавшемся от привычной для них прикопетдагской полосы. По соседству и к северо-востоку от них полосой до Сибири, включая окуневскую культуру, расселились племена, известные в Месопотамии под именем гутии и входившие прежде в состав восточноевропейской диалектной общности. Вместе с ними в Тарим пришла часть приаральских племен германо-балто-славянской общности, судя по находкам в Синьцзяне кельтеминарских изделий и появлению здесь населения протоевропейского антропологического типа. Должно быть, кельтеминарцы предпочли район Лобнора из-за приозерной, с многочисленными протоками, среды, как в Приаралье. Здесь сконцентрировано большинство сборов кельтеминарских материалов и расположен могильник Сяохэ (Xiaohé) с уникальными захоронениями в лодках, в котором, как и в Гумугоу, отсутствуют

керамические сосуды, но есть обтянутые мешковиной корзины классической кельтеминарской формы и сходным типом орнамента (Werning, 2007, с. 113, 5; 120, 12).

Другая часть кельтеминарских племен, похоже, мигрировала еще дальше на северо-восток, по маршруту своих же предков, создавших за тысячу лет до этого афанасьевскую культуру. В конце III тыс. до н. э. приход кельтеминарцев в предгорья Юго-Западного Алтая отразился в материалах могильника Кээрмуци, в котором многие так надеялись увидеть трансформацию афанасьевцев в прототохаров. Но, как показало повторное исследование Кээрмуци, он отличается и от афанасьевской, и от окуневской культур, хотя, несомненно, имеет общие с ними черты. В то же время материалы Кээрмуци не обладают ни малейшими признаками сходства с памятниками Таримского бассейна (Wei Ming Jia & Betts, 2010, с. 311–312). В качестве аналогий рассматривались сибирские материалы, но если бы авторы обратились к среднеазиатским материалам, то, конечно же, сразу нашли истоки происхождения культуры Кээрмуци, по всем признакам явно кельтеминарской.

Еще одна часть кельтеминарской германо-балто-славянской общности ушла на северо-запад, по тому же пути, по которому двигались их предки — создатели фатьяновской культуры шнуровой керамики / боевых топоров. Эта последняя миграция кельтеминарских племен привела к появлению в Среднем Поволжье пришлой для этих мест балановской культуры, которую часто объединяют с родственной фатьяновской в одну общность. Балановцы отличаются, в основном, своим средиземноморским антропологическим типом, что отчасти характерно и для кельтеминарской среды.

В результате массового исхода земли Восточного Прикаспия и Приаралья обезлюдели, остатки кельтеминарского населения в лице, быть может, не вполне понятной суярганской культуры в начале II тыс. до н. э. были ассимилированы пришедшими с севера индоарийскими андроновскими племенами. Сходные процессы наблюдаются и для евразийской степной зоны, которую во 2-ой половине III тыс. до н. э. покинули ушедшие на запад палеобалканские (фракийские) племена катакомбной культуры. Протоармяне, входившие в ту же общность, и, возможно, какая-то часть индоиранцев вернулись в Закавказье, где соединились с культурой восточной серой керамики. Археологических свидетельств движения степных культур Евразии на юг предостаточно, и вполне возможно, что все вместе они составили племенной союз, который шумеры стали называть по имени главных из них гутиями.

После своего почти столетнего правления гутии в 2109 г. до н. э. были разбиты и изгнаны из Месопотамии. Часть их с трофеями ушла на северо-восток — в прикопетдагскую полосу, где на Алтындепе они построили аналог месопотамского зиккурата, потом переместились в дельту р. Мургаб и создали там «Маленькую Месопотамию». Другая часть мигрировала на восток — в приамударьинские области на севере Афганистана и юге Узбекистана. В Средней Азии появилась новая археологическая культура, именуемая Намазга V–VI или Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (БМАК). В действительности БМАК представляет собой

локальный вариант культурно-исторической общности восточной серой керамики или, другими словами, восточноевропейской диалектной общности. Отличия сводятся только к цвету посуды, которая в БМАК обжигалась в окислительной среде, хотя изредка в ранних слоях встречаются фрагменты серой керамики. Формы гончарных изделий, погребальный обряд, металлические предметы и пр. абсолютно одинаковы, отчего часто находки «вещей БМАК» (например, в Юго-Западном Иране или Пакистане), характерные для всей общности серой керамики, безосновательно связывают только с бактрийско-маргианской культурой.

В начале II тыс. до н. э. индоарийские племена андроновской культуры, потомки общеиндоиранской ямной культурно-исторической общности, начинают проникать в ареал БМАК, что в результате привело к языковой ассимиляции, точнее, арианизации населения юга Средней Азии. Та часть культуры серой керамики, что осталась в Юго-Восточном Прикаспии, тоже не избежала этой участи. С двух сторон, по кавказскому пути и через пустыни Восточного Прикаспия в их среду вторглись близкородственные племена срубной и андроновской культур. Письменные следы их присутствия сохранились в индоарийской лексике коневодческого трактата хурритского государства Митанни. Тем не менее, археологический комплекс восточной серой керамики сохранился и продолжил свое существование под названием марликой культуры, локальным вариантом которой на территории Юго-Западного Туркменистана является культура архаического Дахистана.

Около середины II тыс. до н. э. такая керамика, в том числе упомянутые выше грибовидные крышки, обнаруживается в постхараппских слоях памятников долины Инда. Внедрение технологии обжига без доступа кислорода (черно-серая посуда) в местное гончарное производство с давней традицией выделки цветистой расписной керамики привело к появлению так называемой «серой расписной керамики». С культурой серой расписной керамики, безусловно, связаны первые этапы истории индийской ветви ариев. В сложении ее на Индийском субконтиненте, помимо культуры восточной серой керамики приняли участие выходцы из Бактрийско-Маргианской среды. В XVII–XVI вв. до н. э. наблюдается резкое прекращение жизни на большинстве известных поселений БМАК, население которых к тому времени уже стало андроновским, индоарийским по языку. По этой причине попытки найти в долине Инда керамику собственно андроновской культуры лишены смысла, о приходе индоариев уверенно свидетельствуют находки бактрийско-маргианского археологического комплекса и, конечно, родственной культуры восточной серой керамики.

В середине II тыс. до н. э. на опустевших землях юга Средней Азии появляется культура лепной расписной керамики Яз I, одновременно распространившаяся на север и юг Афганистана. Новая культура отражает симбиоз двух этнических групп — тохаров и гутиев, часть которых по непонятным причинам покинула Таримскую долину и, по сути, вернулась на юго-запад. Они легко подчинили оставшееся здесь население культуры Бактрийско-Маргианского археологического комплекса, но в X в. до н. э. сами были вынуждены отступить на север. С юга их постепенно начали

вытеснять арийские племена, принесшие на территорию Средней Азии свой, абсолютно отличающийся от культуры Яз I комплекс.

В новом комплексе, известном под названием Яз II, в несколько измененном виде возродились традиции БМАК, присущие ему формы керамики и техника ее изготовления. О погребальном обряде Яз II никто ничего не знает, но никаких катакомб в ареале культуры Яз II больше нет, как, вероятно, вообще нет обычая осквернять землю телами умерших. Памятники раннего этапа (Яз IIA) культуры выявлены в Северном Афганистане, Южном Узбекистане (до Гиссарского хребта), Южном Туркменистане и, возможно, крайнем юге Таджикистана. На позднем этапе (Яз IIB) ареал культуры расширяется на север, до верховьев Кашкадарьи, и на северо-запад — до Хорезма. К северу от культуры Яз II в начале I тыс. до н. э., сдерживая ее экспансию в этом направлении, расположены памятники типа Яз I.

Противостояние двух культур нашло отражение в священной «Авесте» и героическом древнеиранском эпосе «Шахнаме» Фирдоуси, где северный враг ариев именуется турами. В «Шахнаме» присутствует персонаж по имени Тохар, отличавшийся изощренным умом и являвшийся советником предводителя туранского войска, в чем видится некий символ того этнического сплава, о котором шла речь выше. О языке туров нам ничего неизвестно, но название их и имя царя Франграсьяна (Афрасиаба) не находят соответствия в иранских языках. В свою очередь, земледельческая культура Яз I тоже никак не соответствует привычным представлениям о быте и традициях иранских племен. Культура Яз II, напротив, вполне согласуется с теми данными, которые специалисты находят в ранних частях «Авесты», в том числе о стране ариев — «Арьянэм-Вайчах». Арийский язык, иначе называемый «авестийским иранским», не относится ни к восточноиранским, ни к западноиранским, занимая самостоятельное положение, отчего был выделен в отдельную группу — центральноиранскую. Восточноиранскими языками он был вытеснен только в самом конце I тыс. до н. э. после так называемого «штурма Бактрии» (ИДВ, 2004, с. 712).

В античной традиции турам соответствуют массагеты, иногда называемые также дахи, которых часто, вопреки Геродоту, включают в «иранский континуум», само понятие которого в последнее время подвергается нещадной критике (см. Тохтасьев, 2005). Западные массагеты жили на равнине в Юго-Восточном Прикаспии, на юге границей их владений была река Аракс, которая, вероятнее всего, тождественна современной реке Атрек. Прежняя версия «Аракс–Узбой» после проведения специальных палеоклиматических исследований потеряла смысл, поскольку стока по амударьинский вод по руслу Узбоя во время походов Кира и Дария против дахов–массагетов не было (см. Boroffka, 2010). Западным массагетам соответствует культура архаического Дахистана в Юго-Западном Туркменистане, являвшаяся частью все той же общности восточной серой керамики, главным языком народов которой в эпоху раннего железа (марликская культура) становится западноиранский. Помимо иранцев, на западе общности в нее, вероятно, входили носители армянского языка, на северо-востоке — массагеты и те народы, названия которых известны

из письменных источников — гирканцы, дранги, таманеи, утии и мики. Общность культуры восточной серой керамики прекратила свое существование после создания Ахеменидской империи в середине VI в. до н. э., после чего западные дахи-массагеты отступили на север и рассеялись.

Ареал восточных массагетов начинался от восточной границы Ахеменидской империи приблизительно в районе современного г. Ходжент и терялся где-то во Внутренней Монголии. От прежних времен у них больше всего сохранилась крайняя воинственность и приверженность кактакомбному обряду захоронения, в горных и предгорных зонах сменяющихся наземными катакомбами — каменными домиками с длинным входом-дромосом, удивительно напоминающими каменные толосы неолитической халафской культуры. Восточные массагеты предпочитали лепную расписную посуду, присущую земледельцам тохарам, но изредка вместе с ней встречается черно-серая и красная лощеная керамика, изящные формы которой и качество выделки соответствует лучшим традициям общности восточной серой керамики. Примером археологического комплекса восточных массагетов (в симбиозе с тохарами) могут служить материалы эйлатано-актамской и кугай-карабулакской культуры Ферганской долины. В этой связи, как бы это не показалось странным, стоит обратить внимание на невероятное сходство форм кугай-карабулакской керамики и так называемого «даваньского процарапанного орнамента» Ферганы с гончарной продукцией Северо-Восточного Ирана — Юго-Западного Туркменистана эпохи позднего энеолита — ранней бронзы.

Появление в Ферганской долине кугай-карабулакской культуры и распространение по всей Средней Азии II в. до н. э. присущего массагетам подбойно-катакомбного способа захоронения связано с приходом тех народов, которые в китайских источниках именуется «юечжи». В действительности собственно юечжи — восточных массагетов в этом союзе было меньше всего, большинство его составляли сарматские, восточноиранские в языковом отношении племена, привнесшие и распространившие свои языки среди местного населения. Никаких археологических свидетельств участия в этом процессе тохаров нет: вне пределов Синьцзяна и Ферганской долины не найдено ни одного фрагмента расписной керамики.

Следующее по времени и последнее появление восточных массагетов в Среднеазиатском междуречье (к западу от Ферганской долины) приходится на IV–V вв. н. э., когда горных и предгорных районах Средней Азии распространяются погребальные сооружения в виде наземных (реже подземных) каменных склепов. К. А. Иностранцев был первым, кто сопоставил эти конструкции с описанием погребального обряда народа йеда (или яда), как в китайских источниках именуют эфталитов, с чем спорить трудно да и бессмысленно.

«Потомки геродотовых массагетов» эфталиты, а также родственные им хиониты и кидариты, являются последними осколками могущественного некогда народа, говорившего на том языке, которым до Геродота говорили туры «Авесты», а еще раньше — гутии. Каким то образом, судя по специфическому обряду захоронения, глубоко в горах эфталитам, кидаритам и хионитам — наследникам культуры восточной серой керамики

удалось сохранить свои наречия, восходящие к языку гутиев и полностью исчезнувшие только около середины I тыс. н. э. В Синьцзяне и Фергане последние его носители растворились среди тохарского населения, дальше к востоку их язык, вероятно, исчез еще раньше.

Наверное, реальная возможность узнать язык массагетов-эфталитов и его место в индоевропейской семье представится только после расшифровки «неизвестного письма», образцы которого в Южном Узбекистане и Северном Афганистане датируются исключительно кушанским и эфталитским временем (см. Вертоградова, 1982; 1995, с. 33–36). Самая ранняя находка — надпись на серебряной чаше — обнаружена в массагетском кургане Иссык вместе с привозной бактрийской керамикой конца IV в. до н. э. (раннеэллинистические чаши). Внешне знаки напоминают рунические, и это еще одна загадка, требующая самого серьезного внимания специалистов, в том числе тех, кто занимается вопросами происхождения тюркского рунического письма и, быть может, письменности кхарошги.

В Северном Китае, Монголии и Южной Сибири «неизвестный» язык уже со времен окуневской культуры оказался в иноязычном окружении уральских (финно-угорских и самодийских) и алтайских (тюрко-монгольских) народов. Конечно, между ними должен был происходить языковой обмен, и нет твердой уверенности в том, что все заимствования в финно-угорские языки действительно имеют тохарское происхождение, а не попали из родственного, но другого языка. То же самое относится к заимствованиям из финно-угорского, возможно, попавшим в тохарский через посредничество неизвестного, массагетского языка.

Гутии-массагеты придали огромный импульс развитию культур Центральной Азии и в чем-то даже изменили вектор их развития. Именно в ареале окуневской и родственных ей культур следует искать истоки так называемого «сеймино-турбинского феномена». Наследие массагетов запечатлелось и в материальной культуре будущих восточноиранских народов, в том числе пазырыкской, и в сложении так называемого «скифо-сибирского» сарматского стиля, и в самом образе жизни сарматских, гуннских и тюркских народов. На грани своего исчезновения около середины I тыс. н. э. далекие потомки гутиев передали свои обычаи, привычки и воинственный нрав гуннам, в среде которых они, собственно, и растворились. Гунны это неязыковое наследие с успехом переняли и развили, положив начало Великому переселению народов, но «белые» гунны — эфталиты, втянутые в этот процесс, свой язык еще помнили и внешне отличались от своих неязыковых, а, говоря условно, «генетических» собратьев.

Мирные земледельцы и ремесленники тохары свой язык сохраняли дольше, но один из них, тохарский А, исчез приблизительно в одно время с языком массагетов. В раннесредневековой Фергане присутствие тохаров видится по материалам могильника Мунчак, в погребальных конструкциях которого, однако, заметно влияние массагетского катакомбного обряда. Последний этап тохарской культуры обозначен массовым распространением в Средней Азии лепной расписной керамики, обычно с росписью по светлому фону, краснофонная посуда с орнаментом черного цвета

исчезла много раньше. Учитывая, что тохарский язык В сохранялся дольше, можно предполагать, что роспись темными красками по светлому соотносится с ареалом тохарского В, роспись черным по красному — с ареалом тохарского А.

Уже в раннем энеолите культура расписной керамики обретает те черты, которые во все времена являлись ее отличительными особенностями, в том числе ярко выраженное разделение на два варианта. В среднем энеолите в археологическом комплексе Намазга появляются черты второй культуры, главными отличительными признаками которой являются серо-черная лощеная керамика и подбойно-катакомбный обряд захоронения. С этого времени началось теснейшее сосуществование, иногда даже взаимопроникновение двух культур, и если носителей расписной керамики Намазга I–IV можно достаточно уверенно связывать с предками исторических тохаров с изначальным разделением их на два диалекта, то относительно языка их «родственников» дело обстоит намного сложнее. Если брать археологическую последовательность распространения культурных признаков этого народа или группы народов, его следовало бы назвать языком гутиев, массагетов-юечжи, эфталитов-йеда или применить общее определение «туранский язык».

Нам пока не дано знать, на каком языке говорили туры, но по отдельным пассажам «Гимна Хварно» «Авесты» понятно, что не на иранском. Когда в пылу гнева царь Турана Афрасиаб (Франграсьян) переходил на родной язык, арии воспринимали его речь как абракадабру (Авеста. Яшт 19, VIII, с. 138). Конечно, проще всего было бы считать язык туров–массагетов одним из древнеиранских, как, впрочем, чаще всего и делается, но ни само название туры, ни имя Франграсьян не имеют иранской этимологии (см. Пьянков, 2006, с. 232–233). В то же время никак нельзя признать туранский язык тохарским, можно лишь предполагать их относительно близкое родство.

Наиболее ранние контакты пратохарского с иранскими восходят приблизительно к I тыс. до н. э. и связаны не столько с авестийским языком, сколько с каким-то неизвестным древнеиранским диалектом, вероятнее всего, далеким предком современного осетинского (Pinault, 2002, с. 245). По археологическим данным установлен факт активного взаимодействия населения Таримского бассейна с носителями скифо-сакской культуры Южной Сибири и внутренних районов Азии, соответственно, этот древнеиранский диалект, вероятнее всего, связан с пазырыкской культурой и ее предшественниками. Чрезвычайно показателен факт языкового взаимодействия тохарского с авестийским, центральноиранским языком, что подтверждает проникновение носителей тохарского языка на юг Средней Азии уже в эпоху поздней бронзы – раннего железа. В археологии этот процесс виден в появлении на юге Средней Азии культуры расписной керамики типа Яз I в ареальной близости с культурой Яз II. Но когда мы говорим о связях тохарского и туранского, речь должна идти не просто о контактах на уровне обычного лексического обмена, а очень тесном соседстве двух языков.

В этой связи необходимо вновь обратиться к настойчиво повторяющимся свидетельствам присутствия в Центральной Азии некоего загадочного индоевропейского языка, выявленного новейшими исследованиями в области сравнительного языкознания. Г. Карлинг, отмечая установленный факт отсутствия связей тохарского и общеиндоиранского, рассматривает вопросы контактов тохарского с индоарийским, происходивших, вероятно, не позднее II тыс. до н. э. В результате обнаруживается ряд ранних заимствований и в прототохарский, и в индоиранский/ранний индоарийский (вероятно, и в китайский) из одного и того же неизвестного языка–донора, существовавшего некогда в Центральной Азии (Carling, 2005, с. 52–54, 66).

В известной дискуссии И. М. Дьяконова с Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Ивановым приводится китайское слово **lac* «молоко (творог, сыр, масло)», восходящее не к тохарскому, а к древнему общеиндоевропейскому **Grag* «молочный продукт» (Дьяконов, 1982 (II), с. 22–23; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 120). Вероятно, происхождение китайского слова для обозначения молочного продукта также следует объяснить влиянием этого неизвестного языка.

Много раньше Т. Барроу на основании изучения документов III в. из города Ния — столицы государства Крорайна (Лоулань) пришел к выводу о возможности существования в южных областях бассейна р. Тарим какого-то индоевропейского языка, который настолько близок тохарским, что он условно назвал его третьим «тохарским С языком» (Burrow, 1935, с. 675). В северо-западном пракрыте светских документов из Нии, названном Т. Барроу «*krogianic*» (крорайни), в отличие от соседнего Хотана, зафиксировано влияние субстратного, как предполагалось, тохарского языка. Кроме того, засвидетельствовано более тысячи имен собственных и около сотни слов, происходящих (или родственных) из тохарских языков А и В (Воробьева-Десятовская, 1984, с. 68–69).

В раннем (до отделения прабулгарского) пратюркском языке выявлены заимствования из тохарских диалектов, относящиеся, по-видимому, уже к I тыс. до н. э. (Дыбо, 2007, с. 125–134). Особо отмечается, что «некоторые же из предполагаемых заимствований в пратюркском языке восходят либо к неизвестному нам диалекту пратохарского, либо к близкородственному индоевропейскому языку» (Иванов, 1992, с. 14).

Всем историкам Центральной Азии прекрасно известна острая полемика по поводу происхождения суффикса *-šk-* в именах кушанских правителей Канишка, Хувишка и Васишка (см. Захаров, 2002). В. В. Иванов предлагал объяснить появление суффикса *-šk-* в Бактрии происхождением из тохарского, но встретил резкое несогласие со стороны специалистов по иранскому языкознанию. По их мнению, иранские этимологии лучше подходят для перечисленных имен, хотя и не подтверждаются на материалах собственно бактрийского языка, в котором этот суффикс отсутствует (Иванов, 1992, с. 19).

Недавно Ю. Йошида вновь привлек внимание к вопросу о городе Чжао'у, который считается родиной больших юечжи, и «владельческом доме Чжао'у», откуда, согласно китайским хроникам, вышли правители девяти среднеазиатских владений раннего средневековья. В качестве вероятного

эквивалента китайского Чжао'у японский исследователь указал на элемент *sm'wk*, имеющийся только в именах правителей Пенджикента, Самарканда и Ташкента — *sm'wky'n* и *wkkwrtcm'wk*. В итоге Ю. Йошида приходит к заключению, что Чжао'у китайских источников не более чем миф, а *sm'wk* является именем некоего божества или героя древних легенд, возможно, относящегося к неизвестному языку, предположительно, эфталитскому (Yoshida, 2003, с. 51–52, 61).

Вывод о существовании в Центральной Азии какого-то неизвестного языка полностью соответствуют данным археологии, ни в чем и никоим образом не вступая с ними в противоречие. Конечно, реконструировать туранский язык археологи никак не могут, но истоки происхождения туранской культуры определенно уводят в ареал культуры серой керамики Северо-Восточного Ирана, т. е. в ареал восточноевропейской диалектной общности. После выхода из этой общности протоиндоиранского в ней остались праязыки греческий, фригийский, армянский, фракийский и, надо полагать, тот самый «неизвестный» предок туранского. Безусловно, этот язык, как и тохарский, относится к группе *septum*, поскольку он отделился от индоевропейской общности приблизительно в одно время с пратохарским, или даже несколько раньше. В этом отношении туранский язык должен быть ближе греческому и фригийскому, хотя в последнем как будто имеются некоторые признаки сатемизации (см. Дьяконов, 1980; Хааз, 1980).

Относительно недавно австрийский лингвист Г. Хольцер обнаружил в балтийских и славянских языках заимствования из какого-то неизвестного индоевропейского субстратного языка, которому он дал название «темематический» (*Temematic*). Ф. Кортландт попытался реконструировать предполагаемый язык и пришел к выводу, что он близок греко-фригийскому праязыку, хотя доказать его существование трудно⁸⁹. По некоторым особенностям темематический язык похож на тохарский, итальянский и анатолийский, в чем-то на германский. Некоторые черты, вероятно, позднейшего происхождения, объединяют его с дако-албанским языком. По поводу места темематического языка и вероятного пути его распространения Ф. Кортландт пришел к тому же заключению, что предполагается для туранского языка. «...after the migration of the Graeco-Phrygians into the Balkan peninsula, the speakers of “Temematic” moved from the southwestern part of the Indo-European homeland into the territory which was abandoned by the ancestors of Germanic speakers when these moved westwards» (Kortlandt, 2003, с. 253, 258–260). Добавить нечего, особенно учитывая ареальную близость гугийской катакомбной культуры серой керамики с германо-балто-славянской кельтеминарской общностью и тохарской культурой расписной керамики, особенно ярко представленную в материалах поселения и могильника Заманбаба и являющуюся главной отличительной чертой их общей истории.

89 Многие исследователи, например, В. Н. Топоров, указывали на следы связей палеобалканских языков с балто-славянскими диалектами, но считали их относительно недавними (см. Иванов, 2004, с. 55).

Заключение

Возможно, генезис двух языковых групп по линии тукри–тохары, давно озвученный В. Б. Хеннингом, Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Ивановым, и гутии–гунны–эфталиты кому-то покажется странным, но между конечными звеньями цепи прослеживается последовательность смены культур с постоянно сохраняющейся преемственностью. Исследователям, не понаслышке знающим археологию Средней Азии, изложенные выводы не покажутся какими-то принципиально новыми. Необходимость смещения акцентов с господствующей до сих пор теории индоиранской–иранской моноэтничности или каком-то ином моноэтническом единстве Центральной Азии назрела давно. Для этого достаточно было привести в соответствие новые археологические данные с уже имеющимися результатами предыдущих исследований и посмотреть, насколько все вместе они отвечают сложившимся концепциям. В археологии понимание «исторической концепции» может быть только одно — совокупность установленных фактов, и когда они вступают в противоречие с концепцией, её не надо пытаться приспособлять, её надо видоизменять.

Многие проблемы исторической науки, обозначенные почти 100 лет назад, так и не нашли не только решения, но и убедительного разъяснения, некоторые из них попросту утонули в деталях, и обсуждение превратилось в замкнутый логический круг. Возможно поэтому выдающиеся археологи прежних поколений в своих выводах зачастую были намного ближе к истине, чем мы в начале XXI в., и новейшие археологические данные, за редким исключением, подтверждают именно их теории, сформулированные еще в начале XX в. Тем не менее, и в наши дни всё еще сохраняется теория европейского центра, и периодически предпринимаются новые попытки реанимировать гипотезу «европейской прародины». Во многом благодаря усилиям сторонников «причерноморско-прикаспийского варианта» смещение акцентов с Запада на Восток состоялось. Их идейные противники — последователи «анатолийской гипотезы» — блестяще отстаивали приоритет Юга в становлении главных культурных достижений человечества. Введение в оборот археологических материалов Средней Азии, совмещающих Восток и Юг, показало, в общем-то, правоту обеих сторон, но не самые истоки протоиндоевропейской семьи, добраться до которых

можно было только по линии тохарской ветви — самого уязвимого звена большинства имеющихся гипотез.

На территории Средней Азии тоже нет истоков протоиндоевропейской общности, поскольку начало ее ассоциируется с распространением прогрессивной зарзийской каменной индустрии на позднепалеолитических памятниках Зарзи в Иракском Курдистане и Шанидар в Иранском Загросе.

В мезолите (докерамическом неолите) происходит расширение ареала общности на северо-восток, что сопровождается разделением на две основные группы — культура Джармо в Северном Ираке и прикаспийская культура (Гарикамарбанд, Джебел, Айдабол) в Юго-Восточном и Восточном Прикаспии. Обращает на себя внимание их взаимопроникновение, иногда наложение в виде чередования слоев обеих групп на одном и том же памятнике.

В раннем неолите на основе культур круга Джармо складывается анатолийско-тохаро-восточноиндоевропейская общность «красной расписной керамики» Северного Ирана, на западе которой впоследствии выделилась протоанатолийская диалектная группа — халафская культура. Центр общности занимают носители индоиранских, греческих, армянских, фригийских и фракийских диалектов, на востоке складывается прототохарская джейтунская культура.

Прикаспийская мезолитическая общность положила начало двум культурно-историческим общностям — неолитической прикаспийской (айдаболская культура) и кельтеминарской, состоящей из трех локальных вариантов. В обособлении их отражено начало распада западноиндоевропейского диалектного единства на две ветви — итало-кельто-иллирийскую (айдаболская культура Восточного Прикаспия) и германо-балто-славянскую (кельтеминарскую культуру Приаралья).

В энеолите племена айдаболской культуры продвинулись на юг Восточной Европы, что привело к появлению днепро-донецкой культуры (Средний Стог II). Расселение кельтеминарцев в северо-западном направлении положило начало хвалынской культуры Поволжья (Съезжее). Дальше к западу первая волна выходцев из Азии вызвала создание в контактной зоне гибридной культуры воронковидных кубков и такой же, но менее синкретичной культуры шаровидных амфор. На далеком северо-востоке постепенное расселение кельтеминарцев сменилось относительно быстрым переселением какой-то их части, что привело к появлению в Южной Сибири и на Алтае афанасьевской культуры.

Среднеостоговская и хвалынская культуры вскоре были поглощены протоиндоиранской майкопской культурой, пришедшей в причерноморско-прикаспийские степи с юга по кавказскому пути. Сложение ее произошло в Южном Прикаспии, на стыке ареала общности «красной расписной керамики» и прикаспийского круга «древнеевропейских» культур. Ассимиляция блока культур Средний Стог II–Хвалыньск майкопской культурой привела к возникновению общеиндоиранской ямной культурно-исторической общности.

Потомки джейтунцев — прототохары — прочно обосновались в северных предгорьях Копетдага, где создали культуру Анау–Намазга с восточным

и западным ее вариантами. Наследники традиций центральной группы «общности красной расписной керамики», вероятно, еще до отделения протоиндоиранцев начали применять в гончарном производстве технологию обжига в восстановительной среде. Формы сосудов остались прежние, но появился тот признак, по которому культура получила свое название — «восточной серой керамики». Другим ее отличительным признаком является катакомбный способ захоронения (наряду с ямами, реже склепами). Культура восточной серой керамики представляет собой восточноевропейскую группу праязыков — греко-«турано»-фригийско-армяно-фракийскую диалектную общность.

В конце энеолита из восточноевропейской общности на запад, через Малую Азию на Балканы уходят греки и фригийцы, тем самым стимулировав, вероятно, дальнейшее распространение по малоазийскому полуострову анатолийских языков. Другая часть общности («туранский» греко-фригийский язык) переместилась на восток и северо-восток — в ареал культуры Анау–Намазга, что привело к симбиозу двух культур, который с этого времени ни разу не был нарушен. Племена, говорившие на «неизвестном» греко-фригийском языке, были первыми индоевропейцами, проникшими в глубинные районы Центральной Азии. Следствием контактов с ними стало появление китайской культуры Луншань и те лексические заимствования, на которые лингвисты давно обратили внимание.

Центр тяжести западноевропейской диалектной общности резко сместился на северо-запад, в лесную и лесостепную зону Восточной Европы. Ушедшая из Восточного Прикаспия айдаболская культура (итало-кельто-италийское диалектное единство) создала среднеднепровскую культуру шнуровой керамики. Кельтеминарцы (германо-балто-славянское диалектное единство) ушли по давно разведанному пути в лесную зону Волго-Окского междуречья и основали там фатьяновскую культуру шнуровой керамики.

В эпоху ранней бронзы часть восточноевропейской диалектной общности, армяне и фракийцы, переселилась на север, и в результате в Северном Причерноморье появилась принципиально новая для тех мест катакомбная культура. Пришли народы катакомбной традиции из Южного Прикаспия по тому же кавказскому пути, что и майкопская культура. В причерноморских степях они успели застать потомков майкопской культуры — общиндоиранские племена ямной исторической общности и еще долгое время сосуществовали с ними, а также с племенами шнуровых керамик. Тесные контакты указанных групп отразились в общем для их языков оглушении согласных, состоявшемся где-то около середины III тыс. до н. э. Сатемизация затронула индоиранские, армянские, фракийские (палеобалканские) и балто-славянские праязыки.

Приблизительно тогда же фракийские племена покинули Северное Причерноморье и обосновались на севере Балкан, оставшаяся их часть в исторический период, вероятно, стала известна под именем киммерийцы. Носители армянского праязыка и отдельные группы индоиранцев вернулись в Закавказье, где влились в общность восточной серой керамики, и, возможно, приняли участие в так называемом гутийском завоевании Шумера. При таком избыточном давлении многие «прототуранские»

племена серой керамики вынуждены были переселиться на северо-восток, дойдя в своем движении практически до крайних пределов Евразии, где создали столь странную для тех мест окуневскую культуру и заложили основы «сейминско-турбинского феномена». С ними в первый и последний раз в своей истории мигрировали в Фергану и Синьцзян протохочары, прочный образ жизни которых никогда не предполагал стремление к перемене мест. В общий поток переселения предков туров и тохаров на северо-восток были вовлечены остатки кельтеминарского германо-балто-славянского населения, прежние земли которых превратились в пустыню. Другая их часть еще раньше ушла на северо-запад, где примкнула к своим родственникам фатьяновцам и стала известна как балановская культура.

После разгрома в Месопотамии остатки гутиев заняли оставленные протохочарами земли прикопетдагской полосы и продвинулись в долину Мургаба, где попытались воссоздать прежний, шумерский стиль жизни. Так на юге Средней Азии появился Бактрийско-Маргианский археологический комплекс, создатели которого, если предложенная реконструкция верна, говорили на греко-фригийском языке восточноевропейской диалектной общности. В первой половине II тыс. до н. э. они были ассимилированы индоариями-андроновцами, как и закавказские их собратья, где культура восточной серой керамики становится присущей индоариям и, должно быть, древним армянам. Походы двух этих групп индоариев на юго-восток привели к так называемому «арийскому завоеванию» Индии и сложению в долине Инда гибридной культуры серой расписной керамики, индийской ветви ариев. Греко-фригийский диалект могла сохранить только периферийная группа Юго-Восточного Прикаспия, известная как культура архаического Дахистана, предки исторических дахов или западных массагетов, разбитых и изгнанных отсюда Ахеменидским Ираном. Последнее упоминание о них относится ко времени походов Александра Великого в конце IV в. до н. э.

Восточные массагеты в конце своего существования успели оставить яркий след в виде совместного с восточноиранскими народами «юечжийского штурма» Греко-Бактрии и создания Кушанской империи, цари которой носили «странные» имена, должно быть, греко-фригийского происхождения.

Растворение восточных массагетов-туров в среде центральноазиатских племен алтайской языковой семьи откликнулось появлением племенного союза хунну и последующим гуннским нашествием середины I тыс. н. э., после чего степи Евразии стали коренными землями тюрко-монгольского мира.

Тохары, прежде чем исчезнуть в этом мире, оставили нам замечательные памятники своего языка и тем самым создали острейшую «тохарскую проблему», без решения которой трудно было даже приблизиться к постижению «проблемы индоевропейской». Язык их исчез, но последние материальные признаки тохарской культуры обнаруживаются благодаря внезапно возродившейся в начале XI в. моде на лепную расписную керамику, отголоски которой дошли до наших дней в виде гончарной традиции отдаленных горных уголков Средней Азии.

1. Абаев В. И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. Сборник статей, посвященный профессору В. И. Авдиеву. М., 1972. С. 26–37.
2. Абдуллаев К., Аннаев Т. Раскопки на городище Зартепи в 1979–1981 гг. // ИМКУ. Вып. 23. Ташкент, 1990. С. 12–25.
3. Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991.
4. Аванесова Н. А. У истоков урбанистического Афрасиаба // ИМКУ. Вып. 32. Ташкент, 2001. С. 57–68.
5. Аванесова Н. А. Случайные находки эпохи бронзы из фондов Госмузея-заповедника Самарканда // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. М., 2004. С. 405–414.
6. Аванесова Н. А. Двенадцатый полевой сезон на некрополе Бустон VI // Археологические исследования в Узбекистане — 2004–2005 гг. Выпуск 5. Ташкент, 2006. С. 23–30.
7. Авизова А. К. К вопросу о культурном своеобразии неолита Устюрта (по данным типолого-статистического анализа каменной индустрии) // Археология Приаралья. Вып. IV. Ташкент, 1990. С. 3–28.
8. Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.
9. Алексеев В. П. Антропологический очерк населения древнего и раннесредневекового Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религия. Под редакцией академика АН Таджикской ССР Б. А. Литвинского. М., 1992. С. 388–405.
10. Алексеев В. П., Аскарлов А. А., Ходжайов Т. К. Историческая антропология Средней Азии (палеолит – эпоха античности). Ташкент, 1990.
11. Алёшкин В. А. Культурные контакты древних племен Средней Азии (неолит – эпоха бронзы) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 150–157.
12. Алиев Иггар, Погребова М. Н. Об этнических процессах в областях Восточного Закавказья и Западного Ирана в конце II – начале I тысячелетия до н. э. // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981. С. 126–137.
13. Альбаум Л. И. Некоторые культовые предметы в экспозиции Музея истории народов Узбекистана (эпоха камня и бронзы) // Времен

- связующая нить (по материалам музейных фондов). Под редакцией Г. Р. Рашидова и Э. В. Ртвеладзе. Ташкент, 1992. С. 68–82.
14. Аманбаева Б. Э., Рогожинский А. Е., Мэрфи Д. Могильник Шагым — новый памятник эпохи бронзы Восточной Ферганы (Кыргызстан) // Археологические исследования в Узбекистане. Вып. 5. Ташкент, 2006. С. 256–265.
 15. Анарбаев А. А., Матбабаев Б. Х. Раннесредневековый городской некрополь ферганцев // ИМКУ. Вып. 29. Самарканд, 1998. С. 77–95.
 16. Андреев Н. Д. Раннеиндоевропейский праязык. Л., 1986.
 17. Андрианов Б. В. Проблема происхождения ирригационного земледелия и современные археологические исследования // История, археология и этнография Средней Азии. Сборник статей к 60-летию со дня рождения С. П. Толстова. М., 1968. С. 16–25.
 18. Аннаев Т. Д. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Ташкент, 1988.
 19. Антонова Е. В. Несколько заметок о первобытной археологии Синьцзяна // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. Под редакцией Б. А. Литвинского. М., 1984. С. 55–60.
 20. Антонова Е. В. Бронзовый век // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. Под редакцией С. Л. Тихвинского и Б. А. Литвинского. М., 1988. С. 136–155.
 21. Антонова Е. В. Еще раз о культовых сосудах БМАК // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. М., 2004. С. 193–201.
 22. Антонова Е. В. Об останках животных в памятниках Бактрийско-маргианского археологического комплекса (БМАК) // Центральная Азия: источники, история, культура: материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского (Москва, 3–5 апреля 2003 г.). Отв. ред. Е. А. Антонова, Т. К. Мкртычев. М., 2005. С. 105–117.
 23. Антонова Е. В., Литвинский Б. А. К вопросу об истоках древней культуры Переднего Востока (раскопки Невали-Чори) // ВДИ. 1998. № 1. С. 36–47.
 24. Артеменко И. И. Фатьяновский могильник на Олочинской горе // КСИА. Вып. 93. М., 1963. С. 55–57.
 25. Аскарлов А. Культура Заман-баба в низовьях Зеравшана // ОНУ. 1962. № 11. С. 59–65.
 26. Аскарлов А. Поселение Заман-Баба // КСИА. Вып. 93. М., 1963. С. 86–92.
 27. Аскарлов А. А. Расписная керамика Джар-Кутана // Бактрийские древности. Л., 1976. С. 17–19.
 28. Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
 29. Аскарлов А. А. К вопросу о происхождении культуры племен с расписной керамикой эпохи поздней бронзы и раннего железа // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 34–37.
 30. Аскарлов А. А. Южный Узбекистан во II тысячелетии до н. э. // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981. С. 167–179.
 31. Аскарлов А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979.
 32. Бабаков О., Рыкушина Г. В., Дубова Н. А., Васильев С. В., Пестряков А. П., Ходжайов Т. К. Антропологическая характеристика населения,

- захороненного в некрополе Гонур-Депе // Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001. С. 105–132.
33. Бадер О. Н. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963.
 34. Бадер О. Н. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. Исследования Советской археологической экспедиции в Ираке на поселениях тель Магзалия, тель Сотто, Кюльтепе. Ответственный редактор Р. М. Мунчаев. М., 1989.
 35. Байпаков К. М., Бороффа Н., Савельева Т. В., Ахатов Г. А., Лобас Д. А., Ержанова А. А. Итоги археологических исследований Северного Приаралья по проекту INTAS «CLIMAN» // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2004. № 1. С. 236–254.
 36. Балахванцев А. С. Старая Ниса: хронология и интерпретация // Центральная Азия: источники, история, культура: материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского (Москва, 3–5 апреля 2003 г.). Отв. ред. Е. А. Антонова, Т. К. Мкртычев. М., 2005. С. 172–190.
 37. Бахтеев Ф. Х. К археологическим раскопкам в Кызылкумах // ОНУ. 1962. № 11. С. 65–66.
 38. Бенвенист Э. Тохарский и индоевропейский // Тохарские языки. Сборник статей под редакцией и с вступительной статьей В. В. Иванова. М., 1959. С. 90–108.
 39. Бердыев О. Чакмаклы-депе — новый памятник времени Анау IА // История, археология и этнография Средней Азии. Сборник статей к 60-летию со дня рождения С. П. Толстова. М., 1968. С. 26–34.
 40. Бердыев О. Материальная культура Туркменистана в период неолита и раннего энеолита // Первобытный Туркменистан. Под редакцией В. М. Массона, Б. Атагаррыева. Ашхабад, 1976. С. 14–81.
 41. Берёзкин Ю. Е. Индоевропейская проблема и археология // Археологические Вести. 1992. № 1. С. 200–203.
 42. Берёзкин Ю. Е. Исследования по археологии Ближнего Востока и Средней Азии // Археологические Вести. 1992. № 1. С. 218–223.
 43. Берёзкин Ю. Е. У истоков месопотамской письменности и искусства // Археологические Вести. 2000. № 7. С. 334–338.
 44. Берлизов Н. И., Каминский В. Н. Аланы, Кангюй и Давань // Петербургский археологический вестник. № 7. Санкт-Петербург, 1993. С. 94–112.
 45. Бернштам А. Н. К вопросу об усунь|кушан и тохарах (Из истории Центральной Азии) // СЭ. 1947. № 3. С. 41–47.
 46. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.–Л., 1950.
 47. Богаевский Б. Л. Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья // Известия ГАИМК. Том VI. Вып. 8–9. Л., 1931. С. 1–99.
 48. Болелов С. Б. Погребения по обряду кремации на территории Средней Азии // РА. 1994. № 4. С. 98–105.
 49. Бонгард-Левин Г. М. К проблеме генезиса древнеиндийской цивилизации (Индоарии и местные субстраты) // ВДИ. 1979. № 3. С. 3–26.
 50. Бонгард-Левин Г. М. Этнические процессы в Индостане (III–I тысячелетия до н. э.) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981. С. 301–310.
 51. Бонгард-Левин Г. М., Деопик Д. В. К проблеме происхождения народов

- мунда (В свете археологических исследований последних лет) // СЭ. 1957. № 1. С. 46–56.
52. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. М., 1983.
 53. Бонгард-Левин Г. М., Гуров Н. В. Древнейшая этнокультурная история народов Индостана: итоги, проблемы, задачи исследования // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 58–111.
 54. Бороффка Н. Глиняные модели повозок в Карпатах и проблема происхождения боевых колесниц // Происхождение и распространение колесничества. Сборник научных статей. Луганск, 2008. С. 30–46.
 55. Бостонгухар С. Верховья Зерафшана во II тыс. до н. э. Душанбе, 1998.
 56. Брук С. И. Этнический состав и размещение населения в странах Передней Азии // Переднеазиатский этнографический сборник. I. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXXIX. М., 1958. С. 73–109.
 57. Бруне Ф. Связи между Акчадарьей, Маргианой и Сеистаном в III тысячелетии до н. э. // Древняя Маргиана — новый центр мировой цивилизации. Материалы Международной научной конференции (14–16 Санджар). Мары, 2006. С. 205.
 58. Брюсов А. Я. К вопросу об индоевропейской проблеме // СА. 1958. № 3. С. 18–26.
 59. Брюсов А. Я. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тысячелетия до н. э. // СА. 1961. № 3. С. 14–33.
 60. Бунак В. В. Краниологические типы западноевропейского неолита // КСИЭ. I. М., 1946. С. 51–54.
 61. Вайман А. А. О квазишумерских табличках Тэртэрии // Археологические Вести. 1994. № 3. С. 181–188.
 62. Вактурская Н. Н. О поездке в Южные Кызыл-Кумы в 1955 г. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1954–1956 гг. Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 1. С. 39–51.
 63. Валиханов Ч. Избранные произведения. Вступ. статья А. Х. Маргулана. М., 1986.
 64. Варенов А. В. Южносибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в Восточном Туркестане // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. Новосибирск, 1998. С. 60–72.
 65. Варенов А. В. Новая культура эпохи бронзы из китайской части Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии № 4. Горно-Алтайск, 1999. С. 53–59.
 66. Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. 1979. № 4. С. 147–167.
 67. Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.
 68. Васильев Л. С. Происхождение древнекитайской цивилизации // Вопросы истории. 1974. № 12. С. 86–102.
 69. Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. Формирование основ материальной культуры и этноса. М., 1976.
 70. Вертоградова В. В. Находка надписи неизвестным письмом на Кара-тепе // Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. Вып. V. М., 1982. С. 160–167.
 71. Вертоградова В. В. Индийская эпиграфика из Кара-тепе в Старом Термезе (проблемы дешифровки и интерпретации). М., 1995.

72. Вигасин А. А. «Перипл Эритрейского моря» и политическая карта Индии // ВДИ. 2001. № 1 (236). С. 3–13.
73. Виноградов А. В. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры // СЭ. 1957. № 1. С. 25–45.
74. Виноградов А. В. Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции АН СССР 1957 г. // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 4. М., 1960. С. 63–81.
75. Виноградов А. В. Неолит Устюрта // История, археология и этнография Средней Азии. Сборник статей к 60-летию со дня рождения С. П. Толстова. М., 1968. С. 64–75.
76. Виноградов А. В. О локальных вариантах неолитической культуры Кызылкумов // КСИА. Вып. 122. М., 1970. С. 31–36.
77. Виноградов А. В. Исследования памятников каменного века в Северном Афганистане // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 2. М., 1979а. С. 7–62.
78. Виноградов А. В. О распространении наконечников стрел кельтеминарского типа // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979б. С. 3–10.
79. Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIII. М., 1981.
80. Виноградов А. В., Кузьмина Е. Е. Литейные формы из Лявлякана // СА. 1970. № 2. С. 125–135.
81. Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 10. М., 1975.
82. Виноградов А. В., Итина М. А., Яблонский Л. Т. Древнейшее население низовий Амударьи (археолого-палеоантропологическое исследование). Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XV. М., 1986.
83. Виноградова Н. М. Погребальный обряд культуры Свата (Северо-Западный Пакистан) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991. С. 23–65.
84. Виноградова Н. М. Исследования контактов земледельческого и степного населения на юге Средней Азии (Южный Таджикистан) в эпоху поздней бронзы // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. Сборник статей. М., 2000. С. 89–109.
85. Виноградова Н. М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004.
86. Виноградова Н. М., Кузьмина Е. Е. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан в системе культур древнего и средневекового Востока. Под редакцией Б. А. Литвинского. М., 1986. С. 126–151.
87. Воробьева-Десятовская М. И. Индийцы в Восточном Туркестане (некоторые социологические аспекты) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. Под редакцией Б. А. Литвинского. М., 1984. С. 61–96.
88. Воронец М. Э. Каменное изображение змеи из кишлака Сох Ферганской области // КСИИМК. Вып. 61. М., 1956. С. 48–55.
89. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики

- общеевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // ВДИ. 1980. № 3. С. 3–27.
90. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Миграции племен — носителей индоевропейских диалектов — с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // ВДИ. 1981. № 2. С. 11–33.
 91. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. К проблеме прародины носителей родственных диалектов и методам ее установления (по поводу статей И. М. Дьяконова в ВДИ, 1982, № 3 и 4) // ВДИ. 1984. № 2. С. 107–122.
 92. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Том I, II. Тбилиси, 1984.
 93. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Первые индоевропейцы в истории: предки тохар в древней Передней Азии // ВДИ. 1989. № 1. С. 14–39.
 94. Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Часть 1. Челябинск, 1992.
 95. Георгиев В. И. Балто-славянский и тохарский языки // ВЯ. 1958. № 6. С. 3–20.
 96. Георгиев В. И. Днешното състояние на проучванията върху тракийския език // Археология (София). 1960. Год II. Кн. 2. С. 13–27.
 97. Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
 98. Гиршман Р. Иран и миграции индоариев и иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981. С. 140–144.
 99. Горбунова Н. Г. Кугайско-карабулакская культура Ферганы // СА. 1983. № 3. С. 23–46.
 100. Грантовский Э. А. «Серая керамика», «расписная керамика» и индоиранцы // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981. С. 245–273.
 101. Григорьев С. А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск, 1999.
 102. Грозный Б. Доисторические судьбы Передней Азии // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 24–45.
 103. Грязнов М. П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб., 1999.
 104. Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Заравшана. Ташкент, 1966.
 105. Гутлыев Г. Раскопки поселения раннежелезного века Ясы-депе в Каахкинском районе // Каракумские древности. Вып. V. Ашхабад, 1977. С. 18–24.
 106. Дани Ахмад Хасан. Новые открытия в Северном Пакистане и проблема происхождения дардской культуры // Stratum plus. 1999. № 2. С. 362–367.
 107. Даниленко В. Н. Неолит Украины. Главы древней истории юго-восточной Европы. Киев, 1969.
 108. Дергачев В. А. Памятники позднего Триполья (опыт систематизации). Кишинёв, 1980.
 109. Дергачев В. А. О скипетрах, о лошадях, о войне (этюды в защиту миграционной теории М. Гимбутас). СПб., 2007.
 110. Джаракян Р. В. Этнический состав населения к северу от долины реки

- Диялы (Ирак) в III тысячелетии до н. э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 3–16.
111. Димитров Д. П. Троя VIIb и балканските тракийски и мизийски племена // Археология (София). 1968. Год X. Кн. 4. С. 1–15.
 112. Долуханов П. М. Истоки миграций (моделирование демографических процессов по археологическим и экологическим данным) // Проблемы археологии. Сборник статей. Вып. II. Л., 1978. С. 38–43.
 113. Долуханов П. М., Щетенко А. Я., Този М. Серия радиоуглеродных датировок наслоений эпохи бронзы на Намазгадепе // СА. 1985. № 4. С. 118–123.
 114. Дубова Н. А. Население Гонура по данным антропологии // Древняя Маргиана — новый центр мировой цивилизации. Материалы Международной научной конференции (14–16 Санджар). Мары, 2006. С. 169–174.
 115. Дуке Х. Новый могильник тюркского времени в Южном Узбекистане // УСА. Вып. 3. Л., 1975. С. 76.
 116. Дуке Х. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент, 1982.
 117. Дунаевская И. М. О характере и связях языков древней Малой Азии // ВЯ. 1954. № 6. С. 62–80.
 118. Дьяконов И. М. О языках древней Передней Азии // ВЯ. 1954. № 5. С. 43–64.
 119. Дьяконов И. М. Народы древней Передней Азии // Переднеазиатский этнографический сборник. I. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXXIX. М., 1958. С. 5–72.
 120. Дьяконов И. М. Рецензия на книгу: В. М. Массон, Древнеземледельческая культура Маргианы (Материалы и исследования по археологии СССР, № 73), М.–Л., 1959 // ВДИ. 1960. № 3. С. 196–203.
 121. Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
 122. Дьяконов И. М. Арийцы на Ближнем Востоке. Конец мифа (К методике исследования исчезнувших языков) // ВДИ. 1970. № 4. С. 39–63.
 123. Дьяконов И. М. Фригийский язык // Древние языки Малой Азии. Сборник статей под редакцией И. М. Дьяконова и Вяч. Вс. Иванова. М., 1980. С. 357–377.
 124. Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. I // ВДИ. 1982а. № 3. С. 3–30.
 125. Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. II // ВДИ. 1982б. № 4. С. 11–25.
 126. Дьяконов И. М. Прародина индоевропейцев. (По поводу книги Е. Е. Кузьминой «Откуда пришли индоарии?». М., 1994) // ВДИ. 1995. № 1. С. 123–130.
 127. Дьяконов И. М., Старостин С. А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 164–207.
 128. Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. М., 2007.
 129. Дюринг-Касперс Э. Маргианско-Бактрийский археологический комплекс и харапское письмо // ВДИ. 1997. № 3. С. 51–65.
 130. Заднепровский Ю. А. Городище Эйлатан (к вопросу о датировке памятника) // СА. 1960. № 3. С. 29–45.
 131. Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА. № 118. М.–Л., 1962.

132. Заднепровский Ю. А. Рецензия на книгу Namio Egami and Shinji Fukai, Seiichi Masuda. The Excavations of Noruzmahale and Khoramrud. 1960 (Tokyo). The Institute for Oriental Culture, the University of Tokyo, 1966 // СА. 1969. № 1. С. 304–307.
133. Заднепровский Ю. А. К проблеме этнической принадлежности катакомбных памятников Средней Азии // Петербургский археологический вестник. № 8. Санкт-Петербург, 1994. С. 114–118.
134. Заднепровский Ю. А. Ошское поселение к истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, 1997.
135. Захаров А. О. К проблеме происхождения юечжей // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII (в честь 70-летия С. Д. Крыжицкого). Москва–Магнитогорск, 2002. С. 447–455.
136. Збруева А. В. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья // ВДИ. 1946. № 3. С. 182–190.
137. Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск, 1988.
138. Иванов Вяч. Вс. Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторического исследования индоевропейских языков (Памяти В. С. Воробьева-Десятовского) // Тохарские языки. Сборник статей под редакцией и с вступительной статьей В. В. Иванова. М., 1959. С. 5–37.
139. Иванов Вяч. Вс. Анатолийские языки // Древние языки Малой Азии. Сборник статей под редакцией И. М. Дьяконова и Вяч. Вс. Иванова. М., 1980. С. 129–160.
140. Иванов Вяч. Вс. История славянских и балканских названий металлов. М., 1983.
141. Иванов Вяч. Вс. Древневосточные связи этрусского языка // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 208–218.
142. Иванов Вяч. Вс. О соотношении археологических, лингвистических и культурно-семиотических реконструкций (на материале комплекса Тоголок-21) // ВДИ. 1989. № 2. С. 171–175.
143. Иванов Вяч. Вс. Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религия. Под редакцией академика АН Таджикской ССР Б. А. Литвинского. М., 1992а. С. 6–31.
144. Иванов Вяч. Вс. Памятники тохароязычной письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религия. Под редакцией академика АН Таджикской ССР Б. А. Литвинского. М., 1992б. С. 222–270.
145. Иванов Вяч. Вс. Индоевропейские миграции // Stratum: структуры и катастрофы. СПб., 1997. С. 20–25.
146. Иванов Вяч. Вс. Двадцать лет спустя о доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из Древнего Ближнего Востока // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. М., 2004. С. 41–67.
147. Иванов Г. П. Археологические культуры Ферганы (периодизация и синхронизация). Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Самарканд, 1999.
148. Иессен А. А. Каменная скульптура медведя из Туркмении // Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Том I. Л., 1941. С. 9–16.
149. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков

- (семиотохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Т. 1. Под редакцией и с вступительной статьей В. А. Дыбо. М., 1971.
150. Иневаткина О. Н. Начальные этапы урбанизации Самаркандского Согда и его западные пределы // Материальная культура Востока. Сборник статей. Вып. 5. Научн. ред. Л. М. Носкова. М., 2010. С. 6–26.
 151. Иностранцев К. А. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. Часть XX. СПб., 1909 (март). С. 95–121.
 152. Исаков А. И. Саразм (к вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977–1983 гг.)). Душанбе, 1991.
 153. Исаков А. И. Богатое женское погребение из Саразма (Таджикистан) // Археологические Вести. 1992. № 1. С. 64–75.
 154. Исамиддинов М. Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент, 2002.
 155. Исамиддинов М. Х. Стратиграфия городища Коктепа и некоторые вопросы истории и культуры Согдианы эллинистического периода // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сборник статей в честь П. Бернара. Под редакцией К. Абдуллаева. Ташкент, 2010, с. 131–140.
 156. Исамиддинов М. Х., Рапен К. К стратиграфии городища Коктепа // ИМКУ. Вып. 30. Ташкент, 1999, с. 68–79.
 157. Исламов У. И., Тимофеев В. И. Культура каменного века Центральной Ферганы. Ташкент, 1986.
 158. ИТН — История таджикского народа. Т. I. С древнейших времен до V в. н. э. Под редакцией Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М., 1963.
 159. ИТН — История таджикского народа. Т. I. Древнейшая и древняя история. Под редакцией Б. А. Литвинского и В. А. Ранова. Душанбе, 1998.
 160. Итина М. А. Из истории населения степной полосы Среднеазиатского междуречья в эпоху бронзы // КСИА. Вып. 122. М., 1970. С. 49–53.
 161. Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья (II – начало I тысячелетия до н. э.). Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 10. М., 1977.
 162. Йюффи Н. «Чужеземцы» в Месопотамии // ВДИ. 1989. № 2. С. 95–100.
 163. Канева И. Т. Шумерский героический эпос. Транскрипции, перевод, комментарии и вводные статьи // ВДИ. 1964. № 3–4. С. 245–267; 191–225.
 164. Каспаров А. К. Собака эпохи энеолита из Южной Турмении по палеозоологическим данным // Археологические Вести. 2000. № 7. С. 41–47.
 165. Кесь А. С., Итина М. А., Виноградов А. В. К палеогеографии Акча-Дары // КСИА. Вып. 122. М., 1970. С. 110–113.
 166. Кирчо Л. Б. Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). Труды Института истории материальной культуры. Т. XVI. Под редакцией В. М. Массона и Ю. Е. Берёзкина. СПб., 2005.
 167. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. Второе издание. М., 1951.
 168. Киселев С. В. Неолит и бронзовый век Китая (по материалам научной командировки в КНР) // СА. 1960. № 4. С. 244–266.

169. Кияткина Т. П. Краниология энеолитического Алтын-депе // Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад, 1980. С. 145–153.
170. Кияшко А. В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.
171. Клейн Л. С. Миграция тохаров в свете археологии // *Stratum plus*. 2000. № 2. С. 178–187.
172. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004.
173. Ковалев А. Древние кочевники на границах китайских государств // *Miras*. 2001. № 2. С. 124–130.
174. Ковалев А. А. Древнейшая миграция из Загроса в Китай и проблема прародины тохаров // *Археолог: детектив и мыслитель*. Сборник статей, посвященный 77-летию Л. С. Клейна. Санкт-Петербург, 2004. С. 249–292.
175. Ковалевская В. Б. Доместикация и использование коня в Евразии в V–III тыс. до н. э. // *Древность: историческое знание и специфика источника*. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского. Вып. IV. 14–16 декабря 2009 г. Отв. ред. А. С. Балахванцев. М., 2009. С. 56–57.
176. Кожин П. М. Новый этап первобытной и раннеисторической археологии Средней Азии // *Труды Маргианской археологической экспедиции*. На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В. И. Сарияниди. СПб., 2010. С. 135–143.
177. Корневский С. Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М., 2004.
178. Корневский С. Н. Радиоуглеродные даты древнейших курганов Восточной Европы и энеолитического блока памятников Замок — Мешоко — Свободное // *Вопросы археологии Поволжья*. Вып. 4. Самара, 2006. С. 141–147.
179. Корневский С. Н. О зооморфных прототипах каменных скипетров эпохи энеолита, раннего периода бронзового века Восточной Европы и Кавказа // *Проблемы истории, филологии, культуры*. Вып. XXI. В честь 80-летия Р. М. Мунчаева. Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2008. С. 86–111.
180. Корниенко Т. В. К проблеме культового строительства в Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита // *Археологические Вести*. 2005. № 12. С. 179–187.
181. Коробкова Г. Ф. Проблема культур и локальных вариантов в мезолите и неолите Средней Азии // *КСИА*. Вып. 122. М., 1970. С. 21–26.
182. Коробкова Г. Ф. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии (по материалам каменной индустрии) // *СА*. 1975. № 3. С. 8–27.
183. Коробкова Г. Ф. Мезолит Средней Азии и его особенности // *КСИА*. Вып. 149. М., 1977. С. 108–115.
184. Коробкова Г. Ф. Средняя Азия и Казахстан // *Археология СССР*. Неолит Северной Евразии. Ответственный редактор тома С. В. Ошибкина. М., 1996. С. 87–133.
185. Коробкова Г. Ф., Крижевская Л. Я., Мандельштам А. М. К вопросу о неолите Прикаспия (по материалам памятников Карабугаза) // *История,*

- археология и этнография Средней Азии. Сборник статей к 60-летию со дня рождения С. П. Толстова. М., 1968. С. 53–63.
186. Корякова Л. Н. Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н. э. по материалам Павлиновского археологического комплекса. Екатеринбург–Сургут, 2009.
 187. Косарев М. Ф., Кузьминых С. В. К проблеме поисков уральской прародины // *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 89, Helsinki, 2001, pp. 99–126.
 188. Котович В. Г. Археологические данные к древней истории Прикаспийского пути // *Проблемы археологии. Сборник статей. Вып. II. Л., 1978. С. 54–61.*
 189. Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья (Фатьяновская культура. II тысячелетие до н. э.). М., 1972.
 190. Крайнов Д. А. Фатьяновская культура // *Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Ответственные редакторы тома: О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов, М. Ф. Косарев. М., 1987. С. 58–76.*
 191. Краснов Ю. А. Об истоках пашенного земледелия в Восточной Европе // *СА. 1980. № 3. С. 15–23.*
 192. Краузе В. Тохарский язык // *Тохарские языки. Сборник статей под редакцией и с вступительной статьей В. В. Иванова. М., 1959. С. 39–89.*
 193. Крижевская Л. Я. Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии // *СА. 1962. № 2. С. 97–111.*
 194. Крижевская Л. Я. К вопросу о взаимоотношении населения Южного Урала и Средней Азии в неолитическую эпоху // *КСИА. Вып. 122. М., 1970. С. 27–30.*
 195. Крижевская Л. Я. К вопросу о неолите Северо-Восточного Прикаспия // *МИА. № 185. Палеолит и неолит СССР. Том 7. Л., 1972. С. 271–279.*
 196. Крупнов Е. И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (К проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // *СА. 1964. № 1. С. 26–43.*
 197. Крюков М. В. Восточный Туркестан в III в. до н. э. – VI в. н. э. // *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. Под редакцией С. Л. Тихвинского и Б. А. Литвинского. М., 1988. С. 223–296.*
 198. Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.
 199. Кузьмина Е. Е. Могильник Заманбаба (К вопросу о культурных связях населения долины нижнего Зеравшана в III–II тысячелетиях до н. э.) // *СЭ. 1958. № 2. С. 24–33.*
 200. Кузьмина Е. Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии («Бактрийский мираж» и археологическая действительность) // *ВДИ. 1972. № 1. С. 131–147.*
 201. Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // *Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981. С. 101–125.*
 202. Кузьмина Е. Е. Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма // *ВДИ. 1997. № 2. С. 81–95.*
 203. Кузьмина Е. Е. Первая волна миграции индоиранцев на юг // *ВДИ. 2000. № 4. С. 3–20.*
 204. Кузьмина Е. Е. Современное состояние проблемы доместикации лошади и происхождения колесниц // *У истоков цивилизации. Сборник*

- статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. М., 2004. С. 129–141.
205. Кузьмина Е. Е. К вопросу о современном состоянии проблемы происхождения индоиранцев // Центральная Азия: источники, история, культура: материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского (Москва, 3–5 апреля 2003 г.). Отв. ред. Е. А. Антонова, Т. К. Мкртычев. М., 2005. С. 383–411.
206. Кузьмина Е. Е. Культура Маргианы и Бактрии эпохи финальной бронзы (РЖВ) и ее этническая атрибуция // Древняя Маргиана — новый центр мировой цивилизации. Материалы Международной научной конференции (14–16 Санджар). Мары, 2006. С. 178–180.
207. Кузьмина Е. Е. Арии — путь на юг. М., 2008.
208. Кузьмина Е. Е. Кыргызстан — центр распространения культурных влияний Запада в Синьцзяне // Древность: историческое знание и специфика источника. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского. Вып. IV. 14–16 декабря 2009 г. Отв. ред. А. С. Балахванцев. М., 2009. С. 65–67.
209. Курбанов А. Эфталиты. Очерки истории. Санкт-Петербург, 2006.
210. Курочкин Г. Н. Памятники с серой керамикой эпохи раннего железа в Иранском Азербайджане (к проблеме генезиса) // КСИА. Вып. 199. М., 1990. С. 16–22.
211. Курочкин Г. Н. Археологический поиск арийцев на Древнем Востоке: «царский» могильник Марлик в Северном Иране (вопросы хронологии, культурогенеза и этнической атрибуции) // Петербургский археологический вестник. Под общей редакцией д. и. н. М. Б. Щукина. 1993. № 7. С. 25–35.
212. Кутимов Ю. Г. Некоторые аспекты развития и абсолютной датировки тазабагъябской культуры Южного Приаралья (по материалам могильника Кокча 3) // Археологические Вести. 2002. № 9. С. 191–199.
213. Кутимов Ю. Г. Степные элементы в погребальном обряде могильника Заманбаба (к вопросу о происхождении и хронологии заманбабинской культуры эпохи бронзы Средней Азии) // Археологические Вести. 2005. № 12. С. 188–208.
214. Кучера С. Китайская археология 1965–1974 гг.: палеолит – эпоха Инь. Находки и проблемы. М., 1977.
215. Кучера С. Ранняя история Синьцзяна: неолит – начало века металла // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. Под редакцией Б. А. Литвинского. М., 1984. С. 29–54.
216. Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа (V–III тыс. до н. э.). Л., 1970.
217. Кушнарева К. Х., Рысин М. Б. Бедено-алазанская группа памятников Кавказа (к пересмотру хронологии, периодизации и культурно-экономических связей) // Взаимодействие культур и цивилизаций. Сборник в честь юбилея В. М. Массона. Санкт-Петербург, 2000. С. 60–109.
218. Лазаретов И. П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 19–64.
219. Ламберг-Карловски К. Модели взаимодействия в III тысячелетии до н. э.: от Месопотамии до долины Инда // ВДИ. 1990. № 1. С. 3–21.
220. Латынин Б. А. О южных границах ойкумены степных культур эпохи

- бронзы // СА. 1958. № 3. С. 46–53.
221. Лелеков Л. А. К новейшему решению индоевропейской проблемы // ВДИ. 1982. № 3. С. 31–37.
222. Лелеков Л. А. Рецензия на книгу: Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. 1–2. Тбилиси, 1984 // НАА. 1987. № 6. С. 177–184.
223. Лившиц В. А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб., 2008.
224. Лисицына Г. Н. Основные черты палеогеографии Геокюрского оазиса // КСИА. Вып. 93. М., 1963. С. 69–73.
225. Лисицына Г. Н. Основные этапы истории орошаемого земледелия на юге Средней Азии и Ближнем Востоке // КСИА. Вып. 122. М., 1970. С. 114–117.
226. Литвинский Б. А. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Сталинабад, 1954.
227. Литвинский Б. А. Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии // ВДИ. 1967. № 4. С. 118–137.
228. Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
229. Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972а.
230. Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). Под редакцией Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М., 1976. С. 49–65.
231. Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н. э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981. С. 154–166.
232. Литвинский Б. А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. Под редакцией Б. А. Литвинского. М., 1984. С. 4–28.
233. Литвинский Б. А. Медные котелки из Индостана и Памира (древние связи двух регионов) // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. Сборник статей. М., 2000. С. 277–294.
234. Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962.
235. Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М., 1984.
236. Литвинский Б. А., Соловьев В. В. Средневековая культура Тохаристана. М., 1985.
237. Литвинский Б. А., Терентьев-Катанский А. П. (с дополнениями М. В. Крюкова). История изучения // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. Под редакцией С. Л. Тихвинского и Б. А. Литвинского. М., 1988. С. 19–82.
238. Лубо-Лесниченко Е. И. Великий шелковый путь // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. Под редакцией С. Л. Тихвинского и Б. А. Литвинского. М., 1988. С. 352–391.
239. Лубоцкий А. Кто были жители Гонура и на каком языке они говорили? // Труды Маргианской археологической экспедиции. На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В. И. Сарианиди.

- СПб., 2010. С. 18–28.
240. Лурье П. Б. О современной иранской археологической литературе // Археологические Вести. 2002. № 9. С. 245–252.
241. Лушпенко О. Н. К истории изучения поселений раннежелезного века долины Кашкадарьи // Древняя и средневековая археология Средней Азии (к проблеме истории культуры). Отв. редактор З. И. Усманова. Ташкент, 1990. С. 24–29.
242. Лушпенко О. Н. Керамические комплексы раннежелезного века Южного Согда (по материалам памятников Сангиртепа и Узункыр) // Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. Под редакцией Т. Г. Алпаткиной, С. Б. Болелова, О. Н. Иневаткиной, Т. К. Мкртычева. М., 2000. С. 81–83.
243. Ляпин А. А. Новые памятники эпохи бронзы Южного Туркменистана // УСА. Вып. 3. Л., 1975. С. 73.
244. Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10. М., 2008.
245. Малявкин А. Г. (с дополнениями Б. А. Литвинского). История Восточного Туркестана в VII–X вв. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. Под редакцией С. Л. Тихвинского и Б. А. Литвинского. М., 1988. С. 352–391.
246. Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск, 1989.
247. Мамедов Э. Опыт географического анализа древнего расселения человека в бессточных районах пустынь // История, археология и этнография Средней Азии. Сборник статей к 60-летию со дня рождения С. П. Толстова. М., 1968. С. 9–16.
248. Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // Труды ТАЭ. Т. VI. МИА. № 145. Л., 1968.
249. Мандельштам А. М. Заметки о сарматских чертах в памятниках кочевников южных областей Средней Азии // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 173–177.
250. Марков Г. Е. Грот Дам-Дам чешме 2 в Восточном Прикаспии // СА. 1966. № 2. С. 104–125.
251. Марков Г. Е., Дурдыев М. Б. Новые исследования первобытных памятников в Прикаспии // Каракумские древности. Вып. V. Ашхабад, 1977. С. 9–17.
252. Марущенко А. А. Елькен-Депе (отчет о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг.) // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. Том V. Ашхабад, 1959. С. 54–109.
253. Масимов И. С., Удеумурадов Б. Н. Новые материалы по раннежелезному веку низовий Мургаба // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ответственные редакторы В. М. Массон, Е. Атагарыев. Ашхабад, 1984. С. 12–27.
254. Массон В. М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина // Труды ЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад, 1956. С. 291–373.
255. Массон В. М. Первобытнообщинный строй на территории Туркмении (энеолит, бронзовый век и эпоха раннего железа) // Труды ЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад, 1956а. С. 233–259.
256. Массон В. М. Памятники культуры архаического Дахистана // Труды ЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад, 1956б. С. 385–457.

257. Массон В. М. Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связи с Ираном и Индией // ВДИ. 1957а. № 1. С. 34–47.
258. Массон В. М. Джейтун и Кара-депе (Предварительное сообщение о работах 1955 г.) // СА. 1957б. № 1. С. 143–160.
259. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА. № 73. М.–Л., 1959.
260. Массон В. М. Средняя Азия и Иран в III тысячелетии до нашей эры // КСИА. Вып. 93. М., 1963. С. 15–23.
261. Массон В. М. Историческое место среднеазиатской цивилизации // СА. 1964а. № 1. С. 12–25.
262. Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.–Л., 1964б.
263. Массон В. М. Земледельческий неолит юго-запада Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Под редакцией В. М. Массона. М.–Л., 1966. С. 76–92.
264. Массон В. М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики) // МИА. № 180. Л., 1971.
265. Массон В. М. Некоторые общие черты развития материальной культуры первобытного Туркменистана // Первобытный Туркменистан. Под редакцией В. М. Массона, Б. Атагаррыева. Ашхабад, 1976. С. 112–122.
266. Массон В. М. Печати протоиндийского типа из Алтын-депе (К проблеме этнической атрибуции культур расписной керамики Ближнего Востока) // ВДИ. 1977. № 4. С. 147–155.
267. Массон В. М. Фортификация Средней Азии в бронзовом веке // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 28–34.
268. Массон В. М. Энеолит Средней Азии // Археология СССР. Энеолит СССР. Ответственные редакторы тома: В. М. Массон, Н. Я. Мерперт. М., 1982. С. 10–92.
269. Массон В. М. Изучение эпохи раннего железа на территории Южного Туркменистана // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ответственные редакторы В. М. Массон, Е. Атагаррыев. Ашхабад, 1984. С. 5–12.
270. Массон В. М. Эпоха первых цивилизаций юга Центральной Азии // ЗВОРАО. Новая серия. Том II (XXVII). СПб., 2006. С. 14–34.
271. Матбабаев Б. Х. Локальные варианты чувской культуры Ферганы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Л., 1985.
272. Матбабаев Б. Х. К истории культуры Ферганы в эпоху раннего средневековья (по материалам погребальных и городских памятников). Ташкент, 2009.
273. Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. Лесостепь и степь. М., 1982.
274. Медведская И. Н. Об «иранской» принадлежности серой керамики раннежелезного века Ирана // ВДИ. 1977. № 2. С. 93–104.
275. Мелентьев А. Н. Мезолит Северного Прикаспия (памятники сероглазовской культуры) // КСИА. Вып. 149. М., 1977. С. 100–108.
276. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. Перевод и комментарий Е. В. Антоновой. Ответственный редактор Н. Я. Мерперт. М., 1982.
277. Мерперт Н. Я. Некоторые вопросы истории Восточного Средиземноморья в связи с индоевропейской проблемой // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 3–8.

278. Мерперт Н. Я. Энеолит степной полосы европейской части СССР // L'Europe à la fin de l'âge de la pierre. Actes du Symposium consacré aux problèmes du Néolithique européen, Prague — Liblice — Brno, 5–12 octobre 1959. Praha, 1961. С. 161–175.
279. Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
280. Мерперт Н. Я. Миграции в эпоху неолита и энеолита // СА. 1978. № 3. С. 9–28.
281. Мерперт Н. Я. Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетий до н. э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 7–37.
282. Мерперт Н. Я. Рецензия на книгу: Korfmann M. Demircihüyük. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975–1978. В. I. 1983 // СА. 1988. № 2. С. 264–271.
283. Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Погребальный обряд племен халавской культуры (Месопотамия) // Археология Старого и Нового Света. М., 1982. С. 28–49.
284. Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.
285. Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век. М., 1974.
286. Мунчаев Р. М. Энеолит Кавказа // Археология СССР. Энеолит СССР. Ответственные редакторы тома: В. М. Массон, Н. Я. Мерперт. М., 1982. С. 93–164.
287. Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования советской экспедиции в Ираке. М., 1981.
288. Мурадова Э. А. Раскопки на Бенгуване // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ответственные редакторы В. М. Массон, Е. Атагарриев. Ашхабад, 1984. С. 58–77.
289. Мэллори Дж. Индоевропейские прародины // ВДИ. 1997. № 1. С. 61–82.
290. Назирова Н. Н. Экспедиции С. Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан и Западный Китай (обзор архивных материалов) // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. Под редакцией Б. А. Литвинского. М., 1986. С. 24–34.
291. Напольских В. В. Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997.
292. Напольских В. В. «Угро-самодийцы» в Восточной Европе // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 1 (5). С. 113–126.
293. Нечитайло А. Л. Европейская степная общность в эпоху энеолита // РА. 1996. № 4. С. 18–30.
294. Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. по данным археологии, лингвистики и мифологии // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 223. М., 2009. С. 121–142.
295. Обельченко О. В. Культура античного Согда (по археологическим данным VII в. до н. э. – VII в. н. э.). М., 1992.
296. Окладников А. П. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении // Труды ЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад, 1956. С. 11–219.
297. Окладников А. П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея (К вопросу о происхождении самодийских племен) // СА. 1957. № 1. С. 26–55.

298. Окладников А. П. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Под редакцией В. М. Массона. М.–Л., 1966. С. 23–75.
299. Олива П. Древний Восток и истоки греческой цивилизации // ВДИ. 1977. № 2. С. 3–6.
300. Папахристу О. А. Маркетинг в железопроизводящей промышленности Среднего Востока и опыт реконструкции чёрной тигельной металлургии Ахсикета в IX – начале XIII в. // ЗВОРАО. Новая серия. Том II (XXVII). СПб., 2006. С. 141–209.
301. Парпола А. Арийская проблема и Бактрийско-Маргианский археологический комплекс // Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. Материалы Международной научной конференции (14–16 Санджар). Мары, 2006. С. 184–188.
302. Парцингер Г., Бороффка Н. Поселение металлургов эпохи бронзы в Карнаб-Сичкончи (Узбекистан) // Первобытная археология: человек и искусство. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию со дня рождения Я. А. Шера. Новосибирск, 2002. С. 163–167.
303. Пейрос И. И., Шнирельман В. А. В поисках прародины дравидов (лингвоархеологический анализ) // ВДИ. 1992. № 1. С. 135–147.
304. Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.–Л., 1941.
305. Пидаев Ш. Р. Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии // Древняя Бактрия. Л., 1974. С. 32–42.
306. Пилипко В. Н. Поселение раннежелезного века Гарры-Кяриз I // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ответственные редакторы В. М. Массон, Е. Атагарриев. Ашхабад, 1984. С. 28–58.
307. Пилипко В. Н. Раскопки на Хырлы-депе // Проблемы истории, филологии, культуры. Выпуск XV. Москва–Магнитогорск, 2005. С. 57–80.
308. Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
309. Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранний железный век // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. Под редакцией С. Л. Тихвинского и Б. А. Литвинского. М., 1988. С. 156–189.
310. Полосьмак Н. В., Шумакова Е. В. Юго-западные связи пазырыкской культуры (ткани) // Взаимодействие культур и цивилизаций. Сборник в честь юбилея В. М. Массона. Санкт-Петербург, 2000. С. 145–148.
311. Полосьмак Н. В., Кундо Л. П. Пазырыкцы в поисках красного цвета // Центральная Азия: источники, история, культура: материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского (Москва, 3–5 апреля 2003 г.). Отв. ред. Е. А. Антонова, Т. К. Мкртычев. М., 2005. С. 589–599.
312. Пряхин А. Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971.
313. Пряхин А. Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977.
314. Пругер Е. Б. К проблеме Кызылкумов – одного из локальных древних горнопромышленных регионов Узбекистана // Материалы по истории, историографии и археологии. № 556. Ташкент, 1978. С. 28–37.
315. Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973. С. 78–128.
316. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрика // Серия: путешествия, открытия, приключения. Алматы, 1993.

317. Пьянков И. В. Бактрия в античной традиции (общие данные о стране: название и территория). Душанбе, 1982.
318. Пьянков И. В. Восточный Туркестан в свете античных источников // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. Под редакцией Б. А. Литвинского. М., 1986. С. 6–23.
319. Пьянков И. В. Восточный Туркестан в свете античных источников // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. Под редакцией С. Л. Тихвинского и Б. А. Литвинского. М., 1988. С. 190–222.
320. Пьянков И. В. Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997.
321. Пьянков И. В. Об авестийском «Семиречье» // Взаимодействие культур и цивилизаций. Сборник в честь юбилея В. М. Массона. Санкт-Петербург, 2000. С. 198–202.
322. Пьянков И. В. Социальный строй древнеземледельческих народов Средней Азии (опыт исторической реконструкции) // Центральная Азия: источники, история, культура: материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского (Москва, 3–5 апреля 2003 г.). Отв. ред. Е. А. Антонова, Т. К. Мкртычев. М., 2005. С. 600–620.
323. Пьянков И. В. Жуны и ди, аримаспы и амазонки (К вопросу о дальневосточном импульсе в истории евразийских степей конца II–I тыс. до н. э.) // ЗВОРАО. Новая серия. Том II (XXVII). СПб., 2006. С. 215–238.
324. Ранов В. А. Каменный век // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. Под редакцией С. Л. Тихвинского и Б. А. Литвинского. М., 1988. С. 83–135.
325. Резепкин А. Д. Поселение эпохи ранней бронзы Чишхо и некоторые аспекты происхождения и хронологии майкопской культуры // Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Л. С. Клейна. Санкт-Петербург, 2004. С. 422–436.
326. Ренфрю К. Индоевропейская проблема и освоение евразийских степей: вопросы хронологии // ВДИ. 2002. № 2. С. 20–32.
327. Ренфрю К. Маргиана и окружающий мир // Древняя Маргиана — новый центр мировой цивилизации. Материалы Международной научной конференции (14–16 Санджар). Мары, 2006. С. 189–191.
328. Рерих Ю. Н. Тохарская проблема // Народы Азии и Африки. 1963. № 6. С. 118–123.
329. Ртвеладзе Э. В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // Бактрийские древности. Л., 1976. С. 93–103.
330. Ртвеладзе Э. В. Великий Шелковый путь: энциклопедический справочник. Древность и раннее средневековье. Ташкент, 1999.
331. Ртвеладзе Э. В. О работах на поселении Сарыбанд и курганном могильнике Сарыбанд в 1973–75 гг. // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 2. Ташкент, 2005. С. 302–305.
332. Ртвеладзе Э. В. Археологические исследования в Бандыхане в 1974–1975 гг. // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3. Ташкент, 2007. С. 67–95.
333. Сагдуллаев А. С. О соотношении древнеземледельческих комплексов Ферганы и Бактрии // СА. 1985. № 4. С. 21–32.
334. Сагдуллаев А. С. Усадьбы Древней Бактрии. Ташкент, 1987.

335. Сагдуллаев А. С. Некоторые аспекты проблемы происхождения среднеазиатских комплексов типа Яз I // СА. 1989. № 2. С. 49–65.
336. Сагдуллаев А. С. Основные черты и генезис культуры доантичной Бактрии // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана // Под редакцией Г. А. Пугаченковой. Ташкент, 1989а. С. 29–52.
337. Сагдуллаев А. С. К изучению поселения Муллалы // Краеведение Сурхандарьи. Сборник статей под редакцией Э. В. Ртвеладзе. Ташкент, 1989б. С. 8–19.
338. Сагдуллаев А. С. О работах на поселении Бандыхан II и раскопках кургана № 1 могильника Сарыбанд // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 2. Ташкент, 2005. С. 305–306.
339. Салтовская Е. Д. Некоторые новые материалы о «ферганских кочевниках» // УСА. Вып. 3. Л., 1975. С. 36–39.
340. Самзун А. Стадия III в Мергаре (Пакистан): ее особенности и возможные параллели с памятниками Южного Туркменистана // Археологические Вести. 2000. № 7. С. 77–80.
341. Сарианиди В. И. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау // СА. 1960. № 3. С. 141–152.
342. Сарианиди В. И. О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 3–9.
343. Сарианиди В. И. Рецензия на книгу: «Pakistan Archaeology», № 2, 1965, Karachi. Published by the Department of Archaeology Ministry of Education Government of Pakistan // СА. 1969. № 1. С. 300–304.
344. Сарианиди В. И. Древние связи Южного Туркменистана и Северного Ирана // СА. 1970а. № 4. С. 19–32.
345. Сарианиди В. И. Рецензия на книгу: В. М. Массон, Средняя Азия и Древний Восток, М.–Л., 1964 // ВДИ. 1970б. № 1. С. 155–163.
346. Сарианиди В. И. Рецензия на книгу: С. С. Lamberg-Karlovsky. Excavations at Tepe-Yahya, Iran, 1967–1968, American School of Prehistoric Research, Bulletin No. 27, Cambridge, 1970 // СА. 1972. № 1. С. 282–283.
347. Сарианиди В. И. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // СА. 1975. № 2. С. 20–28.
348. Сарианиди В. И. Материальная культура Южного Туркменистана в период ранней бронзы // Первобытный Туркменистан. Под редакцией В. М. Массона, Б. Атагарыева. Ашхабад, 1976. С. 82–111.
349. Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг. М., 1977.
350. Сарианиди В. И. К вопросу о культуре Заманбаба // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 23–28.
351. Сарианиди В. И. Древняя Бактрия: новые аспекты старой проблемы // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981. С. 180–191.
352. Сарианиди В. И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
353. Сарианиди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
354. Сарианиди В. И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашгабат, 2002.
355. Сарианиди В. И., Панарин С. А. Рецензия на книгу: Investigations at Tal-i-Iblis. I. Caldwell, editor. Illinois State Museum, Preliminary Report, No 9, 1967, Illinois // СА. 1971. № 1. С. 274–280.

356. Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.
357. Сверчков Л. М., Бороффка Н. Археологические исследования в Бандыхане в 2005 г. // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3. Ташкент, 2007. С. 97–131.
358. Сверчков Л. М., Бороффка Н. Комплекс периода Яз II из Бандыхана // ИМКУ. Вып. 36. Ташкент, 2008. С. 50–56.
359. Седов В. В. VII Международный конгресс финно-угроведов (археологическая проблематика) (Дебрецен, 1990) // СА. 1992. № 1. С. 296–301.
360. Седов В. В. Древнеевропейцы // РА. 1993. № 3. С. 18–35.
361. Семенов В. А. Древняя культура – афанасьевская культура и проблемы прототохарской миграции на восток // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987. С. 17–19.
362. Семенов В. А. Древнейшая миграция индоевропейцев на восток (к столетию открытия тохарских рукописей) // Петербургский археологический вестник. 1993. № 4. С. 25–30.
363. Солодовников К. Н. Материалы к антропологии афанасьевской культуры // Древности Алтая. № 10. Горно-Алтайск. 2003. С. 3–27.
364. Станкевич И. Л. К вопросу о связях Северо-Восточного Ирана и Южной Туркмении в бронзовом веке // Доклады конференции «Искусство и археология Ирана» (1969 г.). М., 1971. С. 314–323.
365. Станкевич И. Л. Керамика Южной Туркмении и Ирана в бронзовом веке // Древность и средневековые народы Средней Азии (история и культура). Под редакцией Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М., 1978. С. 17–31.
366. Станкевич И. Л. Поселения и погребения бронзового века в Южной Туркмении и Иране // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. Под редакцией Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М., 1979. С. 36–56.
367. Старостин С. А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 112–163.
368. Страбон. География. Перевод, статья и комментарии Г. А. Стратановского. Под общей редакцией проф. С. Л. Утченко. Редактор перевода проф. О. О. Крюгер. Л., 1964.
369. Страйд С., Сверчков Л. М. Памятники эпохи бронзы и раннего железа возле Денау // Transoxiana: история и культура. Ташкент, 2004. С. 94–99.
370. Сулейманов Р. Х. Кир Великий и номады Центральной Азии // Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие. Сборник к 70-летию К. М. Байпакова. Алматы, 2010. С. 423–435.
371. Тереножкин А. И. Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана // ВДИ. 1947. № 2. С. 185–190.
372. Терехова Н. Н. Исследование шлаков с поселения Хапуз-депе // Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад, 1980. С. 141–144.
373. Титов В. С. К вопросу о соотношении этно-лингвистических слоев и культурно-исторических общностей на юге Балканского полуострова // КСИА. Вып. 123. М., 1970. С. 32–41.
374. Титов В. С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М., 1982. С. 89–145.
375. Толстов С. П. Подъем и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока». Рецензия на книгу: W. W. Tarn. The Greeks in Bactria and

- India. Cambridge University Press, 1938 // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 194–209.
376. Толстов С. П. Проблема происхождения индоевропейцев и современная этнография и этнографическая лингвистика // КСИЭ. I. М., 1946. С. 3–13.
377. Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.
378. Толстов С. П., Итина М. А. Проблема суярганской культуры // СА. 1960. № 1. С. 14–35.
379. Топоров В. Н. Балтийские языки // Языки мира: балтийские языки. Под редакцией В. Н. Топорова, М. В. Завьяловой и А. А. Кибрик. М., 2006. С. 10–50.
380. Тоси М. Сеистан в бронзовом веке — раскопки в Шахри-Сохте // СА. 1971. № 3. С. 15–30.
381. Тохтасьев С. Р. Проблема скифского языка в современной науке // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Iasi, 2005. С. 59–108.
382. Третьяков П. Н. Этногенический процесс и археология // СА. 1962. № 4. С. 3–16.
383. Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.–Л., 1966.
384. Трифонов В. А. Курганы майкопского типа в северо-западном Иране // Судьба ученого. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Б. А. Латынина. Под редакцией Н. Г. Горбуновой, Н. К. Качаловой и Ю. Ю. Пиотровского. С. 244–264.
385. Трофимова Т. А. Неолитические черепа кельтеминарской культуры из могильника Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 10–15.
386. Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. VI // ВЯ. 1985. № 5. С. 3–14.
387. Трубецкой Н. С. Мысли об индоевропейской проблеме // ВЯ. 1958. № 1. С. 65–77.
388. Удальцов А. Д. К вопросу о происхождении индоевропейцев // КСИЭ. I. М., 1946. С. 14–18.
389. Удеумурадов Б. Н. Древние земледельцы южной Маргианы (юго-восток Туркмении) // Археологические Вести. 1994. № 3. С. 69–74.
390. Умняков И. Тохарская проблема // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 181–193.
391. Усманова З. И. К истории ранней керамики Мерва // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Г. В. Шишкиной. Научн. ред. С. Б. Болелов. М., 2010. С. 89–90.
392. Филанович М. И. Шаштепа — древнейшее поселение оседлых земледельцев на территории Ташкента // У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982. С. 91–124.
393. Фирдоуси. Шахнаме. Т. 2. М., 1960.
394. Формозов А. А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане // КСИИМК. Вып. XXV. М.–Л., 1949. С. 49–58.
395. Формозов А. А. К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. Вып. XXXIX. М.–Л., 1951. С. 3–18.
396. Формозов А. А. О роли закаспийского и приаральского мезолита

- и неолита в истории Европы и Азии // СА. 1972. № 1. С. 22–35.
397. Формозов А. А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977.
398. Фосс М. Е. Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА. № 29. М., 1952.
399. Франкфор А.-П. Данные о доисторическом земледелии в Центральной Азии и их историческая интерпретация // ВДИ. 1989. № 1. С. 121–124.
400. Франкфорт А.-П. Цивилизация БМАК и местонахождение Мархаша около 2300–1800 гг. до н. э. // Древняя Маргиана — новый центр мировой цивилизации. Материалы Международной научной конференции (14–16 Санджар). Мары, 2006. С. 193–194.
401. Фуссман Ж. Индоевропейские народы и Маргиана // Древняя Маргиана — новый центр мировой цивилизации. Материалы Международной научной конференции (14–16 Санджар). Мары, 2006. С. 195–196.
402. Хааз О. Памятники фригийского языка. Перевод с немецкого Я. М. Боровского. // Древние языки Малой Азии. Сборник статей под редакцией И. М. Дьяконова и Вяч. Вс. Иванова. М., 1980. С. 378–408.
403. Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
404. Хараквал Д. С., Осада Т. БМАК, Ахарский культурный комплекс и арийская проблема // Древняя Маргиана — новый центр мировой цивилизации. Материалы Международной научной конференции (14–16 Санджар). Мары, 2006. С. 196–197.
405. Хасанов М. Лепная керамика поселения Курганча // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991. С. 56–62.
406. Хвостов М. М. Исследования по истории обмена в эпоху эллинистических монархий и Римской империи. I. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р.Х. — 284 г. по Р.Х.). Казань, 1907.
407. Хиеберт Ф. Т., Шишлина Н. И. Древние евразийские кочевники и окружающая среда // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. Сборник статей. М., 2000. С. 21–30.
408. Хлопин И. Н. К характеристике этнического облика ранних земледельцев Южного Туркменистана (По материалам ЮТАКЭ 1956–1957 гг.) // СЭ. 1960. № 5. С. 92–101.
409. Хлопин И. Н. Ялангач-депе — поселение эпохи энеолита // КСИА. Вып. 93. М., 1963. С. 74–79.
410. Хлопин И. Н. Энеолит юго-запада Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Под редакцией В. М. Массона. М.–Л., 1966. С. 93–128.
411. Хлопин И. Н. Проблема происхождения культуры степной бронзы // КСИА. Вып. 122. М., 1970. С. 54–58.
412. Хлопин И. Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы (по материалам Сумбарских могильников). Л., 1983.
413. Хлопин И. Н. Могильник Пархай II (некоторые итоги исследования) // СА. 1989. № 3. С. 113–130.
414. Хлопин И. Н., Хлопина Л. И. Могильник эпохи ранней бронзы Пархай II в Туркмении // СА. 1980. № 1. С. 251–258.
415. Хлопина Л. И., Хлопин И. Н. К происхождению комплекса Яз-Тепе I Южного Туркменистана // СА. 1976. № 4. С. 200–203.
416. Ходжайов Т. К. Динамика ареалов антропологических типов на территории Средней Азии (неолит — начало XX в.) // СЭ. 1983. № 3. С. 99–105.

417. Ходжайов Т. К., Мустафакулов С. И., Матбабаев Б. Х. Предварительные результаты изучения населения Ферганы в раннее средневековье (по материалам могильника Мунчактепа) // ИМКУ. Вып. 35. Ташкент, 2006. С. 205–219.
418. Холматов Н. У. Мезолит низовьев Зарафшана // ИМКУ. Вып. 31. Самарканд, 2000. С. 25–34.
419. Холматов Н. У. К хронологии кельтеминарских материалов староречий Зарафшана // ИМКУ. Вып. 34. Самарканд, 2004. С. 17–25.
420. Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). Под редакцией В. М. Массона и Ю. Е. Березкина. Труды Института истории материальной культуры РАН. Т. XVI. Санкт-Петербург, 2005.
421. Цетлин Ю. Б. К проблеме неравномерности этнокультурного развития Верхнего Поволжья в эпоху неолита // Познание исторического процесса в археологии. Сборник статей. М., 1988. С. 57–73.
422. Чайлд Гордон В. Древнейший Восток в свете новых раскопок. Перевод М. Б. Граковой-Свиридовой. Предисловие и редакция проф. В. И. Авдиева. М., 1956.
423. Чебоксаров Н. Н. Этническая антропология Германии (Краткий исторический очерк) // КСИЭ. I. М., 1946. С. 55–62.
424. Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. № 35. Под редакцией А. В. Збруевой. М., 1953. С. 7–71.
425. Чернецов В. Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. Сборник статей к 60-летию со дня рождения С. П. Толстова. М., 1968. С. 41–53.
426. Черных Е. Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 81–99.
427. Черных Е. Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 37–57.
428. Черных Е. Н. Каргалы, том V: Каргалы: феномен и парадоксы развития. М., 2007.
429. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.
430. Черных Е. Н., Орловская Л. Б. Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // РА. 2004б. № 1. С. 84–99.
431. Черных Е. Н., Орловская Л. Б. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности (средний бронзовый век) // РА. 2004а. № 2. С. 15–29.
432. Черных Е. Н., Орловская Л. Б. Радиоуглеродная хронология энеолитических культур Юго-Восточной Европы: результаты и проблемы исследований // РА. 2004. № 4. С. 24–37.
433. Черных Е. Н., Орловская Л. Б. Феномен майкопской общности и ее радиоуглеродная хронология // Археология Кавказа и Ближнего Востока. Сборник к 80-летию Р. М. Мунчаева. Под редакцией Н. Я. Мерперта и С. Н. Кореневского. М., 2008. С. 259–275.
434. Шайдуллаев Ш. Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент, 2000.
435. Шайдуллаев Ш. Б. Этапы возникновения и развития государственности на территории Узбекистана (на примере Бактрии). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Самарканд, 2009.

436. Шемаханская М. С. Этапы производства металлов на территории Бактрии-Тохаристана — от бронзы к полиметаллическим сплавам с цинком // Центральная Азия: источники, история, культура: материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского (Москва, 3–5 апреля 2003 г.). Отв. ред. Е. А. Антонова, Т. К. Мкртычев. М., 2005. С. 748–754.
437. Шер Я. А. Была ли Окуневская культура? // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. Санкт-Петербург, 2006. С. 248–250.
438. Шмидт А. В. Этнокультурная ситуация на Алтае в эпоху неолита // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 4. Горно-Алтайск, 1999. С. 26–31.
439. Шнирельман В. А. Основные очаги древнейшего производящего хозяйства в свете достижений современной науки // ВДИ. 1989. № 1. С. 99–111.
440. Щеглов Д. А. Кочевые народы Средней Азии по сведениям историков Александра Великого // ЗВОРАО. Т. II (XXVII). СПб., 2006. С. 276–316.
441. Щетенко А. Я. О торговых путях эпохи бронзы по материалам туркменистано-хараппских параллелей // КСИА. Вып. 122. М., 1970. С. 59–63.
442. Щетенко А. Я. Фундаментальный труд по древнеиндийской цивилизации // Археологические Вести. 1998. № 5. С. 331–341.
443. Щетенко А. Я. Хронология древнеземледельческих культур среднеазиатского междуречья эпохи ранних металлов // Археологические Вести. 2001а. № 8. С. 263–267.
444. Щетенко А. Я. Проблемы хронологии цивилизации эпохи бронзы Средней Азии // Археологические Вести. 2001б. № 8. С. 268–274.
445. Щетенко А. Я. Новые открытия пакистанских археологов // Археологические Вести. 2003. № 10. С. 327–331.
446. Щетенко А. Я. О периодизации культур эпохи поздней бронзы юга Средней Азии (к 100-летию экспедиции Р. Пампелли) // ЗВОРАО. Т. II (XXVII). СПб., 2006. С. 317–345.
447. Юсифов Ю. Б. Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами (Приурмийская зона) // ВДИ. 1987. № 1. С. 19–40.
448. Юсупов Х. Археологические памятники Узбоя и проблема водного пути из Индии в Каспий // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ответственные редакторы В. М. Массон, Е. Атагарыев. Ашхабад, 1984. С. 77–97.
449. Юсупов Х. Страницы истории Туркменистана с древнейших времен до арабского завоевания. М., 1997.
450. Яблонский Л. Т. Археолого-антропологическая гипотеза к проблеме формирования культур сакского типа // Центральная Азия: источники, история, культура: материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского (Москва, 3–5 апреля 2003 г.). Отв. ред. Е. А. Антонова, Т. К. Мкртычев. М., 2005. С. 776–791.
451. Якубовский А. Ю. История Узбекской ССР. Т. I. Кн. 1. Гл. VII. Ташкент, 1955.
452. Яценко С. А. Аланские катакомбы II–IV вв. н. э.: новые материалы и новые заблуждения // Петербургский археологический вестник. № 8. Санкт-Петербург, 1994. С. 119–120.

Bibliography

1. Adams D. Q. Towards a History of PIE n-Stems in Tocharian. In: *Journal of the American Oriental Society*, 100, 1980, 439–443.
2. Adams D. Q. The position of Tocharian among the other Indo-European languages. In: *Journal of the American Oriental Society* 104. 3 (1984), 395–402.
3. Alinei, M. Interdisciplinary and linguistic evidence for Palaeolithic continuity of Indo-European, Uralic and Altaic populations in Eurasia. In: *Quaderni di Semantica / a. XXIV*, n. 2, dicembre 2003, 187–216.
4. Aliyev, T., Helwing, B. Kamiltepe in der Milebene. *Archäologische Untersuchungen 2009*. In: *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Band 41, 2009, 23–45.
5. Allan, J. W. *Persian Metal Technology 700–1300 AD*. London, 1979.
6. Allchin, B. and Allchin, R. *Origins of a Civilization. The Prehistory and Early Archaeology of South Asia*. New Delhi, 1997.
7. An Zhimin. Neolithic communities in eastern parts of Central Asia. In: *History of civilizations of Central Asia*. Vol. I. The dawn of civilization: earliest times to 700 B. C. Editors: A. H. Dani, V. M. Masson. UNESCO Publishing, 1996, 153–168.
8. Andersson, J. G. *Researches into the Prehistory of the China*. Reprinted from: *The Bulletin of the Museum of Far eastern Antiquities* № 15. Stockholm, 1943.
9. Anthony, D. W. The «Kurgan Culture,» Indo-European Origins, and the Domestication of the Horse: A Reconsideration. In: *Current Anthropology*, Vol. 27, No. 4, August–October 1986, 291–313.
10. Anthony, D. W. The Indo-European Problem: Matching Linguistic Theories and Archaeological Data. In: *The Mankind Quarterly*, Vol. XXIX, No. 3 (Spring 1989), 297–303.
11. Anthony, D. W. The Archaeology of Indo-European Origins. In: *JIES*, vol. 19, Nos. 3 & 4, (Fall/Winter 1991), 193–222.
12. Anthony, D. W. Review of Jeannine Davis-Kimball, Eileen M. Murphy, Ludmila Koryakova and Leonid T. Yablonsky, eds, *Kurgans, Ritual Sites, and Settlements. Eurasian Bronze and Iron Age*. In: *European Journal of Archaeology*, vol. 6, No 1, April 2003, 97–99.
13. Anthony, D. W. *The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders of the Eurasian Steppes Shaped the Modern World*. Princeton University Press, 2007.

14. Anthony, D. W. and Wailes, B. Book Review of Colin Renfrew's *Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European Origins. London, 1987*. In: *Current Anthropology*, Vol. 29, No. 3, June 1988, 441–445.
15. Arne, T. J. Excavations at Shah Tepé, Iran. Reports from the Scientific Expedition to the North-Western Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin. The Sino-Swedish Expedition. Publication 27. Stockholm, 1945.
16. Avanessova, N. A. Pasteurs et agriculteurs de la vallée du Zeravshan (Ouzbékistan) au début de l'âge du bronze: relations et influences mutuelles. In: Lyonnet, B. Sarazm (Tadjikistan) céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien). Paris 1996, 117–131.
17. Azarnoush, M. and Helwing, B. Recent archaeological research in Iran — Prehistory to Iron Age. In: *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Band 37, 2005, 189–246.
18. Baldi, P. Book Review of Colin Renfrew's *Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European Origins. London, 1987*. In: *Current Anthropology*. Vol. 29, No. 3, June 1988, 445–449.
19. Barnard, N. Bronze Casting and Bronze Alloys in Ancient China. *Monumenta Serica Monograph XIV*. Tokyo, 1961.
20. Bar-Yosef, O. The Natufian Culture and the Early Neolithic: Social and Economic Trends in Southwestern Asia. In: *Traces of ancestry: studies in honour of Colin Renfrew*. Edited by M. Jones. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2004, 113–126.
21. Becker, J. Halaf- und 'Obed-Zeit im Wadi al-Hamar, Nordost-Syrien. In: *Morgenländische Altertümer. Studien aus dem Institut für Orientalische Archäologie und Kunst*. Herausgegeben von Markus Mode. Halesche Beiträge zur Orientwissenschaft. Bd. 37. Halle (Saale), 2004, 97–133.
22. Beckwith, Ch. I. *The Tibetan empire in Central Asia*. Princeton, 1987.
23. Benac, A. Some Problems of the Western Balkans: the Beginning of Indo-Europeanization in the Coastal Zone of Yugoslavia and Albania. In: *JIES*, vol. 9, Nos. 1 & 2, (Spring/Summer 1981), 15–31.
24. Benveniste, É. Tokharien et Indo-Européen. In: *Germanen und Indogermanen: Volkstum, Sprache, Heimat, Kultur. Festschrift für Herman Hirt*. Band 2. Heidelberg, 1936, 227–240.
25. Biscione, R. Dynamics of an early South Asian urbanization: First Period of Shahr-i Sokhta and its connections with Southern Turkmenia. In: *South Asian Archaeology. Papers from the First International Conference of South Asian Archaeologists held in the University of Cambridge (July 1971)*, London 1973, 105–118.
26. Boroffka, N. Simple Technology: Casting Moulds for Axe-adzes. In: *Metals and Societies. Studies in honour of Barbara S. Ottaway* edited by T. L. Kienlin and B. W. Roberts. *Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie*. Band 169. Bonn, 2009, 246–257.
27. Boroffka, N. G. O. Archaeology and Its Relevance to Climate and Water Level Changes: A Review. In: *The Aral Sea Environment. Series: The Handbook of Environmental Chemistry*. Vol. 7. Edited by A. G. Kostianoy, A. N. Kosarev. Heidelberg, Berlin, 2010, 283–303.
28. Boroffka, N., Sava, E. Zu den steinernen «Zeptern/Stössel-Zeptern», «Miniatursäulen» und «Phalli» der Bronzezeit Eurasiens. In: *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, Band 30, 1998, 17–113.
29. Boroffka, N, Cierny, J., Lutz, J., Parzinger, H., Pernicka, E. & Weisgerber, G.

- Bronze Age Tin from Central Asia: Preliminary Notes. In: Ancient interactions: east and west in Eurasia. Edited by K. Boyle, C. Renfrew & M. Levine. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2002, 135–159.
30. Boroffka, N. G. O., Bajpakov, K. M., Achatov, G. A., Eržanova, A., Lobas, D. A. und Savel'eva, T. V. Prospektionen am nördlichen Aral-See, Kazachstan. In: Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan, Band 35–36, 2003–2004, 1–81.
 31. Boroffka, N., Oberhänsli, H., Sorrel, P., Demory, F., Reinhardt, C., Wünnemann, B., Alimov, K., Baratov, S., Rakhimov, K., Sarapov, N., Shirinov, T., Krivonogov, S. K. and Röhl, U. Archaeology and Climate: Settlement and Lake-Level Changes at the Aral Sea. In: Geoarchaeology: An International Journal, Volume 21, Number 7, October 2006, 721–734.
 32. Bosch-Gimpera, P. Les indo-européens. Problèmes archéologiques. Paris, 1961.
 33. Boucharlat, R., Francfort, H.-P., Lecomte, O. The citadel of Ulug Depe and the Iron Age archaeological sequence in southern Central Asia. In: Iranica Antiqua, vol. XL, Leuven, 2005, 479–514.
 34. Brentjes, B. Ein elamitischer Streufund aus Soch, Fergana (Usbekistan). In: Iran, Volume IX, 1971, 155–157.
 35. Brentjes, B. The Mittanians and the Peacock In: Ethnic Problems of the History of Central Asia in the Early Period (Second Millenium B. C.). Moscow, 1981, 145–148.
 36. Brown, S. C. Lapis Lazuli and its Sources in Ancient West Asia. In: Bulletin of the Canadian Society for Mesopotamian Studies (BCSMS) 22. Toronto, 1991, 5–13.
 37. Brunet, F. Asie Centrale: vers une redefinition des complexes culturels de la fin du Pléistocène et des débuts de l'Holocène. In: Paléorient, vol. 28/2, 2002, 9–24.
 38. Brunet, F. Du mésolithique en Asie centrale. Addenda. In: Paléorient, vol. 29/1, 2003, 167–170.
 39. Burrow, T. Tokharian Elements in the Kharosthi Documents from Chinese Turkestan. In: JRAS. Cambridge, 1935, 667–675.
 40. Carling, G. Appendix to Mair. Proto-Tocharian, Common Tocharian, and Tocharian – on the value of linguistic connections in a reconstructed language. In: Proceedings of the Sixteenth Annual UCLA Indo-European Conference, Los Angeles November 5–6, 2004. Journal of Indo-European Monograph Series, No 50. Edited by: Karlene Jones-Bley, Martin E. Huld, Angela Della Volpe, Miriam Robbins Dexter. Institute for the Study of Man. Washington, DC 2005, 47–71.
 41. Casal, J.-M. Fouilles de Mundigak. II volumes. MDAFA (Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan), Tome XVII, Paris, 1961.
 42. Cavalli-Sforza, L. L., Menozzi, P., Piazza, A. The History and Geography of Human Genes. Princeton, 1994.
 43. Chen, Kwang-tsun and Hiebert, F. T. The Late Prehistory of Xinjiang in Relation to Its Neighbors. In: Journal of World Prehistory, vol. 9, No. 2, 1995, 243–300.
 44. Chernykh, E. N. Ancient metallurgy in the USSR: the early metal age. Translated from Russian by Sarah Wright. Cambridge, 1992.
 45. Childe, V. Gordon, The Dawn of European Civilization. 1st edition (6th revised ed., Routledge & Kegan Paul). London, 1957.

46. Cierny, J. Die Gruben von Muschiston in Tadschikistan — Stand die Wiege der Zinnbronze in Mittelasien? In: *Der Anschnitt* 47, 1995, № 1–2. C. 68–69.
47. Çilingiroğlu, A. Migration in the Lake Van Basin: East Anatolia in the Late 2nd Millenium B. C. and the Foundation of a Kingdom. In: *Migration und Kulturtransfer: Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. Vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23. Bis 26. November 1999. Bonn, 2001, 371–381.*
48. Clackson, J. Time depth in Indo-European. In: *Time Depth in Historical Linguistic, vol. 2.* Edited by C. Renfrew, A. McMahon & L. Trask. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2000, 441–454.
49. Coleman, R. Book Review of Colin Renfrew's *Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European Origins. London, 1987.* In: *Current Anthropology.* Vol. 29, No. 3, June 1988, 449–453.
50. Comrie, B. Farming Dispersal in Europe and the Spread of the Indo-European Language Family. In: *Examining the farming / language dispersal hypothesis.* Edited by P. Bellwood & C. Renfrew. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2002, 409–419.
51. Cowgill, W. Italic and Celtic Superlatives and the Dialects of Indo-European. In: *Indo-European and Indo-Europeans. Papers Presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania.* Edited by G. Cardona, H. M. Hoenigswald and A. Senn. Philadelphia, 1970, 113–153.
52. Crossland, R. Linguistics and archaeology in Aegean prehistory. In: *Bronze Age Migrations in the Aegean: Archaeological and linguistic problems in Greek prehistory.* Edited by R. A. Crossland and Ann Birchall. London 1973, 5–15.
53. Crossland, R. When specialists collide: archaeology and Indo-European linguistics. Review of T. V. Gamkrelidze & V. V. Ivanov. 1984. In: *Antiquity,* vol. 66, number 250, March 1992, 251–254.
54. Cuyler Young, T. The Iranian Migration into the Zagros. In: *Iran,* vol. V, 1967, 11–34.
55. Czebreszuk, J., Müller J. Schlussfolgerung und Ausblick. In: *Die absolute Chronologie in Mitteleuropa 3000–2000 v. Chr.* Herausgegeben von J. Czebreszuk & J. Müller. Poznań/ Bamberg/Rahden 2001, 337–338.
56. Dani, A. H. Inter-relation of Iran and Pakistan. A New Archaeological Perspective. In: *Proceedings of the III rd Annual Symposium on Archaeological Research in Iran, 2nd – 7th November 1974. Tehran 1975, 279–300.*
57. Debaine-Francfort, C. Archæologie du Xinjiang des origines aux Han. Première partie. In: *Paléorient,* vol. 14/1, 1988, 5–29.
58. Debaine-Francfort, C. Archæologie du Xinjiang des origines aux Han. IIème partie. In: *Paléorient,* vol. 15/1, 1989, 183–213.
59. Debaine-Francfort, C. Xinjiang and Northwestern China around 1000 BC: Cultural Contacts and Transmissions. In: *Migration und Kulturtransfer: Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. Vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23. Bis 26. November 1999. Bonn, 2001, 57–70.*
60. Debaine-Francfort, C. Recension: Mei Jianjun. Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang. In: *Paléorient,* vol. 27/2, 2001, 148–150.

61. Derevyanko, A. P. and Dorj, D. Neolithic tribes in northern parts of Central Asia. In: *History of civilizations of Central Asia. Vol. I. The dawn of civilization: earliest times to 700 B. C.* Editors: A. H. Dani, V. M. Masson. UNESCO Publishing, 1996, 169–189.
62. Deshayes, J. New Evidence for the Indo-Europeans from Tureng Tepe, Iran. In: *Archaeology*, vol. 22, № 1, January 1969b, 10–17.
63. Deshayes, J. Rapport preliminaire sur la onzieme campagne de fouille a Torang Tappeh. In: *Proceedings of the IVth Annual Symposium on Archaeological Research in Iran, 3rd–7th November 1975.* Tehran 1976, 298–321.
64. Devoto, G. *Origini indeuropee.* Firenze, 1962.
65. Di Cosmo, N. *Ancient China and its enemies: the rise of nomadic power in East Asian history.* Cambridge University Press, 2002.
66. Diakonoff, I. M. The pre-history of the Armenian people. (Anatolian and Caucasian studies). Translation of: *Predystoriia armianskogo naroda.* Translated from the Russian by L. Jennings. With revisions by the Author. New York, 1984.
67. Diakonoff, I. M. Language Contacts in the Caucasus and the Near East. In: *When Worlds Collide: The Indo-Europeans and the Pre-Indo-Europeans.* The Rockefeller Foundation's Bellagio Study and Conference Center Lake Como, Italy (February 8–13, 1988). Presented by: T. L. Markey & John A. C. Greppin. Ann Arbor, Michigan, 1990, 53–65.
68. Diakonoff, I. M. Two Recent Studies of Indo-Iranian Origins. In: *Journal of the American Oriental Society.* Volume 115.3 (1995), 473–477.
69. Dolgopolsky, A. Sources of linguistic chronology. In: *Time Depth in Historical Linguistic*, vol. 2. Edited by C. Renfrew, A. McMahon & L. Trask. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2000, 401–409.
70. Dolukhanov, P. M. Foragers and farmers in west-Central Asia. In: *Hunters in transition: Mesolithic societies of temperate Eurasia and their transition to farming.* Edited by Marek Zvelebil. Cambridge University Press 1986, 121–132.
71. Drews, R. *The end of the Bronze Age: Changes in Warfare and the catastrophe ca. 1200 B. C.* Princeton, New Jersey, 1993.
72. Egami, N. and Fukai, Sh., Masuda, S. *The Excavations at Noruzmahale and Khoramrud.* Tokyo, 1960.
73. Egami, Namio and Ikeda, Jiro. Human remains from the tombs in Dailamanistan, Northern Iran. In: *Anthropological Studies of West Asia I.* The Tokyo University Iraq–Iran Archaeological Expedition. Report 5. Tokyo, 1963.
74. Ehret, C. Language change and the material correlates of language and ethnic shift. In: *Antiquity*, vol. 62, number 236, September 1988, 564–574.
75. Ehrlich, R. W. *Chronologies in Old World Archaeology.* Vol. I, II. Third Edition. Chicago, 1992.
76. Enoki, K., Kosheleiko, G. A. and Haidary, Z. The Yüeh-chih and their migrations. In: *History of civilizations of Central Asia. Vol. II. The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B. C. to A. D. 250.* UNESCO Publishing, 1996, 171–189.
77. Fahimi, H. Kura-Araxes type pottery from Gilān and the eastern extension of the Early Transcaucasian Culture. In: *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan.* Band 37, 2005, 123–132.
78. Fairservis Jr., W. A. *The Origins of Oriental Civilization.* New York, 1959.

79. Fairservis Jr., W.A. *The Roots of Ancient India: The Archaeology of Early Indian Civilization*. London, 1971.
80. Fazeli, H., Coningham, R.A.E. and Pollard, A.M. Chemical characterisation of late Neolithic and Chalcolithic pottery from the Tehran plain, Iran. In: *Iran*, vol. XXXIX, 2001, 55–71.
81. Fazeli Nashli, H., Abbasnezhad Sereshti, R. Social transformation and interregional interaction in the Qazvin Plain during the 5th, 4th and 3rd millennia B.C. In: *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Band 37, 2005, 7–26.
82. Fazeli Nashli, H., Beshkani, A., Markosian, A., Ilkani, H., Abbasnegad Seresty R. and Young, R. The Neolithic to Chalkolithic transition in the Qazvin Plain, Iran. In: *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Band 41, 2009, 1–21.
83. Filip, J. *Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas*. Band I (A–K). Stuttgart/Berlin/Köln/Mainz, 1966.
84. Francfort, H.-P. Observations sur la Bactriane méridionale à l'âge du bronze. In: *Information Bulletin of International Association for the Study of the Cultures of Central Asia*. Issue 20, Moscow 1996, 67–76.
85. Francfort, H.-P. The cultures with painted ceramics of south Central Asia and their relations with the northeastern steppe zone (late 2nd – early 1st millenium BC). In: *Migration und Kulturtransfer: Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. Vorchristlichen Jahrtausend*. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23. Bis 26. November 1999. Bonn, 2001, 221–235.
86. Franke, O. *Beiträge aus Chinesischen Quellen zur Kenntnis der Türkvölker und Skythen Zentralasiens*. Berlin, 1904.
87. Friedrich, P. Proto-Indo-European Trees. In: *Indo-European and Indo-Europeans. Papers Presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania*. Edited by G. Cardona, H.M. Hoenigswald and A. Senn. Philadelphia, 1970, 11–34.
88. Fussman, G. Languages as a source for history. In: *History of Northern Areas of Pakistan: up to 2000 A.D.* / Ahmad Hasan Dani. Lahore, 2001, 52–67.
89. Fussman, G., Kellens, J., Francfort, H.-P., Tremblay, X. *Āryas, Aryens et Iraniens en Asie Centrale*. Publications de l'Institut de Civilisation Indienne. Série in-8°. Fascicule 72. Paris, 2005.
90. Gamkrelidze, T.V. Proto-Indo-Europeans in Anatolia. In: *JIES*, vol. 17, Nos. 3 & 4, (Fall/Winter 1989), 341–350.
91. Gamkrelidze, T.V. On the Problem of an Asiatic Original Homeland of the Proto-Indo-Europeans. *Ex oriente Lux*. In: *When Worlds Collide: The Indo-Europeans and the Pre-Indo-Europeans*. The Rockefeller Foundation's Bellagio Study and Conference Center Lake Como, Italy (February 8–13, 1988). Presented by: T.L. Markey & John A.C. Greppin. Ann Arbor, Michigan, 1990, 5–14.
92. Gamkrelidze, T.V. A Relative Chronology of centum/satem Dialectal Division in Indo-European. In: *Archaeolingua*, vol. 10. *Studia Celtica et Indogermanica*. Edited by E. Jerem and W. Meid. Budapest, 1999, pp. 121–124.
93. Gamkrelidze, T.V. On linguistic palaeontology of culture. In: *Time Depth in Historical Linguistic*, vol. 2. Edited by C. Renfrew, A. McMahon & L. Trask. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2000, 455–461.
94. Georgiev, V.I. The arrival of the Greeks in Greece: the linguistic evidence.

- In: Bronze Age Migrations in the Aegean: Archaeological and linguistic problems in Greek prehistory. Edited by R. A. Crossland and Ann Birchall. London 1973, 243–254.
95. Georgiev, V. I. Introduction to the History of the Indo-European Languages. Sofia, 1981.
 96. Gershevitch, I. Walter Bruno Henning. In: Proceedings of the British Academy, vol. LXV, 1979. London, 1981, 697–718.
 97. Ghirshman, R. Fouilles de Sialk, près de Kashan 1933, 1934, 1937. Volume I. Paris, 1938.
 98. Ghirshman, R. Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan (rapport préliminaire) // Revue des arts asiatiques. Annales du Musée Guimet. Tome XIII (1939–1942), Paris, 1939. C. 10–22.
 99. Gimbutas, M. The Prehistory of Eastern Europe. Part I. Cambridge, 1956.
 100. Gimbutas, M. Notes on the Chronology and Expansion of the Pit-grave Culture. In: L'Europe à la fin de l'âge de la pierre. Actes du Symposium consacré aux problèmes du Néolithique européen, Prague — Liblice — Brno, 5–12 octobre 1959. Praha, 1961, 193–200.
 101. Gimbutas, M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. The Hague, Paris and London, 1965.
 102. Gimbutas, M. The destruction of the Aegean and East Mediterranean urban civilization around 2300 B. C. In: Bronze Age Migrations in the Aegean: Archaeological and linguistic problems in Greek prehistory. Edited by R. A. Crossland and Ann Birchall. London 1973c, 129–139.
 103. Gimbutas, M. Book Review of Colin Renfrew's *Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European Origins*. London, 1987. In: Current Anthropology. Vol. 29, No. 3, June 1988, 453–456.
 104. Gimbutas, M. The Kurgan Culture and the Indo-Europeanization of Europe. A Collection of Papers by Marija Gimbutas. Edited by M. R. Dexter and K. Jones-Bley. JIES 18. Washington, 1997.
 105. Gindin, L. A. Troja, Thrakien und die Völker Altkleinasiens: Versuch einer historisch-philologischen Untersuchung. Innsbruck, 1999.
 106. Gnoli, G. Zoroaster's Time and Homeland. Naples, 1980.
 107. Gnoli, G. Avestan Geography. In: Encyclopædia Iranica. Vol. III. Edited by Ehsan Yarshater. London & New York, 1989, 44–47.
 108. Gnoli, G. The Seleucid Era and the Date of Zoroaster. In: Proceedings of the 5th Conference of the Societas Iranologica Europæa, held in Ravenna, 6–11 October 2003. Vol. I. Edited by A. Panaino & A. Piras. Milano, 2006, 101–114.
 109. Goodenough, W. H. The Evolution of Pastoralism and Indo-European Origins. In: Indo-European and Indo-Europeans. Papers Presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania. Edited by G. Cardona, H. M. Hoenigswald and A. Senn. Philadelphia, 1970, 253–266.
 110. Görsdorf, J. Information zu den 14C-Datierungsergebnissen von Majdatepa (Bandixon I) // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3. Ташкент, 2007. С. 132.
 111. Görsdorf, J. und Huff, D. 14C-Datierungen von Materialien aus der Grabung Džarkutan, Uzbekistan. In: Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 33, 2001, 76–87.
 112. Görsdorf, J. und Parzinger, H., Nagler, A., Leont'ev, N. Neue 14C-Datierungen für die Sibirische Steppe und ihre Konsequenzen

- für die regionale Bronzezeitchronologie. In: *Eurasia Antiqua* 4, 1998, 73–80.
113. Götzelt, T. Ansichten der Archäologie Süd-Turkmenistans bei der Erforschung der ‘mittleren Bronzezeit’ (‘Periode’ ‘Namazga V’). *Archäologie in Eurasien*. Band 2. München, 1996.
 114. Grenet, F., & Rapin, C. Alexander, Aï Khanum, Termez: Remarks on the Spring Campaign of 328. In: *Bulletin of Asian Institute*, Boston, 2001, 79–89.
 115. Hamp, E. P. The Pre-Indo-European Language of Northern (Central) Europe. In: *When Worlds Collide: The Indo-Europeans and the Pre-Indo-Europeans*. The Rockefeller Foundation’s Bellagio Study and Conference Center Lake Como, Italy (February 8–13, 1988). Presented by: T. L. Markey & John A. C. Greppin. Ann Arbor, Michigan, 1990, 291–309.
 116. Harmatta, J. Proto-Iranians and Proto-Indians in Central Asia in the 2nd Millennium B. C. (linguistic evidence). In: *Ethnic Problems of the History of Central Asia in the Early Period (Second Millennium B. C.)*. Moscow, 1981, 75–83.
 117. Harmatta, J. The emergence of the Indo-Iranian languages. In: *History of civilizations of Central Asia*. Vol. I. The dawn of civilization: earliest times to 700 B. C. Editors: A. H. Dani, V. M. Masson. UNESCO Publishing, 1996, 357–378.
 118. Harmatta, J. Languages and literature in the Kushan Empire. In: *History of civilizations of Central Asia*. Vol. II. The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B. C. to A. D. 250. UNESCO Publishing, 1996, 417–421.
 119. Harris, D. R., Masson, V. M., Berezkin, Y. E., Charles, M. P., Gosden, C., Hillman, G. C., Kasparov, A. K., Korobkova, G. F., Kurbansakhatov, K., Legge, A. J. & Limbrey, S. Investigating early agriculture in Central Asia: new research at Jeitun, Turkmenistan. In: *Antiquity*, vol. 67, No 255, June 1993, 324–338.
 120. Hauptmann, A., Rehren, T. & Schmitt-Strecker, S. Early Bronze Age copper metallurgy at Shahr-I Sokhta (Iran), reconsidered. In: *Der Anschnitt*. Beiheft 16. Man and Mining – Mensch und Bergbau. Studies in honour of Gerd Weisgerber on occasion of his 65th birthday. Bochum, 2003, 197–213.
 121. Häusler, A. Ursprung und Ausbreitung der Indogermanen: Alternative Erklärungsmodelle. In: *Indogermanische Forschungen*. Zeitschrift für Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft, 107. Band 2002, 47–75.
 122. Häusler, A. Bemerkungen zu einigen Ansichten über den Ursprung der Indogermanen. In: *General Linguistics*, vol. 40, 1–4 / 2003, 131–147.
 123. Häusler, A. Urkultur der Indogermanen und Bestattungsriten. In: *Languages in Prehistoric Europe*. Edited by A. Bammesberger and T. Vennemann in Collaboration with M. Bieswanger and J. Grzegza. Heidelberg, 2003a, 49–83.
 124. Helwing, B. The rise and fall of Bronze Age centers around the Central Iranian Desert – a comparison of Tappe Hesār II and Arismān. In: *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Band 38, 2006, 35–48.
 125. Henning, W. B. Argi and the «Tokharians». In: *Bulletin of the School of Oriental Studies*, University of London, Vol. 9, No. 3 (1938), 545–571.
 126. Henning, W. B. A Sogdian God. In: *Bulletin of the School of Oriental Studies*, University of London, Vol. 28, part 2 (1965), 242–254.

127. Henning, W. B. The First Indo-Europeans in History. In: *Society and History. Essays in Honor of Karl August Wittfogel*. Edited by G. L. Ulmen. The Hague–Paris–New York, 1978, 215–230.
128. Herrmann, G. Lapis Lazuli: the Early Phases of Its Trade. In: *Iraq*, vol. XXX, 1968, 21–57.
129. Hiebert, F. T. Chronology of Margiana and Radiocarbon Dates. In: *Information Bulletin of the International Association for the Study of the Cultures of Central Asia*. Issue 19. Moscow, 1993, 136–148.
130. Hiebert, F. T. Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Central Asia. With Foreword by C. C. Lamberg-Karlovsky and Preface by V. I. Sarianidi. In: *American School of Prehistoric Research, Bulletin 42*, Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University, Cambridge, MA, 1994a.
131. Hiebert, F. T. Production evidence for the origins of the Oxus Civilization. In: *Antiquity*, vol. 68, number 259, June 1994, 372–387.
132. Hiebert, F. T. The Kopet Dag sequence of early villages in Central Asia. In: *Paléorient*, vol. 28/2, 2002, 25–42.
133. Hiebert, F. T. Bronze Age Interaction between the Eurasian Steppe and Central Asia. In: *Ancient interactions: east and west in Eurasia*. Edited by K. Boyle, C. Renfrew & M. Levine. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2002, 237–248.
134. Hiebert, F. T. with K. Kurbansakhatov. *A Central Asian Village at the Dawn of Civilization, Excavations at Anau, Turkmenistan*. Philadelphia, 2003.
135. Hiebert, F. and Lamberg-Karlovsky, C. C. Central Asia and the Indo-Iranian Borderlands. In: *Iran*, vol. XXX, 1992, 1–15.
136. Hiebert, F. T. and Dyson, R. H. Prehistoric Nishapur and the Frontier between Central Asia and Iran. In: *Iranica Antiqua*, vol. XXXVII, 2002, 113–149.
137. Huang, Chun Chang, Pang, Jiangli & Li, Pinghua. Abruptly increased climatic aridity and its social impact on the Loess Plateau of China at 3100 a B. P. In: *Journal of Arid Environments* (2002) 52, 87–99.
138. Huld, M. E. Meillet's Northwest Indo-European Revisited. In: *The Indo-Europeanization of Northern Europe. Papers Presented at the International Conference held at the University of Vilnius, Lithuania, September 1–7, 1994*. Edited by K. Jones-Bley and M. E. Huld. JIES, № 17, Washington, 1996, 109–125.
139. Huld, M. E. The Vocabulary of Indo-European Culture. In: *The Kurgan Culture and the Indo-Europeanization of Europe. A Collection of Papers by Marija Gimbutas*. Edited by M. R. Dexter and K. Jones-Bley. JIES 18. Washington, 1997, 373–393.
140. ICAANE. 4th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East, 29 March – 3 April 2004. Abstracts.
141. Il'yin, G. F. and Diakonoff, I. M. The First States in India and the Pre-Urban Cultures of Central Asia and Iran. In: *Early Antiquity / I. M. Diakonoff*, volume editor; Philip L. Kohl, project editor. Chicago and London, 1991, 214–227.
142. Jamieson, J. W. The Problem of Indo-European Origins. In: *The Mankind Quarterly*, Vol. XXVIII, No. 4 (Summer 1988), 421–426.
143. Janik, L. Wandering Weed: the Journey of Buckwheat (*Fagopyrum* sp.) as an Indicator of Human Movement in Eurasia. In: *Ancient interactions: east and west in Eurasia*. Edited by K. Boyle, C. Renfrew & M. Levine. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2002, 299–307.

144. Jones-Bley, K. Ceramics and Age: a Correction in Early Indo-European Society. In: *The Indo-Europeanization of Northern Europe*. Papers Presented at the International Conference held at the University of Vilnius, Lithuania, September 1–7, 1994. Edited by K. Jones-Bley and M. E. Huld. *JIES*, № 17, Washington, 1996, 89–107.
145. Jones, M. Bio-archaeology and the Proto-Indo-European Lexicon: the Kurgan Hypothesis Revisited. In: *Ancient interactions: east and west in Eurasia*. Edited by K. Boyle, C. Renfrew & M. Levine. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2002, 293–297.
146. Jones, M. Between Fertile Crescents: Minor Grain Crops and Agricultural Origins. In: *Traces of ancestry: studies in honour of Colin Renfrew*. Edited by M. Jones. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2004, 127–135.
147. Kallio, P. Languages in the Prehistoric Baltic Sea Region. In: *Languages in Prehistoric Europe*. Edited by A. Bammesberger and T. Vennemann in Collaboration with M. Bieswanger and J. Grzega. Heidelberg, 2003, 227–244.
148. Kaniuth, K., Teufer, M. Zur Sequenz des Gräberfeldes von Rannij Tulchar und seiner Bedeutung für die Chronologie des spätbronzezeitlichen Baktrien. In: *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan, Band 33* (2001), 89–113.
149. Kaniuth, K., Teufer, M. und Vinogradova, N. M. Neue bronzezeitliche Funde aus Südwest-Tadžikistan. In: *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan, Band 38* (2006), 81–102.
150. Khlopin, I. N. The Early Bronze Age Cemetery of Parkhai II: The First Two Seasons of Excavations: 1977–78. In: *The Bronze Age Civilization of Central Asia: Recent Soviet Discoveries*. Edited with an introduction by Ph. L. Kohl, afterword by C/ C/ Lamberg-Karlovsky. New York, 1981, 3–34.
151. Khlopina, L. I. Namazga-depe and the Late Bronze Age of Southern Turkmenia. In: *The Bronze Age Civilization of Central Asia: Recent Soviet Discoveries*. Edited with an introduction by Ph. L. Kohl, afterword by C. C. Lamberg-Karlovsky. New York, 1981, 35–60.
152. Klimov, G. A. Some Thoughts on Indo-European-Kartvelian Relations. In: *JIES*, vol. 19, Nos. 3 & 4, (Fall/Winter 1991), 325–341.
153. Kohl, Ph. L. The ‘World-Economy’ of West Asia in the Third Millenium BC. In: *South Asian Archaeology 1977*. Papers from the Fourth International Conference of the Association of South Asian Archaeologists in Western Europe, held in the Instituto Universitario Orientale, Naples 1979, 55–85.
154. Kohl, Ph. L. *Central Asia: Palaeolithic Beginnings to the Iron Age*. Paris, 1984.
155. Kohl, Ph. L. *Central Asia (Western Turkestan): Neolithic to the Early Iron Age*. In: Ehrlich R. (ed.), *Chronologies in Old World Archaeology*, vol. I. Chicago, 1992, 179–195.
156. Kohl, Ph. L. Migrations and Cultural Diffusions in the Later Prehistory of the Caucasus. In: *Migration und Kulturtransfer: Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. Vorchristlichen Jahrtausend*. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23. Bis 26. November 1999. Bonn, 2001, 313–327.
157. Kohl, Ph. L. Review of: *The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders of the Eurasian Steppes Shaped the Modern World* by David Anthony. Princeton University Press, 2007, 553 pages.
158. Kohl, Ph. L., Gadzhiev, M. G. & Magomedov, R. G. *Between the Steppe and the Sown: Cultural Developments on the Caspian Littoral Plain of*

- Southern Daghestan, Russia, 3600–1900 BC. In: *Ancient interactions: east and west in Eurasia*. Edited by K. Boyle, C. Renfrew & M. Levine. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2002, 113–128.
159. Kortlandt, F. The Spread of the Indo-Europeans. In: *JIES*, vol. 18, Nos. 1 & 2, (Spring/Summer 1990), 131–140.
 160. Kortlandt, F. An Indo-European substratum in Slavic? In: *Languages in Prehistoric Europe*. Edited by A. Bammesberger and T. Vennemann in Collaboration with M. Bieswanger and J. Grzegza. Heidelberg, 2003, 253–260.
 161. Koryakova L., Epimakhov A. V. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. Cambridge–New York–Melbourne–Madrid–Cape Town–Singapore–São Paulo, 2007.
 162. Kotova, N. S. The role of eastern impulse in development of the Neolithic cultures of Ukraine. In: *Baltic-Pontic Studies*, vol. 5. Edited by A. Koško. Poznań 1998, 160–194.
 163. Krell, K. S. Gimbutas' Kurgan–PIE homeland hypothesis: a linguistic critique. In: *Archaeology and Language II. Correlating archaeological and linguistic hypotheses*. Edited by Roger Blench and Matthew Spriggs. London & New York, 1998, 267–282.
 164. Kuz'mina, E. E. Stages of Development of Stock-Breeding Husbandry and Ecology of the Steppes in the Light of the Archaeological and Palaeoecological Data (4th Millennium BC – 8th Century BC). In: *The Archaeology of the Steppes, Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9–12 November 1992*. Napoli 1994, 31–71.
 165. Kuz'mina, E. E. The Cultural Connections between the Shepherds of the Steppes and South Central Asia, Afghanistan and India in the Bronze Age. In: *South Asian Archaeology 1995. Proceedings of the 13th Conference of the European Association of South Asian Archaeologists*, Cambridge, 5–9 July, 1995, 279–289.
 166. Kuzmina, E. E. Cultural connections of the Tarim Basin people and pastoralists of the Asian steppes in the Bronze Age. In: *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*. Edited by V. H. Mair. Washington, 1998, 63–92.
 167. Kuzmina, E. E. Origins of Pastoralism in the Eurasian Steppes. In: *Prehistoric steppe adaptation and the horse*. Edited by M. Levine, C. Renfrew & K. Boyle. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2003, 203–232.
 168. Lal, B. B. The Indo-Aryan Hypothesis vis-à-vis Indian Archaeology. In: *Ethnic Problems of the History of Central Asia in the Early Period (Second Millenium B. C.)*. Moscow, 1981, 280–294.
 169. Lamberg-Karlovsky, C. C. Tepe Yahya. In: *Iran, 1974*, N^o 12, 228–231.
 170. Lamberg-Karlovsky, C. C. Reflections on the Central Asian Bronze Age. In: *Information Bulletin of the International Association for the Study of the Cultures of Central Asia*. Issue 19. Moscow, 1993, 29–40.
 171. Lamberg-Karlovsky, C. C. Archaeology and Language: The Indo-Iranians. In: *Current Anthropology*, vol. 43, number 1, 2002, 63–75. Comments and reply: 75–88.
 172. Lamberg-Karlovsky, C. C. Civilization, State, or Tribes? Bactria and Margiana in the Bronze Age. In: *The Review of Archaeology*. Vol. 24, Number 1, 2003, 11–19.

173. Lamberg-Karlovsky, C. C., Tosi, M. Shahr-I Sokhta and Tepe Jahja: Tracks on the Earliest History of the Iranian Plateau. In: *East and West*, vol. 23, № 1–2, March–June 1973, 21–53.
174. Lane, G. S. On the Interrelationship of the Tocharian Dialects. In: *Ancient Indo-European Dialects*. Edited by Henrik Birnbaum and Jaan Puhvel. Berkeley, 1966, 213–232.
175. Lane, G. S. Tocharian: Indo-European and Non-Indo-European Relationships. In: *Indo-European and Indo-Europeans. Papers Presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania*. Edited by George Cardona, Henry M. Hoenigswald and Alfred Senn. Philadelphia, 1970, 73–88.
176. Lecomte, O., Francfort, H.-P., Boucharlat, R. and Mamedow, M. Recherches archéologiques récentes à Ulug Dépe (Turkménistan). In: *Paléorient*, vol. 28/2, 2002, 123–132.
177. Lehmann, W. P. Linguistic Structure as Diacritic Evidence on Proto-Culture. In: *Indo-European and Indo-Europeans. Papers Presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania*. Edited by G. Cardona, H. M. Hoenigswald and A. Senn. Philadelphia, 1970, 1–10.
178. Lehmann, W. P. Frozen Residues and Relative Dating. In: *Varia on the Indo-European Past: Papers in Memory of Marija Gimbutas*. Edited by M. R. Dexter and E. C. Polomé. JIES 19. Washington, 1997, 222–246.
179. Levine, M. & Kislenko, A. M. New Eneolithic and Early Bronze Age Radiocarbon Dates from North Kazakhstan and South Siberia. In: *Cambridge Archaeological Journal*, Vol. 7, No. 2, October 1997, 297–300.
180. Levine, M. & Kislenko, A. New Eneolithic and Early Bronze Age Radiocarbon Dates for North Kazakhstan and South Siberia. In: *Ancient interactions: east and west in Eurasia*. Edited by K. Boyle, C. Renfrew & M. Levine. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2002, 131–134.
181. Li, Shuicheng. The Interaction between Northwest China and Central Asia During the Second Millennium BC: an Archaeological Perspective. In: *Ancient interactions: east and west in Eurasia*. Edited by K. Boyle, C. Renfrew & M. Levine. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2002, 171–182.
182. Litvinskij, B. A. Pamir und Gilgit: Kulturhistorische Verbindungen. In: *Antiquities of Northern Pakistan. Reports and Studies*. Vol. 2. Mainz, 1993, 141–150.
183. Litvinskij, B. A. Antike and frühmittelalterliche Grabhügel im westlichen Fergana-Becken, Tadjikistan. AVA-Materialien. Band 16. München, 1986.
184. Liversage, D. The Spread of Food Production into India — Some Questions of Interpretation. In: *South Asian Archaeology. Papers from the Eighth International Conference of South Asian Archaeologists in Western Europe, held at Moesgaard Museum, Denmark, 1–5 July 1985*, 292–295.
185. Liversage, D. South Asian Radiocarbon Datings; Calibration and Computer Graphics. In: *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*, No 10 1991. Papers from the 14th IPPA Congress, Yogyakarta 1990, 198–205.
186. Lubotsky, A. The Indo-Iranian Substratum. In: *Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations. Papers presented at an international symposium held at the Tvärminne Research Station of the University of Helsinki 8–10 January, 1999*. Edited by Christian Carpelan, Asko Parpola and Petteri Koskikallio. Helsinki, 2001, 301–317.

187. Ludwig, A., Pruvost, M., Reissmann M., Benecke, N., Brockmann, G. A., Castaños, P., Cieslak, M., Lippold, S., Llorente, L., Malaspinas, A., Slatkin, M., Hofreiter, M. Coat Color Variation at the Beginning of Horse Domestication. In: *Science*, vol. 324, 24 April 2009, 485.
188. Lyonnet, B. The Problem of the Frontiers between Bactria and Sogdiana: An Old Discussion and New Data. In: *South Asian Archaeology 1991. Proceedings of the Eleventh International Conference of the Association of South Asian Archaeologists in Western Europe, held in Berlin 1–5 July 1991, Stuttgart 1993*, 195–208.
189. Lyonnet, B. Sarazm (Tadjikistan) céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien). Avec la collaboration de A. Isakov et la participation de N. Avanessova. MDAFA. Tome VII. Paris, 1996.
190. Mahfrozzi, A., Piller, C. K. First preliminary report on the joint Iranian-German excavations at Gohar Tappe, Māzandarān, Iran. In: *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 41, 2009*, 177–209.
191. Mair, V. H. The Horse in Late Prehistoric China: Wrestling Culture and Control from the ‘Barbarians’. In: *Prehistoric steppe adaptation and the horse*. Edited by M. Levine, C. Renfrew & K. Boyle. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2003, 163–187.
192. Mair, V. H. Genes, Geography, and Glottochronology: The Tarim Basin during Late Prehistory and History. In: *Proceedings of the Sixteenth Annual UCLA Indo-European Conference, Los Angeles November 5–6, 2004. Journal of Indo-European Monograph Series, No 50*. Edited by: Karlene Jones-Bley, Martin E. Huld, Angela Della Volpe, Miriam Robbins Dexter. Institute for the Study of Man. Washington, 2005, 1–46.
193. Majidzadeh, Y. An Early Prehistoric Coppersmith Workshop at Tepe Ghabristan. In: *Akten des VII. Internationalen Kongresses für Iranische Kunst und Archäologie. München 7.-10. September 1976. Berlin, 1979*, 82–92.
194. Majidzadeh, Y. *Jiroft the Earliest Oriental Civilization*. Tehran, 2003.
195. Makkay, J. A Neolithic Model of Indo-European Prehistory. In: *JIES 20, Nos. 3 & 4 (Fall/Winter 1992)*, 193–238.
196. Makkay, J. *Origins of the Proto-Greeks and Proto-Anatolians from a common perspective*. Budapest, 2003.
197. Mallory, J. Review of Susan Nacev Skomal & Edgar C. Polomé (ed.). *Proto-Indo-European: the archaeology of a linguistic problem: essays in honor of Marija Gimbutas*. Washington 1987. In: *Antiquity*, vol. 62, number 234, March 1988, 177–178.
198. Mallory, J. P. *In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth*. London, 1989.
199. Mallory, J. P. Social Structure in the Pontic-Caspian Eneolithic: A Preliminary Review. In: *JIES*, vol. 18, Nos. 1 & 2, (Spring/Summer 1990), 15–57.
200. Mallory, J. P. The Indo-European Homeland Problem: a Matter of Time. In: *The Indo-Europeanization of Northern Europe. Papers Presented at the International Conference held at the University of Vilnius, Lithuania, September 1–7, 1994*. Edited by K. Jones-Bley and M. E. Huld. *JIES*, № 17, Washington, 1996, 1–22.
201. Mallory, J. P. The homelands of the Indo-Europeans. In: *Archaeology and Language I. Theoretical and methodological orientations*. Edited by R. Blench and M. Spriggs. London and New York, 1997, 93–121.
202. Mallory, J. P. Some Aspects of Indo-European Agriculture. In: *Studies in Honor of Jaan Puhvel: Part One. Ancient Languages and Philology*. Edited

- by D. Disterheft, M. Huld and J. Greppin. Washington, 1997a, 221–240.
203. Mallory, J. P. and Adams, D. Q. *Encyclopedia of Indo-European Culture*. Chicago and London, 1997.
 204. Mallory, J. P. and Adams, D. Q. *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*. Oxford, New York, 2006.
 205. Mallory, J. P. and Mair, V. H. *The Tarim Mummies. Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West*. London, 2000.
 206. Masson, V. M. Seals of a Proto-Indian Type from Altyn-depe. In: *The Bronze Age Civilization of Central Asia: Recent Soviet Discoveries*. Edited with an introduction by Ph. L. Kohl, afterword by C. C. Lamberg-Karlovsky. New York, 1981, 149–162.
 207. Masson, V. M. Cultures of the Steppe Bronze Age and Urban Civilizations in the South of Central Asia. In: *Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC*. Vol. II. Edited by K. Jones-Bley and D. G. Zdanovich. *JIES*, 46, 2002, 547–557.
 208. Masson, V. M. & Sarianidi, V. I. *Central Asia: Turkmenia Before the Achaemenids*. London, 1972.
 209. Matyushin, G. The Mesolithic and Neolithic in the southern Urals and Central Asia. In: *Hunters in transition: Mesolithic societies of temperate Eurasia and their transition to farming*. Edited by Marek Zvelebil. Cambridge University Press 1986, 133–166.
 210. Matyushin, G. Problems of Inhabiting Central Eurasia: Mesolithic–Eneolithic Exploitation of the Central Eurasian Steppes. In: *Prehistoric steppe adaptation and the horse*. Edited by M. Levine, C. Renfrew & K. Boyle. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2003, 367–393.
 211. Ma Yong and Wang Binghua. The culture of the Xinjiang region. In: *History of civilizations of Central Asia*. Vol. II. The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B. C. to A. D. 250. UNESCO Publishing, 1996, 209–246.
 212. McCown, D. E. *The Comparative Stratigraphy of Early Iran*. Studies in Ancient Oriental Civilization, № 23. Chicago, 1942.
 213. Mei, Jianjun. Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang. Its cultural context and relationship with neighbouring regions. BAR International Series 865. 2000.
 214. Mei, Jianjun & Shell, C. The existence of Andronovo cultural influence in Xinjiang during the 2nd millennium BC. In: *Antiquity* 73 (1999), 570–578.
 215. Mei, Jianjun & Shell, C. The Iron Age Cultures in Xinjiang and their Steppe Connections. In: *Ancient interactions: east and west in Eurasia*. Edited by K. Boyle, C. Renfrew & M. Levine. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2002, 213–234.
 216. Meid, W. Der mythologische Hintergrund der irischen Sage. In: *Varia on the Indo-European Past: Papers in Memory of Marija Gimbutas*. Edited by M. R. Dexter and E. C. Polomé. *JIES* 19. Washington, 1997, 247–257.
 217. Meillet, A. Les gutturals et le tokharien. In: *Germanen und Indogermanen: Volkstum, Sprache, Heimat, Kultur*. Festschrift für Herman Hirt. Band 2. Heidelberg, 1936, 225–226.
 218. Mellaart, J. The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean. In: *American Journal of Archaeology*, vol. 62, 1958, 9–33.
 219. Mellaart, J. *The Neolithic of the Near East*. London, 1975.
 220. Mellaart, J. Anatolia and the Indo-Europeans. In: *JIES*, vol. 9, Nos. 1 & 2, (Spring/Summer 1981), 135–149.

221. Menghin, O. Zur Steinzeit Ostasiens. In: Festschrift Publication D'Hommage offerte au P. W. Schmidt. Wien (Vienne), 1928, 908–942.
222. Müller-Karpe, H. Tepe Hissar: Neolithische und kupferzeitliche Siedlung in Nordostiran. Nach den Arbeiten von E. F. Schmidt dargestellt von Paul Yule. Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Band 14. München, 1982.
223. Muscarella, O. W. The Chronology and Culture of Sé Girdan: Phase III. In: Ancient Civilizations from Scythia to Siberia 9, 1–2, Leiden, 2003, 117–131.
224. Muscarella, O. W. Jiroft and «Jiroft-Aratta». A Review Article of Yousef Madjidzadeh, *Jiroft: The Earliest Oriental Civilization*. In: BAI 15 (2004), 173–198.
225. Narain, A. K. On the «First» Indo-Europeans: The Tokharian-Yuezhi and their Chinese homeland. Papers on Inner Asia, No. 2. Bloomington, Indiana, 1987.
226. Neustupný, E. F. Contributions to the Eneolithic Period in Poland. In: L'Europe à la fin de l'âge de la pierre. Actes du Symposium consacré aux problèmes du Néolithique européen, Prague–Liblice–Brno, 5–12 octobre 1959. Praha, 1961, 441–457.
227. Neustupný, E. Book Review of Colin Renfrew's *Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European Origins*. London, 1987. In: Current Anthropology. Vol. 29, No. 3, June 1988, 456–458.
228. Nichols, J. The epicentre of the Indo-European linguistic spread. In: Archaeology and Language I. Theoretical and methodological orientations. Edited by R. Blench and M. Spriggs. London and New York, 1997, 122–148.
229. Nichols, J. The Eurasian spread zone and the Indo-European dispersal. In: Archaeology and Language II. Correlating archaeological and linguistic hypotheses. Edited by Roger Blench and Matthew Spriggs. London & New York, 1998, 220–266.
230. Nocandeh, J. The Metal Vessels of the Gorgan Plain: «The Bazgir Hoard». In: 4th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (ICAANE), 29 March – 3 April 2004. Abstracts. Berlin, 2004, 109.
231. O'Connell, T., Levine, M. & Hedges, R. The Importance of Fish in the Diet of Central Eurasian Peoples from the Mesolithic to the Early Iron Age. In: Pre-historic steppe adaptation and the horse. Edited by M. Levine, C. Renfrew & K. Boyle. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2003, 253–268.
232. Olkhovskiy, V. S. Ancient Sanctuaries of the Aral and Caspian Regions. A Reconstruction of their History. In: Kurgans, Ritual Sites, and Settlements Eurasian Bronze and Iron Age. Edited by J. Davis-Kimball, E. M. Murphy, L. Koryakova and L. T. Yablonsky. BAR International Series 890, Oxford, 2000, 33–42.
233. Olmsted, G. Archaeology, Social Evolution, and the Spread of Indo-European Languages and Cultures. In: Miscellanea Indo-Europea. Edited by E. C. Polomé. JIES, № 33. Washington, 1999, 75–116.
234. Özfirat, A. Pre-Classical survey in Eastern Turkey. Sixth preliminary report: Lake Van Basin and Mt. Ağrı region. In: Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 41, 2009, 211–232.
235. Paliga, S. Proto-Indo-European, Pre-Indo-European, Old European: Archaeological Evidence and Linguistic Investigation. In: JIES, vol. 17, Nos. 3 & 4, (Fall/Winter 1989), 309–334.
236. Pare, C. Bronze and the Bronze Age. In: Metals Make the World Go Round. The Supply and Circulation of Metals in Bronze Age Europe. Proceedings

- of a conference held at the University of Birmingham in June 1997. Edited by C. F. E. Pare. Oxford, 2000, 1–38.
237. Parpola, A. Margiana and the Aryan Problem. In: Information Bulletin of the International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Issue 19. Moscow, 1993, 41–62.
 238. Parpola, A. The Nāsatyas, the Chariot and Proto–Aryan Religion. In: Journal of Indological Studies, Nos. 16 & 17 (2004–2005), 1–63.
 239. Parpola, A. Study of the Indus Script. Paper read at the 50th ICES Session on 19 May 2005 in Tokyo, 28–66.
 240. Parzinger, H. Choresmien zwischen Džanbas und Tagisken Probleme der Bronzezeit südlich des Aral-Sees. In: Χρόνος. Beiträge zur prähistorischen Archäologie Zwischen Nord- und Südosteuropa. Marburg 1997, 125–141.
 241. Parzinger, H. Das Zinn in der Bronzezeit Eurasiens. In: Anschnitt 15 2002, 159–177.
 242. Parzinger, H. Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum bis zum Mittelalter. München, 2006.
 243. Parzinger, H. und Boroffka, N. Das Zinn der Bronzezeit in Mittelasien I. Die siedlungsarchäologischen Forschungen im Umfeld der Zinnlagerstätten. Archäologie in Iran und Turan. Band 5. Mainz am Rhein, 2003.
 244. Perkins, A. L. The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia. Studies in Ancient Oriental Civilization, № 25. Chicago, 1949.
 245. Piankov, I. V. The Tochari — who are they? In: Anabasis. Studia Classica et Orientalia, (2010), 97–106.
 246. Piggott, S. Wagon, Chariot and Carriage. Symbol and Status in the History of Transport. London, 1992.
 247. Pinault, G.-J. Tokharien B *ārtar*: une designation de la frontière. In: Archaeolingua, vol. 10. Studia Celtica et Indogermanica. Edited by E. Jerem and W. Meid. Budapest, 1999, 315–324.
 248. Pinault, G.-J. Tocharian and Indo-Iranian: relations between two linguistic areas. In: Indo-Iranian Languages and Peoples. Proceedings of the British Academy, 116. Edited by Nicholas Sims-Williams. Oxford, 2002, 243–284.
 249. Polomé, E. C. Germanic and Regional Indo-European (Lexicography and Culture). In: Indo-European and Indo-Europeans. Papers Presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania. Edited by G. Cardona, H. M. Hoenigswald and A. Senn. Philadelphia, 1970, 55–72.
 250. Polomé, E. C. The Indo-Europeanization of Northern Europe: The Linguistic Evidence. In: JIES, vol. 18, Nos. 3 & 4, (Fall/Winter 1990), 331–338.
 251. Polomé, E. C. Types of Linguistic Evidence for Early Contact: Indo-Europeans and Non-Indo-Europeans. In: When Worlds Collide: The Indo-Europeans and the Pre-Indo-Europeans. The Rockefeller Foundation's Bellagio Study and Conference Center Lake Como, Italy (February 8–13, 1988). Presented by: T. L. Markey & John A. C. Greppin. Ann Arbor, Michigan, 1990a, 267–289.
 252. Polomé, E. C. Animals in IE Cult and Religion. In: Varia on the Indo-European Past: Papers in Memory of Marija Gimbutas. Edited by M. R. Dexter and E. C. Polomé. JIES 19. Washington, 1997, 258–265.
 253. Potekhina, I. D. South-eastern influences on the formation of the Mesolithic to early Neolithic populations of the North Pontic region: the evidence from anthropology. In: Baltic-Pontic Studies, vol. 5. Edited by A. Koško. Poznań 1998, 226–231.
 254. Potemkina, T. M. The Trans-Ural Eneolithic Sanctuaries with Astronomical

- Reference Points in a System of Similar Eurasian Models. In: Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millenium BC. Vol. I. Edited by K. Jones-Bley and D. G. Zdanovich. JIES, 46, 2002, 269–282.
255. Potts, T. F. Patterns of trade in third-millennium BC Mesopotamia and Iran. In: *World Archaeology*, vol. 24, No. 3, February 1993, 379–402.
256. Potts, T. F. *Mesopotamia and the East. An Archaeological and Historical Study of Foreign Relations ca. 3400–2000 BC.* Oxford, 1994.
257. Potts, T. F. Bactrian Camels and Bactrian-Dromedary Hybrids. In: *The Silk Road*, 3.1, 2005.
258. Pulleyblank, E. G. Chinese and Indo-Europeans. In: *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland* 1–2. London, 1966, 9–39.
259. Pulleyblank, E. G. Prehistoric East-West Contacts Across Eurasia. In: *Pacific Affairs*, 47:4 (1974/1975: Winter), 500–508.
260. Pulleyblank, E. G. The Chinese and Their Neighbors in Prehistoric and Early Historic Times. In: *The Origins of Chinese Civilization.* Edited by D. N. Keightley. Berkeley/Los Angeles, 1983, 411–466.
261. Pulleyblank, E. G. Why Tocharians? In: JIES, vol. 23, Nos. 3 & 4 (Fall/Winter 1995), 415–430.
262. Pulleyblank, E. G. Early Contacts between Indo-Europeans and Chinese. In: *International Review of Chinese Linguistics* 1, no. 1. Amsterdam, 1996, 1–24.
263. Pulleyblank, E. G. Central Asia at the Dawn of History. In: *Journal of Chinese Linguistics* 27. Berkeley, 1999, 146–174.
264. Pustovoytov, K. Soils and Soil Sediments at Göbekli Tepe, Southeastern Turkey: A Preliminary Report. In: *Geoarchaeology: An International Journal*, Volume 21, Number 7, October 2006, 699–719.
265. Pumpelly, R. W. *Explorations in Turkestan: Expedition of 1904. Prehistoric Civilizations of Anau: Origins, Growth, and Influence of Environment.* In two volumes. Washington, 1908.
266. Ranov, V. A. De l'ancien et du neuf dans l'étude du Mésolithique en Asie moyenne. In: *Paléorient*, vol. 29/1, 2003, 157–166.
267. Rassamakin, Y. Y. Aspects of Pontic Steppe Development (4550–3000 BC) in the Light of the New Cultural-chronological Model. In: *Ancient interactions: east and west in Eurasia.* Edited by K. Boyle, C. Renfrew & M. Levine. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2002, 49–73.
268. Raulwing, P. Neuere Forschungen zum Kikkuli-Text. Eine kleine Bestandsaufnahme trainingsinhaltlicher Interpretationen zu CTH 284 vier Jahrzehnte nach A. Kammenhubers *Hippologia Hethitica.* In: *Archaeolingua*, vol. 10. *Studia Celtica et Indogermanica.* Edited by E. Jerem and W. Meid. Budapest, 1999, 351–364.
269. Raulwing, P. *Horses, Chariots and Indo-Europeans. Foundations and Methods of Chariotry Research from the Viewpoint of Comparative Indo-European Linguistics.* Budapest, 2000.
270. Redlich, A. *Studien zum Neolithikum Mittelasiens.* Antiquitas. Reihe 3. Frühgeschichte, zur klass. u. provinzial-röm. Archäologie u. zur Geschichte d. Altertums; Band 2. Bonn, 1982.
271. Renfrew, C. Book Review of *Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European Origins.* London, 1987. In: *Current Anthropology.* Vol. 29, No. 3, June 1988, 437–441; 463–468.
272. Renfrew, C. *On Archaeology and Language: Reply to Barker.* In: *Current Anthropology.* Vol. 30, No. 1, February 1989, 77–78.

273. Renfrew, C. Archaeology and Linguistics: Some Preliminary Issues. In: *When Worlds Collide: The Indo-Europeans and the Pre-Indo-Europeans. The Rockefeller Foundation's Bellagio Study and Conference Center Lake Como, Italy (February 8–13, 1988)*. Presented by: T. L. Markey & John A. C. Greppin. Ann Arbor, Michigan, 1990, 15–24.
274. Renfrew, C. Archaeology, genetics and linguistic diversity. In: *Man*, vol. 27, 1992, 445–478.
275. Renfrew, C. World linguistic diversity and farming dispersals. In: *Archaeology and Language I. Theoretical and methodological orientations*. Edited by R. Blench and M. Spriggs. London and New York, 1997, 82–90.
276. Renfrew, C. The Tarim Basin, Tocharian, and Indo-European origins: A View from the West. In: *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*. Vol. 1. Edited by V. H. Mair. Philadelphia, 1998, 202–211.
277. Renfrew, C. 10,000 or 5000 years ago? — Questions of time depth. In: *Time Depth in Historical Linguistic*, vol. 2. Edited by C. Renfrew, A. McMahon & L. Trask. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2000, 413–439.
278. Renfrew, C. Pastoralism and Interaction: Some Introductory Questions. In: *Ancient interactions: east and west in Eurasia*. Edited by K. Boyle, C. Renfrew & M. Levine. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2002, 1–10.
279. Renfrew, C. The Indo-European Problem and the Exploitation of the Eurasian Steppes: Questions of Time Depth. In: *Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millenium BC*. Vol. I. Edited by K. Jones-Bley and D. G. Zdanovich. JIES, 46, 2002a, 3–20.
280. Renfrew, C. Time Depth, Convergence Theory, and Innovation in Proto-Indo-European: 'Old Europe' as a PIE Linguistic Area. In: *Languages in Prehistoric Europe*. Edited by A. Bammesberger and T. Vennemann in Collaboration with M. Bieswanger and J. Grzega. Heidelberg, 2003, 17–48.
281. Richards, M., Macaulay, V. & Bandelt, H.-J. Analyzing Genetic Data in a Model-based Framework: Inferences about European Prehistory. In: *Examining the farming / language dispersal hypothesis*. Edited by P. Bellwood & C. Renfrew. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2002, 459–466.
282. Rimantienė, R. and Česnys, G. The Pan-European Corded Ware Horizon (A-Horizon) and the Pamarių (Baltic Coastal) Culture. In: *The Indo-Europeanization of Northern Europe. Papers Presented at the International Conference held at the University of Vilnius, Lithuania, September 1–7, 1994*. Edited by K. Jones-Bley and M. E. Huld. JIES, № 17, Washington, 1996, 48–53.
283. Rostunov, V. L., Ljachov, S., Reinhold, S. Cmi — Eine Freilandfundstelle des Spätmesolitikums und Frühneolithikums in Nordossetien (Nordkaukasus). In: *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Band 41, 2009, 47–74.
284. Salvatori, S. Oxus civilization cultural variability in the light of its relations with surrounding regions: the Middle Bronze Age. In: *У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сариниди*. М., 2004, 92–101.
285. Sarianidi, V. I. New Finds in Bactria and Indo-Iranian Connections. In: *South Asian Archaeology 1977. Papers from the Fourth International Conference of the Association of South Asian Archaeologists in Western Europe*, held in the Istituto Universitario Orientale, Naples 1979, 643–659.
286. Sarianidi, V. I. Margiana in the Ancient Orient. In: *Information Bulletin of*

- the International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Issue 19. Moscow, 1993, 5–28.
287. Scardigli, P. Bemerkungen zum Stammesnamen «Goten». In: *Archaeolingua*, vol. 10. *Studia Celtica et Indogermanica*. Edited by E. Jerem and W. Meid. Budapest, 1999, 409–411.
 288. Scarre, C. Pioneer Farmers? The Neolithic Transition in Western Europe. In: *Examining the farming / language dispersal hypothesis*. Edited by P. Bellwood & C. Renfrew. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2002, 395–407.
 289. Schmidt, K. H. The Postulated Pre-Indo-European Substrates in Insular Celtic and Tocharian. In: *When Worlds Collide: The Indo-Europeans and the Pre-Indo-Europeans*. The Rockefeller Foundation's Bellagio Study and Conference Center Lake Como, Italy (February 8–13, 1988). Presented by: T. L. Markey & John A. C. Greppin. Ann Arbor, Michigan, 1990, 179–202.
 290. Schmidt, K. Göbekli Tepe, Southeastern Turkey. A Preliminary Report on the 1995–1999 Excavations. In: *Paléorient*, vol. 26/1, 2000, 45–54.
 291. Sevin, V. Who were the naked warriors of Hakkari? In: *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Band 37, 2005, 163–166.
 292. Shaffer, J. G. The Later Prehistoric Periods. In: *The Archaeology of Afghanistan (from earliest times to the Timurid period)*. Edited by F. R. Allchin and Norman Hammond. London–New York–San Francisco, 1978, 71–186.
 293. Sherratt, A. Book Review of Colin Renfrew's *Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European Origins*. London, 1987. In: *Current Anthropology*. Vol. 29, No. 3, June 1988, 458–463.
 294. Sherratt, A. Review of J. P. Mallory, *In Search of the Indo-Europeans; Language, Archaeology and Myth*. London, 1989. In: *Journal of Field Archaeology*, vol. 17, number 1, Spring 1990, 89–93.
 295. Sherratt, A. Echoes of the Big Bag: The Historical Context of Language Dispersal. In: *Proceedings of the Tenth Annual UCLA Indo-European Conference (Los Angeles, 1998)*. Edited by K. Jones-Bley, M. E. Huld, A. Della Volpe, and M. R. Dexter. Washington, 1999, 261–289.
 296. Sherratt, A. The Horse and the Wheel: the Dialectics of Change in the Circum-Pontic Region and Adjacent Areas, 4500–1500 BC. In: *Prehistoric steppe adaptation and the horse*. Edited by M. Levine, C. Renfrew & K. Boyle. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2003, 233–252.
 297. Sherratt, A. & Sherratt, S. The archaeology of Indo-European: an alternative view. In: *Antiquity*, vol. 62, number 236, September 1988, 584–595.
 298. Shnirelman, V. A. The Emergence of a Food-Producing Economy in the Steppe and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe. In: *JIES*, vol. 20, Nos. 1 & 2, (Spring/Summer 1992), 123–143.
 299. Širinov, T. Š. *Die frühurbane Kultur der Bronzezeit im südlichen Mittelasien*. Berlin, 2003.
 300. Skakun, N. N. Flint Arrowheads from the Bronze Age Settlement of Altyn Depe, Southern Turkmenia: Form and Uses. In: *Paléorient*, vol. 29/1, 2003, 147–156.
 301. Stacul, G. Review of Mallory, J. P. *In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth*. In: *East and West*, vol. 39, nos. 1–4 (December 1989), 317–318.
 302. Stark, S. *Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien. Nomaden und Sesshafte 6*. Wiesbaden, 2008.
 303. Starostin, S. Comparative-historical linguistics and lexicostatistics. In:

- Time Depth in Historical Linguistics, vol. 1. Edited by C. Renfrew, A. McMahon & L. Trask. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2000, 223–259.
304. Stein, A., K. C. I. E. Innermost Asia. Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Īrān. Vol. I–II — texts, III–IV — plates and planes, V — maps. Cosmo Publications, New Delhi — India, 1981.
 305. Steinkeller, P. New light on Marhaši and its contacts with Makkan and Babylonia. In: *Journal of Magan Studies* 1, 2007, 1–17.
 306. Szymczak, K., Khudzhazarov, M., Fontugne, M., Michniak, R. 14C dating of Ayakagytm the site, neolithic settlement in South-Eastern Kyzyl-Kums, Uzbekistan. In: *ИМКУ. Вып. 34. Самарканд*, 2004, 26–31.
 307. Szymczak, K., Khudzhazarov, M. Exploring the Neolithic of the Kyzyl-Kums. Ayakagytm 'The Site' and other collections. Warsaw, 2006.
 308. Tarasov, P., Jin, Guiyun, Wagner, M. Mid-Holocene environmental and human dynamics in northeastern China reconstructed from pollen and archaeological data. In: *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology* 241 (2006), 284–300.
 309. Tarn, W. W. *The Greeks in Bactria & India*. Revised 3rd Edition. A New Preface and bibliography by Frank Lee Holt, Prof. of Ancient History, University of Houston (1985). With additional bibliography by M. C. J. Miller (1997). Chicago, Illinois, 1997.
 310. Telegin, D. Y. (with reply by D. W. Anthony). On the Yamna Culture. In: *Current Anthropology*. Vol. 28, No. 3, June 1987, 357–358.
 311. Telegin, D. Y., Pustovalov, S. Z., Kovalyuk, N. N. Relative and absolute chronology of Yamnaya and Catacomb monuments: the issue of co-existence. In: *The Foundations of radiocarbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 4000–1000 BC*. *Baltic-Pontic Studies*, vol. 12. Edited by A. Koško and V. I. Klochko. Poznań 2003, 132–184.
 312. Teufer, M. Kulturkontakte zwischen Sogdien und Baktrien am Beginn der Spätbronzezeit. Dargestellt am Grab von Zardča Chalifa. In: *Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*, Band 24, 2003, 121–140.
 313. Thapar, B. K. The Archeological Remains of the Aryans in North-Western India. In: *Ethnic Problems of the History of Central Asia in the Early Period (Second Millenium B. C.)*. Moscow, 1981, 295–300.
 314. Thomas, H. L. New Evidence for Dating the Indo-European Dispersal in Europe. In: *Indo-European and Indo-Europeans: Papers Presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania*. Edited by George Cardona, Henry M. Hoenigswald and Alfred Senn. Philadelphia, 1970, 199–215.
 315. Thomas, H. L. Archaeological Evidence for the Migrations of Indo-Europeans. In: *The Indo-Europeans in the Fourth and Third Millenia*. Edited by Edgar C. Polomé. Ann Arbor, Karoma, 1982, 61–86.
 316. Thomas, H. L. The Indo-European Problem: Complexities of the Archaeological Evidence. In: *JIES*, vol. 20, Nos. 1 & 2, (Spring/Summer 1992), 1–29.
 317. Thornton, C. P. Of brass and bronze in prehistoric Southwest Asia. In: Susan La Niece, Duncan Hook, Paul Craddock (Hrsg.). *Metals and mines. Studies in archaeometallurgy*. Selected papers from the conference «Metallurgy: A Touchstone for Cross-cultural Interaction» held at the British Museum 28–30 April 2005 to celebrate the career of Paul Craddock during his 40 years at the British Museum. London, 2007, 123–135.

318. Tosi, M. The Proto-urban Cultures of Eastern Iran and the Indus Civilization. Notes and Suggestions for a Spatio-temporal Frame to Study the Early Relations between India and Iran. In: *South Asian Archaeology 1977. Papers from the Fourth International Conference of the Association of South Asian Archaeologists in Western Europe, held in the Instituto Universitario Orientale, Naples 1979*, 149–171.
319. Tosi, M. The Relevance of Prehistoric Non-farming Economies in the Formative Process of the Central Asian Civilizations. In: *Journal of Central Asia*, vol. VI Number 1, July 1983, 1–28.
320. Tosi, M. & Piperno, M. The Graveyard of Šahr-e Sūxteh (A presentation of the 1972 and 1973 campaigns). In: *Proceedings of the III rd Annual Symposium on Archaeological Research in Iran, 2nd–7th November 1974. Tehran 1975*, 121–141.
321. Tovar, A. The Basque Language and the Indo-European Spread to the West. In: *Indo-European and Indo-Europeans. Papers Presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania. Edited by G. Cardona, H. M. Hoenigswald and A. Senn. Philadelphia, 1970*, 267–278.
322. Tuck, A. Singing the Rug: Patterned Textiles and the Origins of Indo-European Metrical Poetry. In: *American Journal of Archaeology*, volume 110, No. 4, October 2006, 539–550.
323. Tyborowski, W. Mesopotamia, Anatolia and the Circumpontic region in the Early Bronze Age. In: *Fluted maces in the system of long-distance exchange trails of the Bronze Age: 2350–800 BC. Baltic-Pontic Studies*, vol. 11. Edited by A. Koško. Poznań 2002, 82–98.
324. Validi, A. Zeki. Die Schwerter der Germanen, nach arabischen Berichten des 9.–11. Jahrhunderts. In: *Zeitschrifts der Deutschen morgenländischen Gessellschaft (Leipzig)*. Bd. 90, H. 1, NF, Bd. 15, 1936, 19–37.
325. Van Driem, G. Neolithic correlates of ancient Tibeto-Burman migrations. In: *Archaeology and Language II. Correlating archaeological and linguistic hypotheses*. Edited by Roger Blench and Matthew Spriggs. London & New York, 1998, 67–102.
326. Vanden Berghe, L. Fouilles au Lorestān la necropole de Dum Gar, Parčineh. In: *Proceedings of the III rd Annual Symposium on Archaeological Research in Iran, 2nd–7th November 1974. Tehran 1975*, 45–62.
327. Vanstiphout, H. L. J. Problems in the «Matter of Aratta». In: *Iraq*, vol. XLV, part 1, spring 1983. *Papers of the XXIX Rencontre Assyriologique Internationale*, London, 5–9 1982, 35–42.
328. Venco Ricciardi, R. Archaeological Survey in the Upper Atrek Valley (Khorassan, Iran): Preliminary Report. In: *Mesopotamia XV*. Firenze, 1980, 51–72.
329. Vennemann, T. Languages in prehistoric Europe north of the Alps. In: *Languages in Prehistoric Europe*. Edited by A. Bammesberger and T. Vennemann in Collaboration with M. Bieswanger and J. Grzega. Heidelberg, 2003, 319–332.
330. Vidale, M. Technology and Decoration of Jaz I Painted Buff Ware Potts as observed at Site M-999 (Murghab Delta, Turkmenistan). In: *Proceedings of the 5th Conference of the Societas Iranologica Europæa, held in Ravenna, 6–11 October 2003*. Vol. I. Edited by A. Panaino & A. Piras. Milano, 2006, 293–303.
331. Villar, F. Indo-Européens et Pré-Indo-Européens dans la Péninsule Ibérique. In: *When Worlds Collide: The Indo-Europeans and the Pre-Indo-Europeans*.

- The Rockefeller Foundation's Bellagio Study and Conference Center Lake Como, Italy (February 8–13, 1988). Presented by: T. L. Markey & John A. C. Greppin. Ann Arbor, Michigan, 1990, 363–401.
332. Villar, F. Genes and Languages in Europe and South-Western Asia during the Mesolithic and Neolithic Periods. In: *Quaderni di Semantica / a. XXVII*, n. 1–2, giugno–dicembre 2006, 449–487.
333. Vinogradova, N. Südtadzikistan in der Spätbronze- und Früheisenzeit. In: *Migration und Kulturtransfer: Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. Vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23. Bis 26. November 1999. Bonn, 2001, 199–219.*
334. Voigt, M. M. & Dyson Jr., R. H. The Chronology of Iran, ca. 8000–2000 B. C. In: Ehrlich R. (ed.), *Chronologies in Old World Archaeology*, vol. I. Chicago, 1992, 122–178.
335. Wagner, M. Kayue – ein Fundkomplex des 2. Jahrtausends v. Chr. am Nordweststrand des chinesischen Zentralreiches. In: *Migration und Kulturtransfer: Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. Vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23. Bis 26. November 1999. Bonn, 2001, 37–56.*
336. Wailes, B. (with reply by D. W. Anthony). On Indo-European Origins and the Horse. In: *Current Anthropology*. Vol. 27, No. 5, December 1986, 516–517.
337. Ward, D. J. An Indo-European Mythological Theme in Germanic Tradition. In: *Indo-European and Indo-Europeans. Papers Presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania*. Edited by G. Cardona, H. M. Hoenigswald and A. Senn. Philadelphia, 1970, 405–420.
338. Wei Ming Jia, P. and Betts, A. V. G. A re-analysis of the Qiemu'erqieke (Shamirshak) cemeteries, Xinjiang, China. In: *JIES*, vol. 38, Nos. 3 & 4, (fall–winter 2010), 275–317.
339. Werning, J. Xiaohu, Lopnur Zhen. Yanghai. Zagunluke. In: *Ursprünge der Seidenstraße. Herausgegeben von A. Wiczorek und C. Lind. Reiss-Engelhorn-Museen Mannheim, 2007, 106–133; 150–173, 182–192.*
340. Winkelmann, S. Betrachtungen zu einigen neuen Kult-Objekten im «intercultural style» aus den Funden von Jiroft und dem Museum in Tabriz sowie zum Becher von Karašam. In: *Morgenländische Altertümer. Studien aus dem Institut für Orientalische Archäologie und Kunst. Herausgegeben von Markus Mode. Halesche Beiträge zur Orientwissenschaft. Bd. 37. Halle (Saale), 2004, 135–179.*
341. Winn, S. M. M. Burial Evidence and the Kurgan Culture in Eastern Anatolia c. 3000 B. C.: An Interpretation. In: *JIES*, vol. 9, Nos. 1 & 2, (Spring/Summer 1981), 113–118.
342. Winter, W. A Linguistic Classification of 'Tocharian' B Texts. In: *Journal of the American Oriental Society*, 75, 1955, 216–225.
343. Winter, W. Some Widespread Indo-European Titles. In: *Indo-European and Indo-Europeans. Papers Presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania*. Edited by G. Cardona, H. M. Hoenigswald and A. Senn. Philadelphia, 1970, 49–54.
344. Wu, Yuhong. The Slave Hairstyle: Elamite and Other Foreign Hairstyles in the 3rd and 2nd Millenia. In: *Abstracts of the 4th International Congress of the Archaeology of the Ancient Near East (ICAANE), 29 March – 3 April*

2004. Berlin, 2004. C. 73.
345. Wyatt, Jr., W. F. The Indo-Europeanization of Greece. In: Indo-European and Indo-Europeans: Papers Presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania. Edited by George Cardona, Henry M. Hoenigswald and Alfred Senn. Philadelphia, 1970, 89–111.
 346. Yan, Wenming. A discussion of the chalcolithic age in China. In: The beginnings of metallurgy in China. Edited by K. M. Linduff, H. Rubinand and Sun Shuyun. Chinese Studies, vol. 11. The Edwin Mellen Press 2000, 99–115.
 347. Yoshida, Yutaka. On the Origin of the Sogdian Surname Zhaowu and Related Problems. In: *Journal Asiatique* 291. 1–2 (2003), 35–67.
 348. Zeimal, E. V. The Kidarite kingdom in Central Asia. In: History of civilizations of Central Asia. Vol. III. The crossroads of civilizations: A. D. 250 to 750. Edited by B. A. Litvinsky. UNESCO Publishing, 1996, 119–133.
 349. Zimmer, S. On Dating Proto-Indo-European: A Call for Honesty. In: *JIES*, vol. 16, Nos. 3 & 4, (Fall/Winter 1988), 371–375.
 350. Zimmer, S. The Investigation of Proto-Indo-European History: Methods, Problems, Limitations. In: *When Worlds Collide: The Indo-Europeans and the Pre-Indo-Europeans*. The Rockefeller Foundation's Bellagio Study and Conference Center Lake Como, Italy (February 8–13, 1988). Presented by: T. L. Markey & John A. C. Greppin. Ann Arbor, Michigan, 1990, 311–344.
 351. Zvelebil, M. Mesolithic societies and the transition to farming: problems of time, scale and organization. In: *Hunters in transition: Mesolithic societies of temperate Eurasia and their transition to farming*. Edited by Marek Zvelebil. Cambridge University Press 1986, 167–188.
 352. Zvelebil, M. Demography and Dispersal of Early Farming Populations at the Mesolithic–Neolithic Transition: Linguistic and Genetic Implications. In: *Examining the farming / language dispersal hypothesis*. Edited by P. Bellwood & C. Renfrew. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 2002, 379–394.
 353. Zvelebil, M. & Zvelebil, K. M. Agricultural transition and Indo-European dispersals. In: *Antiquity*, vol. 62, number 236, September 1988, 574–583.
 354. Zvelebil, M. and Zvelebil, K. V. Agricultural Transition, «Indo-European Origins» and the Spread of Farming. In: *When Worlds Collide: The Indo-Europeans and the Pre-Indo-Europeans*. The Rockefeller Foundation's Bellagio Study and Conference Center Lake Como, Italy (February 8–13, 1988). Presented by: T. L. Markey & John A. C. Greppin. Ann Arbor, Michigan, 1990, 237–266.

Научное издание

Сверчков Леонид Михайлович

**ТОХАРЫ
ДРЕВНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Издатель *Арапов А. В.*

Редактор *Иванов И. И.*

Верстка и дизайн *Абиджанов К. М.*

Подписано в печать 16 сентября 2011 г.

Формат ###×##/##. Бумага мелованная.

Тираж ### экз.

Издательство ООО «SMI-ASIA»

лицензия АИ № 202 от 28.08.2011 г.

100000, Ташкент, пл. Х. Алимджана, 3б-2а, www.
smi-asia.uz

Отпечатано в типографии Mega Basim:

Baha Is Merkezi, Haramidere, Istanbul, Turkey.

www.mega.com.tr

ISBN 978-9943-17-048-3

© Сверчков Л. М., 2012

© SMI-ASIA, 2012



SMI-ASIA